

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 1(37)-2019

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Александр Поповский Писал стихи как будто между прочим.....	10
Владимир Дырин Из цикла «ЕИ».....	10
Вера Белая Из цикла «Поцелуй во сне».....	14
Анатолий Кухтурский Разговор с апостолом Петром.....	16
Таисия Сахнова Через поле к небу — тропка... ..	17
Марина Шалыгина И чуют свет, пока светло.....	19
Владимир Смирнов Человек родился!.....	21
Лев Львов Светунец.....	23
Любовь Дубкова Из книги «Золотые знаки».....	48
Надежда Лысанова Души моей волнение и холод.....	49
Татьяна Ческидова Глубоко внутри меня.....	50
Тамара Симовских Любовь жива и трепетна во мне.....	52
Елена Шебалкова Я книгу жизни то читаю, то пишу.....	55
Михаил Авдейчик Не кружит голову успех.....	57
Людмила Карнаухова Нечто, промелькнувшее среди облаков.....	66
Надежда Балаган Последний осенний привет.....	68
Юрий Халдин Я по ступеням в небо поднимусь.....	69
Ирина Трегубова Так тоже бывает.....	70

Александр Горелый Летаящим в сновидениях (поэма).....	70
Галина Савельева А мы трудились, чётко понимая.....	71
Зоя Романова Не читаю я газет.....	72
Илья Весенин На поприще земного бытия.....	73
Андрей Смолук Утро весны.....	74
Анатолий Омельчук И в шутку, и всерьез.....	76
Тулеген Наурзбаев Моих воспоминаний ряд.....	77
Маргарита Андреева Зажги своё Солнце.....	78
Валерий Дивянин Новый год всегда чудесен.....	78
Светлана Карипова Хорошо-то как в России.....	79
Татьяна Николаева Ты Бог в высоких небесах.....	80
Александр Нелюбин Клятва Гиппократа.....	111
Ирина Осмачко Из чистоты возникнет радость.....	112
Виктор Селиванов С тех давно освоенных высот.....	114
Нэлли Кизилова Берегите память.....	115
Александр Фунштейн Всё снова повторится.....	121
Галина Афимова Осень — доброе вино.....	122
Наталья Нестерова Но продолжая слов круженье.....	124
Галина Козлова Над озером смущенная луна.....	125
Наталья Ушакова Сказочные истории.....	125
Светлана Иванова Он был поэтом, в доску свой.....	128
Ирина Шукшина Счастье лучше делить на двоих.....	130
Инна Александрова Сновиденья прозрачной весны.....	144
Вячеслав Тюнькин Остановить мгновение пора.....	145
Галина Коханая Мир с любовью обниму.....	145
Тамара Вдовина Я часто думаю о том.....	146
Маргарита Кононенко Судьбы повороты.....	146
Лев Молчанов Поэтов любит слушать Бог.....	148
Валентина Китаева В период юности беспечной.....	159
Алексей Тишаков Ты кто?.....	159

Светлана Богомолова И памяти людской — река	160
Тамара Барейшина И нам душу греет	161
Елена Черданцева И даже так случается	161
Татьяна Сыромятникова Душа трепещет	162
Антонина Чирец-Полякова Деревня	162
Лидия Осминина Зимой мечтают о весне	163

Проза. Драматургия

Олег Иванов	Обыкновенный летний дождь	25
Виктор Родин	Брыкся и другие рассказы	37
Виктор Ружин	Шакалы	59
Михаил Рудковский	Мурлыка	63
Алла Федосеенкова	Славка, сны и Лунный пёс (сказка)	82
Любовь Склемина	Полёт в далёкое детство	92
Александр Кукушкин	Анекдоты	97
Валерий Мякушко	Товарищ маузер.....	105
Ольга Ковалёва	Колечко	116
	Уральское лето	116
	Тоска	116
	Чудесная встреча	116
	Берегите память.....	116
	Помидорчики.....	119
	Снежная история	120
Каринэ Гаспарян	Семь жизней (роман).....	133
Николай Банных	Сашкино счастье.....	155

Публицистика. Культура

Павел Хрипко	Капитанский сын.....	135
Наталья Паршукова	Уголовное дело.....	137
Наталья Дубровина	Ирония судьбы без Нового года.....	138
Нина Кысса	Легенда про Каменушку.....	140
Ольга Шрейнер	Штопор.....	150
Наталья Сумина	Кузнечиха (отрывок из книги).....	152
Зухра Леонтьева	Поездка в прошлое.....	154
Анатолий Рыбальский	О Володе Курносенко. О времени и о себе....	166
Серафима Москвина	Мои звезды.....	167
Малик Шангараев	Время выбрало нас.....	168
Татьяна Киселева	Путевые заметки провинциалки.....	170
Вячеслав Тюнькин	Фрейд и я.....	173

Юбилейное

Николай Година	Маленький праздник.....	7
Анатолий Кухтурский	Счастливого плавания, «Графоман»!.....	7
Галина Савельева	Торжество «Графомана».....	9
Валерий Мякушко	Слово о «Графомане».....	9

Детская комната

Валентина Харько

На горке..... 176

Котёнок и зима..... 176

Зоя Савина

Письмо для деда Мороза 176

Город математики..... 176

Людмила Владимирова И детские сердца они согрели..... 177

Юрий Халдин Стихи для детей 178

Маргарита Кононенко

Жил да был утёнок Тим... 179

Приключения Степашки и Майки..... 179

Людмила Вергор-Печенкина И теперь нам спать пора 180

Молодые голоса

Владимир Тарковский По деленьям берез 181

Опыты

Татьяна Чайкина Снова в невозможное поверишь 182

Анатолий Чигинцев Сколько мне отпущено 182

Валентина Машнина Одна такая на планете 184

Людмила Куковенкова Таких минут мне мало иногда..... 186

Ольга Кучерюк Вот мечта почти сбылась 187

Галина Юрмашева Чудеса Урала..... 189

Татьяна Рубцова Скорей бы утро наступило 190

Владимир Серков Деньки веселые заняты 191

Наталья Дубровина Душой оставаясь ранимой..... 193

Фестиваль частушки

Татьяна Рубцова Частушки 194

Анатолий Чигинцев Частушки 194

Домашнее задание

Зухра Абдуллина

Бабушкин хлеб (эссе) 164

Мороз..... 164

Галина Козлова Сонет 165

Маргарита Кононенко

Какой же вкусный чай из самовара (эссе) 165

Книгочей

Янис Грантс

Рудковский М. С. Жизнеречие..... 195

Гагаринов А. Каток 196

Из почты

Николай Година Обломали радость и по ветке 198

Маленький праздник

9 марта 2010 года был подписан первый 1-й номер «Графомана». Нынешний — десятый 1-й номер.

Когда я задумывал альманах, ориентируясь только на литературную секцию при областном Центре народного творчества, совсем не мыслил о его долгожительстве. Особенно о его периодичности. Ну, один-два номера в год. И вот передо мной лежит почти сорок разноцветных книжек. Теперь нас с вами никаким топором не вырубить из «литературной жизни» Южного Урала. Альманах — в основном любительский, самодеятельный, хотя на его страницах публиковались и публикуются и профессиональные, если можно так сказать, литераторы. А сколько имён «засветилось» в «Графомане»! Появлялись неожиданно, неожиданно исчезали. Некоторые авторы приходили с весьма скромными навыками, а теперь они известные поэты и прозаики. У каждого не по одной изданной книжке. Немалое число альманаховцев — члены Союза писателей, лауреаты всевозможных и всеуровневых премий. Но не это главное. Главное в том, что мы вместе с альманахом все эти годы занимались любимым делом — творчеством. Пусть только для души, пусть только для себя. Сколько ещё времени нам отмеряно — только Богу известно. А пока с маленьким, но нашим праздником!

Анатолий Кухтурский

Счастливого плавания, «Графоман»!

Не знаю, что творилось в душе Николая Ивановича Годины в ту далёкую весну 2010 года, но, думаю, было и радостно, и тревожно. Конечно, задумал он хорошее дело: выпускать альманах для большой группы пишущих людей. Но где-то внутри беспокоила мыслишка — а получится ли? «Получится, получится», — подбадривал он себя, но уверенности не было.

Опыт кое-какой имелся. Ему, известному российскому поэту, более десятка лет возглавлявшему писательскую организацию, приходилось по долгу службы редактировать книги, составлять коллективные сборники местных литераторов, но выпускать периодический журнал...

Немало дней и ночей взвешивал все «за» и «против». Решение принял однозначно. Журнал для творческих людей нужен. Нет подобного в области. А людей, любящих литературу и пытающихся сказать своё слово, много. Это видел он на семинаре, который вёл в областном центре народного творчества. Со всех уголков съезжались интересные пишущие люди.

Над названием альманаха тоже пришлось подумать. Не сразу, но утвердился в мысли, назвав периодическое издание «Графоман». По-разному отнеслись к этому окружающие. Кто-то весело улыбался, услышав это нечасто звучащее слово, кое-кто сочувственно вздыхал, искренне жалея постоянно корпевших над бумагой писарчуков, были и такие, кто презрительно кривил губы, предрекая недолговечность издания: «Уважаемый человек в «Графомане» печататься не будет».

Но создатель журнала не комплексовал по этому поводу. В его понимании «графоман» — пишущий человек со всеми своими достоинствами и недостатками. «Все писатели в определённой мере графоманы и даже порой очень известные», — считал он. И задорно писал:

А кто из нас не жил в плену обмана,
Я жил, он жил, наверно, жил и ты...

Одну из своих книг Николай Иванович так и озаглавил «Графоман».
А вот строчки из стихотворения Любови Дубковой:

За окошком красота несказанная!
Эх, зудит моя рука графоманная.

Но кто сегодня назовёт мастера поэтического слова Любовь Александровну графоманкой? По уровню исполнения её стихи отвечают высшей пробе.

В начале жизни нового издания незабвенный Владимир Черноземцев в защиту альманаха воскликнул: «Графоман — это звучит гордо!» И хоть он назвал графомана сложным произведением природы, который мучает слово и бумагу, но верит в себя. «Теплится в нём искра божия, искра таланта, из которой рано или поздно возгорится пламя шедевра...»

Десять лет назад вышел первый номер «Графомана». Он стал островком в мире литературы, куда мог причалить любой начинающий автор. Это было замечено и оценено. Люди разных возрастов и профессий нашли место общения. Каждый мог сказать своё сокровенное слово.

Сегодня трудно представить, как всё начиналось. Невозможно вообразить, как одновременно можно было решать творческие и технические вопросы по изданию журнала: сотрудничать с издательством, типографией, искать бумагу, художника, утверждать макет и дизайн журнала, разбираться в финансах, отвечать на десятки телефонных звонков, просматривать массу писем и текстов, редактировать авторские материалы.

В первом альманахе «Графоман» было напечатано 250 стихотворений и 29 рассказов 38 авторов, помещены фотографии всех участников. Но это была лишь малая толика желающих выйти в свет.

Вскоре вышел второй альманах, третий...

За десятилетие вышло 37 толстых журналов. Не считая начальный период, впоследствии с завидным постоянством ежеквартально выходило печатное издание. Читателям оставалось только гадать, какой расцветки выйдет очередной номер журнала. За всё время цвет не повторился ни разу. Многокрасочный журнальный букет украшает сегодня книжные полки в квартирах по всей области.

Это ли не гражданский подвиг Николая Ивановича Годины, подвижника южноуральской литературы, создавшего в одиночку такой феномен.

За всё время на страницах журнала только в разделах «Стихи» и «Проза» поместили свои произведения 430 авторов. Справедливости ради следует отметить, что более половины из них дали материал единожды (192 человека) или дважды (47). И всё же издание приобрело много постоянных поклонников. 41 человек выступили на страницах более десяти альманахов. Более чем в 20 выпусках печатали свои произведения Г. Савельева, А. Нуретдинов, Л. Дубкова, П. Овинов, П. Хрипка, В. Иванов, И. Весенин, А. Богомолова, А. Федосеев, М. Ситникова, М. Авдейчик, А. Сухин, А. Смолюк, В. Ружин. Перешагнули рубеж в 30 номеров В. Мякушко, В. Тюнькин, М. Рудковский и автор этих строк, давший материал во все альманахи.

Конечно, количество выступлений не определяет их качество. И всё же достоинством альманаха является то, что большая часть произведений написана на достаточно высоком уровне. Как сказал редактор: «...плоды однозначно бездарного графоманства к публикации не допускаются».

Среди авторов есть лауреаты и дипломанты конкурсов, обладателей литературных премий, члены творческих союзов. Около десятка человек — авторов «Графомана» — приняты в Союз писателей России.

Большую роль в творческой деятельности играет литературная учёба. Ежеквартально при выходе очередного номера журнала Н. И. Година проводит семинары с поэтами, прозаиками, публицистами, где детально анализируют новые произведения, делятся опытом, разбирают домашние задания.

От выпуска к выпуску совершенствуется структура журнала. В первых изданиях было всего два раздела: «Стихи» и «Проза». Спустя некоторое время к ним добавились «Драматургия», «Публицистика», «Культура». Позднее появляются критические материалы под рубриками «Критика. Обзоры. Рецензии. Книжечей. Обозреватель». Для начинающих литераторов отведены страницы «Дебют», «Молодые голоса», «Опыты». Для юных читателей — «Детская комната». Гостевая страничка представлена именитым писателям, получившим известность в стране. Также читатель имеет возможность познакомиться с литературными объединениями городов и районов области. На страницах альманаха осуществляется учёба, а также проводятся различные конкурсы.

Творческая планка «Графомана» повышается от номера к номеру. Изюминкой альманаха можно назвать рубрику «Моя история». В невыдуманных рассказах раскрываются судьбы людей, по-новому начинаешь воспринимать товарищей по перу и их творчество. Некоторые материалы настолько откровенны и пронзительны, что надолго остаются в памяти (Н. Кизилова, Г. Козлова, З. Романова).

Перспективна, на мой взгляд, новая рубрика «Край родной». Она сулит новые открытия, связанные с малой Родиной.

Счастливого тебе дальнейшего плавания, «Графоман», в литературном море! Побольше талантливых пассажиров. Здоровья всем и творческих успехов!

с. Чудиново

Торжество «Графомана»

Что же всё-таки
случилось?
Жизнь журнала
изменилась.
Прибыл он с нами
проститься
и за это
извиниться.
Преграждают путь
«болота».
Обойти их —
вот забота.
Взялись за перо
умело.
Мысль живая
заблестела.

Строка ложится
на листок —
маревом горит
восток.
И отступает прочь
туман.
Вновь торжествует
«Графоман».

И улыбается
создатель,
он пленник музыки
и писатель.
Итогом творческих
идей
стал «Графомана»
юбилей.

г. Снежинск

Валерий Мякушко

Слово о «Графомане»

Передо мной, на полке — стопка литературного альманаха «Графоман». Без пропусков за восемь лет, ежеквартально. Феноменальное явление в современной российской литературной жизни. Титаническая организационная работа, гражданский подвиг поэта Николая Ивановича Годины в роли учредителя и редактора-составителя. Сознющего что, в условиях дикого капитализма и коммерциализации всех человеческих отношений может произойти то, о чём предупреждал Салтыков-Щедрин: «Если замолкнет литература, то это будет равносильно смерти народа».

Графоман, по определению, — человек, стремящийся к сочинению произведений недостаточно высокого качества с публикацией в литературных изданиях. Но ведь, по замечанию В. Маяковского: «Начинающий ни при каких способностях не напишет крепкой вещи». И «Книгу можно научиться писать, только начав писать» (Андре Моруа). Альманах предоставил авторам области такую возможность, сопровождая публикации литературными семинарами, школой мастерства. То есть реализовались фундаментальные основы становления литературного процесса, отмеченные Н. А. Некрасовым:

*Братья-писатели! В нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе, выбрали дело другое —
Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!*

На страницах альманаха читатель мог найти произведения начинающих авторов, умение которых заметно росло, и, как образец, зрелые работы членов Союза писателей. Из больших городов и малых поселений, центра области и дальних её окраин. Интересно было читать и тех, кто, не претендуя на литературные формы, просто и документально точно и ярко излагал описание жизни нескольких поколений уральцев. Многообразие удачно чередуемых поэзии и прозы, тем и авторов, многие из которых со временем становились узнаваемыми, вполне удовлетворяло эстетическую потребность в литературном чтении.

На выход каждого номера альманаха съезжались в областной центр словно на литературный праздник — каждому не терпелось побыстрее взять в руки журнал в приятной на ощупь гибкой и прочной обложке, цвет которой, казалось, никогда не повторялся. Раскрыть, увидеть себя и других и потом читать и читать, от корки до корки, передавая родным, друзьям и знакомым.

г. Снежинск

Александр Поповский

Писал стихи как будто между прочим

* * *

В среде одушевлённых тел
Тянусь к карандашу.
Не написал, чего хотел.
И вряд ли напишу.
От тараканов и стрекоз
Рассудок помутнел —
Твержу заучено под нос,
Что это мой удел,
Что это скользкая стезя —
До крови прикусил
Язык. Но отступить нельзя,
А наступать нет сил...
Родня подходит к стеллажу —
На «Пэ» — сплошная мгла.
Я неопознанным лежу
В чём мама родила.

* * *

Время летит, закусив удила,
В общем и целом — нескучно.
Спрыгнула сытая тень со стола
На табуретку беззвучно.

Хватит, дружище, заглядывать в рот,
Вряд ли что этим изменишь.
На — получи минимальный комфорт —
Лучшее средство для лени.
Линию жизни щекочут лучи,
Что же творится на свете —
Запросто солнце к себе приручил —
Бац, и я снова в ответе.

* * *

Писал стихи как будто между прочим,
Жизнь незаметно пролетала прочь,
Земля вращалась, и электросчётчик
Без остановки диск крутил всю ночь.
В цепном угаре лаялись собаки,
Мембрану на окне бросало в дрожь.
По правде говоря, я ждал атаки
Стремительной в метеоритный дождь,
Чтоб брызги от вселенского потока
Потом искать в нескошенной траве,
Лоб потирать до просветленья стёкол
В изрядно запотевшей голове.

г. Коркино

Владимир Дырин

Из цикла «ЕЙ»

(цикл посвящается Вере Белой)

* * *

Ох, куда уж мне, одинокому, С высоты сло-
гов в бытность падшему,
Всё пытаться лететь — недалёкому,
Огрубевшему и пропавшему.

Мне б вымалывать подаяния,
Весь в дорожной пыли, на паперти.
И слезами топить желания
Над заблёванной рваной скатертью.

Да на утро — плестись горемычному
В даль осеннюю, звонкую, чуждую
И плевать на сужденья публичные
Ночью звёздной. Ночью лунной.

Только нынче, в тщете изголяния,
(Может, сжалившись просто над странником)
Ты вернула мои желания,
Объявивши своим избранником.

Ты омыла водою тайною,
Струпья лжи и наветов счистила,
Обтирая меня — случайного
Золотыми кленовыми листьями...

И теперь —
Мы летим над бездною
Не боясь даже Ада сущего.
С виду вроде бы бесполезные —
В длани Высшего. Всемогущего.

* * *

У меня раздвоение личности?
Что мне хочется? Не понять.
То признания жажду. Публичности.
То бы с полюшком век коротать.

То мечтаю налиться силою,
То хотя бы уж дом — дворцом...
То совсем забываю про милую,
То люблюсь с открытым ртом.

Так и маюсь я, неприкаянный,
То в достатке, то в неглиже.
Ладно хоть не статичный, не каменный,
Не изделие Фаберже.

* * *

Что ж,
Одиночество,
 прощай!
Ты не мешало мне нисколько
Хоть вкус дождя,
осенний, горький,
Порой дарило невзначай.
Но разноцветною листвою
Ты украшало мне дороги,
А я мечтал о недотроге
Из юности своей златой...

Что ж,
Одиночество,
 прощай!
Я растворюсь в глазах любимой...
Я стану жить в улыбках милой...
Прошу, меня не навещай.
Сердцам распахнутым — весь Мир,
И нет тебя в нём, без сомненья...
Любовь не спрашивает мненья
Богов, спешащих к ней на пир.

Обвенчальное

На каком основании
Дни сомкнулись в кольцо?
Ветер знал всё заранее,
Он смеялся в лицо.

Он кричал: — Всё проверено! —
Хлётко листья круша.
Задирает платье Верино
Мол, смотри: — Хороша!

— Для тебя мною выбрана,
Не клише с рундука...
И на ушко, наиграно:
Всё, мол, — без дурака!

Пусть-ка девкою хвалится...
Вдругорядь я не прочь —
Погоди, забахвалится
Соловьинная ночь.

А сегодня — простору мне
Да гнедого коня
И пропасть в беззаботном дне,
Не зовя, не маня...

Что мне заморочь бабья
Я на воле — как Бог.
Манят Дарьи да Марьи
В крутолобый чертог.

А и то — не чумазина
Кровь кипит в чудаке...

Утром встал — от заразина!
Ишь — кольцо на руке.

* * *

Перекрёстки стираются в памяти.
Перехлёсты никто не любит.
До тебя не дойти по замаяти.
До себя не успеть — погубит...
Может, время, а может, птицы —
Налетят расшарашеной стаей...
Это может вполне случиться,
Мы ведь с птицами не летаем.
Мы с тобою чуть-чуть другие...
(И не надо лепить пророчества),
Порознь кружат нас дни благие
Одинаковых одиночеством.

* * *

Я болею тобою, нежною,
И не надо мне выше истины —
Посреди вечеров заснеженных
Губ касание — чутких, искренних.

Посреди голосов чарующих
Слушать твой — дорогой, единственный,
И тону я в глазах ликующих,
Все люблюсь тобой, таинственной.

Зря давал себе обещания —
Не печалиться больше сказками.
Посреди вечеров отчаянных
Вновь опутан твоими ласками.

И живу я твоею истиной.
Разве в истине есть погрешности?..
И сияю, как солнце, искренно —
Первонежностью в первогрешности.

* * *

Небрит, нестрижен и судьбой храним,
Дни растеряв по снежным переулкам
Ещё пою Любви цветущий гимн
И тишиной дышу осенней, гулкой.

Ещё храню, как сухоцвет, мечты,
А сядет солнце (каждый вечер ново) —
«Друзей моих прекрасные черты
То явятся, то растворятся снова».

А в шесть утра включает мне сосед
Тяжёлый рок. Хотите — так проверьте...
Ну, что он хочет мне сказать чуть свет
На чуждом мне йоркширском диалекте?

Так и живу. Мне б оплатить долги,
А я — который год напропалую
Пою Любовь (завидуют враги)
Да женушку-кудесницу целую.

* * *

Под вечер устаю — от миражей,
 От длинных, шумных и нахальных улиц,
 От лиц угрюмых, жаль, не разминулись,
 От трёпа... лжи... крикливых витражей...
 От ожидания прикосновенья губ,
 От блеска храмов... золотых... далёких,
 От слов своих подчёркнуто жестоких
 (Я тоже иногда бываю груб).
 От суетливой тяготы веков,
 От тишины, от Мира, от величья
 Плывущих облаков, где стая птичья —
 Как цепи обретаемых оков...

В ладонях спим. Укачивает Бог.
 О, сколько чувств в касании любимой
 К заблудшему бродяге, пилигриму
 Под септаккордов еле слышный вдох...

* * *

Коль говорить — так о любви!
 А как иначе?
 Ах, эти вечера! А дни!!!
 Ужель удача?
 Не оставляя на потом,
 Хвалить за милость
 И в нóчи — мартовским котом,
 Чтоб не случилось.
 И голосить, и выть, и петь
 Душой живою.
 И не успеть переболеть —
 Тобой одною.

* * *

То ли тучи о стены трутся,
 То ли мыши во сне вздыхают,
 То ли это луну из блюдца
 Голубые коты лакают...

В стопроцентный укутан хлопок,
 Я ворочаюсь на перине.
 По урёму, без всяких тропок,
 Мне б за дикою... за малиной...

Чтоб кикимора усмехалась
 Да скрипела сосна гобоем,
 А малина бы осыпалась
 Мне в лукошко весёлым роем.

Чтобы, дикою пахнув малиной,
 Мы до одури целовались
 Так, что лешие под калиной
 Всё шептались о нас... смущались...

Ох, и ночь на пороге Мая,
 Даже ветер сопит на ели...
 Только я, по тебе скучая,
 Всё ворочаюсь на постели.

* * *

Мелодией стиха трепещет полумгла
 От свеч, что на столе... и плещется признание,
 Искрясь в твоих глазах лукавым полу-«да»,
 А может, полу-«нет» — томительным
 желаньям.

И рук твоих земных касанье, как «едва».
 И музыка молчит... Когда такое было?
 И кружатся листвой печальные слова:
 «Я думал, все прошло...», «Я думала, любила...»

Полуоткрытый рот: и манит, и пьянит.
 В короткой стрижке нет намёка
 на жеманность,
 А за окном орёт, рыдает и вопит
 России бытиё, играя в иностранность.

В размолвке

Никем я нынче не болею —
 Себя жалею.
 Брожу утрами по аллеям —
 Как в галерее.
 Дышу туманом и озоном
 В мороз со звоном...
 И зябко вроде шевелиться —
 Да вот не спится.

Работой нынче не страдаю —
 Знать не желаю.
 Во снах коротких не летаю —
 Всё вспоминаю:
 Как жил, ещё вчера, счастливо...
 С друзьями. Добрый.
 Под пиво рижского разлива
 С копчёной воблой.

А может, нужно притвориться
 Подбитой птицей.
 Во сне к любимой заявиться
 Лесной горлицей.
 И ворковать с её душою
 О звонком лете,
 Где под луною молодою
 И мы как дети ...

Да только вряд ли что поможет —
 Сомненья гложут.
 Вот если Мир к ногам ей слóжить —
 Тогда быть может...
 Но Миром поздно заниматься,
 Так что — расстаться?
 Идти с другою обниматься,
 Опять скитаться...

А может лепестками розы
 Укрыть ей плечи.
 И в полевых, душистых грёзах
 Парить весь вечер.

Рассыпав звёзды над рекою,
Свой нрав приструнить
И, забывая о покое,
Судьбу агунить.

* * *

Мне так хотелось быть с тобой.
Тебя в объятия одевать.
Ловя улыбку, боже мой,
Одной тобою горевать.

Но, кажется, закончен путь —
Живу в почти минувшем дне.
Вчера кричали «Не забудь...»
И забывали обо мне.

А нынче снова. Под зарю.
Знакомых звуков перезвон
И я опять себя дарю...
Опять судьбу свою на кон...

Опять бессонница. Мечты.
Ну, сколько можно? Прямо грех...
Все наведенные мосты
Одел под дерево «Орех».

На всех дорогах зеркала,
И солнышко — под гребешок...
Неужто мне судьба лгала,
Надежды, подарив вершок?

А может, глупо? К ноябрю
Листать часов минуты тем —
От шуточного «I love you»,
До Одиссеевых проблем.

Лишь для того, чтоб быть с тобой,
Купаясь в счастье, поживать.
Шепча блаженно: «Боже мой...» —
Тебя в объятия одевать.

* * *

Одеваем в мечты
Одинокие судьбы свои.
Обрастаем знакомствами,
Мерами, стенами, блажью.
Но не с теми на «ты»
И цветы скороспелой любви
Не тому отдаём,
Словно сдавшись
Под натиском вражьи.

И ни песен, ни тем
У обманутых чистых надежд.
Позади только вехи:
Ошибок, тревог и сомнений.
А мечты уж давно
Все в лохмотьях цветастых одежд,
И смыкаются веки,
Устав от ветров и течений...

Мне бы вырвать тебя —
Свою первую,
Звонкую боль.
Бросить стылым ветрам,
Чтоб развеяли пеплом по свету...
Но на жертвенник снов,
Как актёр, положу свою роль,
Яд улыбки вдохну
И предам за тебя всю планету.

* * *

Навечно сериалом «Не родись красивой.
«Что-то душе всё плачется...» —
Нежная моя. Милая.
Ей бы с весной дурачиться.
Песни петь сизокрылые.

Ей бы раскисшей улицей
Тройкой лететь с частушками...
Что же она ссутулилась
Девочкой за подушками...

Смотрим кино про Жданова.
Тэликом занавесились...
Может, не поздно — заново
В но́чи. Верхом на месяце?!

Не принимая истины,
Заколоть душами...
Мы же с тобою — пристани...
Мы же с тобою — ушлые...

Капли вина на чарочке —
Грянем в закаты ярые...
Как эскимо — по палочке
Наземь стечём, усталые.

Ну а потом про Жданова.
Про Пушкарёву с бантиком...
А безрассудное — заново...
В фотоальбом — фантиком.

* * *

Когда бы мы ещё с тобой
Поговорили?..
А тут — метели наши окна
Перевили
Такой тоской, что не видать
Конца и края,
И только свечи у икон
Любовью тают.

Мы листопады помянём
Все — по листочку,
Мы дни свои переберём —
Да по часочку.
И станем долго смаковать
Все наши встречи —
И хохотать, и ворковать
В ненастный вечер.

Пусть за окошком помелом
Свистят метели.
Не за грехи, не поделом —
Мы захотели:
Сидеть в певучей тишине,
Обняв друг друга ...
Века — часами на стене
Бегут по кругу ...

Но что нам мишура времён
И революций.
Временщики, народа стон,
Крах революций!
Когда в глазах твоих любовь,
И нет ей края.
Нужна ли нам иная новь
Земного рая?..

* * *

Мы говорим на разных языках.
Я говорю: «Как жаль, уходит лето»,
А ты в ответ мне: «Песня не допета
И солнце просто спит на облаках...»

Я говорю о жизненном пути,
О том, как трудно будет нам зимою...
А ты в ответ — легчайшее: «Прости...
Я лишь сегодня рядышком с тобою.
Быть может, завтра мы взлетим поврозь —
Забыв друг друга, дом, ошибки, речи...
Мы встретимся... в древнейшем Семиречье...
Мы будем... розы... чистые... насквозь».

Богиня

Слышал я, что курица не птица.
Женщина, увы, не человек...
Мне с любимой счастьем бы упиться
Вот на этот мимолётный век.

Чтоб шептали ласковые губы
Нежные, красивые слова.
Чтоб оттаял я, сухой и грубый,
И кружилась кругом голова.

Чтобы я отчаянно поверил
В волшебство правдивых, добрых рук.
Чтобы лишь секундами измерил
Вынужденность горькую разлук.

Чтоб в глазах твоих — лукавых, грешных,
Не сопротивляясь, утонуть.
Чтобы все от зависти безбрежной
Проклинали свой унылый путь.

Я будил бы чуткие ресницы —
Вы, Богиня, спите целый век...
Я согласен: курица не птица.
Женщина — давно не человек.

* * *

В пересечении надежд,
Мечтаний, грёз.
Пересеченьем бытия,
Молвы и гроз.
Круг очерчу я из огня
Да в октябре —
Воспеть послушницу Любви
В немой заре.

Я славу Богу вознесу
За рай земной.
За то, что всё ещё дышу
Тобой одной.
Живу, случайный, до сих пор
Судьбу дразня.
То вверх, то вниз.
То царь, то вор.
Люби... меня.

с. Агаповка

Вера Белая

Из цикла «Поцелуй во сне»

* * *

Для многих весна — пробуждение чувств,
А для меня — расставанье и грусть...
Мне осень шептала листвою: «Он твой!»
Весна же в ответ — разлучила с тобой.
Пусть годы промчались, а чувства всё те же:
Весною — тоскою, под осень — надежда.

* * *

Я мечтаю о тебе каждый день...
Я мечтаю о тебе долгой ночью...
И приходишь ты во сне, словно тень...
И отводишь от меня свои очи...

Поцелуем боль разлук не измерить...
Поглощает тебя расстоянье...
И, проснувшись, приходится верить,
Что целуют во сне к расставанью...

* * *

Милый мой,
В чём пред тобой виновата я?
В том, что любила тебя как заклятая?
В том, что всю горечь от слов твоих вынесла?
В том, что в глазах твоих так и не выросла?
Всё получилось — не так, как мечталось —
В сердце твоё — так и не достучалась.
Запер ты сердце на сотню засовов...

Буду стучаться я снова и снова.
Только боюсь: может случится —
Я не смогу, а она достучится...
Вовсе не друг, не любящая — так...
Та, что решила:
Любовь — пустяк,
Верность — пустяк...

* * *

Насторожились почки на деревьях,
Которые от счастья плачут,
А у меня рука замёрзла в твоей руке...

* * *

Ах, как больно! Ах, как сладко!
Мне глядеть в глаза твои,
Не робея, не украдкой, а сгорая от любви.
Синий взор смешался с карим, и глаза
не отвести,
Что друг другу не сказали — можно
взглядом донести.
Ничего не нужно боле: ни речей, ни слёз,
ни клятв.
Если б было в моей воле — я б оставила
твой взгляд.

* * *

Было счастье. Счастье было.
Да растаяло, как сон...
Отвстречала, отлучила
От себя... Да был ли он?
Видно, был. Коль чаще бьётся
Сердце с именем его.
Фотографии в альбоме.
Ну а больше — ничего.

* * *

Нить оборвалась — звезда скатилась...
И судьба нас круто развела —
Замуж вышла я. Как открестилась.
О тебе с тех пор не слышу я.

* * *

Я тебе отомщу и в другого влюблюсь.
А когда над тобою завьюжится грусть,
Ты вдруг вспомнишь меня и захочешь прийти,
Но нельзя в ту же реку дважды войти.

* * *

Я куплю себе новое платье
И взлечу на высокий каблук!..
От твоих убегу проклятий,
Приглушив сердца бешеный стук.
И уеду я в город стылый,
За собой сжигая мосты.

Пусть он будет чужой и постылый,
Но такой, где не встретишься ты.

* * *

Метель зачеркнула следы,
Всех словно забыть пытаюсь.
А снег так беспечно красив,
Понравиться не стараясь,
Вдруг вызвал восторг и боль
О чём-то, ушедшем давно,
И прошлое предо мной,
Как будто немое кино...

*

Автобус рейсовый, а мы так молоды!..
И пыль дорожная нам нипочём.
Взахлёб смеёмся мы, играя взглядами,
Ещё не ведая о роковом...
И Лель готовил свирель осеннюю,
Не беспокоясь — а что потом?
Судьбе навстречу автобус рейсовый
Нас мчит сияющим осенним днём.

*

И я судьбу благодарю
За те мгновенья бытия,
Где у истока жизни я стою,
И брезжит лишь предчувствие тебя.

* * *

Я тебя потеряла в пути,
Не заметила, как и когда.
Спохватилась, хотела найти,
Да, как видно, — уже не судьба...
Жизнь гнала,
Одиночеством в спину дыша,
Я теряла в дороге других...
Те потери забыла душа —
Ты был самой горькой из них.

* * *

Осень, вздыхая, с листьями кружится —
Ветер тучи по небу гоняет...
Кто-то чуть слышно: «Стерпится —
слюбится...» —

Ей день и ночь повторяет.
Может, и стерпится, только не слюбится —
Не повезло им в пути...
Страх пересилил — и два одиночества
Вместе решили идти.

* * *

Осень зрелая пристально смотрит в глаза
Так, что взгляд не могу отвести.
«Дорогая моя, что ты хочешь сказать?
Если что-то не так, то прости...
Мы подругами стали с тобою давно —
Все секреты тебе доверяла,

И кленовая ветка стучала в окно,
 Чтобы «голову я не теряла».
 Но тогда я тебя не послушала — нет!
 И в любовь — словно в омут с разбега!
 Разве нужен был мне твой разумный совет?..
 Только радость от первого снега!
 И свидания час, чтоб скорее пришёл,
 И рука, чтоб в руке не застыла!
 До чего же тогда было всё хорошо!..
 Осень! Я ничего не забыла!»

* * *

Чувства-бритвы режут сердце,
 Слезы лечат не всегда!
 От себя куда мне деться?
 Мне со мной — беда!

* * *

Того, что было, — не жалею —
 О том, что не было, — грущу..
 Тобою до сих пор «болею»,
 Но встреч давно уж не ищу.

* * *

Зацвела черемуха — холода..
 На денек прощались, да вот беда —
 Отцвела черемуха — белый цвет,
 А вестей от милого нет и нет.

* * *

Хотел ты женщинам нравиться —
 Дарил им розы и лилии..
 Я, уходя, ничего не взяла —
 Кроме твоей фамилии.

* * *

Скажешь ты: «Прощай. — Нет любви давно...»
 Словно невзначай, погляжу в окно..
 Снова снег идёт, снова — «Не люблю...»
 И слова, как лёд, в этом дежавю...

* * *

Уж за полночь... Гляжу в окно —
 Там укрывает снег машины, крыши..
 И встав на цыпочки, я край дороги вижу,
 Твои следы занесены давным-давно...

* * *

Ах, зима, зима, зима заметелила!
 Ах, зима, зима, зима! Как я верила!
 Как я верила тогда голубым глазам!
 Но разлуки горький дым ...
 И чужой вокзал...

Девичьи страдания.

Видно, так тому и быть — нет пути
 обратного —
 Суждено мне полюбить парня непонятого..
 То он весел без причин, то мрачнее тучи,
 То он холоден, как лёд, то лобзанья жгучи.
 Да и я совсем не та — гордость где былая?
 Всё ему я отдала, от любви слепая..
 А недавно вижу сон: мил меня целует..
 Я к гадалке, а она: «Твой дружок балует..
 Вам разлука суждена...» Я над ней смеялась.
 Да напрасно — в руку сон... С милым
 я рассталась.
 с. Агаповка

Анатолий Кухтурский

Разговор с апостолом Петром

Под старость грезится ночами,
 Порой бываешь как чумной.
 Апостол Пётр, гремя ключами,
 Предстал однажды предо мной.

Бесстрастный, тихий, благовидный,
 Почти седая борода,
 По виду старец безобидный,
 Но должность... Та смущала. Да.

Заговорил святой елейно:
 — Ну вот пришёл и твой черёд.
 Простись в кругу своём семейном,
 Господь тебя к себе берёт.

Прости обидчиков по жизни,
 Друзья ль то были иль враги,

Все одинаковы на тризне.
 Да не забудь отдать долги.

Не скрою, я трухнул изрядно,
 Услышав праведника глас,
 Но говорил он ровно, складно,
 Давая в дальний путь наказ.

Обидно стало: рановато.
 Ещё б продлить немного век,
 Но, знать, моя такая дата,
 Коль молвит божий человек.

В уме прикидываю сходу:
 С родней проститься — пустяки.
 Обиды? Не чинил их сроду.
 Вот что смущало, так долги.

Долги имелись и большие:
В «Сбербанке» взял на дом кредит,
А там проценты, да какие,
В печёнках этот дом сидит.

Петру всё это излагаю,
Тот начинает морщить лоб.
— Нет, ничего не понимаю.
Ну почему «уж лучше в гроб».

И что такое «ипотека»? —
Наивно смотрит на меня.
— Дамоклов меч для человека,
Порой до траурного дня.

— Так ты продай свои посевы,
Рабов, волов. Не будь в долгу.
Поменьше роскоши для девы.
— Да не могу я, не могу.

Нет у меня рабов и жита,
И о дарах забыл давно.
Да коль и были б, для кредита
Средств не хватило б всё равно.

— Тогда пускай помогут дети,
Родня. Да мало ль кто ещё.
— Господь с тобой, про мысли эти
Забудь. Какой с детей расчёт.

А у родни какие деньги?
Тот безработный, тот больной.
Да ты пройди по деревеньке —
Семьи нормальной нет одной.

— А как же царь иль кто у вас там?
Его прислужники и рать.

— А вот никак. Никак и баста!
Им на деревню всем... плевать.

Живут на пенсию у тёщи.
Здесь угол есть — работы нет.
Уехать в город — где жилплощадь?
Вот так. Хоть в руки пистолет.

— Так это ж сущее пилатство!
И это в двадцать первый век.
Я знал разбой и казнокрадство,
Но что они до ипотек.

Дрожать, что выставят за двери,
Когда просрочен на день взнос.
По мне, уж лучше жить в пещере, —
Апостол грустно произнёс.

— И всё же, — Пётр глянул строго, —
Долги раздай и будь готов —
Ох, как отчёт держать пред Богом,
Лишит Всевышний всех постов.

Ушёл. А я, забившись в угол,
Всю ночь не смог сомкнуть глаза,
Дрожал, как будто от недуга,
И рассуждал, что Пётр сказал.

Нет, на Петра я не сердитый,
Мне мысль покоя не даёт:
А может, больше взять кредита,
Ведь снова праведник придёт.

А так, глядишь, и вновь отсрочка,
Апостол Пётр благоволит.
Иду сегодня в банк, и точка.
Мне ипотека жизнь продлит.

с. Чудиново

Татьяна Сахнова

Через поле к небу — тропка...

* * *

Ив тревожных сон прибрежный. Чуткий... Времени река.
И течёт вода, как прежде, — донцем через перекал...
Втихомолку камень точит. Моет берег и песок.
Тонкий серпик в час полночный по реке — наискосок.
Грёз полоска... Серебрится. Светит вышняя звезда.
Длится вечности страница. Звёздный гравий, плеск, вода...

* * *

...а по соседству осени время...
И не усердствуй — в речи всё немо...
Всё в мире порознь: листья и небо...
Врозь вечно с прозой явного — небыль.
Всё — перемены... И по приметам —
осени время. Тот свет и этот...
Порознь полотна верб и тумана...
Всё мимолётно. И — вне обмана...

* * *

Семью семь... И — сразу осень. Сумерки — из полутьмы...
Если ночь, то вся — из проса звёздного... Ковш — из семи
тоже звёзд, но самых ярких. Черпай, да не уставай!
Тянут судеб нити Парки... И горчит полынь-трава.
Жизнь — прелюдия как будто. Воздух музыки — семь нот...
Семь фиалок росных... Утро. Семью семь... Навеки... Вот.

* * *

...а ледок предчувствий тонок. До поры, до времени
в небе облако не тонет белое... И бременем
не бывает ноша наша. Бездна не измерена...
Длится миг. Из горькой чаши слаще мёд, наверное...
И немеет речь всё чаще... Через настоящее
по холму, из чащ молчащих — дерево звучащее...

* * *

Ночью пришёл снег... Лёг без помарок текст.
Видишь, следов нет... Ни соринки окрест.
Дальней реке — сон. Дереву тоже спать.
Белой зимы конь. Здесь, у крыльца, стоять...

* * *

А ещё... зима — пуховая... Свет на цыпочках... иль снег... —
втихомолку околдовывать всё и вся... Нет, оберег —
не на пользу. В имя белое вас оденут... Зябок пух.
Предисловье — строчка смелая. Только неба звук — не вслух...

* * *

У зимы в колодце белом — полужвуки... Эха нет.
Утро — свет заиндевелый. Шорох света... Полусвет...
Воздух — мятный... Стынет в горле. Чтоб загадочно мерцать
на крыльце, с выси горней — серебристая пыльца.
Снег поскрипывает робко. Тканью новь на все сто вёрст!
Через поле к небу — тропка... На берёзах гнёзда звёзд.

* * *

Сны безгрешные марта... Утречко в изголовье.
Свет изначально матов. Чаенье предисловий...
Дымчат воздух. Конечно, таянье тайн — наитье.
В окна вешних скворечен просто так загляните...

* * *

облако снега уже бестелесно... створки апреля открыты давно...
ветер и ветви... кружение леса... зябкие дали втекают в окно
отзвуком флейты... а воздух — прозрачен... свиток небесный синей, чем всегда...
это — весна... это солнечный мячик катится сверху... стеклянной вода
не притворяется... воздух беспечен... голосом, словом — ручей серебра...
нет недомолвок... сны вещие лечат... время — из времени... я — из ребра...

Недалече, там, в заречье, где ольшаника дымок,
утро звякает уздечкой... Очень кстати, в самый срок —
зов кукушки... Плеск ручейный. Вздых пространства... Мига звон.
Час росы такой ничейный... Первоцветам в унисон
отголосок белоцветья, а туману — белый конь...
Здесь он, здесь... На этом свете. За рекой. Недалеко...

п. Межозёрный

Марина Шалыгина

И чуют свет, пока светло

* * *

* * *

Расширяется неба зрачок,
Поглощает земную тень,
Ловит время сеткой-сачком,
Сберегает на завтрашний день.

И вбирает меня и тебя
С нашей жизнью, нашей игрой,
С угасанием в печке огня,
С нашим домом, сосной и горой.

И вбирает озёрную ширь,
Обрывая закатную нить.
Поглощает сегодняшний мир,
Чтобы в целости всё сохранить.

Птица и дерево

Расправила белые крылья
Птица лесной тишины
Над озером, где мы плыли,
Над скалами в блёстках луны.
Прислушайся — дерево верба
Ни слова не говорит.
И близко огромное небо
За ветками молча стоит.

* * *

Странная птица — или преломление света?
Или с того света летучая весть?
Или — просто — клочок летает газеты,
Где известия с нашего света,
Которые на сегодняшний вечер на свете есть.
Одинокому дереву грустно от наших известий.
Милосердное небо заслоняет его собой,
Чтобы не ведало дерево ни злобы людской,
ни мести,
Чтобы только свет был вокруг
Сиренево-голубой.

Лесная птица в суматохе:
— Летать деревьям — это же нелепо! —
Но без внимания на птички «охи»
Пред взлётом дерево застыло слепо.
Дыханье затаив, с мечтою странной,
За дело словно принимаясь с пылом-жаром,
Всей плотью рвётся деревянной,
Вздымаясь кроной, как воздушным шаром.

Старик и розы

В окне, за мурлыканьем дрёмы-кота
Зимы благородная красота.
А здесь — одышка, холод и теснота,
Шкафов юбилейная высота.

Что же розы? — торжествуют, не вянут
В духоте, в хрустале.
— Букет поставили зря тут,
Поддай-ка таблетки, там, в ящичке, на столе!

То ли горькою славой, то ли застывшею
лавой —

Надоевшие лишние книги.
Словно лавры героя — кровавы
Тяжёлые ржавые розы-вериги.

* * *

В муках умирает имперский дух.
Вроде бы и конец, но, оказывается — начало
Новой стадии умирания.
(А может быть — всё-таки! —
выздоровления?)
Фантомные боли — бои
В отсутствующих оконечностях.
Клубы дыма на месте садов.
Но надеемся — что с нами поделаешь! —
На воскресение.

Пикировка томатов

Пустеет ящик — детский дом помидорный,
Каждому подростку растению даётся квартира.
Что завтра будет — вопрос спорный:
То ли жизнь плодоносная, то ли могила.

Листочки вянут, обжигаться и больно, и трудно,
Хотя полным-полно и воды, и света.
Корни продвигаются очень медленно, нудно.
И лёгкий сквозняк не отличим от ураганного ветра.

Послушайте, дорогие! Всё для терпеливых преодолимо!
Обратите внимание на великолепный гумус —
От него зависит зелёная мощь хлорофилла,
И каким в конечном итоге вырастет кустик.

Почувствуйте: зарождается кураж, тренируются сухожилия.
«Какие красавцы!» — скажу когда-нибудь вам с восхищением.
Когда нарастите взрослые сильные крылья,
Примером станете мне и — не совсем ожидаемым — утешением.

* * *

Незабытая Людка отдыхает на юге,
Купается в море абхазским утром.
А здесь, на Урале, тополиные вьюги.
И мать вчера запретила компьютер.

Друзья зовут на далёкий берег,
Но отвечаешь: — Не больно-то надо
На озеро ездить». Сломался велик,
Надо детали, но нету денег.
Да и вообще — не друзья, а банда.

На работе — траблы, совок, метёлка.
Учит цветы любить баба Маша.
После полудня — базар, кошёлка,
Снова траблы, снова — мамаша.

В дырявых мокрых штиблетах
Маршируешь, как робот.
Четырнадцать лет. Очень скучное лето.
Ищешь счастье — находишь опыт.

Ленин

У коренастого имени долговязая тень,
Бесконечная, как петербургский июньский
до революции день.
А где душа Ульянова? — Бог знает?
Нет её ни в раю, ни в аду.
Сведения собираю, но души не найду,
Но ведь где-то она блуждает?
Тело разобрано на фрагменты:
Оболочка, мозг, сердце. И монументы.
Живые речи и киномоменты.
Фотоприщуренность, венки и ленты.
Картавость, упрямство потомка рабов,
Отринувшего тезис, что Бог есть любовь.

Я подавлена цифрами, ссылкой на Маркса,
таблицами,
Гневными выпадами абзацами
и страницами —
Всей бумажной ордой могучей и до конца
не пойму:

Что это? Обаяние коммунизма?
Харизма?
Душа, которая место уступила уму?
Или после семнадцатого красномедного,
Угаром большого пожара дыша,
В чёрной дыре бессмертия
Бесследно исчезла душа?

* * *

Существ ползучих третий глаз —
Слепой улавливатель лета,
Жары, пронзительного света,
Пока свет белый не угас.
Пока есть шансы на тепло,
Сил не щадя, в изнеможении
Заботиться о размножении —
Не знаю, благо или зло.
Земли Создатель дал приказ,
Чтобы слепой тут был правитель,
Не третий лишний, а даритель,
Регулировщик жизни — глаз.
А человеку что ж? — Уныние?
Средь поисков, ошибок, проб
Я свой ощупываю лоб.
Нет глаза третьего в помине.
Жар радостный любви, тепло
Вслепую, но безмерно чутко
Ловить — наверное, не шутка —
И чуют свет, пока светло.

* * *

Ребёнок заснул в коробке
Из-под кухонной утвари.
Его укрывают ватником —
Пусть спит, пока разбирают вещи.
Неважно, что сени
Завалены ящиками, узлами,
Что печка едва разгорелась.
Главное — есть крыша над головой.
Из трубы — первый дым
Над ельником стелется.
Здесь будет расти малец,
У него появятся братья,
А может быть, сестры.
Здесь будут: фото по стенкам,
Кровати с подзорами,
По праздникам — пироги.
И пусть будут потом
Чёрный снег, чёрный воздух, отвалы,
Но люди — живут.
Время растягивают в счастливую вечность.

Круглица, Ицыл, Юрма, Откликной,
Откликнитесь! Вы же не думаете,
Что можно исчезнуть из жизни бесследно?
Взгляните: как в тридцатые, в палисаднике
Алые капельки гравилата.

* * *

По дорогам безлюдным воскресным
К небесам по местам неизвестным,
От корней по стволам задубелым
К облакам серебристым и белым
Поднимаются души на суд.
И грехи за плечами несут.
Кто устал, кто свернул до вершины,
Приютили развилин морщины.
А живой подойдёт — и услышит:
Под корой души стонут и дышат.
Просят путь указать им до неба,
Или, может, пристроиться где бы.
— Может, станем древесною сутью? —
И толпятся, стоят на распутье.

г. Кыштым

Владимир Смирнов

Человек родился!

Назовите признак верный,
Не кривя душой вовек,
Всем о том сказать примерно,
Что родился человек.

Знаю, скажете учтиво,
Что гадать тут наперёд:
Пусть родится это диво,
Прославляя женский род.

Закричит, глаза откроет,
Вспыхнет в небе, как всегда,
В честь рождённого «героя»
Восходящая звезда.

Нос курнос и светел волос,
Рост — с аршин, приличный вес!
А какой у рёвы голос!
Как послание с небес!

Сбережёт от грыжи пузо,
Коль не будет так реветь.
Новый вырастет Карузо,
Ещё лучше будет петь.

Первым делом — встать на ноги,
Но пока ещё слабак.
Первых слов простые слоги
Не озвучены никак.

Много спит и много плачет,
Часто свой сосёт кулак.

Он не может жить иначе
В этом возрасте никак.

Кто бы вздумал сомневаться,
Хорошо ходить пешком.
Но пока передвигаться
Удаётся лишь ползком.

Жизни ход не остановишь,
Возрастной идёт процесс.
При наличии условий
Всё растёт — трава и лес.

Пусть ещё совсем «зелёный»
И стоять не может сам,
Но растёт новорождённый
Не по дням, а по часам.

Не отвергнуть слов резонных:
Он пока не может знать,
Сколько с ним ночей бессонных
Проведёт родная мать.

*

Как назвать, ну кто подскажет,
Михаил, Иван, Олег?
А без имени, ну как же,
Это что за человек?

И кричат, и предлагают,
Спор идёт среди родни.
Тех имён как будто знают
Все достоинства они.

Перебрали все, что знали
Имена — от А до Я.
Ярослав или Виталий,
Или Муромец Илья?

Рады все: случился мальчик.
Имя выбрали на ять!
Нарекли сыночка — Ярчик —
Богатырь — ни дать, ни взять.

Имя есть, теперь, быть может
(Пусть не Игорь, не Олег),
Всем сказать верней и строже,
Что родился человек!

Сколько их на белом свете
С именами и без них,
Но пока что эти дети —
Человека лёгкий штрих.

Тесно. Полон храм народу,
Потерял малыш покой.
Опустил беднягу в воду
Поп с огромной бородой.

И когда-нибудь, с годами,
Даже нечего гадать,
Будет этот христианин
За отечество стоять.

Вот он встал уже на ноги,
Путевая ткётся нить.
И в дому порядок строгий
Нам теперь не сохранить.

Сто имён и сто мальчишек
Заселят соседний дом.
Сколько ссадин, сколько шишек,
Ведь пока слабы умом.

Разобьют стекло в окошке,
Мяч забросят в огород,
И напуганная кошка —
На забор из-под ворот.

Нужно разума набраться
Дома, в школе, так и сяк.
Уж пора образоваться,
Перестать сосать кулак.

Только где их урезонишь?
Бьёт баклуши детвора.
Привередливые «кони»,
Завсегдатаи двора.

Отойдёт пора шальная,
Осень всех наперечёт,
Пышно золотом сверкая,
Строго в школу позовёт.

Дневники, тетрадки, книжки,
Сорванцов упорный труд.
И девчонки, и мальчишки
Арифметику «грызут».

Пестрота по всем предметам,
Брешь в немецком языке,
Расцветают красным цветом
Все страницы в дневнике.

Голова болит у мамы,
Под глазами синь и тень.
Ей звонки от классной дамы
Досаждают каждый день.

Не злодей и не калека,
Не какой-нибудь абрек,
Но пока полчеловека,
А не самый человек.

*

Говорят у нас в народе:
Жизнь прожить, как ни крути,
Пусть при солнечной погоде,
А не поле перейти.

Сколько их — невзгод житейских —
Ждёт во сне и наяву
И Васятку, и Андрейку —
Неизвестно никому.

Ты попробуй жить без мамы,
(Всё равно ж наступит срок),
А пока ты этот самый —
Нежный маменькин сынок.

Очень много сделать надо:
Научиться и узнать,
Чтоб работу как награду
Для себя воспринимать.

Выбрать вуз, понять надёжность
Специальности такой,
При которой есть возможность
У России молодой.

По повестке в срок явиться
В городской военкомат
И с ровесниками влиться
В боевой армейский штат.

Вот когда воздвигнешь жёсткий
Вздорным мыслям Рубикон,
На одну поставишь доску
И желанье, и закон.

Если прав, то нужно драться
И за правду постоять.
В обстановке разобраться
И решение принять.

Прошагаешь в ногу с веком,
Несмотря на дождь и град,
Пока станешь человеком,
Как в народе говорят.

Светунец

Венок сонетов по В. Богданову

1.

Ходят ветры вечерние кротко,
Юный месяц, ну, ловок каков,
Величавой небесной походкой
Занял место среди облаков.

Эх! Вот так же светиться и мне бы,
Чтоб доверие сохранить,
Серебристой улыбкою в небе
Успокаивать мир и манить!

Чтоб уйти в неизвестные дали,
Где рассудок и разум молчит,
Где с тобой мы друг друга не знали,
Где чуть слышно в волшебной ночи,

Заглушая биенье сердец,
Гнутся травы от росных колец.

2.

Гнутся травы от росных колец...
Где-то песня в ночи прозвучала.
Но ведь это еще не конец!
Это, знаете, только начало.

Будет утро, и месяц уйдет,
Солнце радугу выгнет тугую.
И уже кто-то громко поет
Незнакомую песню, другую.

Так и день незаметно пройдет
По законам природы, не споря,
И над нами опять разольет
Голубое небесное море,

Чтоб на нем — одинокою лодкой,
Где находятся счастья ключи.
Он укажет! Я верю Ему!
Потому-то в волшебной ночи

Ходят ветры вечерние кротко.
Новый месяц обрамился четко.

3.

Новый месяц обрамился четко,
Светлый князь в окружении звездном.
Только не подвела бы погодка,
Вечер будто для таинства создан.

Камышинки притихли у речки,
Тополь возле крыльца задремал.
Только где-то стрекочет кузнечик,
Словно песенку недоиграл.

Народившись для светлых событий,
Свежий месяц сверкал с высоты
Иллюстрацией сказок забытых,
Эталон неземной красоты!

Не беда, что пока ты юнец,
Наполняйся огнем, Светунец!

4.

Наполняйся огнем, Светунец!
На просторах разгуливай млечных!
Не укрыть и не спрятать в ларец
Эту щедрость — она бесконечна.

Всем светло от такого огня,
Он и светит нам, и согревает,
Одаряя не только меня,
И другим этой сказки хватает.

В ней и я стал богат, как купец,
Обращайтесь! Не буду таиться.
Я не жадина и не скупец —
Так и хочется поделиться,

Засветиться в порыве едином,
Восходя из росистой низины.

5.

Восходя из росистой низины,
Заклубился туман по овражкам,
По зеленым просторам озимых,
Лопухам, василькам и ромашкам,

Завораживая и пугая,
То маня неземною прохладой,
Словно в кущах библейского рая,
А другого мне рая не надо.

Месяц светит средь звезд хоровода —
Завтра будет тепло по приметам.
Ведь не зря это чудо природы
Посылает нам лучики света,

Выплывая из крон тополей,
Из простора лугов и полей.

6.

Из простора лугов и полей
Потянуло вечерней прохладой.
Над колодцами — тень журавлей,
В тень укрылись кусты и ограды.

Ночь-волшебница чудо вершит,
Непонятное и долгожданное,
Добросовестно и от души
Под небесным зонтом мироздания.

Только, знаешь, ты не торопись,
Чтобы миг торжества не ушел.
Все ли сделано? Оглянись,
И сверкающим в небе ковшом

Из небесной бездонной святости
Зачерпни свет серебряно-синий.

7.

Зачерпни свет серебряно-синий,
Необычный, ласкающий глаз.
Дай нам смелость, уверенность, силы
И большого терпенья запас.

В этом светлом волшебном потоке
Каждый сможет найти приключение,
Позабыв обещанья и сроки,
И в мечту унесет нас течение.

Там, забыв про заслуги и званья,
Сразу станем другими людьми.
Капли нашей любви и желанья
В свой поток без упрека прими.

Забери! Подержи! Полелей
И обратно на землю пролей.

8.

И обратно на землю пролей
Все, что ей лишь и предназначалось.
Нету ближе ее и родней,
Поделись с ней, хоть самую малость.

Ведь на этой земле мы с тобой
От заутрени и до вечерни
То встречаем рассвет голубой,
То любимся небом вечерним.

Хоть, конечно, признаться пора,
И она тоже разной бывает:
То спокойна, грустна и добра,
То раскатами грома пугает,

Словно рык из медвежьей берлоги...
И замечутся тени в тревоге.

9.

И замечутся тени в тревоге,
Закружась в фантастической пляске.
Овны, Девы, Весы, Козероги
Подчинятся космической сказке.

Может, влиться и нам в этот круг?
Мы друг друга пойдем с полувзгляда
По движению сцепленных рук —
Даже хлопать в ладоши не надо!

И забудем мирские заботы,
Был бы свет, указующий путь.
Мы — к нему! С уваженьем, с охотой,
И желания нет, чтоб свернуть...

Если так, мы и дальше пойдем,
Ослепленные острым огнем.

10.

Ослепленные острым огнем,
Прикрываясь от света руками,
Может быть, лишь тогда мы пойдем,
Что во всем виноваты мы сами.

Что мы просто слегка увлеклись,
А поэтому и не боимся.
Жизнь одна! За нее и держись!
Мы, в конце концов, договоримся.

Добиваясь согласия во всем,
Мы отправимся в новый поход.
Все равно мы куда-то придем,
Луч спасительный не подведет,

И согреет надеждою многих,
И никто не собьется с дороги.

11.

И никто не собьется с дороги,
Мы пройдем по светящимся вехам.
Покидая родные пороги,
Быть уверенным надо в успехе.

Все получится, коль захотеть:
В ожидании добрых вестей
Засмеяться иль песню запеть,
Пригласить долгожданных гостей.

Мы, развесив повсюду огни,
Так раскрасим унылые будни,
Чтобы праздником стали они,
Я и Ты, мой светящийся спутник.

Как мы счастливы будем вдвоем
В неподкупном свеченье твоём!

12.

В неподкупном свеченье твоём
Мы фантазий картины развесим:
Было старое? — Стало новым!
Было грустно? — А стало всем весело!

Вмиг исчезла унынья печать.
Кто-то скажет, что так не бывает,
Чтоб пропала бесследно печаль
Та, что сочные травы сгибает.

Но! Прислушайся! Где голоса?
Тишина... Светит месяц лукаво,
И стекает беззвучно роса
На зеленые сочные травы.

Почему, понял я наконец,
Гнуты травы от росных колец...

13.

Гнутся травы от росных колец,
Легким бисером капли стекают...
Что же я так волнуясь, глупец?
Видно, нынче судьба их такая.

Завтра в солнечных теплых лучах
Станут капли прозрачным туманом,
Затеряются в мелочах
И с ума сведут пьяным дурманом.

А пока на просторах ночных,
Загрустив над притихшей водой,
Заблудившись средь звезд озорных,
Только месяца серп молодой,

Справедливости, правды истец.
Наполняйся огнем, Светунец!

14.

Наполняйся огнем, Светунец,
Прогоняя причины для грусти.
Нынче в помощь тебе сам Творец!
А уж он-то беды не допустит.

Всем известна его доброта,
Без которой ни шагу шагнуть.
Знает он, где проходит черта,
За которой скрывается суть.

Слышу я, как неслышной походкой
Ходят ветры вечерние кротко.

15. (В. Богданов)

Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутся травы от росных колец...
Новый месяц обрамился четко, —
Наполняйся огнем, Светунец!

Восходя из росистой низины,
Из простора лугов и полей,
Зачерпни свет серебряно-синий
И обратно на землю пролей!

И замечутся тени в тревоге,
Ослепленные острым огнем,
И никто не собьется с дороги
В неподкупном свеченье твоём.

Гнутся травы от росных колец.
Наполняйся огнем, Светунец!

г. Челябинск

Олег Иванов**Обыкновенный летний дождь****Костя пастушок**

Трясаясь в полуторке, я дремал на старых шинелях. Был август месяц сорок шестого года. Война закончилась, и через год меня должны уволить подчистую в звании подполковника. А сейчас я ехал на станцию за новым пополнением. Я — бывший полковой разведчик Максим Спиридонов ехал за новым пополнением для отбора бойцов — для школы разведчиков, где я был инструктором по подготовке стрелков-разведчиков. Машина еле ползла по разбитым дорогам, я посмотрел на часы: у нас в запасе было пять часов. «Хоть выплущу», — думал я.

Но тут машина задёргалась и в итоге остановилась. Водитель, сержант Коля Жарков, пытался оправдаться за поломку машины:

— Товарищ майор, сейчас я её, заразу, вылечу быстро, опять бензопровод забило.

Я по привычке расстегнул кобуру табельного пистолета, выглянул из-за борта машины — передо мной раскинулась чистое поле, а в нем гуляли коровы.

Я решил немного разомнуться, прыгнув на землю, я подошёл к Коле.

— Сержант, поломка серьёзная?

— Никак нет, товарищ майор, сейчас исправлю.

Я стал прогуливаться вдоль машины, и тут почувствовал, что кто-то за нами наблюдает. Я машинально потянулся за оружием, но в это время передо мной словно из-под земли вырос паренёк. Он был одет в поношенную военную гимнастерку, в серые штаны и солдатские кирзовые сапоги. На плече висел карабин. В голове промелькнула мысль: пастух, скорей всего.

— Здравствуй, пастушок.

— Здравие желаю, товарищ майор.

Боковым взглядом я посмотрел на Жаркова. Он с автоматом на изготовке лежал за колесом машины.

— Сержант, отставить! Это свой! Пастушок, водички не найдется?

— Найдется.

Он медленно наклонился, не выпуская карабина из рук, подал военную фляжку с водой. Вода была вкусная и холодная.

— Вода, наверно, родниковая, пастушок?

— Меня Костя зовут.

— Максим Николаевич Спиридонов. — Я протянул ему руку.

Он сделал то же самое, я заглянул ему в глаза на мгновение — это были взрослые, рассудительные глаза, хотя от силы ему было лет пятнадцать.

— Вы проходите, присаживайтесь. — Он показал на обочину дороги.

Я подошёл поближе, там было оборудовано, где можно было сидеть, даже полежать.

— Максим Николаевич, а закурить у вас не будет?

— Костя, я не курю, но сейчас у сержанта спросим. Коля, дай папирос.

— У меня руки грязные, пусть сам подойдет.

Костя пошёл к машине, я стал осматривать Костину позицию, отметил для себя, позиция была выбрана грамотно, сектор обстрела четко просматривал дорогу. Если бы он был диверсантом, нам с Колей шансов не было бы совсем. Костя вернулся с папиросами, достав одну жадно, закурил, пуская дым, затягивался по-новому.

— С утра не курил, уши опухли, — кашляя, сказал Костя.

— Давно куришь, Костя?

— С партизан начал, с сорок третьего года.

— А позицию сам выбирал?

— Да, сам, я в партизанах в разведгруппу входил.

— Костя, а мы с тобой коллеги, я всю войну прошел в разведке.

Костя посмотрел на меня с улыбкой.

— А я сразу это понял.

— А как это, если не секрет?

— Во-первых, с машины прыгнули, как кошка, тихо. Во-вторых, на месте развернулись. Взгляд у вас цепкий, кобура расстегнута, её вы расстегнули еще в машине. Быстро меня обнаружили, вернее, почувствовали. И боец ваш поломку устраняет, практически не выпуская автомата из рук. — Он замолчал, стал смотреть на меня.

Я был ошеломлён. Все, что я услышал, мог знать только настоящий разведчик.

— Костя, а как ты попал в партизаны?

— Осенью сорок третьего пришла похоронка на отца, в деревне были немцы. Нас было трое ребятшек, мать одна. Еле сводили концы с концами. Мы жили в старой бане, немцы нас из дому выгнали. За нами была немецкая столовая для солдат. Мама как-то увидела, что они картофельные очистки выбрасывают. Пошла ночью, потихоньку набрала их — это был самый вкусный ужин. И так несколько раз, но однажды нарвалась на караул. Один немец её ударил прикладом винтовки в бок, и выбил ключицу. Бок стал синеть, распух. В общем, через месяц её не стало. Нас забрала к себе родная тетка. Как-то поздней ночью к нам в окно постучали, тетка открыла дверь. В дом ввалился раненый человек, он истекал кровью. Он спросил:

— Мужчины в доме есть?

Не знаю почему, но я тогда сказал:

— Я мужчина.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, словно оценивал, но, скорее всего, у него не было выбора. Он попросил, чтобы женщины вышли:

— Тебя как зовут, мужчина?

— Костя, — ответил я.

— Костя, слушай меня внимательно, ты местный?

— Да, я здесь вырос.

— Знаешь, где находится старая мельница?

— Да, знаю, три километра отсюда, мы там с мальчишками до войны в Чапая играли.

— Костя, вот возьми. Это карта, передашь её человеку, он будет там тебя ждать. Ещё — карательная операция назначена на завтра на шесть утра. Запомни, Костя, от тебя зависит многое, там люди, много наших партизан.

— А как мне узнать этого человека? — спросил я.

— Костя, пароль запомни: «Нынче будет дождь», ответ: «Бабушка сказала, нет». Иди сейчас, по дороге не ходи, по лесу иди.

Человек встал, опираясь на косяк, вышел на улицу и исчез в темноте. Без всяких колебаний я собрался в дорогу. Я знал все тропинки, поэтому мне не составила труда выйти за деревню. Когда я это сделал, позади меня раздался взрыв, и начался пожар. Лишь потом я узнал, что тот человек, истекая кровью, нашел в себе силы, снял часового, зашёл в хату, где спали немцы, взорвал себя и их гранатой. До мельницы я добрался без приключений, зашел в засаду, долго наблюдал: я за ними, они за мной. Потом время стало поджимать, меня окликнули, убедились, что я один, обменялись паролями. Я им всё рассказал. Так я оказался в партизанах.

Он снова закурил папиросу, жадно глотая дым.

— Костя, а карабин тебе зачем? Вроде война закончилась.

— Максим Николаевич, вот этих коров собирали со всего района, чтобы развивать хозяйство. Сам первый секретарь обкома выдал мне этот карабин, чтобы охранял этих коров как зеницу ока. Если будет им угроза, он дал разрешение на применение оружия.

— И что применял?

— Да. Две недели назад вон там, в логу, так же сиюю скрытно, подъезжает машина. Оттуда три мужика выскакивают и корову хватают, я карабин передернул, кричу: «Стой! Что делаете? Стрелять буду!» Один посмотрел на меня и говорит другому, мол, застрели его, щенок стрелять побоится. Тот ко мне — я ему в ногу выстрелил. А тому, который приказал, голову прострелил, в общем, наповал. Третий побежал, я ему вдогонку ногу тоже прострелил. Собрал оружие, два нагана, топор, выстрелил с ракетницы, вскоре приехала милиция.

Он посмотрел на меня каким-то колким взглядом и спросил:

— Что, осуждаете, товарищ майор?

— Нет, Костя, что ты. Ты сделал всё правильно.

Тут послышался гул мотоцикла, я встал, посмотрел в сторону, откуда шёл гул. Мотоцикл подъехал к нам, остановился. Это была местная милиция, с мотоцикла слез старший лейтенант, подошел к Косте:

— Костя, как у тебя дела? — не дождавшись ответа, обратился ко мне. — Товарищ майор предъявите документы.

— Товарищ старший лейтенант, представьтесь старшему по званию.

— Виноват. Старший лейтенант Гуринов.

Я посмотрел на старшину, который расселся в коляске, он поймал мой взгляд, выскочил из неё.

— Старшина Берёзкин.

Я достал своё удостоверение майора особого отдела. Они оба вытянулись по стойке «смирно». На тот момент школа разведки была под особым отделом.

— Гуринов, давно заметили машину на дороге?

— С полчаса как.

— Почему не ехали сюда, а ждали?

— Так мы ждали, когда Костя подаст ракету.

— Гуринов, за полчаса можно наделать столько дел и успеть свалить. Фамилия вашего начальника?

— Полковник Сорока.

— Доложишь ему о моём замечании, я проверю. Война кончилась, но это не значит, что надо расслабляться, — уже более спокойно сказал я. — И еще. Данной мне властью я приказываю вам и по наряду каждый час проверять вот этого часового, который охраняет государственное добро. Я это тоже проверю.

— Товарищ майор! Вам наша помощь нужна?

— Нет, мы сами справимся, спасибо.

— Разрешите ехать?

— Езжайте, Гуринов, и помни, что я сказал.

Мотоцикл рванул с места и скрылся за поворотом.

— Максим Николаевич, вы извините, но мне кажется, вы зря так с ними.

— Нет, Костя, не зря. Каждый должен заниматься своим делом, тем более если погоны на плечах, сам знаешь — партизанил. Ты против трех мужиков вооружённых пошёл, а не подумал, что карабин может заклинить, патрон перекосить. Ведь ты так не думал?

— Если честно — нет, просто я поступил, как поступил.

Мы оба замолчали на какое-то время.

— Слушай, Костя, что-то я проголодался, ты не желаешь перекусить?

— Да, можно. У меня есть картошка варёная, лук, хлеб.

— Вот и отлично. Коля, давай сюда сидор.

Жарков принес сидор.

— Вот, товарищ майор.

— А ты что, не будешь?

— Товарищ майор, я сначала эту заразу сделаю, а потом поем.

Я стал доставать продукты, хлеб, сало, тушёнку. Костя смущенно сидел и большими глазами смотрел на еду, я его отлично понимал. Я открыл банку, нарезал хлеба.

— Костя, давай налегай, я сейчас. — Я встал, достал свою фляжку со спиртом, Коле шепнул: — Собери пацану отдельно, как положено.

— Уже собрал, товарищ майор.

— Молодец, сержант.

Я подошёл к Косте, он сидел, ничего не ел.

— Не понял, в чем дело? Костя, почему не ешь?

— Вас жду, одному неудобно.

— Так вот он я. Давай кушай, я себе немножко налью для аппетита, тебе не предлагаю, извини.

— Я её один раз попробовал, такая гадость. В общем, не моё.

После обеда Костя достал папиросу и с большим наслаждением закурил.

— Костя, а ты не пробовал бросить курить?

— Я не думал на эту тему.

— Хочешь, я тебе расскажу одну историю, которая произошла так сказать, не без моего участия?

Костя замотал головой, выпуская табачный дым.

— В сорок втором наша часть стояла в одной деревушке. Деревня была полностью сожжена немцами, да и мы пока наступали, её добились. Жителей в деревне практически не осталось: кто ушел, кто погиб под снарядами. И вот стою я в этой деревушке, набираю воду из колодца, а она такая вкусная, холодная. Подходит ко мне паренёк лет тринадцати и говорит: «Дядь, дай чего-нибудь покушать». А я тогда командовал взводом разведчиков. Посмотрел я на паренька, он был худой, обросший, и спрашиваю:

— Ты откуда, парень?

— С Белоруссии.

— А родные у тебя есть?

— Нет никого. Папка погиб в первый день войны, он пограничник был. Мы с мамкой на поезде ехали в тыл, но наш эшелон немцы разбомбили. Мамку сразу убило осколком. Меня какая-то тетка взяла, мы с ней вместе в поезде ехали. Потом шли лесами, нас было много. Вышли на какую-то станцию, там загрузились в поезд, а тетка та в поезде померла. В общем, добрался я до Москвы. Потом сюда приехал, тут у отца сестра жила, но я не успел, её убили немцы.

— Старшина Крюков, ко мне.

— Я вас слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Вот накормить, привести в порядок, действуй.

В этой деревне мы простояли неделю. Вскоре получили приказ, и наш полк двинулся дальше. Если честно, я совсем забыл про пацана, да и времени не было особо думать. Тут подошёл старшина Крюков.

— Товарищ старший лейтенант, а что с парнишкой делать? Пропадет ведь.

— Какой парнишка? — Тут я вспомнил про него. — А где он?

— Вот он.

Он был чисто одет, пострижен.

— Выдайте паёк, и всё. Что еще мы можем сделать, старшина?

— Командир, может, с собой возьмем, пропадёт мальчишка.

— Старшина, ты совсем охренел! Куда я его возьму?

— Пока с нами, а там видно будет, да и ребята привыкли к нему, толковый парень.

Я хотел уже закричать, но посмотрел на паренька. Он стоял по стойке «смирно», не шелохнулся ни разу, а в глазах были две огромные слезы, которые он мужественно сдерживал.

— Крюков, отвечаешь головой! Понял? Учти, до первого города. Тебя как зовут?

— Паша.

— Так вот, Павлик, от старшины ни на шаг.

— Я понял вас.

И тут его две слезы выкатились. Побежали по щекам.

— Отставить слёзы.

Так Павлик попал к нам. Правда, я от командира полка получил выговор, но ребята отбили парня, зачислили его на довольствие, как положено, переодели. В общем, он стал бойцом Красной Армии. Время шло, он крепчал, многому научился, старшина на него не мог нахвалиться, мол, парень толковый, можно брать в разведку. Я, конечно, был против, но однажды всё-таки пришлось его отправить. Нужно было взорвать мост. Объект охранялся сильно, подойти было невозможно, но вот мы узнали, что к мосту идет труба. Мы её нашли. Всё хорошо, но труба узкая, никак не пролезть.

— Товарищ командир! Разрешите, я? — обратился Паша. — Я пролезу, заложу взрывчатку, протянем электродетонатор. Я обратно, и всё — бабах.

Тут ребята стали кумекать, как лучше сделать, а тут еще командование давит, мол, наступление сорвём. Я доложил командиру полка, мол, так и так, есть вариант. Командир дал добро.

— Крюков, подготовь, как положено, взрывчатку. Пашку ко мне.

— Товарищ старший лейтенант, рядовой Зощенко прибыл.

— Вольно, Зощенко! Паша, ты можешь не ходить, но сам понимаешь, обстановка требует.

— Товарищ командир, я вас не подведу.

Он это сказал так честно, искренне, что я больше не стал ничего говорить.

— Тогда, боец, слушай боевую задачу. Вот труба водостока, она подходит к самой опоре.

Твоя задача — заложить взрывчатку под опору и сразу назад так же по трубе.

— Товарищ командир, но этого заряда будет мало, чтобы взорвать мост.

— Молодец, соображаешь, наша задача взорвать тогда, когда на мосту будет транспорт. То есть, когда будет проходить поезд, мы рванем, начнется крушение, и всё будет правильно. Понял?

— Так точно, понял.

— Крюков молодец. Хорошо с тобой поработал. Ты иди, отдыхай, вечером выступаем.

Кое-как я дождался вечера. Стемнело, мы выступили к этой трубе. Пашка взял рюкзак с динамитом.

— Я пошёл. — Посмотрев на нас, шмыгнул он носом, — всё будет хорошо.

Он исчез в трубе. Электропровод стал медленно заползать в трубу. Мы все, словно на страшную змею, смотрели на него. Он то заползал, то останавливался, тогда у меня замирало сердце, но провод вновь начинал заползать в трубу. И так несколько раз. Мы примерно знали, что труба тридцать метров. Но вот провод остановился, мы стали ждать Пашку. Мне показалось, что время остановилось. Я не знаю, сколько прошло времени, но мне показалось, что целая вечность. И вот послышался шорох, и появился Пашка. Он был весь в грязи и ржавчине.

— Заложил прямо под опору.

Мы стали ждать утра, замотали Пашку в плащ-палатку. Ночью немцы поезда не пускали, боялись, а с раннего утра, как светлело, начиналось движение. В общем, утром нам улыбнулась удача. По мосту шел эшелон, было видно, что он хорошо загружен. Мы решили его пропустить до середины и рвануть, только бы сработало. В общем, так и сделали. Раздался взрыв, эшелон стал скатываться на ту опору, которую взорвали. И тут случилось другое. Эшелон рванул, да так сильно, что от моста ничего не осталось. Оказалось, в вагонах были снаряды, мины. Мы радовались как дети. На следующий день началось наступление. Захватив город, взяли много пленных, среди них был немецкий полковник, который спросил, как можно было взорвать так искусно мост, который так сильно охранялся. Командир полка приказал вызвать Зощенко.

— Товарищ генерал, рядовой Зощенко по вашему приказанию прибыл.

Перед немецким полковником стоял парнишка, в четко подогнанной форме, в начищенных сапогах, с автоматом за плечами. На его груди была первая боевая награда.

— Вы хотели знать, кто взорвал мост? Вот он, это от начала и до конца его заслуга.

Немецкий полковник внимательно посмотрел на Пашу и на ломаном русском сказал:

— Я всегда говорил, что русских нельзя победить, с ними надо торговать. — Он снял с руки часы и протянул Паше на память. Паша посмотрел на генерала, тот одобрительно кивнул.

Потом много было всяких вылазок, разведок, и Паша был уже, как положено, полковой разведчик, и всё бы ничего, но стал наш Паша курить. Да, Костя, как ты, втянулся. Я поначалу ругался, старшине втык давал, а он мне, мол, боец стоит на довольствии, как я ему запрещу. Так мы дошли до его родины, Белоруссии.

Представляешь, Костя, немцы по Белоруссии прошли два раза, туда и обратно. В общем, картина была страшная. Паша переживал сильно, но безгранично был горд, что он лично освобождал Белоруссию. Мы остановились в одной деревушке, верней, что осталось от неё. Пока полк пополнялся, мы немного отдыхали. Как-то меня вызвал к себе командир полка:

— Товарищ капитан, тебе боевая задача. Учти, не успеешь, останешься здесь пока не выполнишь, но ты на это не рассчитывай. Твои ребята мне всегда нужны. В общем, такая картина. Здесь, в лесах, действует диверсионный отряд, подготовленный специально немцами. Туда входит вся шваль, ублюдки, предатели. Это белорусы, русские, украинцы. Ими командует Кох, сам он из Польши, хорошо знает здешние места. Твоя задача — в течение семи дней уничтожить банду. Прости, больше не могу дать. Всё, что надо тебе, получишь, да попробуй с местными поработать, они много знают, но боятся. Задача ясна, капитан?

— Так точно, товарищ генерал.

Я вышел, из штаба, не зная, с чего начинать. Ребятам объяснил задачу, и тут Пашка:

— Товарищ капитан, разрешите? Я переоденусь в штатское, пройду по окрестности. Я еще белорусский не забыл, может, где что услышу, что увижу?

— А что, командир, Пашка дело говорит, — поддержал Крюков.

— Ладно, давай сделаем так, переодевайте его погрязней.

Так Пашка пропал на целые сутки. Я проклинал себя, что согласился на эту авантюру. На следующее утро Пашка явился. Он был усталый, голодный, но довольный.

— Докладывай, боец, что нарыл?

— В общем, такая картина. — Это была любимая поговорка Крюкова. — До войны к нам в городок хлеб привозили. Привозил старый мельник, продавал не дорого, но хлеб был очень вкусный. Я с мельником был лично знаком, дядя Захар его зовут. Так вот, иду я вчера по дороге, догоняет меня подвода, на ней старик седой. Остановился и говорит:

— Куда, сынок, идешь?

— Сам не знаю, куда ноги несут.

Посмотрел он на меня внимательно и говорит:

— Садись, подвезу куда-нибудь.

Короче, сел. Едем через лес, и тут, откуда ни возьмись, военные, в нашей форме, капитан и два бойца. А дед мне говорит тихо: «Ты мой племян, Олесь тебя звать». Военные подошли, спрашивают.

— Куда, старый, едешь? Что везёшь? Это кто?

— Ты что, Кандыба, меня не признал?

— Признал, старый, признал. Постарел ты совсем, я посмотрю.

— Зато ты хорошо выглядишь.

— Ты никак задираешься, старый? Или не можешь простить смерть своего сынка, так его в полицаи никто не загонял, сам добровольно пришёл. Но двум богам не молятся, он хотел и нам, и партизанам служить, вот и нарвался. А это кто? Чей будет?

— За сына я не могу ничего сказать. Сам свою дорогу выбрал, но от пули ты его мог спасти. А это — мой племянник, Олесь.

— Я и так скрыл от немцев, что твой старший сын в Красной Армии комиссаром служит или отслужил, — рассмеялся капитан.

В это время послышался гул машины, я посмотрел в сторону, а в кустах еще трое, только в немецкой форме. Тут капитан скомандовал:

— Уходим! А ты, Захар, запомни, я еще поговорю с тобой. Больно много гонору стало. Думаешь, русские помогут? Ничего, мы их скоро обратно погоним.

Машина стала, приближаться, они исчезли в кустах. Машина нас обогнала, мы поехали за ней. Тут старик мне говорит:

— Что же ты, Паша, сын пограничника, так свободно ходишь один. Если бы они узнали, что ты сын пограничника да боец Красной Армии. — Он замолчал. — Ты меня узнал, Паша?

— Только когда капитан вас по имени назвал, дядя Захар. А что с заставой стало? Выжил кто?

— Нет, Паша, никто не выжил. Бой был страшный, неравный. Они двое суток стояли, всего двадцать человек. Паша, а ты что ищешь?

— Их ищу, дядя Захар, их банду. А вы откуда знаете, что я боец Красной Армии?

— Паша, я знаю, что ты разведчик. Только разведчики занимают самые хорошие дома на постой. И потом, я вчера тебя в военной форме на станции видел. Так Паша, сегодня переночуешь у меня, а завтра обратно, в часть. Ты пойми, тут Советской власти пока нет, еще много немецкой агентуры. Люди боятся еще, и тебе никто не поможет, поверь. А будешь задавать вопросы — сдадут.

— А вы можете?

— Вот тот, капитан, здесь был начальником зондеркоманды, творил такое, что страшно вспомнить. Да и сын мой, младший, был полицаем, по глупости из-за бабы пошёл. Его Кандыба убил, он сведения партизанам передавал. Советские войска уже в Польше, а этот гад еще здесь лютует. Вот, Паша, и думай, а ты на отца сильно похож.

Утром он меня посадил на машину, попросил водителя, мол, до станции, племянника довези. А когда посадил в кузов машины, на ухо мне прошептал:

— Хату дня два не меняй.

Пашка замолчал.

— Как думаешь, Паша, придет Захар?

— Думаю что да, он устал бояться, похоже, да еще старший сын без вести пропал.

— Ладно, боец, отдыхай, а мы будем кумекать.

Пашка проспал весь день, только к вечеру проснулся, мы расставили секретные посты вокруг дома, стали ждать. Ночь текла медленно как нарочно, я приказал, чтобы вели только наблюдение, никого не задерживали. И вот в три часа ночи в окно постучали, я подошёл к окну, спрашиваю: «Кто там?»

Мне в ответ:

— Подойди к двери, только не открывай, уйду. — Я подошёл к двери. Встал за косяк, спрашиваю:

— Что надо?

— Мне ничего уже не надо, вот возьми карту, сегодня в шесть утра Кох и его люди будут переходить границу, сюда, к нам. Где Пашка?

— Тут я. Спасибо, дядя Захар.

— Хранит тебя Бог, сынок. Твоего отца я лично хоронил.

Послышались шаги, он исчез в темноте. Прибежал караульный, доложил:

— Он был один, сел верхом на лошадь и ускакал, это был старый мельник.

Я посмотрел карту, там было указано место перехода, но в этом месте было всё заминировано, меня это смутило.

— Старшина, что думаешь по этому вопросу?

— Они знают проходы, вот и всё.

Я доложил командиру всё как есть.

— Что же, капитан, надо проверить, бери людей, сколько надо, оружие.

Короче, прибыли мы на место, устроили капитальную засаду, стали ждать. Старшина, Пашка и еще два бойца устроились недалеко от меня. Тут Пашка с Крюковым стали курить, я предупредил, чтобы курили поменьше. Скоро рассвело, и тут кто-то сорок спугнул. Смотрю, через минное поле по одному идут бандиты на нашу сторону, как раз на нашу засаду. Вышли на поляну, перестроились и стали двигаться туда, где старшина Крюков. И тут тот, кто шел первый, сразу видно, что командир, встал, поднял руку вверх, и все остальные остановились. А он, словно борзая перед прыжком на добычу, замер, и как я пропустил то мгновение, граната полетела в сторону старшины. Открыли огонь на поражение. Я этого гада по ногам. Остальные побежали кто куда. Кто на минное поле, стали взрываться. Кто обратно к реке, а там наш пулемет их огнем встретил. В общем, положили много, и в плен взяли тридцать человек. Этот, который гранату бросил, хотел застрелиться, но не успел, я на него навалился, связал его, в рот кляп засунул, чтобы ничего не проглотил. Подбежал к старшине, а он и два бойца готовые. Старшина сообразил быстро, лег на Пашку, закрыл его своим телом. Пашку только легко контузило. Когда допрашивали командира банды, им оказался сам Кох, то у него спросили: как ты узнал о засаде, он ответил:

— Я никогда не курил, поэтому хорошо ощущаю запах табака, а когда ветер подул в нашу сторону, сразу запахло табаком.

Старшину похоронили там, на берегу. Пашка сильно плакал и, когда уходили, порвал пачку папирос. Мы с ним прошли до Праги, там его ранило, отправили его в госпиталь, но, пока мы были вместе, он ни разу не закурил.

Когда его вылечили, он отправился учиться в военное училище. А за ту операцию по поимке Коха его наградили орденом Красной Звезды. После войны я приезжал к нему в гости, он служит в городе Сталинграде. Я его спросил:

— Паша, ты куришь?

— Нет, старшина отучил.

Вот такая история была со мной, Костя.

— Товарищ майор, всё готово, можно ехать.

— Сейчас, сержант, поедem. Вот возьми, Костя. — Я протянул ему сидор с продуктами.

— Что вы, не надо, как вы?

— Костя, бери. Сестер угостишь. Ну ладно, Костя-пастушок, мне пора.

Мы пожали друг другу руки. Я сел в машину, в кузов. Машина тронулась с места, Костя всё дальше и дальше удалялся от меня. Вот машина повернула за поворот, и он исчез. И как ни странно, пока мы с ним беседовали, он ни разу не положил оружие на землю, либо на плече, либо в руках. Вот такие ребята держали в руках оружие в регулярных частях, в партизанах. А в сущности, они дети, но только на вид. Души их были опалённые войной, глаза были не по-детски взрослые.

Дети войны — они как те цветы, которые война жестоко топтала. И это не оправдаешь никакими словами.

Любка-стрекоза

В поселке с названием Родники, что находится между Ленинградом и Москвой, жили три подруги. Они дружили с детского сада, потом в первый класс пошли тоже вместе. Они даже возмущались, мол, почему парты двухместные, а не трехместные.

Эта история началась в десятом классе. Впрочем, всё по порядку.

Аленка, голубоглазая девчонка с двумя косичками, была небольшого роста, щупленькая, тихая, спокойная. В её глазах было всегда детское удивление. Она очень любила читать книги, просто не представляла, как можно жить без них. И самое главное, у неё была феноменальная память. Она практически запоминала всю книгу, и могла пересказать её от корки до корки, причем это у нее получалось очень хорошо. Зимними длинными вечерами подружки собирались вместе. Они ночевали друг у друга по очереди, укладывались поудобней, и Аленка начинала пересказывать очередную книгу. Подруги внимательно слушали ее, не перебивали. Когда они постепенно засыпали, тогда Аленка замолкала и проваливалась в сон. За глаза в школе ее называли книгоед.

Танька, напротив, была очень подвижная. Она умудрялась в школе влезать во все скандалы, не пропускала и драк. Она ненавидела, когда обижают слабых, когда обманывают. Как-то пацаны её слегка побили, а старший брат её Витька, посмотрел на неё и сказал:

— Да, Татьяна, мальчишек я поставил на место, но, что с тобой делать, ума не приложу, и самое главное, что ты не исправишься. Ладно, сестра, если наши родители не купили мне младшего брата, буду учить тебя драться. — Витька служил в армии в десанте, вернулся старшиной, в общем, навык был хороший. — Но запомни, сестра, овладеть приёмами рукопашного боя — это еще не всё, должна быть моральная этика. Эти приёмы должны применяться только на защиту себя либо кого-то. А если бьёшь, то бей наверняка.

Он стал её тренировать, синяки не сходили с её рук и ног, и это продолжалось полгода. За это время она подтянулась, стала крепче. Вскоре брат уехал в город, доучиваться.

Как-то осенью подружки пришли на танцы в родной клуб, там были студенты, они приезжали копать картошку. В разгаре танцев один парень решил пригласить Аленку на танец, она отказала. Он схватил её за руку, потянул в общий круг. Аленка споткнулась и упала. Парень стал смеяться, тыча на неё пальцем, мол, курица какая-то. Тут подошла Таня вплотную к парню:

— Извинись, подонок, — попросила она.

— Что? Ты кто такая, сука? Я тебя сейчас...

Но дальше он не успел ничего сказать. Она была левша, и первым ударом в челюсть откинула его к стенке. Второй — прямой в грудь. Он от боли согнулся, и нарвался на её колено, с грохотом и разбитым носом упал в её ноги. Всё произошло так быстро, что никто ничего не понял. Тут подбежали местные ребята, мол, Таня, мы его сейчас.

— Не надо, ему и так хорошо.

Лишь кто-то в толпе сказал: «Бешеная!» С тех пор к Татьяне и её подругам никто не задирался. За глаза её стали называть: «Танька бешеная».

Люба, третья подружка, соответствовала своему имени. Она влюблялась чуть ли не каждый месяц. Её сердце загоралось бешеным огнем. Она не могла налюбоваться на того, кого любила. Ей казалось, что он самый красивый, самый умный, его голос был самый сладкий. Но проходил месяц, её сердце остывало, и она понимала, что он обыкновенный, как все ребята. В ее влюбленностях, кроме поцелуев, не было ничего серьезного. Их поселок хоть и был большой, но все друг друга знали и из-за её влюбчивости Любу называли: «Любка-стрекоза». Все удивлялись: как такие совершенно разные девчонки могли так крепко, предано дружить. Они понимали друг друга с полуслова, они друг друга добавляли.

Но вот прошла долгая зима, наступила весна, подружки перешли в десятый класс. Лето пролетела как-то незаметно.

Любка за лето успела полюбить двух парней. Подруги говорили:

— Любка, когда уймёшься, не доведёт тебя все это до хорошего.

— Эх, девчонки, вы просто не понимаете, что душа должна любить, сердце должно подсказывать. Вот и мама тоже ворчит постоянно: «Ох, дочка, когда станешь серьезная? Нельзя так жить, сегодня одного любить, завтра другого». А у меня, подружки, — душа поэта. А поэты без любви не могут. — Девчонки рассмеялись.

Скоро наступило первое сентября, прозвенел первый звонок, начался учебный год. Всё было как обычно, но однажды во время урока в класс вошла завуч, за ней вошел молодой парень. Он был высокий, красивый.

— Так! Прошу внимания! В вашем классе будет учиться Игорь Журавлёв, он приехал из Зеленогорска.

Так в их классе появился Игорь. Здесь, в поселке, у него жила родная тетка, мамина родная сестра. Она практически обезножела, нужен был уход. Мама Игоря не могла бросить свою работу, ей оставался до пенсии один год, и она упростила Игоря, чтобы тот переехал на год к тетке, в поселок, чтобы ей помочь.

— Ты пойми, Игорёк, это последняя моя родня, — объясняла она, — старшая сестра умерла в Ленинграде, во время блокады. Брат погиб под Москвой, а она самая младшая, у неё никого нет, кроме нас.

— Мама, не волнуйся. Всё будет хорошо, — успокаивал мать Игорь.

Игорь как-то быстро влился в коллектив класса. Он хорошо играл на гитаре, в шахматы, у него был разряд по боксу. В общем, он стал душой класса, но при всём этом никогда не зазнавался, был скромным. В школе был осенний бал, все были в карнавальных костюмах, было весело. Во время этого веселья Игорь пригласил Любу на танец. Он прекрасно вел партнёршу, смотрел в её глаза, не отвываясь. После осеннего бала предложил проводить её до дому, она согласилась. Они шли по осеннему парку, листья шуршали под ногами.

Игорь был хорошим собеседником. Он ей рассказывал про осень, про то, как много написано стихов про это время года, читал их ей. Люба слушала, ей было очень интересно. Так они стали встречаться, подруги спрашивали её: «Что, Люба, опять сердце пылает?» Она помолчала и ответила:

— Как ни странно, девочки, но сердце как раз молчит, а когда он подходит — душа замирает. Не знаю, что это такое. Мне с ним безумно интересно, а главное, спокойно, он как наша Аленка — всё знает.

Так прошла осень, пролетела снежная зима, весна вступила в свои права.

Одноклассники шутили, мол, смотри, Любка-стрекоза словно приросла к Игорю. Начался май, и тут в Любке проснулась любовь, сердце снова загорелось огнем, но не к Игорю, а к Виталику из параллельного класса. Подруги пытались её образумить, они первый раз за всю дружбу повздорили.

— Надоел он мне, не хочу больше его видеть, — кричала сквозь слёзы Любка, — и не лезьте в мою жизнь.

В конце дня она поняла, что обидела своих подруг, что они хотят ей добра. Люба их нашла, они были у Таньки дома.

— Девчонки, простите меня, я была не права, мне без вас никуда.

Они обнимались, целуя друг друга, и вместе плакали. Люба не пошла на свидание с Игорем, он её прождал весь вечер, но зря. Тут подошёл его друг Сергей:

— Напрасно ждешь её, Игорь.

— Это почему, Сергей, объясни.

— Ты только не обижайся, Игорь. Ты мой друг, я обязан тебе сказать. Ты знаешь, как её за глаза зовут?

— Нет, не знаю.

— Любка-стрекоза. Она влюбляется раз в месяц, мозги парню покрутит и опять влюбляется в другого. Нет, ты не подумай плохого, она честная, просто такая натура, любовь покрутит, и всё. Не веришь? Она сегодня с Виталькой встречается в парке, можешь проверить.

— Вот и проверю, — ответил Игорь.

— Я с тобой, а то дров наломаешь.

— Сергей, ты прости, но я сам как-нибудь. Не волнуйся, всё будет хорошо.

Он развернулся и пошел в сторону парка. Сергей пожалел, что рассказал ему про встречу. Немного постояв, решил идти за ним, мало ли что.

Игорь пришел в парк. В это время, Люба с Виталием вышли прямо на него. От неожиданности Люба замерла на месте. В голове пролетела мысль: «Сейчас будет драка». Игорь внимательно посмотрел на Любу, не сказав ни слова, развернулся и ушёл прочь. Она облегченно вздохнула. Но его глаза, его взгляд... Там не было укоризны, не было злости, там было что-то иное, она пока не могла понять что.

В понедельник Игорь не пришёл в школу, во вторник его тоже не было. У Любы как-то защемило в сердце. Ей не хватало воздуха.

— Почему меня это так волнует? — задавала она себе один и тот же вопрос. — Почему?

У кого-то спрашивать не позволяла девичья гордость. Но тут пришла Аленка.

— Люба, я узнала, он уехал, забрал с собой тетку и уехал в город.

У неё душа заныла, словно скрипка: «Боже, что я наделала? Это была настоящая любовь, а я не рассмотрела этого. Я всё потеряла. Боже, как мне больно, сердце моё разрывается на куски!» Она проплакала всю ночь. А его взгляд стоял перед её глазами.

Вскоре Люба и подружки сдали экзамены и поехали поступать в Зеленогорск. Аленка — на библиотекаря, Танька — в педагогический институт, а Люба поступила в торговый техникум на товароведа. Она полностью ушла в учебу. После занятий ходила по городу с надеждой, а вдруг встретит Игоря. Но за четыре года учебы так ни разу его не встретила, да и не могла она его встретить, он с мамой и теткой уехал жить в Ленинград.

Время летит так быстро. Вот уже закончили учебу. Подружки, как и договаривались, вернулись в родной поселок. Первая свадьба была у Аленки. Через год Танька вышла замуж, и лишь Люба по-прежнему была одна. После той встречи в парке она ни с кем не встречалась. Сердце её не загоралось, как прежде, огнем, лишь душа иногда томилась, плакала, словно та скрипка, и его взгляд, тот взгляд она не могла забыть.

Мать ворчала, мол, что же ты думаешь, подружки уже давно замужем, Аленка вон парня какого родила. Подруги тоже постоянно говорили: «Люба, пора замуж, тебе уже скоро двадцать пять, время летит». Она всё понимала, что надо, одними надеждами не проживёшь. В общем, вскоре вышла замуж за Виталика, через год родила мальчишку, назвала его Игорем. Казалось бы, всё в прошлом, что время лечит, но судьба распоряжается как ей угодно.

Они вновь увиделись на встрече выпускников. Он вошёл с Сергеем в класс. Она его сразу увидела, он посмотрел на неё также как тогда, но не подошёл к ней, а устремился в толпу. Её сердце плакало большими горячими слезами, она вышла из школы, побрела домой, но вдруг остановилась, развернулась к школе и в голос сказала: «Прощай, моя настоящая любовь!» Теперь слёзы катились по щекам, они были большие и горячие. Она пошла домой, там ждал её сын Игорек, её счастье. На следующий день она встретила Сергея:

— Что, как погуляли?

— Хорошо, Люба, погуляли, а ты что убежала?

— Так сын дома, маленький еще.

— Эх, Люба, себя не обманешь, сердцу не прикажешь, а знаешь, что он мне сказал перед отъездом? Что любил он тебя больше жизни, что ложился спать с твоим именем и просыпался с твоим именем. Вот так-то, Люба.

Он развернулся и пошел дальше. Она долго ещё стояла, глядела ему вслед. И тут она вспомнила стихотворение, которое он прочитал ей в тот последний вечер, перед разлукой:

Давай улетим отсюда,
За прошлое не держись.
Поверь, в ожидание чуда
Порою проходит жизнь.
Давай улетим из стаи
От вечно усталых лиц,
Давай на мгновение станем
Свободнее вольных птиц.
От суетных дней и прозы
Давай улетим мы с тобой,
Где ближе мечты и грёзы,
Где звёзды над головой.

Он тогда уже звал её с собой, но она не поняла его, не восприняла его всерьёз.

После той встречи прошло много лет. Однажды Игорь возвращался из Москвы. Был там в командировке, ехал в родной город Ленинград. Он решил сходить в ресторан подкрепиться. Ресторан находился на два вагона дальше. Проходя через них, он случайно заглянул в одно купе. Там сидела Люба, она читала газету. Он сел перед ней и произнес.

— Здравствуй, Люба.

Она вздрогнула, закрыла глаза. Газета медленно опустилась на столик. Страх охватил её сердце, она открыла глаза — это был он, Игорь.

— Здравствуй Игорь, — не узнав свой голос, сказала она.

— Как ты живёшь, Люба?

— Как все, вот еду от сына. Он у меня в Москве служит, военный офицер. Ездил, возилась с внуком. С мужем развелась давно. Нет, он хороший, но я не любила его, а без любви одна маята. А ты как, Игорь? Семья, дети?

— Да. Две дочери, с женой тоже развелся десять лет назад, с дочерьми общаюсь.

— А почему развелся, Игорь?

— А потому, что она не такая как ты. Да и без любви одна маята, сама сказала.

Он замолчал, взяв её ладони в свои. Они стали смотреть друг другу в глаза. Его взгляд был по-прежнему нежный, он по-прежнему любил только её. Её губы беззвучно прошептали:

— Любимый мой, прости меня, прости.

Колеса вагона отстукивали на стыках рельс, напоминая о тех упущенных годах, которые так бездарно потеряны. Но судьба дала им еще один шанс, чтобы разобрались в своих чувствах друг к другу. Поезд врзался в ночь, унося их за горизонт. Эта ночь дарила им надежду на неугасаемую любовь и будущее.

СЫНОК

В гробу он лежал неподвижный, непохожий, какой-то чужой, и было уже не так страшно. Не так страшно, как там, на берегу. Она подбежала, а он не поднялся, не вскочил, не шелох-

нулся, не ответил. Лежал на песке — трусики прилипли к телу, волосы потемнели, склеились. Не открыл глаза, не сказал ничего, как не кричала, как не звала.

Могилку засыпали и пошли домой. Лето стояло жаркое. В душной испарине тянулся день за днем. И каждый день одни и те же дела: подоить корову, накормить поросят, проводить мужа на работу, да в огород — полоть, окучивать, поливать.

Однажды Роза была в доме и не заметила, как собралась гроза. Только когда потемнело в окошке, ветер захлопал калиткой, вспомнила, что во дворе сушится бельё, и выскочила его забрать. Посреди улице играли ребятишки. Когда упали первые капли, детвора кинулась врассыпную, и только один подбежал к ней — Юрка. Её Юрка! Она сразу узнала его, еще издали узнала. Он был не в костюме, как его похоронили, а в той зеленой рубашке. В той, в которой ушел тогда на речку. Она стояла, прижав к груди бельё, не в силах сдвинуться с места. А он бежал к ней. Ливень припустил, она видела, как намокли волосики на голове, рубашка прилипла к телу. Он был уже близко, совсем рядом, она выронила бельё, протянула к нему руки. Но он словно растаял. Ни зелёной рубашки, ни светлой головки. Только серые частые струи и она одна под ливнем, над кучей намокшего белья.

Она никому ничего не сказала. Не поверят. Подумают, сошла с ума.

Но в другой раз, лишь начался дождь, он снова бежал к ней. Опять бежал домой, может, хотел спрятаться, скрыться в избе, уйти от воды. Она бросилась к нему, протянула руки, чтобы уберечь, заслонить... Но опять только жесткие струи и ничего, кроме дождя.

Она ходила на кладбище. Положила цветы на могилку, припав к земле, шептала:

— Зачем же ты, Юрочка, мучаешь меня? Ты скажи, тебе ножки свело? Может, ребята баловались, потянули вниз, а ты захлебнулся? Что же ты молчишь? Юрок, сынок, солнышко мое светлое.

На кладбище было тепло, щебетали птицы, пахло травой, и она поняла, что ответа не будет. Может, игрушки ему унести, которые остались? Или трактор купить большой, который он просил.

Она съездила в город, купила трактор, снесла на могилку, но он продолжал бежать к ней. Всё бежал, да бежал сквозь дожди, и ни разу не удалось, хоть прикоснуться к нему, хоть дотронуться до него. Стоило протянуть руки, как он исчезал, истаявал в струях дождя. Она стала прятаться. Забывалась в темную спальню и сидела там, вздрагивая от каждого удара грома.

Но однажды дочка Анна выскочила зачем-то в дождь на крыльцо, и мать услышала её крик: «Юрка! Наш Юрка!»

Она бросилась к ней, обняла за дрожащие плечи:

— Что ты! Что ты! Разве ты боишься его? Не надо, не кричи.

Отец долго ничего не знал, он ведь каждый день рано уходил на работу и возвращался только поздно вечером.

Но наконец и он увидел. Он не вскрикнул, ничего не сказал, но по его обезумевшим глазам Роза поняла, что он тоже видел Юрку.

На другой день он сказал:

— Давайте уедем отсюда.

Она не стала спорить, может, так будет лучше.

Муж нашел покупателей на дом, на корову, поросят. Заказал билеты и велел складывать вещи. Только уже сидя перед дорожкой, Роза спросила:

— Витя, как же мы его оставим?

Он ничего не ответил. Встал и пошёл к двери.

И они уехали. Далеко, на Урал. В маленький городок, где стояла зима. Устроились работать на завод, а Анна пошла в школу. Месяцы шли за месяцами, а зима всё не кончалась. Март был морозным, апрель тоже. В мае лежал снег толстый, блестящий, как никогда, говорили старожилы. В июне стало резко таять. Вскрылась речка, полезла из земли травка. И однажды полил дождь. В стекло ударила капля, другая, третья. Роза подошла к окну. Они ещё не вынимали вторых окон. Но сквозь запыленные окна она увидела, как он бежит, бежит её сынок Юрочка, бежит к дому. Светлая головушка, зеленая рубашонка. Вот пересек двор, почти у самого крыльца. Роза выскочила в сени, распахнула дверь наружу и остановилась, боясь спугнуть его. Он добежал до крыльца, поднял головку, протянул к ней руки... И обратился в серебряные капли, падавшие в зелёную траву.

Как-то Роза проходила мимо старой церкви, не понимая зачем, но она зашла туда. Старый батюшка встретил её:

— Что привело тебя сюда, дочь моя?

Словно на исповеди она всё рассказала, всё как есть.

— Иди, дочь моя, я отпою его. Иди с Богом, — перекрестив её, ответил старый батюшка.

На следующий день хлынул сильный дождь. Она стояла на крыльце, ждала, что появится сынок Юрочка в зеленой рубашке, со светлой головушкой. Дождь хлестал её по щекам, лил

свои темные струи. Но Юра не появился, не пришёл. «Наконец-то он обрел покой, душа его улетела в рай», — перекрестив себя, подумала Роза и зашла в дом, захлопнув за собой дверь. А дождь бил в окно своими каплями. Но это был уже обыкновенный летний дождь.

Осенний бал

Листья, словно живые, ярко-красные, жёлтые кружатся над головой.

Как будто танцуют вальс, медленно поднимаясь высоко вверх. Кружатся в вихре вальса, ветер, словно дирижёр. Махнул невидимой полочкой, и всё закружилось, всё понеслось в одном танце. Листья друг перед другом, играют своими цветами, золотом. Словно хотят перетанцевать друг друга.

Но вот невидимая палочка опустилась вниз, и ветер стих, чтобы передохнуть. А листья медленно стали падать на сырую землю. Им никогда вновь не подняться наверх, не закружиться в вихре танца. Их удел только метла да костер.

А ветер вновь сорвал новые листья, поднимая их вверх, кружа ими в танце, чтобы бросить их на землю. И так до бесконечности.

А дворник, подметая метлой, сжигая их на костре, будет ворчать: «Сколько их навалило, сколько навалил!»

Просто лето

Лето закружило своим теплом и зеленью. Утренняя роса алмазами рассыпалась по зеленой траве.

Солнышко только поднялось, и на какое-то мгновение наступила звонкая тишина, даже травинка не шелохнётся. Всё как будто замерло, вода, небо, только тишина, необыкновенная, звонкая тишина.

И вот высоко в небе начинает петь жаворонок. И утренняя природа осторожно, словно невзначай, начинает пробуждаться. В полях цветы становятся ярче, их аромат поднимается высоко. Лес наполняется разноголосьем. В ручье звонко течет вода, она прохладна и чиста. Ручей убегает вдаль, на ходу успеваешь напоить всех страждущих, и исчезает в глубоком, седом тумане. Может, он упадет в большую речку, а может, утечет в неведомую даль, унося за собой прохладу и чистоту.

Утро медленно отступает, начинается летний день. Природа и люди становятся словно одно единое. Все куда-то спешат, торопятся, у всех свои заботы.

Веселый детский смех у водоёма. Боже, какое наслаждение, лето и детство! Это великое благо, но, к сожалению, мы это начинаем понимать слишком поздно. Те бесценные минуты тепла и изобилия солнца как не ценили мы в детстве.

День на исходе он медленно падает за речку, оставляя за собой багровый след, далеко, далеко, но и в то же время совсем близко.

На лес, на поля падает вечер, он лёгкой вуалью ложится на землю.

Природа начинает свою новую жизнь. Кузнечики стрекочут так неистово и дружно, словно большой хор скрипачей. Густой туман накрывает озеро своим одеялом. Вода зеркалом, не шелохнётся, лишь местами плеснётся большая рыба и уйдет на глубину.

Небо чистое, чистое, висит над землей невидимым абажуром.

И так всегда. Только ничего не повторяется дважды, даже та утренняя звонкая тишина.

Женщина Осень

Сколько написано, сколько сказано, нарисовано про женщину Осень.

Это необыкновенная пора, когда можно делать определенные выводы, итоги.

Это женщина Осень имеет такой талант художника, такие краски, сочетание их, просто кругом голова. Только она может одеть огромный лес в своё одеяние, которое практически не повторяется никогда.

А эта песня пролетающих журавлей, которая берет за душу. Эти запахи, которые высоко летают, которые меняются в мгновение и неповторимы.

Только она может так откровенно и безутешно плакать. Лить свои слёзы на леса, на поля. Значит, на это есть своя причина. И она никогда не скажет про это никому.

А когда она улыбается, лучики солнца ласкают так нежно и мягко.

Про красивую женщину Осень можно говорить бесконечно, и каждый раз по-разному, да это и не важно. Важно, что она уйдет и не повторится никогда такой, какой была однажды.

А зимой, в лютый мороз, так защежит сердце. Где моя женщина Осень, неповторимая женщина Осень?..

с. Чесма

Брыкся и другие рассказы

Бич божий

Когда Сима зашла, ее жильцы проснулись. Сережа Твердохлебов писал письмо, Миша Воробейчик подбирал мелодию на гитаре, Витя Когтин лежал в постели, а Толя Городецкий делал с него набросок.

— Хлопцы, еще раз поздравляю, — пропела Сима, — быть дипломированными художниками — это почетно и престижно. Ваши картины скоро в музеях будем рассматривать. Только когда вы мне картошку окучивать собираетесь? Обещали ведь. Если сегодня не заняты, давайте держите слово. А то не сегодня завтра похолодание обещают, дожди, да и вы разъедетесь. Давайте, а?

Сима подняла с пола чей-то пейзаж и, ворча что-то себе под нос, покинула комнату. Переглянувшись, парни оставили свои дела и отправились умываться. Когда сели за стол попить чай, хозяйка дома представила им своего внука, который специально приехал к ней, чтобы показать жильцам ее участок, выдала тляпки и даже проводила к воротам, после того как они расправились с чаем. К месту проведения огородной операции парни потянулись нехотя. Им было не до картошки после вчерашней защиты дипломов, однако они считали негоже нарушать обещание, тем более Сима грозилась взять с них половину платы за проживание. Жильцы дошли до участка быстро. Он располагался от их дома недалеко, за карьером. И они принялись работать. Ребята хотя и испытывали острейшую жажду после вчерашнего возлияния, они не трогали заготовленное с вечера пиво, надеясь насладиться им позже, и орудовали тляпками весьма интенсивно. С окучиванием управились часа за полтора. Что для четырех молодых людей какие-то жалкие два пая? Солнце уже жарило нещадно, и, закончив дело, ребята решили искупаться, смыть, грубо говоря, трудовой пот. Правда, карьер пользовался недоброй славой среди жителей городка. Все страшилось непонятных развалин на берегу. Было такое впечатление, что они появились в результате взрыва. Люди видели в водоеме и руинах некую тайну, которые лучше обойти стороной. К этому их подвигал еще и высокий металлический забор.

Однако наши герои игнорировали мистические загадки: камыши, песчаное дно, чистая вода, что еще надо для передыха? И они энергично шли к спасительной влаге.

Странно, но им уже не хотелось пить, потому что все прекрасно. Особенно открывающиеся перспективы. Им светило стать проводниками коммунизма в искусстве. И молодые люди от избытка чувств запели гимн их комнаты.

Моя дорогая не блещет красою.
 Ни гибкостью стана, ни русой косою,
 Ни гибкостью стана, ни русой косою,
 Чем блещет иная героиня романа!
 Серое платье мышиноного цвета
 Она не снимает от лета до лета
 И я не стесняюсь, друзья, вам открою
 Ее раздеваю, купаю и мою!
 Серое платье снимаю несмело,
 И хочется видеть желанное тело
 Коснуться губами единственной в мире
 Моя дорогая картошка в мундире!
 Эх, мамбо!

Быстро разнагишавшись, парни погрузили свои бледные тела в воду. Плескались они с восторгом, хохотом и брызгами. На берегу начали обсыхать, когда увидели, что из глубин карьера к ним выплывает непонятное существо, осьминог. Длинные щупальца, похожие на исполинские усы, с присосками размером с блюдце потянулись к ним. Но даже не они были страшнее всего. Глаза. Органы зрения были похожи на автомобильные фары. Светились исполинской злобой и висели на отростках, как у глубоководной рыбы. А самым несуразным было то, что у чудовища было две шеи и две головы.

— Спрут! — дискантом проверещал Городецкий, шарахаясь в сторону. — Делаем ноги, ребя!

Но он ошибался. Спруты на Южном Урале не водятся. Это было что-то, имеющее сходство с ними. Щупальца попробовали схватить Воробейчика, который стоял ближе всех к зверю,

и головы потянулись к нему. Пронзительно завизжав, Воробейчик вздернул вверх тяпку и что есть силы врезал ею по гибкой шее квазиспрута. На его счастье, тяпка была из хорошей стали и не сильно затупилась в процессе эксплуатации и потому легко отделила одну из голов от шеи. Из перерубленной артерии фонтаном ударила кровь, шея взметнулась вверх и тут же бесшумно упала обратно. И прямо на глазах чудище обрело фиолетовый цвет.

— Ты как Атилла своего брательника Блуду, — прошептал Городецкий, бледный как полотно. Когтин вырвал из рук Воробейчика орудие убийства и отбросил далеко в сторону.

— Ты что, Миша? Зачем ты его убил? — заорал он.

— Сколь тебе говорить что я Мойша, а не Миша — огрызнулся тот — Что здесь такого? Может, ты хотел, чтоб эта гадина схарчева меня или кровь высосала? Премного благодарен.

— Я читал, что они разумные — прошептал Твердохлебов.

— Да ты что! А вообще-то, может быть, я не знаю, — пожал плечами Когтев. — Но только кто это зараза? Она на октопуса не похожа. Глаза, гляди, какие глаза, как шарики на палочке у октябренка на 7 ноября. Нет, это точно квази. Монстр по-иностранному.

— А мне кажется он смахивает на марсианина из «Войны миров», аппарата движущего только не хватает и лазера.

— Окстись, дядя. Какой, к чертям собачьим марсианин, — отмахнулся Когтев. — Урод радиоактивный, как пить дать.

И тут он хлопнул себя по бедрам. Ни физы! Зверь делится! Ты погляди, что делается. Пополам разделился. Я знаю, как это называется. Партеногез! Девственное размножение. И ты гляди, убираются с глаз долой оба гада. Вот это да!

Уход существ здорово сказался на ребятах. Они оставляли карьер чуть ли не на цыпочках, поминутно оглядываясь. Когда они отошли на приличное расстояние, Воробейчик не выдержал. Отобрал у Городецкого авоську, выхватил из нее бутылку пива и, судорожно выдохнув, сорвал пробку, надолго присосался к пенному напитку. На лбу у него тотчас набухли капельки пота. За ним последовали и остальные. Когда Воробейчик отбросил пустую емкость, он был неузнаваем. Водянистые отеки под глазами, резкие носогубные говорили, что пить ему даже малоалкогольные напитки возбраняется. «Это с одной-то поллитры, — с изумлением подумал Когтин, жадно глотая пиво. — Хорошо, что я не сильно подвержен всеобщему злу».

— Какая радость, что завтра распределение, — заговорил Городецкий. Он как самый тихий и молодой захмелел малость тоже. И поэтому начал нести вздор.

— Хоть к черту на кулички, только подальше от этого водоема. Лучше бы, как я просил, в родную деревню. В ней мне каждый камешек известен. А здесь черт-те что наружу вылазят.

— Да заглохни ты, — поморщился Когтин, как старший по возрасту, — вдруг он действительно разумный? А мы его по купону. И хватит из пустого в порожнее воду лить. Идемте лучше в столовку. Сильно жрать хочется.

...С той поры много воды утекло. Не удалось нашим героям стать потрясателями в мире живописи. Никому, кроме Воробейчика. Он в том же семьдесят девятом поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии, окончил его и оказался живущим во Франции, куда однажды приехал на свою персональную выставку. Городецкий, как ему и хотелось, оказался волею случая в своей деревне и почти сразу позабыл про собственное назначение, семейная жизнь сделала его экскаваторщиком. Когтин и Твердохлебов тоже стали простыми работягами. Первый ушел на железную дорогу электриком по высоковольтному оборудованию, второй превратился в мастера по дереву, а точнее, по реставрации домовых наличников. Воробейчик, еще учась, как-то незаметно потерял связь с Когтиным и Городецким. Поддерживал отношения лишь с Твердохлебовым. Ну какие это были отношения. Телефонные звонки разве назовешь отношениями? А тем более дружбой. Дружба обычно заканчивается, когда люди становятся далеки друг от друга. Он ни разу не приезжал в СССР в начале восьмидесятых прошлого столетия. Объяснение простое: опасался. Посещать родину Воробейчик начал после 1985 года и бывшие друзья вновь начали контактировать. В основном он приезжал на события: на 15-летие училища, на бракосочетание Твердохлебова, на похороны матери. В одно из посещений он глубоко обидел шуткой Когтина — нечаянно, надо признать, — что заставило последнего снова откреститься от друга юности.

Возобновлению прежнего стало появление у Когтина внука Симы. Нашел ведь его после стольких лет разлуки. У него была такая весть, что заставила его искать Виктора. Новость была следующая. Внук поведал Когтину, что убитый Воробейчиком осьминог (как они все думали) по-прежнему обитает на карьере. Внук узнал эту сенсацию случайно. Ехал однажды в маршрутке и нечаянно подслушал разговор двух мужчин. Один из них попал как-то на их водоем и случайно наткнулся на лежащего на поверхности осьминога. Страшно пораженный услышанным внук в тот же вечер отправился на карьер, и точно: тоже наткнулся на чудище.

Вне сомнений, это был их экземпляр. Одна голова, вместо другой торчал обрубок. Не делая резких движений — кто знает, на что способны эти звери, — внук ретировался с водоема. И сразу начал разыскивать Когтина, чтоб излить ему эту историю. Тот тоже был не меньше поражен этим обстоятельством и также поспешил на карьер. Внук не солгал. Когтину тоже повезло. Оглушенный увиденным, Когтин сам позвонил Воробейчику, хотя до этого не ба-ловал его звонками. Воробейчик сам связывался с ним. Сначала тот долго молчал, тоже ошарашенный вестью через десятилетия, потом заявил, что давно хотел приехать в город и только сегодня решился.

— Вот неожиданность так неожиданность, — захлебывался Воробейчик в сотовом телефоне. — Билет, веришь, нет, только что заказал к вам и вот тебе пожалуйста. Жди меня, Витя, послезавтра!

...Твердохлебов, Когтин, Городецкий стояли на платформе железнодорожного вокзала. Минуту назад диктор по радио объявил о прибытии московского поезда, и они, волнуясь, наблюдали за проходящим составом.

— У него что, «зеленых» на самолет не хватило? — недовольно спросил Городецкий. — Ох уж мне эти западные художники, вершители судеб в искусстве.

— Да нет. Мише захотелось изучить меняющуюся Россию, — объяснил Твердохлебов. — Первым делом он в институт заглянул, а потом уже к нам направился. Я бы также поступил, если бы учился в Третьем Риме. Откуда мне это известно? Да он сам мне признался по телефону.

Интимно постукивая колесами, поезд приблизился к ним и остановился. Проводники открыли двери, и пассажиры стали выходить на залитую солнцем платформу. Ожидающие на перроне поспешили к ним.

— Подойдем и мы, — приказал Когтин.

Из вагонов вышло порядочно пассажиров, пока не появился Воробейчик. Он был с одним чемоданом. Выйдя, он осмотрелся. Городецкий завизжал и, оттолкнув бабулю с гигантскими баулами, прыгнул на друга.

— Столица Южного Урала приветствуем тебя! — завопил Толя. — С благополучным прибытием, шевалье!

— Ладно, ладно, — отозвался задумчивый Воробейчик, — спасибо, спасибо.

— Виктор, — удивленно пропели за спиной Когтина. — А ты что тут делаешь? Трудись-ся? Так мы вроде выходные сегодня. — Это был коллега по вагонному участку, где работал Когтин. Виктор пробормотал что-то ему в ответ и снова повернулся к Воробейчику. А тот тем временем объяснял старому другу, что он не узнал Городецкого.

— Может, ты и меня не признал? — широко улыбнулся он.

— Тебя не узнаешь, — отвечал смутившийся Воробейчик. — Как огурчик. Словно не было сорока лет без малого. Каким образом добился, Сергун?

— Беспощадной тренировкой организма. Диета и еще раз диета. И немного спорта. Но, братцы, чего мы стоим на жаре? Скорее в механизм. Мустанг истомился в ожидании. Монсеньор, позвольте за вами поухаживать. Разрешите вашу поклажу.

И город побежал за дверками «фольксвагена» назад. Воробейчик жадно смотрел по сторонам. Все его удивляло, особенно размах жилищного строительства. До Твердохлебова добираться было минут десять. Он прожил не в типовых восьми- или десятиэтажке, а в своем доме. Смог выгодно сочетаться браком. В данный момент он жил один. Что касается супруги, то она отдыхала в Греции, а у детей было свое жилье. Потому он, не раздумывая, пригласил Воробейчика пожить у него. «Будет кому трудиться в огороде», — размышлял он.

— Места хватит, — ловко крутил Твердохлебов баранку. — И сейчас едем ко мне. Только сперва в лавку заглянем, бухало приобретем.

В супермаркете он сразу начал хватать большое количество еды: от дорогой колбасы до не менее дорогого сыра. Внести свою лепту Твердохлебов никому не позволил. «У меня еще достаточно средств», — отмахивался он. А еще спустя энное количества времени мужчины подъезжали к украшенному затейливой резьбой приличных размеров дому. Увидев жилище, Городецкий завистливо произнес: «Стоял тут дом, всем жителям знакомый». Верно, бизнес резьбой по дереву принес хозяину дома достаток на широкую ногу. Только Твердохлебов почему-то не стал приглашать гостей в дом, а повел в мастерскую, где все было завалено изделиями из дерева.

Пока Когтин с Воробейчиком разглядывали их в надежде обнаружить что-нибудь оригинальное, Городецкий раскладывал на верстаке закуску, Твердохлебов принес рюмки, вилки, тарелки.

— Мог бы и в комнаты пригласить, — недовольно сказал Воробейчик хозяину. — Мы не бомжи какие, чтоб на верстаке лопать.

— Не графья, — недовольно отмахнулся тот.

— Помните, — погасил вспыхнувшее недовольство Городецкий, указывая на бутылку пива. — Когда Симе картошку пололи, то тогда тоже было «Жигулевское», как и сейчас. И я подозреваю что Сергун выбрал его по той же причине, как напоминание нам. Да, сорок лет промчались незаметно, как один год. Печально, елки зеленые.

— Точно, время летит, — кивнул Твердохлебов, — с невероятной быстротой. Но давайте же замахнем. За нашего гостя. Толик, разливай!

Выполнив требуемое, Городецкий улыбнулся Воробейчику.

— Лыхаим, Мойша. За жизнь!

— Гэмбей, Толя, — поднял рюмку гость из Франции и оглядел собравшихся. — Ваше здоровье, старичье.

— Это по каковски, дружище? — поинтересовался Когтин, выпив.

— По-китайски.

— А-а...

Невооруженным глазом было видно: у Воробейчика проблемы со спиртным. «С одной рюмки и так закосеть», — подумал Твердохлебов.

Некоторое время они пили, закусывали. Воробейчик не пил, и Твердохлебов подумал что его версия ошибочна. Посидев так, Воробейчик поднялся, засунул большие пальцы рук в проймы жилетки и, потребовав от Городецкого, чтобы он подтягивал, запел:

Авраам, Авраам, дедушек ты наш!
Ицок, Ицок, старушек ты наш!
Иаков, Иаков, отец ты наш!
Чому ж вы не просите, чому ж вы не просите,
Чому ж вы не просите папа Бога за нас?
Чому ж вы просите папа Бога за нас?
Чтоб наши дома выстроили, наши землю выкупили,
Нас бы в землю отводили,
В нашу землю нас, в нашу землю нас!

Эту песенку мужчинам приходилось слышать неоднократно, но в доме Твердохлебова она звучала впервые. Когтин слушал ее, опустив глаза, и, как всегда, на лице у него было написано неодобрение. Однако, как и раньше, он ничего не сказал по данному поводу. Сказал Городецкий, стоило еврейскому шлягеру закончиться. «Вашу мать, “Листья клена падают с ясеня”, — проговорил он, и глаза у него были на мокром месте. — Раньше она не так мною воспринималась. Ох, годы, годы...»

Он закашлялся и обессилено махнул рукой. Когтина песня не тронула. Его волновало другое.

— Миша, ну, черт, Мойша, прости пожалуйста, — сказал, вытирая платком губы, — тебе о нас все известно, Сергун постарался. А нам про тебя ничего. Войди в положение, уведоми. Кайся, как на духу.

— Можно и как на духу, — помедлив, откликнулся Воробейчик. — Начну, пожалуй, с института. Ну поступил я в то лето во ВГИК. Честно скажу, удача бы вряд ли мне улыбнулась если бы не сатирические рисунки. Не забыли вы их? Вот ты бы, Виктор, поступил тоже, у тебя сатира тоже хорошо шла, карикатуры твои. Ну учусь я, значит, на художника-постановщика год, два, три, четыре, пять. Завершил образование. Получил назначение на Свердловскую киностудию. На периферию, стало быть. Но делать нечего. Начал я на ней трудиться. Отвращение наступило быстро. Всю жизнь создавать рабочие чертежи декораций, мебели, реквизита, постановочного интерьера? Создавать описание работ, консультировать составление смет? Да вы смеетесь! Я создавать шедевры мечтаю. Эпохальнее. И тогда я сбежал от рутины в Ленинград. И снова осечка. Не получилось из меня советского чудо-живописца, и я переключился на юмор. Давно подозревал в себе сатирика. Стал свободным художником, так сказать. Начал шпарить работы в духе Георга Гросса, знаете такого немца? Мое творчество пришлось по вкусу приемной комиссии в Союзе художников, и меня в него приняли. Без всяких помех, а туда с первого разу мало кто поступает. И вскоре судьба опять повернулась ко мне лицом. Один из туристов, француз, кстати, предложил устроить мою выставку в столице мирового искусства. Что могло быть радостнее подобного предложения? Я загорелся. ОВИР не делал мне препонов, сразу выдал визу. Как же, человек едет пропагандировать советское искусство, как не выдать? Отправился я выполнять поручение советской власти, воспитывать капиталистов в нашу веру. И был поражен, что мои полотна у парижан расходятся как горячие пирожки у нас. Правда, я не собирался торговать ими, но раз так получилось. Полученная выручка была приличной. И всем покупателям хотелось знать, когда я приеду опять и привезу

новые работы. Это заставило меня задуматься. К чему мотаться из одной страны в другую? Может, лучше жить здесь? Тут и сытнее, и веселее. Да и вообще, больше шансов сделать себе имя. И я попросил у властей Франции политического убежища. Мне, как на Родине, пошли навстречу сразу. Вид на жительство я получил через неделю, а не через месяц как другие. Моей радости не было предела.

Обосновался я, значит, в империалистическом раю. Не хвалюсь, быстро карьеру и состояние сделал. Тогда, на тот момент, у галлов любовь ко всему русскому существовала. От заказов я, можно сказать, задыхался... Что, Витя? Возвращаться обратно желания не было. Да и сейчас тоже. Не верю в российскую демократию. Что, если у вас власть на прежний путь повернет? Нет, спасибо. Не хочется рисковать. Такие вот печки-лавочки вам, старики. Фу, Сергин, какая у тебя, однако, жара в мастерской! За душ я бы сейчас полцарства отдал, как говорится у Шекспира. Привык его в день по два-три раза принимать. Я обожаю бывать у моря. Климат там исключительный, а вода как парное молоко — выше крыши. И вот еще что мне хотелось сообщить, сны про ваш карьер и про квазiosoминога задолбали. Почти каждую ночь мерещатся.

— Дела, — ошалело пробормотал Городецкий, падая грудью на верстак — это, как я думаю, приговор тебе. Я много читал про них, интересовался. Они точно разумные, эти паразиты. И живут долго, только почему он не подох, сволочь?

На Воробейчика вся эта ахиня подействовала основательно. Он, волнуясь, забежал по мастерской, после чего плюхнулся своим тощим задом на табурет.

— Вот что, леди энд джентльмены, — сказа он страстно, — вы как хотите, а мне нужно увидеть этого мерзавца. Хотелось бы завтра, послезавтра мне нужно в обратный путь. Вечером, правда. И я снова хочу процитировать сэра Уильяма, это примерно так: «На свете есть еще много чудес, не снившихся нашим мудрецам». Кто завтра со мною? Все? Гм. Но хватит о дряни. Давайте есть, пить, предаваться воспоминаниям. — Воробейчик налил полную рюмку и выпил, не дожидаясь других.

— Толя, — сказал он, отдышавшись, — что тебе известно о нашем выпуске? Все ли живы, здоровы? Может, кто-то покинул сей бранный мир? Про Сашу Сорокина мне известно. Остальные все живы? Отрадно слышать. Тогда давайте тряхнем стариной. Споем «Ихтиандра»! Начали!

И они вдарили. И хорошо вдарили. Спиртное ведь сказывалось.

Дьявола морского Ихтиандром звать,
Он умеет плавать, глубоко нырять,
А дурак Зурита на своем корыте
Хотел его поймать!

Теперь глаза заблестели у всех. Эх, молодость, молодость. Как ты дорога нам сейчас! И как не вспомнить еще одну песню, тоже связанную с молодыми годами:

Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя.

На этот счет у Твердохлебова было свое мнение. Он считал, что автор присвоил первую часть строчки у фильма с таким названием. В середине шестидесятых демонстрировалась лента про коммунистов, ожидающих казни и сочетающихся браком в тюрьме.

— Забыли? А я малость помню. Ну болгары, ну болгары дают! Оказывается, у них перед расстрелом можно жениться. Чтоб семья зря не пропало. О времена, о нравы!

Посидели они хорошо. Даже, можно сказать, очень хорошо. Воробейчик набрался так, что с табурета упал. Ни Городецкий к родной тетке, ни Когтин домой даже не разъехались. Зато Воробейчику была предоставлена персональная кровать в супружеской спальне. Наутро Воробейчик аж стонал, так хотел опохмелиться, но Твердохлебов был твёрд, отказался войти в его положение, говоря, что потакать слабостям дурной вкус. Мойша ему еще «спасибо» скажет. Воробейчик ныл и ныл, обещая умереть у Твердохлебова прямо на глазах. И Сергун, скрепя сердце, уступил. Он был добрым стариком, не мог видеть, как человек мучается. Разрешил другу поправиться половиной стакана.

Придя немного в себя, Воробейчик попросил отвести его на кладбище. Посидев на могиле матери, он окончательно вернулся в нормальное состояние. Довольно твердо зашагал к ожидающим его в машине друзьям молодости.

— Теперь можно и визави нашего проведать, — пробасил он, усаживаясь в «Фольксваген». — Непонятно, почему за столь большой отрезок времени, если это не ваш бред, его ни разу никто не видел? Или видел, да до ученых информация не доходила? Кто ответит?

Ответа, естественно, не было. Машина затормозила, как им казалось, на том самом месте, хотя голый ранее берег успел покрыться березняком и елями. Воробейчик первым вылез наружу.

Внук Симы не лгал. Октопус и в этот день пребывал на поверхности. Он был похож на большое черное пятно.

— Эй! — крикнул ему Воробейчик. — Привет! Узнал меня?

Всем показалось, что чудище поняло его, потому что повернулось и, как в прошлый раз, направилось к ним. Мужчинам это не понравилось. Неожиданный фокус проделал Городецкий. Вылез вперед и, вырвав из-за пояса пистолет (как он мог скрывать его столько времени?), принялся палить по зверю, истошно крича при этом: «Приплыл по наши души, бич божий? Мне только что это стало ясно. На тебе, на!» Октопус был уже вблизи их и начал вздывать свои щупальца, но как-то неуверенно. Воробейчик вместе со всеми отбежал от кромки воды, бормоча, что на месте руин раньше был филиал Московского биоэкспериментального института.

— Мне эта истина тоже ко мне явилась во сне. Я понял, что он пришелец с Тау Кита. Институт с ним контактировал. Видать, ученые и инопланетянин разошлись во мнении в чем-то, и этот гад превратил здание в груды обломков!

Словно подтверждая слова Воробейчика, со щупалец чудовища сошел голубой туман, поваливший мужчин оземь. Спустя некоторое время они поднялись, только Воробейчик остался лежать неподвижно. Он был фиолетового цвета. И мертвый. Вода карьера вдруг закипела, и поверхность густо покрылась одноголовыми уродцами.

Что, если и там, как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знание,
Что, если и там почкованье?

Брыкся

Для большинства населения городов и других населенных пунктов балкон есть сосредоточение вещей, вышедших из употребления, но все еще нужных. В основном это мебель и одежда. Для сада там, для гаража. Кондратий Савельич, что живет на улице Шуменской, сада не имел, зато гаражом обладал. В специально созданном стеллаже он держал амуницию, в которую был сейчас облачен. На нем были выдавшие виды джинсы, старенькая ковбойка. Сей ветхий наряд был нужен для опускания картошки в подвал гаража. С минуты на минуту должен был прийти Валерка, пасынок, чтоб помочь ему в этом. Трудно сопя, Кондратий Савельич искал в куче барахла полотняные перчатки, в которых любил работать в гараже. Внезапно тряпье рядом с наваленными на полу книгами зашевелилось. Кондратий Савельич одернул руку. Что это? Крыса, мышь? Оказалось, что нет. Вместо них на свет вылезло одно крыло, второе, а за ними показалась брыкся, синяя, с полосками на боку. Она раскрыла свою страшную пасть и прохрипела:

— Хау ду ю ду, Кондратий! Как житуха? Ничего?

Писатель Булгаков был прав. Люди не привыкли к сверхъестественным явлениям. Вот и наш Кондратий Савельич тоже. Ему никогда не доводилось встречаться с брыксей. Он даже не знал, что она существует, но до него сразу дошло, что это именно она. На чем держалось его утверждение? Он и сам не знал, как не знал, откуда ей известно его имя.

Животное было молодое, примерно шестимесячное, оно гримасничало, подмигивало, стучало хвостом по полу. Но что брыкся говорит, ввергло Кондратия Савельича в панический страх. Он забился как в лихорадке и с воем выкатился в прохладу квартиры, точнее, на кухню, где у плиты священнодействовала супруга. При виде белых глаз Аврора Иннокентьевна тоже почувствовала себя не в своей тарелке. Поварешка булькнула в кастрюле с супом (суп, между прочим, был солянкой, вкусный невероятно).

— Что, — с трудом проговорила Аврора Иннокентьевна, — с тобой? На тебе лица нет.

— Брыкся! — выдохнул Кондратий Савельич, указывая на прыгающего у ног зверя. — Брыкся! Не видишь, что ли?

— Где? И кто такая брыкся?

Кондратию Савельичу, не смотря на страх, хотелось ударить крылатого гада, но не осмелился. Между тем, брыкся уже скакала по-обезьяньи по кухонному шкафу, делая ему оттуда «нос».

Аврора Иннокентьевна оторопело взирала на супруга. Как понял Кондратий Савельич, она действительно не видела непонятное существо. «Что, — потрясенно думал он, — это мне только доступно? Что у меня, особое зрение, что ли? Или я с винта сорвался? Ничего,ждемся Валерку, разъяснит, вижу я ее или нет».

В этот момент в прихожке ударил звонок. Пасынок, мелькнуло в голове у Кондратия Савельича. И он испытал облегчение. На пороге действительно стоял сын жены. И он был не один. С Валеркой был зять Кондратия Савельича Сашка. Валерка поднес руку к непокрытой голове и отрапортовал, что он с Сашкой готов выполнить порученное им задание.

— Я вижу, ты с нами собрался, — сказал Валерка. — Это хорошо. Будешь картошку в ведра накладывать. Поехали, давай, мне у сына нужно быть в четыре.

Но Кондратий Савельич уже не был расположен к сельскохозяйственным операциям. Что, два здоровенных мужика без него шагу ступить не могут? Пусть они его извинят. По минутно оглядываясь вокруг, Кондратий Савельич поведал гостям о загадочном существе, стоя в одних носках в подъезде. Валерка хорошенько поглядывал то на мать, то на Сашку и, чтоб доказать, что дед галлюцинирует, отодвинул его и решительно ступил в квартиру. Оба, и он, и Сашка, уважали Кондратия Савельича за веселый нрав, за то, что он привечал их, давал в долг, когда им хотелось выпить. Тщательно оглядев жилье, они вернулись в подъезд. Брыкся им тоже была недоступна.

— Глюки чистой воды, — прокомментировал Сашка, — померещилось вам, Кондратий Савельич.

И тут мир за окном потух. В буквальном смысле этого слова. Мгла обрушилась. Подобное уже происходило! Это описано в литературе. Хотя бы в альманахе «100 великих тайн». Правда, не у нас происходило. В туманном Альбионе. Куда-то исчез шум улиц, умолк говор людей, пропал гул автомобильного транспорта.

— Час от часу не легче, — сказал, стоя в вязкой тишине Кондратий Савельич. — Что за дела?

И тут в гостиной что-то грохнуло. Да сильно так, что стекла окон повывлетали. Оказалось, аквариум взорвался. Стоял себе на журнальном столике, стоял, и вдруг нате вам. Почему громыхнул — загадка из загадок. Кондратий Савельич нашупал на стене выключатель. К счастью, электричество было, но в квартале гулял туман. Когда он немного рассеялся, Кондратий Савельич увидел на висящей на стене картине брыксю. Она издевательски скалила зубы и хлопала себя по омерзительному розовому заду. Кондратий Савельич сглотнул слюну и повернулся к Валерке с Сашкой: ну что, видите теперь? И тут же про зверя. Увиденное было сногшибательным. Сашка, Валерка и Аврора Иннокентьевна были окаменелыми. От них исходил едкий запах ацетона.

И тогда темнота исчезла так же внезапно, как и началась. С ней пропала и брыкся. Ее последними словами была фраза: «Пока, дедуля! Мы еще встретимся с тобою!»

И что непонятнее всего, что за время стояния тьмы оказалось прошло три дня. Не больше и не меньше.

Да, такая вот история. Невероятная, скажете вы. И прав был Н. В. Гоголь: «Что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете — редко, но бывают».

Агент по особы делам

— Ширнулся? — пошутил дед.

— Так точно, вашбродь! — отсалютовал я, проходя мимо старика, ожидающего своей очереди, и выходя из поликлиники. Я только что побывал на дневном стационаре и влил в себя лошадиную дозу лекарств. Спустя несколько минут я был в столовой. Она в том же квартале, что и лечебница. Есть хотелось страшно, но очередь продвигалась медленно. Но так или иначе, я все же приближался к раздаче. Грошей у меня кот наплакал, и потому я взял самое дешевое: жареную картошку. Народу в столовке было много, но, когда я стал оглядываться в поисках места, мой любимый столик в углу освободился. Ну не сам столик, разумеется, а место. Поев, я вышел на улицу и закурил. Благо, до встречи было время, и я решил пройтись по проспекту. Вечерело. Я неторопливо фланировал мимо разнокалиберных киосков, обзревая девушек в модных рваных джинсах и молодых мамаш с младенцами в колясках. Рядом шуршали колесами автомобили, за домами звенели трамваи, все было великолепно, и время летело стремительно. Поглядыв на часы в сотовом телефоне, я ахнул, сказал: «Пора», — и поспешил на остановку маршруток. Через четверть часа я обменивался рукопожатием с Малышом Цыпой у памятника советскому солдату-освободителю.

— Не передумал? — спросил Малыш Цыпа. — Дело ответственное. Нет? Очень хорошо.

И он повез меня на другой конец города. Мы вышли на конечной остановке и долго тащились по темной улице поселка. Миновав заколоченный кино клуб, мы очутились у цели. Домик был деревянный, двухэтажный с почтовым ящиком на единственной двери. На стрёме никого не было. «Конспираторы», — сердито подумал я. Мы вошли в подъезд, поднялись по лестнице, Малыш Цыпа толкнул одну из дверей, и мы попали в большую освещенную комнату.

За богато накрытым столом восседало человек десять мужчин и одна необъятных размеров женщина. За главным столом сидел Тумак, глава корпорации. Его я уже знал. Имел с ним беседу. Остальных видел впервые. Взоры присутствующих обратились на меня.

— А вот и наш новый сотрудник, — сказал Тумак. — Вернее, еще кандидат. Ради него мы и собрались. Для окончательного решения ты, голубь, должен рассказать свою биографию. Давай, не тяни kota за подробности. Хотя это и взято с прежних времен, но имеет свою весомость. Должны же мои мальчишки знать, с кем имеют дело.

Я запустил пятерню в волосы на затылке. Не люблю делиться сведениями о себе. Но нечего не попишешь — надо.

— Рожден в 98 году. Родителей не помню. Рос в детдоме. Теперь живу в общежитии. Работаю грузчиком в универсаме. Подай, принеси. Заколачиваю тыщу в день, копейки. Во-о-от. Не женат. Что еще. Кажись, все.

— Как расцениваешь свое будущее участие в нашем сообществе? — задал вопрос один хмырь, толстый такой боров.

— Как... очень высоко. Вашему брату нужно памятники при жизни ставить. Вы благодетели. Освобождаете от воров, другой накипи, нашу жизнь. Это очень благородно. Я тоже хочу гнобить капиталистов, шантрапу разную. Возьмите меня к себе, не пожалее.

— А как насчет верности обществу, ну нам, то бишь, — сказал еще один мужик. — Не заложишь, случись что?

— Если предам, сразу ставьте на ножи. Но это исключено. Я не продаюсь.

— А что ты умеешь делать? — спросила женщина. Она не сводила с меня глаз. «Втрескалась ты, что ли?» — подумал я и нахмурился.

— Что я умею делать? Боксировать. Второй разряд. И немного рисовать. В студию раньше ходил. Акварели недурственные делаю.

Я умолк. Коалиция, а по-простому «малина», словно поджидала, чтобы я замолчал, и заговорила разом. Кажется, вопрос решался в мою пользу. Так оно и случилось. За меня был лес рук.

После моего принятия началось гужевание. Я не пил, помнил о принятии лекарств. Около двенадцати кайф начал сдуваться, и братки начали расползаться. Я бы тоже свалил, но Тумак приказал мне остаться. Я послушался. А как иначе?

— Хочу сразу подключить тебя к ответственному поручению. Я почему тебя затормозил? Не хочу, чтобы о нем все знали, — сказал он, едва за последним братком закрылась дверь. — Ты как? Пойдешь на мокруху? Говори, не задумываясь.

Я содрогнулся.

— Ну. Не знаю. Скорее всего, да. Я сильно зол на людей. От кого следует избавиться?

— Не торопись, пись, пись, дрись. — Он поднялся, засунул руки в карманы брюк и начал мерить комнату большими шагами. Тумак совершенно был не пьян, хотя один выжрал флакон, сам видел. Кончилось тем, что он остановился и сел напротив меня.

— Раньше в ходу у куплетистов эстрады была такая песенка, — начал он. — «У старушки-побирушки миллион нашли в кадушке. Остальное, как излишки, она хранила на сберкнижке». У нашей старой вешалки нет ни миллионов, ни кадушки. У нее алмаз. Очень большой и старинный. Он ей абсолютно ни к чему. Старушенция, разумеется, сама его не отдаст, так что ее необходимо того, как Зою Федорову. Слышал про такую?

— Не приходилось.

— Ну и ладно. Только я хочу, чтобы это произошло без шума, и поэтому стрелять тебе не дам. Орудуй кастетом. «Тюк прямо в темя, и нету Кука». Выполнишь, будешь моим порученцем по особо важным операциям. Усек? Вот и ладушки. — А теперь, — поднялся со своего места Тумак, — проваливай. Хиляй в свою хивиру. Погодь. — Он протянул мне металлический предмет. Это был свинцовый кастет. — И учти, что акцию нужно проделать завтра. На это есть веские причины.

Вечером следующего дня я топтался поблизости назначенного адреса. В девять я должен позвонить в дверь и назваться другом внука хозяйки и сообщить, что его забрали в ментовку. Старушка, по идее, должна тут же открыть. Внука она любит до беспамьятства. Удар по бесптолковке, и пишите письма. Дуся Складкина, та мясистая наша поделница, была ее знакомой и уверяла, что хозяйка алмаза держит его в стиральной машине.

Камень следует извлечь и привести к Тумаку, который с нетерпением ожидает его.

И вот я хожу около стоянки автомобилей и детского садика, после чего подкрадываюсь с мокрыми ладонями и вспотевшим лбом к подъезду номер два, к квартире двадцать два. Мне еще не приходилось никого лишать жизни, и я отчаянно трусил. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Когда я проходил арку, меня ослепил свет фар. Машина мчалась в мою сторону. Я ощутил тупой удар в правое бедро и стал валиться на бок на еще теплый асфальт, потеряв сознание. Сколько я так валялся, не знаю. Очнувшись, я провел ладонью по бедру.

Нога отозвалась тупой болью. Сломана, подумал я. «Тварь, блин, — подумал я о водителе. Сбил — и взад пятки. Но что мне делать?»

Неужто никто не видел, что я улегся «загорать»? И не позвонить Тумаку, зарядка в сотовом сдохла еще утром. Времени не было для ее восстановления. И тут над собой я услышал:

— Парнишка, а чего ты тут, между прочим, разлегся? В самом неподходящем месте? Наклюкался, да?

Я с трудом приподнялся. На темном уже небе были видны три фигуры. Это были молодые парни, скорее, мои ровесники. У меня перестало биться сердце. И можно сказать, штаны сопрели.

— Нет, меня скопытили. Не надо, ребята, не бейте, пожалуйста, — прохрипел я.

— Мы и не собирались тебя мутузить. Где живешь? Тебя же отвести надо. Где?

Я испытал невольный трепет. Юноши были не нашего века. Наши современники излупили бы до потери сознания. Сам с корешами так делал. А эти... Чудны твои дела, Господи! И я назвал адрес. Разумеется не «малины», не общаги, а Нонки Айбы, содержательницы веселых девиц. Ребята сдержали слово, привели к Нонке, это недалеко было. Я притворился, что привел их к себе домой.

— Мама, мама! — завопил я, что есть мочи, едва Нонка открыла дверь хазы. — Что со мною было недавно, ужас! Меня какой-то драйвер сбил, а юноши меня спасли. Честь им за это и хвала. Есть еще люди в наше время! Ставь чайник быстрее, угощай ребят кофе, на улице ветрина несусветная.

Питаться мои спасители отказались и, пожелав мне всех благ, покинули нас. Через несколько часов мне стало совсем плохо, и Айба вызвала «скорую». Молодая врачиха объявила что у меня кроме ушиба ноги сломаны два ребра, и увезла в травматологию.

Валялся в больнице я около месяца. Начал передвигаться в сентябре, а в начале октября двигался уже бодро. Меня посещал один Тумак и однажды озадачил новым делом. Кстати, алмаз к тому времени добыл еще один порученец по особо важным операциям, что мне очень не понравилось. Мне казалось, что я буду в единственном числе, а вон как оно обернулось. «Не потерплю конкурентов, — размышлял я ночами, — завалю, как кабана противного. А дело было вот каким. Нужно прищучить одного крутого дельца. На днях ему должны заплатить кругленькую сумму за проданную трехэтажную виллу, и бабло придется нам весьма кстати. Тумак назвал адрес и снова дал понять, чтоб орудовал только кастетом. У него, как он выразился, идио... идиосинкрязия к крови. Не выносит даже упоминания.

И вот три дня спустя курю, ожидая жертву возле одного из домов города. А жертвы все нет и нет. Где же он, интересно зацепился, думаю. Мне уже зябко стало в бабских шмотках. Блузка, юбочка короткая. Нарядился, чтоб не узнали. Значит, пребывал я не в духе и потому не слышал, что позади обнаруживается некий субъект. Даже вздрогнул, когда он обратился ко мне.

— Девушка, — говорит, — извините, нет ли у тебя лишней сигаретки? Так курить хочется, что впору выть хочется. Есть? О, спасибо!

Прикурил субъект от моего окурка и, представьте себе, говорит мне:

— Ты зачем женское облачение напялил? Что, трансвеститом сделался? Ну и ну. Что зенки выпучил? Я ж тебя знаю. Весной спасал тебя с друзьями, забыл? Что, не узнал?

Я поперхнулся дымом. Мелко, как после большого бодуна, затряслись руки. «Придет-ся и этого отправлять к праотцам, — мелькнуло в голове, — а то станут искать свидетелей смерти денежного мешка, он и укажет на меня. Тем более что ты знаешь, где якобы я живу. Да, один жмурик, два, какая разница. Ну что, спасатель, готовься, тебе фары сейчас писать будут. Разнесут туда-сюда по трафарету. Я тебя в кустах спрячу, пока найдут, то-се, я далеко уже буду. Ну, держись!»

И я повел висящей на плече раскрытой сумочкой. Кастет, словно живой, прыгнул мне в руку...

Бесы

Время действия: наши дни.

Место действия: областной центр.

При виде вынырнувшей из-за косогора аллеи я воспрянул духом. Мы с Матвеем на правильном пути. А то у меня было подозрение, что мы взяли вправо. За аллеей (скопище желто-красных сосен, которые образуют купол) в поселке наш конечный пункт. В нем мы развернемся и поедem обратно.

Солнце уже достигло своей наивысшей точки. Стало теплее, воздух сделался свеж и вкусен, бежать стало легче. Что ни говори, а второе марта есть второе марта. Весна прет из всех щелей. Восстановив сбитое бегом дыхание, я еще энергичнее налег на палки.

Местность оставалась малознакомой. Я тут катался лет десять назад и все забыл, но знал, что неподалеку от аллеи находится поселок Ольховка. Скорее всего, размышляя я, глядя на зеленый островок, среди бескрайнего савана равнины, за тем массивом.

Стояла оглушающая тишина. Шум города не доходил сюда. Слышался только скрип наста да мое затрудненное дыхание.

Аллея кончилась. Матвея нигде не было видно. «Угомон тебя побери, — подумал я. — Оставил далеко позади, и тащись теперь по его лыжне. Ему хорошо, он моложе и палки у него не то что мои — длинные. Отталкиваться ими гораздо легче».

И тут природа вздумала фордыбачить. Только что светило солнышко, а тут на тебе: небо стало низким, тучи откуда-то взялись свинцовые и пошел снег, будто архангелы наверху открыли гигантскую заслонку. Враз потемнело. Вот вам и ваши восторженные дифирамбы первому месяцу весны, уважаемый Кузьма Григорьевич, рассердился я, а то «что не говори, второе марта...» Тьфу, пенек старый!

Тут я заметил в окружающем ландшафте нечто несуразное. Представьте себе, в небольшой группе берез шевелилось, а вернее, не шевелилось, а перемещалось что-то непонятное. Я подъехал ближе. И обалдел. Такого мне еще не приходилось видеть.

Меж деревьев сновали зубы. По крайней мере, мне так показалось. Но я тут же опомнился. Какие зубы? Неведомые существа. Похожие, но они действительно напоминали коренные зубы плоскостью вверх. У существ были маленькие глаза и тонкие, как спички, руки. Насчет ног ничего сказать не могу. Нижняя часть существ была сокрыта снегом.

Движения у существ были хаотичными. Сновали туда-сюда без всякой логики. Но что вообще непостижимо — так существа были нематериальными. Это я усек сразу. Они легко проходили через друг друга, сквозь березы и так же легко выходили обратно. Меня они, странное дело, как будто не видели.

Не знаю, для чего мне понадобилось трогать палкой одного из них. Словно знамение нашло. Рукой бы я его никогда не коснулся.

И тогда произошло вот что. Существа обрели розовый цвет. Стали напоминать поросят. «Да это бесы!» — думал я про себя. И тут до меня дошло: они обрели плоть. Все до одного и одновременно. И еще мне показалось, что существа только теперь обратили на меня внимание, потому что по всем правилам военного искусства сгруппировались и начали брать меня в клещи. Мне это не понравилось, и я треснул ближайшего из них палкой. Я не ошибся: они на самом деле приобрели мощь, потому что железный наконечник легко пробил его насквозь. Да, это было неземное существо: кровь у него была зеленой, и тогда поросята набросились на меня, а точнее, на палки. Представляете? Я заорал и начал колотить что есть силы бесов своим спортивным инвентарем. Сильный удар по голове повалил меня лицом в снег.

Карикатура удалась. Сюжет и персонажи получились смешными. Довольный, я собрался делать рисунок, как зазвонил телефон. Я нажал кнопку приема.

— Алло. А, это ты. Привет, привет. Что скажешь? — Это был Матвей.

— Как мое здоровье? Ты знаешь, нормальное. Шишка рассосалась, голова не болит. На лыжах? Нет, уволь. С лыжами завязано. Хватило этого случая. Просто боюсь. Я тут думаю, а не заняться мне лучше манипулированием гантелями. А что? Силенка еще имеется.

Мы поговорили. Я сильно зауважал его за то, что он не бросил меня в бору. Как дело было? На мое счастье, он увидел, что меня долго нет, отстал, решил поглядеть, где я, и вернулся, не добравшись до Ольховки. И увидел меня, лежавшего ничком. Что это со мной? Рядом никого не было. Бесы к тому времени исчезли. Снег лишь остался истоптанный, словно кукольными ножками. И палок моих не было. Вместо палок на голове моей имелась поражающая воображение шишка. И что тогда Матвей сделал?

Связал лыжи, положил меня, так и не пришедшего в сознание, на них и поволол к шоссе. Там остановил проезжающую машину и заставил отвезти нас в больницу. Там врачи долго приводили меня в сознание. Если бы не Матвей, меня бы в живых не было. Спасибо ему. А ведь раньше я его недолюбливал. Нет, есть настоящие люди в России, есть, не переверлись!

Услышав, что я хочу тренироваться с тяжестями, Матвей сообщил, что видел объявление о наборе в секцию туризма. Это оказалось недалеко от меня. На лыжной базе. Надо будет проверить, подумал я. Поговорив, мы разъединились. Я направился на кухню чтобы сделать себе бутерброд с колбасой, и внезапно остановился, будто мне подрубили ноги. В углу, у входной двери, я увидел лыжные палки. Я подошел поближе и опешил еще сильнее. Это были мои пропавшие палки. Я не ошибся. Вон знаменитая моя царапина. Мои! Откуда они взялись, как оказались в моей квартире? Я с грохотом метнулся обратно в комнату, чтоб известить о них Матвея, но бессильно опустил руки. Номер был занят. «Болтаешь с кем-то, — озлобленно, — подумал я, — нашел время!»

Я не знал, с кем еще можно поделиться своими соображениями. Это, конечно, что предпринять. Связь между бесами и палками была отчетливая. Только зачем им они? Впились как собаки в колбасу. И кто они такие? Может, настоящие бесы? Но их же не существует!

От этих мыслей у меня заломило в висках. И тогда я махнул на все рукой и со страхом в сердце вынес палки на балкон и бросил вниз с четвертого этажа. Не могу держать дома вещи, побывавшие непонятно у кого. Может, подберет кто-нибудь. Бабульки, например. Они обожают передвигаться с ними. Что со старушками может произойти, я старался не думать.

Две недели прошли в томительном ожидании. Я боялся возмездия за бросок. Потом страх стал затихать. И приблизительно месяц спустя я наткнулся на сообщение, кем могли быть мои поросята. Обитателями других миров. Прочел в книге «Загадка Воланда». Она у меня имелась больше десяти лет. Я читал ее несколько раз, но тут наткнулся на незнакомое. Было такое впечатление, будто кто-то втиснул свою вставку. И, что самое главное, выдал за текст Сирано де Бержерака: «Они тоже тело, но не наше, как мы, и вообще такие, каких мы можем себе представить, ибо в просторечье мы называем телом лишь то, до чего можем дотронуться. Впрочем, в природе нет ничего, что не было бы материальным, и, хотя они сами материальны, все же, когда они могут стать для нас видимыми, им приходится принимать такие формы и размеры, которые доступны нашим органам чувств...»

А через несколько страниц новый силлогизм. Уже Е. Блаватской. Сначала я обрадовался, но при здравом размышлении понял, что оно тоже мало что объясняет. Вот он: «Каждый из миров повинуется своим собственным законам и условиям, не имея непосредственного отношения к нашей сфере. Обитатели их, как уже сказано, могут без того, чтоб мы это знали и ощущали, проходить через нас и вокруг нас, как бы сквозь пустое пространство, их жилища и страны переплетаются с нашими, тем не менее не мешают нашему зрению, ибо мы еще не обладаем способностью, необходимой чтоб различать их».

Да, мало что объясняет. Как понять исчезновение палок и их перенос ко мне? И почему к ним такая тяга? Что, увидели в них прообраз копий? Но как тогда совместить космос и копьё? На этот вопрос я не нашел ответа.

С Блаватской солидарен и Достоевский. «Приведения — это, так сказать, клочки, обрывки других миров, их начало.

Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешней жизнью, для полноты и порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше...»

С Федором Михайловичем я согласен наполовину. Больным я в тот день был.

Никто не привел меня к единому знаменателю. Так и живу с этой занозой в сердце.

Такие вот дела. Так что бесы — это пришельцы из других миров. Дела, однако...

г. Челябинск

17 марта 2019 исполнится 70 лет
талантливому поэту, прозаику и краеведу, члену Союза писателей России,
автору нескольких книг **Анатолию Григорьевичу Кухтурскому**.
Поздравляем нашего постоянного автора с юбилеем, желаем здоровья,
семейного благополучия и творческих успехов.

Любовь Дубкова

Из книги «Золотые знаки»

* * *

Вот и снега на тарелке
С бронзовой стылой каймой.
Ходиков скорые стрелки
В сговоре с юной зимой.

Съёжились поздние лужи,
Варится клюквенный морс,
Грустью пропитанный ужин
В лёд одиночества вмёрз.

Снежные стёжки совпали
С проседью в шёлке волос,
Призрак осенней печали
В мысли нечаянно врос.

Вечер спускается рано,
Утром — кромешная тьма.
К сердцу нежданно и странно
Вдруг подступила зима...

* * *

Рисунок жизни — степь да перелески,
Дорога вьётся к звёздным перекрёсткам.
Зовёт наверх сверкающая фреска,
Но ветер сносит вниз порывом хлестким.

Осенний лес, прихваченный морозом,
Трепещет, но противиться не смеет.
Вот так и я: бегу за паровозом
В последний путь, а ноги — столбенеют.

Кичливо ель среди берёз покорных
Стоит зелёной новогодней свечкой,
Макушкой-стрелкой тянется упорно
В меня не принимающую вечность.

А я, пожалуй, выйду на поляну,
Где стебли трав дрожат осиротело.
По стрелке ввысь замороженно гляну,
Махну рукой: да я и не хотела...

Утром

Утром дышится хорошо,
Воздух сладкий и невесомый.
Нежный снег не спеша пошёл
Белой шторкой на окна дома.

Я ещё не включила мозг,
Мне, сове, по утрам непросто.
Тонут в тучах остатки звёзд,
Стрелы кранов большого роста.

Разгуляется зимний день,
Может, солнце проглянет в щёлку.
А пока — очки набекрень,
И снежинки целуют в щёки.

Бессонница

*Покой земли лучами звезд обвязан.
Озябло птица кружит в вышине.
Я чем тебе, бессонница, обязан
и от каких ты дум пришла ко мне?*

Вячеслав Богданов

Откуда ты, бессонница, берёшься?
И как находишь нужное окно?
Безвестной птицей надо мною вьёшься,
Клюёшь судьбы невсхожее зерно.

Кормлю тебя досыта поневоле,
Покоя нет, и не приходит сон.
Ночь принесла в искрящемся подоле
Авоську дум и колебаний сонм.

Пробудятся столетние обиды,
Бессмысленных терзаний снежный ком,
Как будто стены комнаты обиты
Из фотоплёнок чёрным полотном.

И в этой полуяви-полубреду
Меня опустошишь почти до дна!
А за стеной спокойно спят соседи.
А на дворе — роскошная зима...

Кто-то

Циклонические вихри
Оккупировали время!
Дождь со снегом — по апрелю,
Или снег с дождём — по маю.
Ничего не понимаю —
Батарейки отсырели.
И прочитанные всеми
Ветры-мысли поутихли.

Утром выйду на поляну
Облаков пушисто-белых,
Буду выше и спокойней —
Пусть циклон внизу шагает,
Ливни-грады низвергает,
Жалит землю током молний,
Рассыпает децибелы,
Гололедит полупьяно.

У заоблачных ромашек
Лепестки не обрываю,
Не гадаю — ни к чему мне
Ни прогнозы, ни гаданья,

Ни пустые ожидания.
Просто кто-то очень умный
Проведёт меня по краю
Без ошибок и промашек.

г. Челябинск

Надежда Лысанова

Души моей волнение и холод^{*}

* * *

Источник тепла — просто глаза.
А под ладонью томится тоска.
Гребенкой ее б расчесать —
Лучами сбежала я б в сад.
Тепло неправильно пульсирует,
Его спокойно нивелирует
Обычное воскресение.
Чувствую кожей прикосновение.
Тепло неправильно пульсирует,
Его искривляет с силою
Зеркало далекого озера,
Покрываясь синею кожей.

* * *

Стекланный холод моих позиций,
Не скрою, стоит моих амбиций.
Стекланный ветер моих зачатых
Всего лишь очки мои поцарапал.
Стекланный дом мой стоит по центру
Вселенной — так надо мне интроверту.

На события в Магнитогорске

Не обезболивайте, ангелы,
Души моей волнение и холод.
Часы предпраздничные все отставлены
За плит отвесных полог.
Не нужен мне, моей семье
И тысячам еще, и миллионам,
Когда зияет космосом в стране
Дыра среди домов, где стонам,
Слезам, рываниям, испугу, скорби
Нет меры, нет границ, нет утешенья,
Не нужен новогодний пир покорных!
Не станем лгать себе в успокоенье!
И пузырькам шампанского, как прежде,
не взлетать.
И праздник для ребят чуть тише станет,
Ведь детям под завалами уж больше
не видеть
Снегурочек и Дедушек с дарами.
Молитвами пытались вытащить
Мы тех, кто чуточку дышал.

Спасатели там Ванечку услышали,
Один за всех он с ангелами ждал.

Сон

Сегодняшний сон,
Я чувствую, вещей.

Лишь комната длится,
К ней свет — дождем,
Обломками лица —
Не вспомнить имен.
Лишь в узком пространстве
Пустой коридор,
Клубится пыль танцем,
Взгляд чей-то в упор.
В бордовом пальто я:
Всего-то мне тридцать,
Как птица над домом
Стремлюсь в гнездо свиться.
Я знаю, там скомкано —
Все в стопор! В укор!
У вазы в комнате
Огромный «Киевский»
Торт.

Я за Родину свою

Я за радугу зимою,
Я за дождик и грозу.
Если надо, пусть умоют
Необъятную мою.
На морозе жжет десницы,
И ланиты щиплет, колет —
Лучезарные девицы
Хороводят будто в поле.
Очищение с небес
И молитва на земле —
Ни какой не страшен бес!
Здесь живется просто мне:
Пусть богатства не досталось,
Скромен уголок жилья —
Для любви моей не мало.
Всюду Родина моя!

* Публикуется в авторской редакции.

Город в феврале

В заснеженном городе люди живут,
В застуженном городе трамвая ждут.
А рельсов не видно, как будто по снегу
Плывет кораблик, звенит с разбегу.
В замерзшем городе — волшебные скверы,
В них зашторены в сумерках ели.
Лохматыми ветками закрывают окна,
Эта ткань от ветра иголками соткана.

И белки, как пятна, по веткам мелькают,
Ссыпают иголки и шишки кидают.
А в шишках осталось забытое семя,
Раздуют семя ветер и время.
Усыпаны будут дорожки точками,
А шишки вмерзнут повсюду почками.
Метели подхватят веселые точки,
У елок весной подрастать станут дочки.
Застегнут кафтан на шишки-пуговицы
В заснеженном городе, где прямые улицы.

г. Челябинск

Татьяна Ческидова

Глубоко внутри меня

* * *

Поезд плёлся, будто хворый.
Время медленно текло.
Я отдёргивала шторы
И глазела сквозь стекло.

Мысли шкрябались наружу,
И тоска была сладка,
Я влюблялась в снег и стужу,
В кучевые облака.

Вдоль путей неслись деревья,
Будто наперегонки.
Продавали мне деревни
На пирогах пирожки.

И дорог половиками
Разбегались города,
И взлетали куполами,
Как из Божьего гнезда.

А с души катился камень,
И казалось в свете дня,
Это было всё веками
Глубоко внутри меня.

Прелестны и безумно далеки
Манящие мерцанием пляды,
Но всем земным законам вопреки
Спешат друг к другу пламенные взгляды,

Не ведая пространственных преград
И мир единый не деля на части.
Так в небе происходит звездопад —
Прикосновений маленькое счастье.

* * *

А за окном зима кошёлкою
Трясёт усердно от щедрот
И ворожит натурой колкою
На только что рождённый год.

И вяз безжизненной наружности
Раскинул белые вихры.
И всё как будто от ненужности
Снегами скрыто до поры.

А в голове уже распутица
Ещё не пройденных дорог,
По ним судьба моя — попутчица —
Идёт, оттачивая слог.

Звёзды и светофоры

*Когда в подъездах закрывают двери
и светофоры смотрят в небеса...*

Борис Рыжий

А светофоры смотрят в небеса,
Сквозь полутьму вытягивая шеи.
Зелёно-жёлто-красные глаза
Таращатся на звёзд оранжереи.

По улицам неспешно бродит ночь.
И где-то флейта изливает скерцо,
И силы притяженья превозмочь
Не в силах механическое сердце.

И верю: всё, как надо, сложится.
А ты пиши, перо, пиши,
Ведь зимы вёснами итожатся,
А строки — песнями души.

* * *

По снежным тротуарам января
Привычными маршрутами с работы
Плетёмся: одиночество и я —
И делим на двоих одни заботы.

Всё тех же фонарей парализи
По краю припорошенной дороги.
— Пора, зима, лечи меня, лечи,
Забеливай снежинками тревоги,

Зализывай недоброе «вчера»
Шершавыми полозьями позёмки.
Всё будет хорошо, и вечера,
Как прежде, по-домашнему негромки.

И вспомнится из детства баловство,
И вновь заколобродит в сердце что-то.
Покличу я судьбу на Рождество
И валенок заброшу за ворота.

* * *

Чудит зима. Шагает человек,
Протаптывая сквозь снега дорогу.
В его устах, в усталых складках век,
В глубинах глаз живёт молитва к Богу.

Кругом ветра безудержно лихи,
Хватай за хвост — и с головой в стихию,
А он, блаженный, бережно стихи
Из сердца вынимает, как стихирю.

И мир уже лучится новизной,
Обласканный живительной строкою,
И дышит даль слепящей белизной,
И небо — занавеской голубою.

И даже время, ускоряя бег,
Смиряет непогоды камарилью.
И сквозь снега шагает человек,
Не ведая, что за спиною крылья.

* * *

Засугробились поляны.
Заузорились леса.
Сквозь озябшие туманы
Розовеют небеса.

Еду стилою дорогой,
И водитель, что ящик,
Мне в авто четвероногом
Байки разные трещит.

А за стёклами берёзы —
Сосчитать и не берусь.
В городах метаморфозы,
Ну а здесь всё та же Русь

И разлюбится едва ли,
Путь нелёгкий предреша.
И звенит, и рвётся в дали
Колокольчиком душа.

Аральское море

Лунные пейзажи лижет пена,
Солью прожигая донага —
Море умирает постепенно,
Суше уступая берега.

Грезятся в нездравии недобром
И воспринимаются острей
Ржавчиной обглоданные рёбра
Призраками старых кораблей.

Вырваны притоков пуповины
Снам внутриутробным вопреки.
— Люди, люди! Как же мы повинны,
Сеем неизбывные грехи!

Так и не усвоены уроки.
— Господи! Скажи ты нам, скажи!
Море умирает на востоке,
Тихо превращаясь в миражи.

* * *

Ещё вино закатное бродило,
Случайно угодив в озёрный чан,
И сам творец невидимым кадилом
В низины испускал седой туман.

Тянулись подорожника ладошки
Тропинкою. Сгущались краски дня.
И лес встречал меня не по одежке,
А как большая дружная родня.

И всё казалось радостным на свете.
Забавно гомозился, как рыбак,
Паук, он на пути раскинул сети
И думал, что поймал меня, чудак.

* * *

Мне бы осени напиться,
Вороша ногами медь,
И берёз белёсых лица
До морщинок разглядеть,

До извилистых прожилок,
Что вросли в земную твердь,
Как бы время ни блажило,
Ни пускалось в круговерть.

Мне бы с осенью проститься,
Но прикован к небу взгляд:
Облаков свинцовых птицы,
Будто души, говорят,

Их тоска сквозит мольбою,
Слов почти не разобрать,
И у каждой за спиною
Крест — невидимая кладь.

А ветрюга ёжит плечи
В поле, брошенной стерне,
И осины, словно свечи,
Догорают в стылом дне.

* * *

Золотом сусальным —
Лунное пятно.
Ночь котом нахальным
Тычется в окно.

Погружусь планктоном
В пенно-ванный быт,
А кота не трону,
Пусть себе сидит.

* * *

Ах, этой осени балет,
Не шутка ль злая?
Казалось, ярким танцам нет
Конца и края.

Но краски времени не те,
Плыла усталость,
И пылких листьев фуэте
Не удавалось,

И наледь утренних дорог
Несла волнение.
И я читала между строк
Её сомненья.

Тамара Симовских

Любовь жива и трепетна во мне

Тайна бабочки

Я кокон, жаждущий света,
Тайна бабочки на свободе,
В ветвях заплутавший ветер...
Одна и со всеми вроде...
И что-то во мне клокочет,
О камешки бьюсь я речкой,
Кому-то не нравлюсь очень,
Кому-то кажусь беспечной.
Но крылья расправив ярко,
С цветка на цветок — и в небо!
Купаюсь в любви и подарках
И радуюсь крошечке хлеба.

Тайна

Есть в жизни маленькая тайна,
О сокровенной — не дано,
Хоть все открыты океаны,
И звёзд приход известен, но...
Но где-то в уголке души
Она искрится уголёчком.
А ты живи, а ты дыши,

А с неба сыпалась сурьма
И пламень крала.
В пуантах юная Зима
Уже блистала.

Светунец* (акrostих)

Смыкает ночь устало веки.
Вздыхает сыч в лесной тиши.
Едва небес коснулись реки,
Теченьем вспыхнули. Спешит
Улыбкой тонкой золотою
Наполнить чайня сердца,
Ещё весь мир в ладу с тобою,
Цвети и царствуй, светунец!

* * *

Не нарушая ход событий,
На волосок от ноября
Шёл снег по крышам общежитий,
По жухлым травам пустыря.

В своём явлении негромком,
Нетвёрдым шагом семени,
Он был совсем ещё ребёнком
Зимы в сознание у меня.

г. Троицк

* * *

Я не знаю, что это было,
Наваждение, страх одиночества?
Но любила, безумно любила
Безответно. А может, пророчество?
И под окнами ночью бродила,
Чтобы профиль увидеть лица,
А потом рука выводила
Стих корявый на пол-листа.
Помню снег, и листья-жестянки
В общем месиве, и асфальт.
Не была я его персиянкой.
А в сердце скрипка и чистый альт.
С фоткой, юная, нежно целуя,
Засыпала младенцем, дрожа.
А теперь я пою: «Аллилуйя!»
В нём моя растворилась душа.

* Светунец — в старину молодой нарождающийся месяц.

На покосе

Черная смородина,
Чудный запах родины,
Молодость в ладони у меня,
И ромашки во поле
Глазеньками хлопали
И плясали с ветром, веселя.
Где-то речка Каменка
Словно песня маменьки,
Ласково вдоль полюшка кружит.
А я шла вдоль реченьки,
Из-под ног вдруг птенчики,
Косари по травушке, по ромашкам —
вжик!

Звонкое и спелое
Лето пролетело ли?
Выросли душистые стога.
Помню ту смородину
И глаза Володины.
Счастьем мы светились тогда.

* * *

Посвящается Любови Морозовой

Ох, сломали ветку на морозе!
Она кричала: «Да за что?!»
Стихи слагая, проживала прозой.
А за спиною — желчь да шепоток.
Над пропастью у краешка стояла
И верила в любовь и чудеса,
Но каплею последней стало
Предательство, и плачут небеса.
Поверьте, люди, трудно быть поэтом,
Приоткрывая в таинство окно,
Вдруг улыбнётся женщина при этом,
Весну встречая с вами заодно.
Гитара и сейчас звучит красиво.
А судьи кто? Сама себе судья.
Сломали ветку, только почки живы.
Их в воду поспешу поставить я.

* * *

Крапива, зеленью дыша,
Встречает холод,
Она смогла, она бы жгла,
Хоть лист не молод.
Но потому и зелена —
Не мнут, не топчут.
И терпеливо ждёт она,
А день короче.
И голый куст среди рябин
Готов сознаться,
Средь ярких красок он один,
Но жизнь — прекрасна!
Трава поникла холодком,
Пригладив осень.
Поют о чём, поют о ком
Иголки сосен?

* * *

Игра, игра... доколе будет длиться?
Идут снега, и яблони цветут.
Но всё суровей и хитрее лица
Под маскою, а потому и лгут.
Я подставляю щеки, сердце, руки
И молча жду ответа, но, увы...
Не «дорогая», вся в трудах, без скуки,
Мишень для глаз у дорогой молвы.
Уходит лето с золотом пшеницы.
Встречают лето яблоки и мёд,
А я лечу, лечу на колеснице,
И кто-нибудь поверит и поймёт...

Женщина-осень

Чувствую яблоко.
Греет аллея.
Воздух — ал-ко-голь,
Дышу и пьянею.
Пою и рискую
Связки сорвать,
Краску какую
Мне срисовать?
Осень зелёную,
Красную, желтую,
Может, влюблённую,
Может, холодную...
Нет, очень тихую
Женщину рыженьку,
Яблоньку дикую,
Яблочки с вишенку.

* * *

Слышу тишину, и снова звуки
Вдруг прошили океан безмолвия,
Будто бы и не было разлуки,
Мысль летит быстрее яркой молнии,
Чтобы осветиться, чтоб озолотиться.
Ночью за стеной дыхание осени,
Свежестью напиться,
С миром поделиться
Радостью цветной,
Небесной просинью.
Слышу снова звуки каплями по крыше.
Дождь морзянкой, звёзды не видать.
Ты как будто ненадолго вышел
И войдёшь весь мокрый с головы до пят.

Сирия

Полнолуние, полнолуние во всём:
В любви, в грехах, в раскаянье и вере.
В сердцах надежду бережно несём
И трудимся по самой полной мере.
Молчали долго, будто бы проснулись,
Бой неизбежен — правды торжество.
И всё смелей свистят под ухом пули.
О небо, там же дети — божество!

Остановить безумие так сложно.
 Так сложно оставаться не при чём.
 А зло кипит и поливает ложью,
 Добро примерив на своё плечо.
 Луна — на убыль. Стоп! И нет войны.
 Не полыхают огневые зарницы.
 На поле боя вдруг услышим мы:
 Встречают песней мир
 под солнцем птицы!

Ромашки

Отчего так ярко светит месяц,
 Серебром играя на воде?
 Отчего цветы, головки свеся,
 До рассвета в думах о тебе?
 И ромашки, белизной стыдливы,
 Шепчут меж собою о любви.
 Ночь тиха, и, право, уж не вы ли
 Вечные попутчики мои?

* * *

Горы-великаны тайною объаты,
 Помнят всё и знают, знают и молчат.
 Был ли ты доверчив, был ли виноватый
 И глядел украдкой на других девчат?
 Желтыми купавками или поцелуями
 Осыпал любимую рано по утру,
 В пору сенокосную жаркими июлями
 По росе с ромашками затевал игру.
 Чаша с блюдцем — озеро с золотой
 каёмочкой,
 Травами обшиты берега,
 В сарафане ситцевом и босая Томочка —
 У подножья тайны в давние года.

Вишенка

Нас вишенка опять соединила.
 И мирозданье вздрогнуло опять.
 О Господи, какая же в ней сила! —
 Он веточки готов ей целовать!
 А я слезой умылась и дрожала,
 Как звёздочка в бездонной вышине.
 Запела птица, солнце возвещало:
 Любовь жива и трепетна во мне.

Букет

Дождь по стеклу и по щекам,
 Гвоздики с ландышем в букете,
 И миг любви рванулся к нам,
 Как будто мы в цветущем лете.
 Так в омуте зеленых глаз
 Июнь сверкает малахитом,
 В который раз, в который раз
 Я стала чуточку счастливей.
 Этот скромненький букет
 Под брызги солнца и дождя

Дарил от юности привет.
 Молю, храни Господь тебя!

Полынь

Полынь, полынь, как страж былых времён,
 Былин, былин... дорогам нет конца,
 Она в себя вобрала прах времён,
 И горечью полна её пыльца.
 Забрав в себя надежды жизни вечной,
 Вдыхая пыль дорог и пустырей,
 Стоит под солнцем, чтобы каждый встречный
 Стал чище, прозорливей и добрей.

* * *

Чтоб звучало серебром,
 звонкой речкою
 и взлетало ввысь орлом
 слово вечное,
 я впадаю в океан
 говорливых струй,
 мимо рифов по волнам
 рифму выстрою.
 Лира вынеси меня,
 покажи исток,
 пусть от жажды и огня
 нас спасет глоток
 той живительной воды —
 речи русской,
 что спасала от беды,
 гнала гнусное.
 Где баяны? — Это ж мы
 лирой собраны,
 и уж если зажжены
 песней доброю,
 то нести нам этот крест
 Богом велено
 и глаголом жечь окрест
 и Вселенную.

* * *

Я пишу, словно кистью веду по горам,
 То в долине рекой разливаюсь,
 А кому это нужно? Не мне и не вам,
 Никому, только каюсь и маюсь.
 Тучи серые в воду упали в закат,
 Словно губы — подкрашены кем-то.
 Мысли кружат и кружат, попав в листопад,
 И ложатся стихами моментом.
 Никого. Тишина. Мы шагаем вдвоём,
 Будто мамонты прошлого века.
 Справа горы, а слева цветной водоём,
 А над нами крупиночки снега.
 Уж стемнело, собака виляет хвостом:
 «Наконец-то, и где вас носило!»
 Мы ходили закат целовать за селом,
 В нас вселилась небесная сила.

п. Тыелга

Я книгу жизни то читаю, то пишу

Мой дед

Я расскажу вам быль, а может, сказку,
Как воевал мой дед на той войне.
Тонул в болоте и горел в огне,
Не надевая равнодушья маску.

«Вперед, в атаку!» — звал солдат на бой.
Он, не привыкший с детства к полумерам,
Был им отцом. И был для них примером.
А иногда и прикрывал собой.

Он Белоруссии простой освободитель.
Там тяжело всем давался каждый шаг.
Дел был в Берлине. Штурмовал Рейхстаг.
Он выиграл войну! Он — победитель!

Дед ранен был. И может быть, стократ.
Медали надевая в День Победы,
Шел на парад. Вел с ветеранами беседы.
И в честь него был назван младший брат.

Свою страну освобождая от оков,
Он подарил мне мир, любви полный.
Он не герой. Но я прошу запомнить
Простое имя — Леша Коротков.

А я в войну была еще ребенком
(по воспоминаниям бабушки)

А я в войну была еще ребенком,
Но помню все: свист нуль и вой тревоги.
Окошки занавешены пеленкой,
И дым ведущей в никуда дороги.

Той, по которой привезли нас на Урал,
Спасая от бомбежки в Ленинграде.
Нас детский дом в Миассе ожидал.
Нас — выживших и спасшихся в блокаде.

Назло военным и шальным ветрам
Вязали варежки и у станков стояли.
И ели хлеб с бедой напополам,
Тайком на фронт отправиться мечтая.

Прошло все детство в страшную войну,
Но ни о чем, поверьте, не жалею.
Встречаю каждый год свою весну,
Отцовскую сжимая португую.

Воспоминаньям предаются вечера.
А в День Победы на бульваре звонко
Играет музыка. Все будто бы вчера.
Хоть я в войну была еще ребенком.

Спасибо!

Спасибо, мама, за то, что я все умею:
Штопать носки, готовить. И мыть окошки.
Стирать, вязать, запускать воздушного змея.
Жить честно. А коль лукавить — совсем
немножко.

Спасибо, мама, за жизни науку вечную,
Что научила не бежать впереди паровоза.
Что говорила: не вдоль, а против течения
Пльви, моя девочка! К черту печаль и слезы!

Спасибо, мама, что, часто спасая
из пропасти,
Смотреть заставляла не под ноги —
вверх, на звезды.

И поучала: пусть жизни вращаются лопасти.
Иди не сгибаясь! Идти никогда не поздно!

Спасибо, мама, что стала мне лучшей
подругою.
Я выросла умной. И говорят, красивой.
Во всем, что добилась в жизни, твоя заслуга.
Спасибо, мама! Просто за все спасибо!

Август

Август будто вечер воскресенья.
На душе прекрасное томленье,
Давит грудь. И снова вдохновенье
Ищет путь.
В голове несутся мысли. Впрочем,
И сегодня, и прошедшей ночью
Пляшет хоровод упрямых строчек.
Снова не уснуть.

Пред глазами лета те моменты:
Поцелуи, встречи, комплименты.
Перечеркнутые континенты
Ты и я.
Кофе, музыка, закаты и рассветы.
На вопросы глупые ответы.
Во Вселенной встретились планеты.
Законы бытия.

Знаю: под луной ничто не вечно.
Вновь за расставаньем будет встреча.
И, сгорая, все же плачут свечи,
Зажигая старый канделябр.
Слов не нахожу я от волнения,
Я у лета попрошу благословенья,
Август, будто вечер воскресенья.
Скоро сентябрь.

Золушка

Золушка сидит посреди зала.
А в руках — хрустальный башмачок.
Здесь недавно музыка звучала,
И она красиво танцевала,
А теперь сидит и плачет в кулачок.

Оказалось все опять обманом:
Лишь часы пробили в нужный час —
Кучер крысой стал, а платье — хламом,
И карета — с тыквенным изъясном.
Волшебства закончился запас.

Только Золушка пока еще не знает,
Что звучит уже судьбы её смычок.
Потому как горестно рыдает
И, взглянув в окно, опять мечтает,
Прижимая к сердцу башмачок.

Лорды, короли, князья и принцы!
Независимо от масти или фрака!
Вы сотрите поскорее все границы,
И летите к Золушкам, как птицы.
Чтоб не приходилось милым плакать.

* * *

Прикололи бабочку булавочкой...
И в коллекцию хотели, под стекло.
Но она крылами машет, лапочка.
Жить желая всем смертям назло.

Что ж вы так: красавицу — и в узницы?
Думали: достанется лишь вам?
Принесли ее порхающую с улицы,
Но она же рвется к небесам.

Вот уж силы на исходе. А она все мечется.
Думает, глупышка, что взлетит.
И в душе еще надежда теплится:
Силищу людскую победит.

Нет, уж не видать ей больше солнышка.
Красота поникла. Спал экстаз.
Перекрыли воздух. Взяли волюшку.
Прикололи бабочку. Приказ.

* * *

Я тебя украду. У тебя. У себя.
И с тобою останусь. Надолго. Навечно.
Под семью деревьями ноября
Будем вместе смотреть в бесконечность.

Будем вместе искать только нашу звезду,
Ту, которая ярче на небе сверкает,
Воплощая в реальность большую мечту,
Наши души огнем воспылают.

Мы пройдем этот путь — от земли до небес,
Я тебя украду вопреки всем устоям.

Мы станцуем с тобой в облаках полонез.
Это танец любви. Это танец покоя.
Наш с тобою...

Некогда

Всем некогда. У всех свои дела...
Торопимся, как будто не успеем.
Оглянешься а жизнь уже прошла...
Но далеко нам до заветной цели!

И важно у судьбы своей спросить:
Куда же мы торопимся порою?
Ни от кого, наверное, не скрою.
Когда скажу: торопимся мы жить!

Мы мчимся иногда быстрее ветра.
Добиться, долететь и домечтать.
Не видя дальше расстоянья метра.
Финала остается только ждать.

Бежим по замкнутому кругу, как лошадки.
Остановился, глядь — уже финита.
А жизнь опять с тобой сыграла в прятки,
Лишь не остаться б у разбитого корыта.

Книга жизни

Я книгу жизни то читаю, то пишу.
Учитывать стараюсь все нюансы.
Использую мне выпавшие шансы
И на судьбу свою я не грешу.

Я счастлива, что есть возможность жить!
И радоваться солнцу и рассвету!
И вовремя убрать свою Планету.
И вопреки всему любить. Любить!

Любить природу, маму и мужчину.
Любить отца и сына, всех родных.
Творить. Мечтать. Дарить. Слагать свой стих.
Любить. И покорять свою вершину.

Бывают в жизни разные моменты.
Тут не сложилось. Там не улеглось.
Но все плохое тучкой унеслось.
Оставив нам судьбы аплодисменты.

Как воздухом, я радостью дышу.
И с вами поделиться ей готова.
При помощи того простого слова
Я книгу жизни то читаю, то пишу...

Ведь каждый может кубики сложить.
Построить то, о чем всю жизнь мечтает.
Тогда и жизнь, бесспорно, расцветает.
Ну что же! Значит, будем, будем жить!

Ты и осень

Падают листья. Финальный аккорд. Грустно.
Глупые мысли. Ночной небосвод. Пусто.
Солнце опять пробивается вдаль. Среди сосен.
И ничего мне сегодня не жаль. Просто осень.

Кофе. Вино. Сигарета. Дожди. Взгляд за окошко.
Ты меня, милый, сегодня не жди. Я погрущу немножко.
Свечи зажгу. И сама, как всегда, поставлю вопросы.
Желанье скажу, коли с неба звезда канет в осень.

Лес приоделся в красивый наряд. Видно, праздник.
Холодно. Ты только радуешь взгляд, славный проказник.
Ты меня завтра с утра разбуди. Ровно в восемь.
Ну и пускай проливные дожди. Главное — Ты. И осень.

г. Муасс

Михаил Авдейчик

Не кружит голову успех

Сказка леса

Сказки тропка голубая,
Елки-палки, лес густой,
И за мною наблюдает
Кто-то там из-за кустов.

Взгляд пронзительно тарачит
Леший, явно озорной,
Силой магии творящей
Он спектакль играет свой.

Я уже в его владенье,
Шевелиться не моги,
Мы в дерев столпотворенье
Не друзья и не враги.

Небылицы, страхи слушай,
Налицо бандита стать,
Надо бы на всякий случай
Полицейского позвать.

На метле танцует рьяно,
Издавая хриплый крик,
На шабаш явилась рано
Ведьма с киевской горы.

Вот русалки окружают,
Норовят защекотать,
Я невольно огрызаюсь
И зову на помощь мать.

В этот раз приход мой жалок,
Страшно мне, аж просто жуть.
Узнаю среди русалок
Я соседку: пялит грудь.

Что здесь было и что будет,
Сказку леса именно,
Неожиданное чудо
Прервала кикимора.

Визит

Андрей Андреич Вознесенский,
За мой визит к тебе прости,
Огромны ты во всей Вселенной,
Стихи твои да не просты.

Остался острою занозой
Твой неожиданный уход,
И мне ответ не даден Озой
На безысходный поворот.

Не ожидал никто ухода
Досрочного на небеса.
Он не был жертвою природы,
Слезой катится роса.

Любые одолею рифы,
Грома и молнии, когда,
Как ты, для образа и рифмы
Готова многое отдать!

Единственный в своём ты роде
Неповторимую звездой,
Подсолнух даже в огороде
Поник, качая головой.

Твоим пристанищем небесным
Отпущена с лихвой мне грусть.
И я с хронической болезнью
Твоей потери нахожусь.

Тюльпаны

Я снова громко битый туз
Красивою козырной дамой,
Мне отрезвленья крепкий душ,
Не нахожу в котором драмы.

Не кружит голову успех,
Кругом возня, одно и то же.
Не чужд урок, пусть как у всех,
Всяк результат любой итожит.

Ответом, быть или не быть,
Живые в комнате тюльпаны
Со мною разделяют быт,
Жестоко ветры нас трепали.

Пиши всегда

Пиши сегодня мне, пиши всегда,
Хотя бы небольшую записульку,
Не бойся с отправленьем опоздать,
Благодарить я буду за посылку.

Слова твои, горячие от чувств,
Я буду ждать и днями, и ночами.
Устав от ожидания, мечусь
И связь настраиваю между нами.

Пусть время набирает оборот,
Запоминай меня в прекрасном цвете.
Пускай судьба все связи оборвет,
Я напишу, любимый, с того света.

Развязка

Ты зачем обижаешь девчонку,
Льёшь словесных помоев ушат?
И, как грохот жестяной коробки,
Матерки застревают в ушах.

Выворачиваю наизнанку
Худо, чтоб обернулось добром,
Ты хватаешься спозаранку,
Чтоб в руках удержалось бабло.

Вызревают общения вязки.
Тяжко против течения плыть,
И должна наступить же развязка,
Чтоб очистить духовность и плоть.

Ты свой взгляд на действительность скомкал,
Давит плечи ворованный груз...
...И в запале мной нож острый громко
Всажен по рукоятку... в арбуз.

Хотелось мне

Вале Сурме

И кто из нас ни рыба и ни мясо?
Мой неуместный самооговор,
Вопросов после возникает масса,
И нет на них ответов до сих пор.

И ты несостоявшейся невестой
Осталась неизменной моей,
А я найти себе не в силах места
С тех злополучных и далёких дней.

Людей — в обиду — не в моих привычках,
И мне всего дороже человек,
Прекрасные дела его превыше
Запечатлеет время в голове.

Ты ошибалась глубоко в мой адрес,
Исправить всё б, огонь вражды гася...
Передо мной сияющая радость —
Твои большие синие глаза.

Хотелось мне рождения ребёнка,
Но не могу себе ничем помочь.
Мне кажется, глядит моя в сторонке
На свет не появившаяся дочь!

Марсианка

Снизошла на землю марсианка,
Путь пройдя огромный в небесах.
Изумительно её и ярко
Блещет марсианская краса.

Девушек таких никто не видел,
И в фантазии моей не увидеть,
Моего спокойствия грабитель,
Не было такого никогда.

Обаянье вдруг своё обрушив,
Жертвою в невидимую сеть
Уловила марсианка душу,
Сердце бьёт её тугая плеть.

г. Бакал

Шакалы

рассказы

Распятие

59

Графоман № 1(37)-2019

Синегубов был весёлым парнягой-голубятником, бегал по крышам, гонял голубей и вдруг весной женился на Наташе, на женщине с ребёнком. Наташа сама не поняла, от кого родила ребёнка. Была жизнерадостной, радовалась жизни. С подружкой Тоськой они горели звёздами в компании парней. А как родила, парней не стало. Рассыпались горохом. А голубятник Синегубов — вот он, рядом, и по Наташиной крыше носится за голубями. Наташа выгуливалась с ребёночком на улице, и смотрели они с Синегубовым друг на друга. Смотрели, смотрели и, как насмотрелись, так и поженились. Ребёночек, названный Кирюшей, рос тихим — мухи не обидит.

Синегубов с Наташей нажили двух детей, дочь и сына. Дети росли хулиганистые и дразнили Кирюшу. А Кирюша — человек не земной, и не небесный, он живёт не в нашем мире. Он безвылазно торчит дома и до тошноты мозолит глаза Синегубову. Смотрит большими глазами на свет белый, а там ничего нет, пусто. Тогда он трясёт головой, старается что-нибудь да увидеть, но ничего не выходит, всё равно всё пусто. И вырос Кирюша, в основном, на плевках да на затрещинах.

Когда Синегубов трезв, то сидит, покуривая, нога на ногу да молча задубевшим пальцем пепел отщёлкивает и от скуки посмеивается. Живёт он в это время мирно и безобидной матерщиной свою жизнь скрашивает. А когда пьян, то тут тугая его брань с ног сшибает, ест он папиросный дым и взглядом обугливает всё живое. Упрекает Наташу: «Пошто я твоего дурака нагулянного кормить должен?» Кирюшу он ненавидит, бьёт и готов забить его насмерть, то бишь жизнь ему горчит да воздух портит. Злобу свою вымещает и на Наташе: «Собака, наvertsела хвостом своим!» — И бешено глазами водит.

В школе дети учились, хохоча. Едва закончив восемь классов, нахотавшись, бросили раздрайный дом и один за другим умчались в город.

Синегубова выводило из себя, что в доме есть ещё мужик, а живет ни умом и ни делом, мужик — не пришей к шубе рукав. Он всё больше становился невыносимым в пьянке, и Наташа старалась избегать пьяного дебоша. Как-то изготовил Синегубов себе тюрю: вылил в чашку водки, крошил туда хлеба и давай ложкой хлебать. Видя, что на муже чёрт поехал, Наташа собралась и ушла. Нахлебавшись, Синегубов обнял ладонями свою голову, и запричитал:

— Эх, жить будем, да пировать будем!

А смерть придёт, дак помирать будем!

Эх, голубки вы мои, голубки. Зачем я вас бросил? Как я соскучился по вашему воркованию. Как бы мне сейчас с вами было бы ладненько. Спаривались бы, да пискунят напарили бы, да тугими крылышками резали бы небо. Эх! Курва жизнь! Душегубы! Всех размажу! — И он стукнул кулаком по столу. Поймав глазами Кирюшу, он сбывился и давай его пинать. Отведя душу на Кирюше, Синегубов лёг и уснул.

Отдышавшись, Кирюша взял палку и убил Синегубова. Убив, он сел и стал дохлёбывать синегубовскую тюрю. Вскоре пришла Наташа.

— Чё? П-пришла!? Сад-дись, пир-ровать буд-дем! Уб-бил я Син-негуба! — с радостью сообщил Кирюша, смотря на мать огнём горевшими глазами.

Приехала милиция.

— Твоя работа? — спросил следователь Кирюшу.

— Да-а. А чё он дер-рётся.

Походили, потоптались, сфотографировали убитого. Синегубов был не узнаваем, вместо лица было кровавое месиво, и уехали, забрав с собой Кирюшу.

От случившегося окрестность возмущалась, поносила Кирюшу: «Зверь, убил отца за то, што выкормил. Вот она благодарность сыновья. Вот и расти их, убьют и спасибо не скажут, вот и живи с такими, прибьют, как муху, и глазом не моргнут!»

Могилу рыли пьяные забуддыги, поочерёдно. Пожилые — копали с западной стороны могилы, копали к закату солнца и своей жизни, копали с совестью. Молодые — копали с восточной стороны могилы, копали к восходу солнца и своей жизни, копали без совести, заспалась у них совесть, отстаёт от солнца. И могила вышла кривой, с наклоном в голову. Да случилось ещё нежданное, копальщики наткнулись на край трухлявого гроба. Разломали

гнилушки, там ноги.

— Вот ещё один протянул ноги. Тьфу! Плеваться стали копальщики. Покрутились, повертелись. Молодые забулдыги не захотели могилу удлинять.

— Чё валандаться-то! — Отрубили мешавшие полуистлевшие ботинки с костями, чтобы не высывались в вырытую могилу. А отрубленные части чьих-то ног засунули подальше в тот же гроб и замуровали. Один из старых забулдыг, приподняв кустистые брови, гневными глазами опалил простор и просипел, опершись на лопату:

— Эх! Люди вы, люди! Вы вот так же России ноги отрубили и своими же руками замуровали её.

Привезли покойного. Опустили. Гроб лёг в кривой могиле, задранный кверху ногами. Родственники с горя этого не заметили. Только рытели могилы бубнили про себя:

— Ничё, ему теперь всё равно, хоть стоя поставь. Криво жил, криво и лёг. Зарывай!

Зарыли. Сгребли на поверхности холмик. В ногах воткнули крест деревянный. Хлопнули по стакану водки и пошли на поминки допивать остатки. На поминках было не густо ни народом, ни угощением. Те же забулдыги молча допили водку, молча оставили пустые чашки и молча, незаметно кто куда разбрелись. На могилке потом бушевала трава. По весне подожгли траву, вместе с травой сгорел и крест, и могила затерялась.

Пока Кирыша сидел под следствием, допрашивали мать, сестру и брата, чтобы разобраться в причине содеянного. И когда сложилась картина, следователи увидели, что погибший сам в случившемся виноват. Стало ясно, что Кирышу наказывать нельзя, он и так наказан, опасности общественной он никакой не представляет, и, заручившись врачебным заключением о его психическом нездоровье, отпустили домой.

После случившегося, Наташе жить в своём доме стало жутко, бросила она всё и укатила к детям. А дети, надорвавшись в непосильной гонке за удачную жизнь, винят во всём мать. Дочь смотрит на неё с укором и упрекает во всём:

— Ты виновата, хвостом вертела, вот и навртела Кирышу. Отсюда и отец запил.

— Да не хвостом я вертела, я рада была любому парню, лишь бы из нищеты вырваться. Видит бог, что я перед отцом невинна. А что он запил, так жизнь не мог ухватить, вырывалась она из его рук, не давалась. На работе он не находил справедливости. Да злые языки над ним подтрунивали. «Тебе чё, девок не хватило, взял бабу с нагулянным привеском, а привесок-то с дыркой в башке». У нас же как нащупают слабинку, так кусают, пока не закусуют. А у него душа была ранимая. Ты же знаешь, он ведь тоже безотцовщина.

— Сами вы виноваты во всём. Вы своими руками захлопнули дверь себе и нам в жизнь с достатком. Сами тёмные и нам не дали образование. Вот и приходится горб гнуть да жилы рвать.

— А почему вы сами не брали образование? Мы-то простота.

— Да с вами возмёшь, вы пили да всю жизнь в выяснениях вихрились.

— Кто хотел, тот брал образование, и нечего пенять, коль рожа крива.

— А кто нам рожу криву дал? Вы же и дали, вы же во всём и виноваты, да, вы. Ваша простота у нас в печёнке сидит.

Устала Наташа от дочери, от её обвинений и ушла жить к сыну. Но там сноха придиричива, то не так свекровь суп сварит, то не так ходит, то не так делает. А у сына много дружков-собутельников, и появляется он дома поздно, едва тёплый, он белого света не видит, и не до матери ему. С горечи сноха не выдержала:

— Пошли вы все от меня подальше вместе со своим сыночком! Балаганные вы люди!

Наташа помнит единственное в своей жизни, как в белом свадебном платье Синегубов после регистрации занёс её в дом на руках. Посадил за стол, и как закричали «горько», они поцеловались. В набравшей разгону свадьбе Синегубов лихо сбацал, отбив ногами и руками чечётку под гармошку, и, сделав пружинистый выкрутас, он мимоходом, между прочим, поцеловал Наташу. Потом, ловко, залпом опрокинув стакан водки, сезьёзно закусил. И стала трезвая жизнь случайной гостей, а пьяная зашла хозяйкой на постоянно.

Голос дочери преследует Наташу: «Ты виновата, что у нас жизнь такая. Ты, ты, ты. Тёмные вы, тёмные, тёмные».

Когда Кирыша остался один, возле него стали толкаться бомжи и бродяги. Им нравится поить Кирышу, поят его для потехи, забавляясь, как у него смешно вразнойбой глаза пляшут. Один глаз — смеётся, другой — плачет. Как перекошенный рот тужится выпустить хорошее слово, а выскакивает с брызгами плохое. Эти люди вдоволь хохочут над Кирышей, отдыхают здесь душой. Для них здесь есть убежище от жизни и от самих себя. А Кирыша только плачет, от обиды умываясь слезами. Во дворе царит дикий разгул, огород зарос бурьяном.

Оставшись одна на свете с ребёночком, Наташа ухватилась за Синегубова, как за спасающую соломинку. Отец её ушёл на войну, там и остался навсегда. Мать её, проработав в колхозе с молодости и всю войну, заработала себе болезни и, оставшись без пенсии,

в беспомощности, чтобы никому не мешать да никого не обидеть, молчком умерла с открытыми глазами. Торчит теперь Наташа, никому не нужная, увядшим стебельком, и дни её посыпались сухой шелухой, исчезая в пустоте.

Сын совсем ушёл в глухой запой, уснул пьяным и не проснулся. Дочь осталась с ребёнком, бросил их муж. После смерти сына, Наташе подумалось, что самый счастливый из её детей — это Кирюша. Ему для счастья мало надо от жизни, и ей будет с ним спокойней. И она поехала домой к Кирюше.

Дом встретил Наташу уныло и заброшенностью. Она тяжело опустилась и села на крылечко и просидела в забывчивости до появления из дома Кирюши.

— О, Кирюша! — спохватилась она. — Счас мы с тобой пирогов настряпаем и жить будем.

Кирюша сверкнул глазами:

— Д-да, ж-жить. Т-ты хыт-трая. Мен-ня б-бросила, а ж-жить к-ко м-мне приш-шла. Пом-мрѣш, а к-копать яму Кирюш-ша б-будет. Д-да? Н-нет, не буд-ду я коп-пать яму.

Он зло посмотрел на мать и ушёл обратно в дом.

Сидит Наташа и ищет ответа на свою жизнь. Вот теперь только она слова матери услышала:

— Не связывайся ты с этой проходимкой Тоськой. Горе она тебе принесёт.

«Да, незрячая я была, а всего-то навсего нужно было капельку: послушать совета матери. А как эту капельку увидеть, неуловимая она. А может, эту капельку увидев, всё бы заиграло другим светом и счастье бы блеснуло. Но проморгала я эту капельку».

Не слышала материнских слов Наташа. Их глушила музыка, которая стояла в душе от дружбы с Тоськой. В этой музыке она и забеременела Кирюшей. Наташа восхищалась, как Тоська быстро завораживала парней и не рожала. Тоська была красива, и женская природа говорила в ней во всю мощь. Чтобы завеселить ноющую боль по дому, Тоська завеселила в себе и мать. И женщина в Тоське закричала в полную силу. Стала она купаться в общении с мужиками, чтобы утонуть. Живёт цыганкой где попало, с кем попало, где обманом, где лаской. А мужиков было тьма, согнанные отовсюду для укрепления опорного края державы, они горели злостью и тушили огонь водкой да бабами. Весь Урал был усеян мужскими общежитиями, где кишела рабсила. А чтобы эта сила не выплёскивалась через край в мордобойстве, привезли эшелон девок с Краснодарского края. И рядом с мужскими возникли женские общежития. И пошла цементация этой силы совокуплением. Вскоре от пылкой любви стали вытаскивать черпаком из уборных ям утопленных абортированных младенцев. И по весне на подтаявшем снегу являлись миру красные крохотные тельца малюток. Завернутые в тряпички, из которых тянулись за помощью крохотные лиловые ручки.

Однажды Тоська запророчила, горько запричитала:

— Сгорим мы, Наташка, здесь, сгорим.

— Типун тебе на язык, Тоська. Ты, што?

— А, лучше ярко сгореть, чем в неволе тлеть.

— Ой-ё-ё-ёй, што ты несёшь, выкинь ты эту блажь.

— Нет того мужчины, от которого я бы желала иметь дитё.

— О-о-о, да, Бог терпел и нам велел. Терпи! Грешно так думать, Тоська! — умоляла её Наташа.

Наташа догадывалась, что выкидыши эти Тоськины.

Наташе всегда виделись детишки, что ягодки лесные. Эти ягодки освежают кровь, сердце размягчают. От чёрствости, закоснелости спасают. За детский визг, за их радость она без сомнения отдала бы всю себя.

Без семьи и детей, без своего дома закончила жизнь Тоська. Умерла в людском презрении, никто её не оплакивал. Тоська была из того краснодарского эшелона. Бросили её в общую яму и зарыли. Зарыли как проказу, пожалев хорошего слова. Зарыли и забыли. На сердце у Тоськи лежал тоской родной край, и в этом жестоком мире ей оставалось единственное, это заставлять себя мучиться любовью к людям чужой земли, и она была изобретательна в этой затее, чтобы не потерять непрерывающуюся нить жизни, но нить родословной на ней оборвалась. Осталась она один на один с одиночеством. В этой каре отчуждённости, незащищенная, она отдавала душу без остатка, спасаясь утехами. За что и была брошена в яму, как бездомная собака.

Кирюше нравится играть в пьяного мужика, разыгрывать сцены дебоша. Это стало для него хоть какой-то жизнью.

Наташа завидует Кирюше, что у него хоть какая-то игра, да есть. А у неё ни игры, и ни жизни, лишь голос дочери за ней гоняется: «Ты виновата, ты, ты, ты».

На огонёк

В насупившихся сумерках по ухабистому тракту древней старушкой устало волочится полуторка. От занудистого урчания мотора шофёру Копытову захотелось взбодриться. Зацарапало внутри, потянуло на порцию щекотки — и всё тут. Хоть умри. Тем более, в этих краях прожигает его зазноба Зинка. И он свернул на просёлочную дорогу, ведущую в хуторок. Тут Копытов сразу встрепенулся, оживился, стал лёгким, как перышко. «Эх, всё ж таки, хороша жизнь, чёрт бы её побрал». Повернув к знакомому домику, машина остановилась. Глазастые окна улыбались жёлтым светом и говорили, что там есть жизнь. Растревоженные собаки взялись для острастки перекликаться захлёбистым лаем. Заглушив машину, шофёр с напористым духом вошёл в ограду, постучал в дверь. Дверь вскоре отворилась. Узнав Копытова, женщина изумилась и, пропустив, закрыла за ним дверь. А дом этот тоже томился по празднику. И как Копытов вошёл в дом, дом, очнувшись, оживился, впуская неожиданного гостя.

— Принимай гостя, Зина. Притомлённому путнику ласки надо. Зажигай печь, хозяйш-ка. Душа устала. Душе нужен праздник.

Колька, сын Зинаиды, со сверкающими глазами выскочил из дома посмотреть на машину. А та, запылённая от натруженности, заснула.

Копытов вышел на улицу. Уже совсем стемнело. Он позвал с собой мальчишку, и они пошли по безлюдной улице. Крепкий, ладно скроенный Копытов внушал доверие с первого взгляда и располагал к себе. Свернув в проулок, увидели прижавшихся к пряслу овец, тех самых, которых видел Копытов, когда ехал по хутору. Поймав за рога барана, он поволок его к дому. Баран упирался. Копытов приказал Кольке подгонять его сзади. От барана несло густым пьянящим степным дурманом. Загнали барана в сарай и, отряхнувшись, переведя дух, зашли в дом.

— Где ножи, Зина? Счас будем точить да баранину жарить. Пировать, дак пировать.

Улыбнувшись, Зинаида подала нож, а сама засуетилась, затопляя печь. Радость не ба-ловала её, она гостила у Зинаиды только в день полочки, и то не всегда.

Точит Копытов нож, а мысль плутует в его голове: «А вдруг кто видел, как я затащил чужого барана. Здесь жди глаз из каждой щёлки. Да и на Зинку надёги нет, продаст с по-трохами, и гнить мне тогда на нарах. И чё я расстарался, разогрелся в хлопотах. Для кого? Чтобы она упекла меня за мою же доброту. Нет, не пойдёт. Пускай всухомятку тоскует, горячее будет. Она и так вон глазами сверкает». И он, бросив точить нож, вышел на улицу. Войдя в сарай, схватил за шерсть барана и выволок его за изгородь. Теперь он честный и с приبلудившимся достоинством вошёл в дом.

Растопив печь, Зинаида послала сына в огород за огурчиками и за лучком. В огороде парнишку застала гроза. Молния полосовала и полосовала огненным светом ночь. Колька вымок до нитки и озяб. Гром его бросал и бросал на мокрую землю. От страха Колька дрожал. В испуге он услышал голос: «Пострелёнок, дурашка, я же тебе тьму освещаю, я тебя уберегу, разве можно такое создание губить». Голос придал ему силы, и Колька заставил себя не бояться молнии. Он словно слился с природой, и в дружбе с ней ему теперь не будет холодно и одиноко и уйдут плохие мысли.

Очнувшись, он быстро нарвал огурцов да пахучего лука и побежал домой. Дома Кольке было сказано снять мокрую одежду и ложиться в постель.

Зинаида, пожарив картошки, намыв огурцов, нарезав в тарелку ломтиками хлеб, радушно накрывая стол, поставила бражки. Отправив Кольку спать, они сели за стол и молча стали есть и пить. Копытов ел и думал: «Зря я, пожалуй, барана выбросил. Счас бы, какая хорошая была бы закуска, какой бы барский стол получился». И он выпил стакан бражки. Выпил, побросал в рот хрустящих огурчиков и продолжал думать: «А нет, пожалуй, не зря. Пацанишка всё разболтает. Эта братия на язык горазда. А краснопогонники в дозоре и сразу ноздри раздуют. И потерю я верную полуторку. Как ни говори, а она кормилица моя».

Наевшись и довольно захмелев, он, кривясь, мигнул Зинаиде на кровать. «Коль Зинка гагара, то надо действовать самому». И поднявшись из-за стола, потянувшись, размял кости, нехотя потушил свет и, раздевшись, лёг в постель.

Утром Копытов, встав с постели, первым делом проверил свои карманы, целы ли деньги, и, убедившись, что целы, стал одеваться.

Колька долго не вставал утром, он всё ещё был под впечатлением грома и радовался, что гроза отмыла его, освободив от камня, которым придавил его душу дядька шофёр. Зинаида проводила Копытова. За помятую ночь ей не то что было обидно и больно, какая-то горечь повязала её. Всё радуется новому дню: птички щебечут, встречая солнце, травка пышно зазеленела, обещает весело разыграться после грозы погодка, а у Зинаиды на душе

тяжко, мысли куда-то ушли, только вопрос: «Что это было? Почему она стала покорной куропаткой?» Уставшими глазами она молча смотрит вслед Копытову и вдыхает свежий воздух, чтобы душу очистить от срамного спектакля да забыть клоунадную ночь.

А Копытов сел в свою выдрессированную полуторку, положил руки на баранку.

— Э-э-э, Зинка, Зинка. Холодная ты баба, — изрёк он и, дав газу, скрылся за хутором.

Шакалы

Геологоразведчики, уставшие от поисков полезных ископаемых, застигнутые ночью в степи, легли отдохнуть в спальных мешках. Ночь предвещала им крепкий сон.

Геологов было трое. Они быстро заснули. Ранним утром раздался пронзительный вопль. Проснувшийся увидел, как, рыдая, его напарник, в испуге задыхаясь, показывал дрожащей рукой на костлявую голову их друга. Встревоженный, не веря своим глазам, в страхе увидел у товарища вместо лица череп. Его лицо вылизали подкравшиеся шакалы, которые убежали прочь от отчаянного крика. Оставшихся в живых геологов охватил ужас от случившегося.

Не так ли и у России лицо вылизали подкравшиеся олигархи-шакалы да всякий зарубежный сброд, где истощённый человек пребывает на земле скелетом с костлявым пустым черепом. Эти рвачи, падкие на дармовщину, хладнокровно испили Россию. Высосали силы и кровушку у натруженного россиянина. И доверчивый, добросовестный труженик стал презренным и ничтожным. Стал маленьким забитым существом, и этому отверженному прозорливым едва ли уже стать. Заурядное существования затмило его сознание. Подлые предприниматели источили надежду на здоровую жизнь. И смысл бытия истлел в затхлости, задыхаясь в тисках жулика. Деловитость подменилась бестолковой суетой, и здоровый ум здесь пребывает в шоке.

г. Копейск

Михаил Рудковский

Мурлыка

— Что-то сегодня хозяин разоспался. Я уже и мурлыкал ему на ушко, пару раз прошёлся по животу, а он всё посапывает себе под нос. Нет, я могу понять его, и сам люблю поспать в своём месте на подушечке, но надо же и честь знать. Солнышко уже в окошко стучится, а у меня «ни в одном глазу». Это так молодой хозяин иногда выражается, а у меня, естественно, ни на один зубок ещё ничего не попало. Придётся лапой ему нос погладить.

Ага! Зашевелился. Мур-мур! Это я люблю. Когда мне за ушком чешут, мне улыбаться хочется. Очень приятно. Мур-мур! О! Как хорошо! Потянуться можно, размять косточки. Ну, хватит, хватит, подъём, дорогой мой. В твоём почтенном возрасте вообще спать надо меньше. Жизнь и так коротка, не стоит ещё больше укорачивать её сном. Она замечательная, хотя иногда преподносит сюрпризы Да! Я же ещё не представился, а уже пустился в рассуждения. Прошу любить и жаловать.

Я Кот, естественно, Котофеевич, что тут скажешь, что есть, то есть. Порода? Это российская, дворовая, хотя моя мать жила у приличных людей. А вот отца я не знаю, но, думаю, он был порядочным котом. Иначе откуда у меня такая шикарная шерсть и общий прикид. Окрас рыжий с неяркой поперечной полосатостью. Явные следы тигриной наследственности. Гены, как говорит мой хозяин. Я не знаю, почему он меня называет Геной, я Кот Котофеевич, ну, да ладно. На груди у меня ослепительной белизны манишка, а на морде очаровательная белая полоска, проходящая через нос. Кошечки, я думаю, с ума бы сходили, если бы они меня интересовали. Так нет! Они мне по барабану. Ещё в молодости меня носили к ветеринару и с тех пор... короче, кошечки мне по барабану, как любит говорить хозяин. А шерсть у меня с каким-то космическим блеском. Как же иначе! Вырос-то я на мясном рационе. Курочка, кролик, индейка, говядина. «Вискас» есть «Вискас». Вкуснятина, одним словом. Иногда мне кажется, что когда слишком хорошо, то это уже не очень хорошо, поэтому на даче я не брезгую даже травкой пощипать. Зелёного почему-то хочется.

Сколько мне лет? Разве я не сказал? Полтора года. Вполне взрослый котяра. Упитанный, воспитанный, аккуратист и чистюля. Уж за шубкой я слежу, да и хозяин на это смотрит строго, особенно, когда я по дурости поваляюсь, покупаюсь в пыли. Инстинкт проклятый. Это мои дальние предки так от блох и клещей избавлялись. Но у меня-то этой гадости нет, а вот тянет покувыркаться. После этого, когда мы возвращаемся с дачи в городскую квартиру,

мне предстоит купанье. Хозяин не успеет порог переступить, а уже хватает меня, и быстро в ванную комнату. Эту процедуру я не очень люблю, правда, водичка тёплая. Приятно. Но вот запах шампуня, которым меня моют, мне не по душе, вернее, не по носу. Против блох она. Ну нет их у меня, и чего привязались. Вода, правду сказать, с меня сперва очень грязная, потом лучше, а под заключительным душем вообще чистая. После этого хозяйка укутывает меня в махровое полотенце и передаёт мужу. Наступает кайф, как говорит самый младший в доме мужчина. Лежу на груди у мужика, греюсь, сохну и слушаю ласковые слова, какие он мне наговаривает. То ли извиняется, то ли хвалит, то ли любовь показывает. Что есть, то есть. Любят меня все, особенно хозяин. Он и ласкать умеет лучше всех. Наверное, в молодости его женщины очень любили, но теперь они ему, как и мне кошечки, по барабану. Под восемьдесят всё-таки. А вот ласки хозяйки какие-то странные: то морду ладошкой зажмёт, то вдруг в нос целовать начинает, и всё время гугукает, как с маленьким ребёнком. Я уже не ребёнок, а взрослый Кот, правда, которому кошечки по барабану.

Кто тут мелькает и жужжит. Не переносу скорость перед носом. Придётся прихлопнуть лапой. Кстати, хозяин в квартире приспособился со мной играть бегающим огоньком, который выскакивает из какой-то маленькой штуковины, которую он называет лазерной указкой. Характер и охотничий инстинкт никуда не денешь. Вот и приходится сломя голову носиться за этим неуловимым огоньком. Понимаю, что это не мышь, которых я, кстати, не ем, не птичка, а всё равно мчусь за ним, словно голодный за кусочком мяса. Самому потом стыдно. Утром ещё ничего. Вместо зарядки, а вот днём, да ещё после сытного обеда — это уж извините, наглость. Зачем, образно говоря, терзать меня за усы, подстёгивая рефлексы и инстинкты. Некрасиво. Но я прощаю, особенно хозяйку, когда она одна дома. Какое никакое, а всё-таки развлечение. Болтающий ящик надоедает, подружки уже отзвонились, муж на работе, а я рядом. Вот и ловлю этот надоевший мне бегающий по ковру зайчик.

Есть ещё одна, совсем неприятная процедура — стрижка ногтей. У людей они украшение, хочешь — стриги, хочешь — крась, жизнь от этого не изменится. Хотя у женщин — может быть, а у мужиков — точно нет. Но мы же, извините, напоминаю — КОТЫ. Для меня мои ногти — это оружие, защита, инструмент и помощники, особенно в дворовой и дачной жизни. В городской квартире, считает хозяин, когти — это порча обивки мебели и обоев, поэтому их надо обрезать. Очень не люблю я эту процедуру. Хозяйка берёт меня на руки, зажимает морду ладошкой, а хозяин специальными ножницами стрижёт когти на передних лапах. На задних — не трогают. И на том спасибо. Я, конечно, психую, после экзекуции сержусь на них, о чём сообщаю энергично мелькающим хвостом. Но недолго. Ведь они где-то правы. Я на всех углах обои если не оборвал, то взрыхлил прилично. Хочется когти почесать. Купили мне для этого специальную дощечку, а она оказалось пропитанной валерьянкой. С ума сошли эти производители. Для кота это же как дурь для наркомана. Как нанюхаюсь этой пропитки, так всякий контроль над собой теряю. Вместо того чтобы ногти чесать, начинаю грызть вязаное покрытие. Хозяин меня за уши оттаскивает от этого занятия. Короче, как говорит внук, мои когти — моё богатство, мои когти — забота и душевная боль хозяина.

А ещё я люблю наблюдать, как работает хозяин. Только он откроет компьютер, я тут как тут. Запрыгиваю на стол и занимаю любимую позицию: за крышкой этого прибора. Своим биополем, как считает хозяин, способствую творчеству. Поле — это понятно, земля в траве, без деревьев и грядок, а что это за биополе и где оно у меня прячется — неясно. Однажды случился курьёз. Зимой. Воскресенье. Дед целый день тыкал одним пальцем по буквам, очередной рассказ кропал, а я, естественно, вдохновлял его. Позвали ужинать. Я вскочил и коротким путём через клавиши деранул на кухню и лапой нечаянно что-то нажал. Вдруг хозяин как завопит дурным голосом: «Ты что наделал, мерзавец? Всё исчезло! Целый день работы!» Прибежала хозяйка, внук. Оказалось, мой писатель не успел сохранить в компьютере набранный текст, и он навсегда после моей пробежки, исчез. Сам виноват. Ведь знает, что такое может случиться и без меня, техника же, а вот не подстраховался. Хотя и свою вину не исключая. И на старуху бывает проруха, иными словами: и у котов бывают проколы.

Мои предки, вероятно, очень любили лазить по деревьям. Иначе откуда у меня такая любовь к высоте. В квартире мои любимые места: на шкафу, на мебели стенке, на телевизоре, на рабочем столе хозяина. На даче — крыша качелей, груша, яблоня. Значит, и Багира, и Шерхан, ну и, конечно, Леопольд — мои родственники. И каждый подарил мне что-нибудь в характер и повадки. Кто походку, кто страсть к охоте или желание жить в дружбе.

Летом вся наша семья переезжает на дачу, где, скажу я вам, совсем другая жизнь.

В городе я, как арестант, живу в четырёх стенах, вернее, в четырёх комнатах и свежего воздуха не знаю. Ну, вынесет меня хозяин на руках на балкон на пять-десять минут — и всё. Почему на руках? Это отдельная история. В молодости я умудрился, гуляя по верхней планке ограждения балкона, звездануться с третьего этажа в бетонную окошкоконную яму подвала: если меня не найдут, значи, всё... конец моей молодой жизни. Вдруг слышу род-

ной, но какой-то дрожащий голос: «Рыжик, рыжик, рыжка, кис, кис». Я еле-еле мяукнул. Нос очень болел. Но хозяин, на моё счастье, услышал. Увидел, обрадовался, схватил меня, прижал к лицу, и чувствую оно мокрым стало. А уж ласковых слов я наслушался, можно сказать, выше крыши, на которых мне довелось побывать. Вот с тех пор на балкон меня выносят только на руках.

Так вот про жизнь на даче. Это же воля вольная, раздолье и благодать. Если бы не соседний кот-жирнюга, задира толстозадый. Разок мы с ним сцепились, но разные весовые категории сыграли роковую роль. Пришлось мне ретироваться на самую верхнюю ветвь старой груши, куда ему не добраться. Снимал меня оттуда хозяин. Молоток дед! Уже под восемьдесят, а вскарабкался. Стонет, крихтит, а лезет. Я даже залюбовался им и немного облегчил задачу, спустился пониже. Достал он меня и вернул на землю, вернее, швырнул на неё с метровой высоты. Ну, это для меня пыль, как говорит молодёжь. С тех пор, я толстопузого презрительно игнорирую.

Есть одна маленькая проблема на даче, даже не проблема, а проблемка. Это птицы, наши развесёлые птички. Как же вы меня волнуете! Я же не могу спокойно наблюдать, как вы шмыгаете по веткам и мелькаете прямо под носом. У меня же тигриное наследство. Охотник по рождению. Можно сказать — хищник. Приходится носиться за вами. Понимаю, что не поймать, но очень хочется. Ещё всякие бабочки перед мордой крутятся, вот и приходится везде успевать. А тут грядки, где растёт всякая зелень, над которой хозяйка целыми днями стоит буквой «г». Что же мне охотиться только по дорожкам? Это уже не охота, а какая-то прогулка. Я, естественно, дорожки игнорирую и чешу напрямик, оставляя на грядках свои воинственные следы, вызывая громкое возмущение хозяина. Пусть шумит. Я-то знаю, это он для проформы, больше для хозяйки, показывает, что готов меня наказать. Я не помню, чтобы он хоть разок выполнил свои громкие угрозы. Любит он меня. И этим всё сказано.

В нашем саду много всяких ягодных кустов: малина, смородина, жимолость, вишня. Это мои джунгли с таинственными зарослями, где можно попутешествовать, полежать в тенёчке, подкараулить пичугу или поиграть с букашкой. Запахи! От них аж голова кружится. Тако-го в городской квартире не найдёшь. Кроме того, в саду есть ещё много интересных мест, куда я могу свободно заглянуть. Вот возьмём стройку. Это хозяин с молодым зятем строят баню. Хорошее дело. Но мне же надо везде успеть, посмотреть, понюхать и даже запрыгнуть на стенку, пока крышу не сделали. Рядом — качель, всеобщее удовольствие и радость. Все любят на ней кататься, ну и я, конечно. Оказалось, что на её крышу удобно перепрыгнуть прямо со стены бани. А там солнышко, тёплые досточки. Лежи, грейся, наслаждайся, а если жарко станет — тут есть ветви орешника, можно под ними отдохнуть. Хозяин вначале заволновался, мол, как я буду слазить. Смешной, прямо как ребёнок. Да мне спрыгнуть на землю — это как кусочек курочки проглотить. Если непогода, закапает дождь — свободе конец! Мой удел — комната на втором этаже дачи, со всеми удобствами, туалетом, диваном, но... клетка, пусть она даже просторная, остаётся клеткой. Испытав вольное счастье, уже ни на какие прелести не согласишься его поменять. Одно утешение, я знаю, что эта неволя временная. Просохнет земля и вновь — вот она, воля-волюшка. Новые впечатления, новые запахи, новые приключения.

Я научился терпеливо ждать. Сяду на подоконник и наблюдаю жизнь. Интересно!! Листочки на деревьях. С ними ветер играет, а они ладошками хлопают или трепещут, словно танцуют. Белая сирень цветёт, словно на неё мыльной пеной плеснули. Я такую видел в ванной, когда хозяйка в ней купалась. И люди, конечно. Разные. Одни хмурые, задумчивые, невесёлые. У них, наверное, кота нет. Некого им любить. Себя — надоело, соседа — не за что, дети выросли, разъехались. Другие, наоборот, слишком весёлые, говорливые, приветливые. У них точно кот или кошечка живут, а может быть, даже собака. Я так считаю. Дело в том, что мы, животные, воспитываем людей, хотя они думают наоборот. Смотрите! Появился котёнок в доме, и все улыбаются, ухаживают за ним, заботятся. Значит, у людей развивается внимание и заботливость к своим друзьям, ближним. Подрастает кот — следят за его здоровьем, кормлением, дарят ему ласку и любовь. У человека развивается нежность, мягкость, способность любить и быть терпимым. Нас называют братьями меньшими. Наивняк! Мы, коты, самые что ни на есть равноправные члены семьи. Иногда нам даже приходится брать на себя и руководящую роль, останавливать от необдуманных поступков. Помню, однажды зимой хозяин что-то очень громко объяснял жене, а потом бабахнул тарелку с салатом об пол, и хотел куда-то уйти. Но после того, как жена пригрозила меня вышвырнуть на мороз, чертыхнулся и остался. А через день они уже смеялись и благодарили меня, угощая вкуснятинкой. Вот такие пирожки с «Вискасом». Но бывают и неприятности.

Вот неделю назад заявили к нам на дачу молодые с друзьями. Суматоха! Нет, не подумайте, что я не люблю гостей. Наоборот. Мне тогда всякая вкуснятинка перепадает. Просто иногда люди ведут себя странно. Песни не поют, а орут, музыку врубят на такую громкость, что аж уши

закладывает. А ночью молодой хозяин с хозяйкой затеяли какую-то игру. Вроде куча-мала под одеялом. Возьмется, пыхтят, одеяло сползло, и, не поверите, голая попа мелькнула. Ну, я и прыгнул на неё. Что тут началось! Не словом сказать, не пером описать, как говорится в одной сказке, которую хозяйка читала внуку. Визг, крик, смех! Женщина хохотала до икоты, а молодой хозяин в чём мама родила гонял меня по всей комнате. Я взлетел по шторке к потолку, гардина сорвалась с крепления и бабахнула его по спине. Он смачно выругался и умудрился схватить меня за шкуру. Никакие когти не помогли, хотя я ему руку хорошо расцарапал. Самым бесцеремонным способом меня вышвырнули из комнаты второго этажа, где и произошла эта история.

О! Простите, мне пора на своё место. Писатель сел за компьютер. Без моего, как там... биополя, он ничего не сделает. Всё! Пока!

г. Челябинск

Людмила Карнаухова

Нечто, промелькнувшее среди облаков

* * *

Сыну

А я опять пишу тебе стихи,
бесмолвно сердце и глаза сухи.
Я даже не в депрессии — пуста
душа, не оценившая креста.
Нет чуда средь величия чудес,
есть саженцы, но вырубают лес.
И что с того, что видимся порой
в мирах, неопишуемых пером.
А надо, как бы в радости, пройти
Земные драгоценные пути.
Учусь, учусь — тем от хандры лечусь,
а, падая, — не в бездну, в небо мчусь.

* * *

Уже чуть-чуть осталось нам дожить
до дня, когда свершится эта небывь:
на запыленном патефоне неба
пластинки радуг заведут дожди.
Бери за руки, в гости заводи
Любовь: всёпоглощающую жалость,
Так долго эта засуха держалась,
что рады каждой капельке воды.
Но в это лето будет всё по-новому,
среди озона вольный птиц полёт,
Тогда моя дорога остановится
и в дом полуразрушенный свернёт.
И ливни хлынут, и нальётся колос,
хлеб мирный вкусит страждущий Донбасс,
и крестницы моей алмазный голос
пробьёт пласты все и дойдёт до вас.

* * *

Мы — новый ветер в парусах
великих праздников.
Отторгнутые, пусть простят
нам ветры разные.
С какою яростью умчим
с тропинок узких!
Нет — безысходности! Молчим;
вступает музыка.

Потоком метеорным грянем
во тьме крошечной.
Мы — новые, но не за гранью
законов здешних.
И к главной пристани пристанут
все каравеллы,
суда особые представят
вам корабель.
Вы прозорливей только станьте
средь суеты сует.
Тогда замшелые останки
развеет вихрь побед.

* * *

Твоих речей не собран мёд?
Четвёртый год — ни жив, ни мёртв.
Всё март в душе — разгульный кот,
Транжир, лентяй, задумок мот.
Но даже там, где ветер лют,
С весной, бесспорно, зацветут,
И все, и всё, да на свой лад...
Медовы речи льёт собрат.
Тень при Яриле канет в полдень,
Вьюнки цветут оградок подле;
Ведунья шарф ажурный свяжет
И подмигнет... язык развяжет.

* * *

К стихам, давно заброшенным,
К лугам, в стога нескошенным,
К тебе (мечтам непрошенным)...
Судьбою запорошенным.

Благословят: стихи слагать,
И травы смётывать в стога,
Но явью станут облагать
За райские блага.

Нет тех, кому не надо лгать,
И нет тебя давно в лугах,
И ветер травы разметал.
Никак не огранить в стихах
Расплавленный металл.

И множества слогов зачин
Где нас с тобою нет — зачем?
...Рожавшей без замужества
Дадут медаль за мужество?
Иль мезальянс супружества
Законней уз содружества?

Ярило

Ох, Светило, как ты мне светило!
Как уберегало яростно, Ярило!
Радугами семицветно говорило...
Сквозь все тучи об опасности кричало,
В ночь лихую находило и спасало,
И шептало в час унынья — утешало.
Из-за гор миасских рано выплывало —
И вдоль улицы навстречу я бежала.

* * *

Что-то здесь — сплеча, сгоряча,
От Ярилы и от Бога до смертного порога,
Без недужного порока!
От души болезной —
Вдруг что-то да полезное?!
Как ромашкова пыльца
Возле Отчего крыльца.
Ни черновики, ни других оков.
Нечто, промелькнувшее среди облаков.

* * *

И я могла и на коне скакать,
С ветрами спорить, соль земли искать,
Боготворила таинства природы я...
В остатке: на саму себя пародия.
И вот хожу походкой шаткою,
И нет зубов — смеюсь украдкой,
А над бессменною кроваткою
Заморских стран пейзажи краткие,
(Всё ж на душе торчат заплаткою).
Обрядом ряженные — святками —
Колядовали без оглядки мы:
Кули муки, капуста — кадками,
А разное — дарами сладкими...
...Придёт зима такая ж белая,
Но девочка — другая — смелая,
От счастья жизни ошалелая...
...Прощаю всех, кого жалела я.

* * *

Что это, что?!
Иду к тебе с надеждою и страхом,
Забуду скоро, упаду ли ниц?
Какую неожиданность и странность
Откроет чуткий лес твоих ресниц?
Где это, где?

Среди каких отрогов
Я шла сюда —
миг, длившей всю жизнь,
Своей одинокою дорогой
По кочкам нераспаханной межи.
Кто это, кто?
Неужто я взойшла с такою зарёю,
Неужто — по московским куполам...
Так пламенно и так легко сгораю,
Что и своим не верится глазам.

* * *

Так уж случилось.
Так уж свершилось:
Дружба с роднёю
Не получилась,
Чисты родники,
А дойти — не с руки,
Но вы ж мне родные,
Двоюродники!
По праздникам разным
Сочувствием праздным
Шлём эсэмэски...
Друг друга подразним.
Как вы — я печалюсь,
Что встречи случались,
Навеки мы с кем-то
Когда разлучались,
Так, годы итожа,
Останешься — кто же,
Мой сверстник, последним.
...Мне нет вас — дороже.

Семь «Я»

Бабушка-умелица,
Сестрица-рукодельница,
Виртуозная артистка
Моя мама, активистка.
Я для всех помощница,
Скоморошница.
Кот и пёс — те на природе,
Всех кормящем огороде,
И заядлый гармонист,
Главный — папа гуманист.

* * *

Можно пройти по лестнице —
Ты проходил по ней,
Волны шагов отластались,
Мир беспредельно нем.
Можно смотреть в окошко —
Касался стекла твой лоб,
И стряхивать памяти крошки,
Коль выпечен свежий хлеб.
В правду не верить можно?
Сложнее поверить в ложь.
...Какой закат осторожный
Над домом, где ты живешь.

* * *

Листаю ночи быстрые,
Сминаю вечера...
За что прощенье выстрадать
Должна бы я вчера?
Амнистию — всё выстрадав,
Ждала б уже с утра,
Но долго длится быстрая
Чужая мне игра.
Прощенье твоё вымолить,
Твоим дыханьем жить —
Всё тою: ноги вымоет
В слезах, и слёзы пить,
Помилованье выпросить,
С иголочкою нить:
Слатать сердца и выбросить!
Простившего — казнить.

Надежда Балаган

Последний осенний привет

* * *

Вечерним светом полнится
В бокале одиночество.
Фонарь печально светится,
Как зимнее пророчество.

В стекле морозном видится
Мечта — узора кружево
И встреча мне предвидится,
В печальном танце кружится.

* * *

В старом доме на подоконнике белом
Жил кактус колючий,
Был тих и несмел он.
Он первым рассветы встречал,
На непогоду ворчал,
Жался он боком к теплу батарей,
Ждал, когда лето придёт поскорей.
Но однажды штора колыхнулась,
Аромат дурманом закружил.
Роза в его жизни появилась,
Поселилась по соседству с ним.
И пригласил он свои колючки,
Позабыл он про свои болячки,
И пьянящим, замутнённым взором
Лепестков любовался узором.
И боялся поранить листочки,
Взглядом гладил набухшие почки.
А в душе рвались в клочья мечты —
У неё не колючки — шипы!

* * *

В жизни переломы? Это знак!
Мы сажаем семя — вырастает злак.
Серенькая птичка в городском саду,
Научи нас с миром этим жить в ладу.

* * *

Утренняя служба — своим чередом.
Помолюсь усердно — всё пойдёт ладом?
Отженю проруху, прорехи залатаю.
Это что за чудная над куполами стая?

г. Челябинск

* * *

В деревне детство безмятежно.
Туманы утром стелет нежно,
Рассвет с гор ласково течёт —
Ведя годам неспешно счёт.

Листва, в озёрах отражаясь,
Поёт мелодии простые
И речка, в белой неге маясь,
Расскажет сказки нам иные.

Летом в озёрах тех плескались,
Зимой катались в санках с горки,
Весной в ровесников влюблялись,
А осенью шли в школу гордо.

Любой вид спорта на природе,
Любая зелень в огороде,
И деревенскую лошадку
Мы кормим там морковкой сладкой.

* * *

Кусты нахохлились, и пожелтели листья,
Деревья скинули свою листву.
И яблоки на голых ветках киснут,
И осень ранняя несёт нам темноту.

Травинки согбенны, и земля гола,
Убрали все твои плоды.
И пусть ничто в тебе не ново,
Как в детстве, удивительная ты.

* * *

Осины стройной лёгкий лист,
Кружась, крутясь, сорвался вниз
И лёг, дрожа, на гладь пруда —
Доплыл он к Дубу без труда.

Вздыхнул печально старый Дуб.
Не замечал среди подруг
Он стройный стан, и верный взгляд,
И кружевной её наряд.

Дуб помахал ветвями ей,
Послал в подарок желудей.
Зарделась искренне румянцем,
Сверкнула тёмной кожей глянец.

Увидел ту, что много лет,
Терпев ветра и много бед,
Смотрела сквозь слезу на Дуб,
Ждала прикосновенья губ.

Затрепетала всей листвою,
Мечтательной своей душой,
Захлопала она в ладошки
И покраснела чуть, немножко.

Ветер сыпал с высоты
Златые, красные листы.
Как монеты в них бросал,
Как на счастье посылал.

* * *

Ах, какие хризантемы!
Последний осенний привет.
Мой сад опустел, нет и темы,
Но лучше букетика нет.

Пушистая яркость головок,
Прощальный октябрьский свет,
Домой унесу я снова
Последний осенний привет.

г. Чебаркуль

Юрий Халдун

Я по ступеням в небо поднимусь

Сон

Передо мною башня возвышалась
И уходила в небо от земли.
И по ступеням поднимались люди
И вереницей друг за другом шли.
Там, наверху, сидит Вершитель судеб
И праведный вершит над нами суд.
И я решил: а будь оно что будет!
Я по ступеням в небо поднимусь
И перед Ним безропотно предстану,
И пусть вершит Он надо мною суд.
Но я, наверно, недостоин Рая:
Мои грехи к земле меня влекут.
Всю тяжесть их внезапно сознавая,
С истошным криком я сорвался вниз,
Кричал я, свою гордость забывая,
И дьявола внизу я слышал визг.
Но не разбился! А когда проснулся,
Подумал: грешен пред Тобой,
Благодарю, что Ты даёшь мне Время,
Спасибо, Господи, за то, что я живой!

Сиротка

Дорогой длинной пыльною
Идёт сиротка, плачет.
Горохом слёзы горькие,
Котомку свою нянчит.
Одна она осталась
Со злой сиротской долею,
И родины покинутой
Ей не увидеть более.
И встретился ей старец,
Спросил:
— О чём ты плачешь?
Ты помолись Иисусу,
И будет всё — иначе.
Он дал девчонке хлеба,
Утёр со щёчек слёзы.
И — ярче солнце в небе,
И зеленой берёзы.
И хлеб простой — награда,
И веселеют глазки.
Как мало людям надо! —
Участия и ласки.
Не знаю, правда, нет ли,
Мы рассуждать не будем,
Но встретился ей Ангел —
Так говорили люди.

г. Кыштым

Ирина Трегубова

Так тоже бывает

Том & Джерри

Том и Джерри
Влетели в двери!
Котёнок и мышь!
Их шорох услышь!
Устроили гонки, как белки, —
От стенки до стенки,
По часовой стрелке.
Вдогонку, вприпрыжку,
По полкам, по книжкам,
Справа налево и наоборот!
Пойди разбери, где мышонок, где кот!
Пушистый комок по квартире летает.
Вопрос: «В чём же дело?» — у всех возникает.
Вопрос очень веский!
Ответ слишком дерзкий:
НЕ ПОДЕЛИЛИ СЫРНОЙ НАРЕЗКИ!

* * *

Мир — это бесконечность вещей,
Парящих аккуратно в пространстве,
Каждая на своём месте.
Лестница в небо упала и стала рельсами.
Это всё дым сигарет виноват.
Или здоровый образ жизни.
Место на полочке заняла другая мысль
И начала хозяйничать.
Так тоже бывает.

* * *

Картофельная буря картофельного дня.
Внезапно испарилась иллюзия моя.
Крахмальная история продолжила свой бег,
Меня здесь больше нет, мой снежный человек.
Прощальные мотивы серебряной души
Не слышатся печалью в ночной глухой тиши.
Лишь с синевы небес
Крахмальной пылью звёзд
Опустится на землю волшебный белый барс
В картофельное море картофельной тоски
И бережно поместит слайд вечности в тиски.

г. Кыштым

Александр Горелый

Летающим в сновидениях

поэма

Песнь первая

В этой части поэмы рассказывается о городке
с необычным названием Бакал.
(Не путать с Байкалом и бокалом!!)

Камнепад

Возле грота мерцает костёр вполнакала,
Над скалою луна нависает, как бра.
Очарован я был красотой Бакала,
Гулким ливнем, покосом и дымом костра.
Если глянуть на город с ближайшей вершины
В час, когда над Шиханом* зардеет восток.
То Бакал предстаёт украшением долины,
Как из сказов Бажова — Данилы цветок.

Я лечу, не страшась ни преград, ни обрывов.
Городок мой искрится от звёздной пыли.
Вот воронки как будто от ядерных взрывов —
То карьеры, как оспа на теле Земли.
Камень твёрд, но планета-то наша — живая.
Кожей чувствую я, прочитаю потом.
Динамитом карьер углубляли, взрывая,
И десятки сирен возвещали о том.

Место взрыва флажками всегда ограждали,
Создавали «живой» — из рабочих заслон.
Ждать команды «Отбой!» мы порой
не желали,

За черёмухой шли к леснику на кордон.
Как, не ведая сами, прошли оцепление,
Вдруг посыпался с неба на нас камнепад!
Смерть от жизни всегда отделяет мгновенье.
За берёзу брат прыгнул, как будто гепард.

*

Удирал за Костылиным Вовкой я в гари.
Птицы после молчания пели звучней.
В камнепад растревожились разные твари,
Отгонял я назойливых пчёл и слепней.
Сила мелких козявок давно всех бесила:
Велика от ничтожнейших тварей беда.
Не пофартило Вовке: оса укусила,
Прямо в глаз, тот остался слепым навсегда!

Мундиаль

Блюдо будет вкусней, коль добавишь
приправы:
Старикан видел смысл в доминошной игре.
Знать не знали тогда виртуальной забавы,
Детвора же играла в футбол во дворе.
Видно, каждому в мире отпущена квота,
Отставал я от всех в ходе матча, хоть плачь.

Друг Костылин сказал: «Саша! Встань
на ворота,
Обучу я тебя, как парировать мяч».

Научился я взглядом вязать, как верёвкой,
Натаскался напавшим включать тормоза.
Что сказать? А Костылин учитель был ловкий.
Повторял: «Не на мяч ты смотри, а в глаза!»
Пред футболом наш двор —
растревоженный рой.
Тяжелее, чем проигрыш, — иго татар.
Льстило мне, что Володя пред каждой игрой
Предлагал тянуть жребий: чей буду вратарь.

Произнёс мненье всех Анатолий Лакашин
(Для подростков значенье имеет молва):
— Саш! Гордись, ты вратарь с «сухим»
счётом, как Яшин!
Как бальзамом по сердцу разлились слова.
Вспоминая о прошлом, невольню я млею.
Может, часто менял в своей жизни пример —
Я не стал вратарём, и о том не жалею,
По «подсказке» Жюль Верна —
теперь инженер.
г. Миасс

Галина Савельева

А мы трудились, чётко понимая

Что ждёт тебя, Россия

Всё решают и думают,
А в стране беспредел.
Кто Россиюшку нашу
Подчистую раздел?

Цен предел — бесконечность.
Прежних льгот почти нет.
В затуманенной дымке
Люд встречает рассвет.

Как работать и жить
В наплывающей мгле?
Где найти утешенье
Изболевшей душе?

Где величье умов,
Что природа дала,
Чтоб в России вершились
Все благие дела.

Мысли время пронзают:
Как по жизни идти
И какую духовность
В дар потомкам нести.

Комсомольцы-снежинцы

Окончив вузы,
с комсомольской хваткой
успешно шли
по трудовой площадке.

Спешили на работу
утром рано,
где нас встречала
строгая охрана.

Мелькали казематы,
полигоны
и военпредов
яркие погоны.
Все показатели
снимали рьяно
и в основном
не с видеоэкрана.

Летели ввысь
крылатые ракеты,
пролив особый свет
на все секреты.
А мы трудились,
чётко понимая,
какая жизнь в России
непростая.

Теперь ушло
в далёкое преданье
умение такого
созиданья.
Но горит в душе,
огнём пылая,
доблесть комсомольцев
боевая.

г. Снежинск

Зоя Романова

Не читаю я газет

Ах, как мне жалко
с осенью прощаться

Летят года, как сорванные листья,
И кружат, исчезая в никуда,
Я не успела с осенью проститься,
Зима кричит: «Откройте ворота!»

Холодный ветер бьёт упрямо в спину,
На передышку время не даёт,
Не успеваю я и рот разинуть,
А ветер хлещет, в ярости ревет.

Мне буйство ветра вовсе не по нраву,
Его небезобидная игра,
Пока искала против зла управу,
Зима настигла — вещая пора.

Ах, как мне жалко с осенью прощаться,
Сопrotивляясь, выход свой ищу,
Но в плен зиме не думаю сдаваться,
Тоску зимы я в сердце не пущу!

За окошком тоскует рябина

Разным цветом покрылись тропинки,
А вокруг тишина — дремлет куст,
И на фоне волшебной картинки,
В одиночестве там бродит грусть.

За окошком тоскует рябина,
Чистым инеем гроздьё прикрыв,
Мне напомнила эта картина
Годы счастья и светлый порыв.

Ах ты осень, красавица осень,
Затаённая тихая грусть,
На висках твоих зрелая просишь,
На пороге зима, ну и пусть!

Обожаю Интернет

Не читаю я газет,
Обожаю Интернет,
Загляну хоть днём, хоть ночью,
Наша дружба очень прочна.
Передам друзьям привет,
Получу тотчас ответ.
В «Одноклассниках» сойдёмся
И роднёю назовёмся,
Это вовсе не секрет:
Интернета ближе нет.
Мой любимый Интернет,
Не теряй авторитет,

Рассказывай подробности,
И сказки по возможности,
Про Америку, Европу,
Про верблюда, антилопу,
Индонезию, Вьетнам,
Кто приедет в гости к нам.
Интернет, Интернет,
Без тебя мне жизни нет,
Сохраняй авторитет,
Мой любимый Интернет!

Прочь тревоги и сомненья

Жизнь — полноводная река,
И широка, и глубока,
Мелькают дни, бегут года,
Без тормозов и без преград.
Прочь тревоги и сомненья,
День сегодня — воскресенье,
Я возьму корзинку в руки,
И уйду скорей от скуки.
Грибов и ягод наберу,
И в доме чисто приберу,
Подружек в гости приглашу,
На стол все яства разложу.
Самоваром стол украшу,
Выпьем чай за дружбу нашу,
Исчезнут все сомнения
В день ясный воскресенья.

Вот и снова зима

Вот и снова зима,
Ветер хлещет в окошко,
Я в квартире одна
И скучаю немножко.

На столе чай стоит
В кружке с запахом мятным,
И зовёт, и манит,
Сесть за столик приятно.

Посидеть, помечтать
В тишине до рассвета
Да стихи написать
Про ушедшее лето.

Буду помнить о тебе

Памяти подруги Валентины

Тревожно молния сверкнула,
И гром небесный прогремел,
Ты, словно птица, упорхнула,
И домик твой осиротел.

Ты не придёшь, не улыбнёшься,
И в дверь мою не постучишь,
Ты никогда уж не вернёшься,
Со мною не поговоришь.
А мне не спится, не ложится,
Бессильна я в такой беде,
И, сколько сердце будет биться,
Всё помнить буду о тебе.

Здравствуй, солнце, здравствуй, небо!

Тучи серые гуляют над моею головой,
И, возможно, замышляют показать характер свой.
Не по нраву солнцу тучам, в небе яркий звездопад,
«Мы сильны и всемогущи!» — тучи серые ворчат.

Но сверкнуло в небе солнце, разогнало зло и мглу,
Лучик заглянул в оконце, крикнул: «Зло нам ни к чему!»
«Здравствуй, солнце, здравствуй, небо,
Здравствуй, дождь и снегопад, здравствуй, сказка,
Чудо-небыль и осенний листопад!»

г. Копейск

Илья Весенн

На поприще земного бытия

Новогоднее

Во дворе растут сугробы,
и морозец бьёт хлыстом.
А в квартире запах сдобы,
крутит кот своим хвостом.

Снова мы заходим в зиму,
в ожиданье Рождества.
Новый год плывёт незримо
по просторам Волшебства.

Позабудем о проблемах,
пусть на день или на два,
и о склоках в этих стенах...
Впрочем, это новая глава.

А сейчас вот рядим ёлку,
спорим, где её поставить.
Мысль одна сбивает с толку:
куда деток нам отправить?

Ох, мешают «чертенята»:
влезли в торт, ещё визжат.
И пицат, будто цыплята,
если кто-то вдруг зажат.

Во дворе пальба и треск,
в небе искры от салютов!
Гомон радости дал всплеск
у тех, кто падает с батутов.

Так в прелестной маяте
скопом катимся по жизни.
И, как будто на плите,
«варимся» в своей харизме.

Но закончится тусовка,
также новый год пройдёт...
Хорошо, если страховка
от невзгод нас всех спасёт!

Джокер

Увы, мы только гости в этом мире,
бурлит вокруг вселенская вода.
Неведомо откуда мы приплыли
и уплывём неведомо куда!

Нам кажется: владеем миром,
вращаем шар земной вокруг оси.
Но тех, кто хочет стать кумиром,
ты лучше сам об этом расспроси.

Ох, мало кто достиг высот великих
на поприще земного бытия.
Всё больше трутней одноликих,
живущих по закону «быт и я!»

И пусть кому-то «всё по барабану»,
а кто-то прыгает, пока не посинел.
Один пирушку предпочёл банану,
другой к раздаче фантов не успел.

Фортуна иногда играет в покер;
мы, будто ей назло, затеем прятки.
Она вытягивает из колоды джокер;
бежим мы от неё, мелькают пятки...

Удача словно зорька на рассвете,
её порою прячут грозовые облака.
Но если кто-то за себя в ответе,
того Фортуна озарит наверняка!

Клетка

Так хочется летать и петь,
всё одолеть и не стареть.
Но остаётся лишь скрипеть,
увы, за всеми не поспеть...
Прошло то время золотое,
когда скакал как жеребец.
А жизнь бурлила без застоя,
и живы были мать, отец.
Моя единокровная родня
своим раскидистым зонтом
старалась уберечь меня,
что оценил я лишь потом...
Года неслись почти галопом,
мелькали города и страны.
Себе казался мизантропом,
непокорным, даже странным.

Теперь всё встало на места,
я тигр в закрытой клетке.
И птица мне поёт с куста,
блаженствуя на ветке.
Пичуга эта — моё счастье,
ведь я пришёл, куда хотел.
Под солнцем и в ненастье
любил, творил и преуспел.
Теперь пусть птаха попоёт,
а я здесь встану на постой.
И, завершая свой полёт,
укроюсь в клетке золотой...
Ну как я мог подумать так
и вариант найти простой?
Не примитивный я чудак,
чтоб делать жизнь пустой!
Опять вне клетки я стою,
тоска сама ушла далече.
И ношу тяжкую свою
легко взвалил на плечи.
Расправил крыла, полетел,
от счастья даже прослезился.
Вослед мне ветер шелестел,
среди звёзд восход искрился.
Жизнь наша — лишь поход
от метки вдаль, до метки.
Лети, мужик, лети вперёд,
забыв о тесной клетке!

г. Миасс

Андрей Смолюк

Апрель

Люблю апрель за пеньё птиц
И за улыбки наших лиц.
Люблю апрель, поскольку в нём
Весна уже горит огнём.

Зима почти ушла совсем,
И ручейкам уж нет проблем,
Они бегут, журчат, и в нас
То отражается подчас.

Не жалко, нет совсем снегов,
Всех этих нудных зимних снов.
Не жалко, и твердим весне,
Что ей довольны мы вполне.

А птички бросили свой юг,
Прошло ведь просто время вьюг.
Ну что ж, встречайте, люди, их,
Встречайте, как друзей своих.

Любви так хочется весной,
И что-то с нашей головой
Порой случается у нас
В апреле светлый миг и час.

Утро весны

Но рады этому, друзья,
Не сомневаюсь в этом я.
На то и есть он, наш апрель,
Где тает снег и есть капель!

*Представь, середина весны.
Проталины всюду видны.
И люди добреют всегда,
Апрель наступает когда.*

Утро весны

Штору отдёрну,
пушу утро в дом,
Утро весны,
что шумит за окном,
Утро весны,
где апрельский мотив
Жизненных сил
мне дарует прилив.

Как хорошо,
что зимы больше нет.
Снег отошёл,
растопил солнца свет.

Снег отошёл,
настроенье подняв,
Холод зимы
с сердца взяв и убрав.

Штору отдёрну,
пущу утро в дом
И искупаюсь
немножечко в нём.
Просто люблю
ветра смелый порыв,
Что по апрелю
приятен, учтив.

Утро весны,
утро сладостных грёз,
Радостны, что
аж порою до слёз.
Просто любовь
начинает свой путь,
Ей улыбнётся
давайте чуть-чуть.

Поездка на маршрутном такси

Маршрутное такси
Вези меня, вези
По улицам большим,
Знакомым и родным.
Свой Снежинск-городок
Я вдоль и поперёк
Изъездил и прошёл
И счастье здесь нашёл.

Быть может, скажет кто:
«Ведь город твой ЗАТО,
А значит, небольшой,
Малюсенький такой!»
Отвечу: «Ну и пусть,
Что маленький — не в грусть,
Он так красив собой,
И правит в нём покой!»

А люди здесь душой
Прекрасны, и порой
Добрее не найти
Их в жизненном пути.
И может, я чудак,
Люблю не просто так,
Свой Снежинск, и он мне
Так нравится вполне!

*Такси меня везёт
По городу вперёд,
И улыбаюсь я:
Мой город для меня.*

* * *

Когда весной похолодает,
То в душу грусть приходит мне.
Сердечко просто так считает:
Должно быть солнце в каждом дне.

Но небо тучами закрыто,
И этот дождь на осень схож.
И хлябь небесная открыта.
И мир совсем уж непригож.

Иду, и зонт над головою
Спасенье от весны несёт.
Ну а вода с небес рекою
Свою с тоскою песнь поёт.

И женщины не так красивы,
Какими быть весной должны,
Но мужики, мы терпеливы:
Весной терпения нужны.

Когда весной похолодает,
Всё ж верю: солнышко в тебя,
Дождь нудно песню отыграет
И снова счастлив буду я.

*И снова женщины прекрасны,
Дарить им хочется цветы,
И все дороги мира ясны,
И все сбываются мечты.*

г. Снежинск

24 января 2019 г. исполнилось 65 лет
Вдовиной Тамаре Валерьевне из Верхнеуральска.
Поздравляем нашего постоянного автора с прошедшим юбилеем,
желаем крепкого здоровья, семейного счастья и творческих успехов.

Анатолий Омельчук

И в шутку, и всерьез

Мой взгляд

Стою на пляже. И опять
Мой взгляд стал к дамам приставать.

Одной — лукаво подмигнул,
Другой — к ногам её прильнул.

А с третьей вышел вдруг: КУРЬЁЗ.
Он рассмешил её до слёз.

А муж кричит: «Какой наглец!
Сейчас придёт тебе конец.

Пусть все увидят наяву,
Как я башку с тебя сорву».

Но я с насмешкою сказал:
«Да на тебя я наплевал.

Как муху, мигом раздавлю,
А жёнушку твою — люблю!»

Злая жена

«Ну и жену послал Господь, —
Ворчит Иван Иваныч. —
Не баба, а собачья плоть,
И зла, как пёс Буяныч.
Намордник надо ей купить,
С мохнатым в будку посадить!»

Пожелание

Будьте здоровы, живите богато,
Как позволяет вам ваша зарплата.
Если для жизни её не хватает,
То не живите — никто не мешает.

Как хорошо уметь читать

Как хорошо уметь читать,
Скажу я вам, ребята.
По карте можно всё узнать:
Где Крым или Карпаты.

И как могучий океан
Стал вдруг спокойным «Тихим».
И как наш грозный, мощный «Ан»
Летает в небе лихо.

Я прочитал так много книг,
И сказок, и рассказов.
Глубокий смысл я их постиг,
Родные сердцу фразы.

Могу глазами пробежать
Широкие афиши.
И новости из них узнать,
Чем город славный дышит.

Друзья! Хочу вам пожелать:
Приобретайте знания.
Из книг их можно получать
С огромным прилежаньем.

Наш мудрый русский алфавит
Должны вы знать, ребята.
В нем буквы, строгие на вид,
Нам служат, как солдаты.

Как хорошо уметь читать,
Простите — повторяюсь.
Мне лучше слов не подобрать,
За смысл я их ручаюсь.

Снежок

Смотри, снежок опять кружится,
На землю серую ложится.

Смех слышен детский во дворе:
Подарок славный детворе.

И всем поднял он настроенье,
И каждый полон вдохновенья.

Мой друг с улыбкой на лице
Стоит с лопатой на крыльце.

Снег стал родным, таким желанным.
Бодрит людей он утром ранним.

Их взглядом нежным провожает
И дня счастливого желает.

И я, как школьник, прослезился,
Как будто заново родился.

Шуточный калейдоскоп из женских щёчек

Сдоба

Я щёчки вдруг сравнил со сдобой,
От них шёл сладкий аромат.
Ты намекнула мне: «Попробуй!»
И я был этому так рад.

Привет

Привет мой пылкий, очень страстный
Вам телеграмма принесёт.
Но жизнь моя без вас ужасна,
И по ночам тоска грызёт.
Поставим мы на спорах точку,
Я вам поклон сердечный шлю.
И ваши розовые щёчки,
Как честный юноша, люблю.

Пьян от любви

Расцеловал родные щёчки,
Они послаще, чем халва.
Ласкаю нежно милой мочки,
Аж закружилась голова.

Себе признался я нежданно
И повторяюсь в душе опять:
Я от любви безумно пьяный,
И перед ней не устоять.

Никто

Скажу тебе честно, Ирина,
Играя с тобою в лото.
Скажу, как обычный мужчина:
«Без щёчек — ты просто — НИКТО!»

Сон в бочке (На восточный мотив)

Ночую я в прохладной бочке
И ощущаю жуткий страх.
Во сне приснились милой щёчки,
Их мне послал с небес Аллах.

Ты подошла ко мне несмело,
Как лебедь, тихо подплыла.
И песню чудную запела,
Всю грусть с души моей сняла.

Проснулся я без проволочки,
Поспешно стал тебя искать.
Пропала ты и твои щёчки,
Увижу вряд ли их опять...

г. Челябинск

Тулеген Наурзбаев

Моих воспоминаний ряд

* * *

В степях Кизильских найден был
Морёный круг над полем,
Где пращур наш когда-то жил
Среди просторов вольных.

Его неспешный острый ум
Берёт от бед, страданий.
Он слушал птиц и ветра шум,
Большого Мироздания.

То в небо мрачное глядел,
На солнце уповая,
То собирался за предел
Шагнуть, в огне сгорая.

Но проходил он путь земной
Всегда достойно, просто.
Имел богатства за душой:
Семью, детей и звёзды.

В нелёгкой жизни что он смог
Понять? Никто не знает!
Над Аркаимом, как дымок,
Душа его витает.

Спустилась ночь. Уснула степь.
Вокруг умолкли птицы.
Высоких звёзд искристый стёп
Мне сердце жжёт — не спится.

По той причине помнить нам,
Конечно же, не худо,
Что мы с тобою, старина,
Сыны его, оттуда.

* * *

Кленовый лист, лети, как речь,
Как снегириный крик над лесом.
Так хочется тебя сберечь
От стоэтажного завеса
Дождя и снега, от ветров
Напористых и шквально колких,
От шин машин и от костров.
Оставить в памяти надолго
Миг красоты земной, принять
Ваш красный жар души высокой,
Чтоб сердце грустью удивлять
До самой осени глубокой.

* * *

Вот деревенька, где не раз
Встречались мы в те давние года.
Но стёрты все следы сейчас,
Исчезли детство, юность навсегда.

Моих воспоминаний ряд
О том, что было так давным-давно,
Ведёт меня к тебе назад
За кадром кадр, как в плёночном кино.

Твой образ оживает, лишь
Всплывает в памяти моей ваш дом.

Ты у ворот резных стоишь,
Стремлюсь к тебе в задоре молодом.

Вновь напрямик бегу к домам,
Где, что ни улица, — знакомый вид...
Не здесь ли я по вечерам
Привык с тобой под звёздами ходить?

Но вдруг дорогу скрыла мгла,
Потерян дней и лет тех давний свет.
«Как будто вечность пролегла
Меж нами», — говорил Хайям-поэт.

г. Троицк

Маргарита Андреева

Зажги своё Солнце

Не знаешь — не бойся,
не веришь — попробуй.
Зажги своё солнце, пойми, ты особый.
Ты вечность и ветер, ты проза и песня.
Сожги себя в пепел и снова воскресни.
Оставь предрассудки, беги без оглядки.
Не время для скуки, пора играть в прятки.
Найди себя в море, взглядишь в отраженье.

Избавься от боли, в любви лишь спасенье.
Прости себя снова, копать не пытайся.
В тебе вся основа внутри. Постарайся
любить себя чаще, идти вперёд смело.
Не важно, что дальше, найди своё дело.
Не знаешь — не бойся,
не веришь — попробуй.
Зажги своё солнце, пойми, ты особый.

г. Челябинск

Валерий Дивянчи

Новый год всегда чудесен

* * *

В переулке под фонарной
Хоровод играли девочки-снежинки,
В проводах резвился ветер, ах, мальчишка озорной,
Крыш оркестр играл на этой вечеринке.

С неба сыпал жемчуг щедрый капельмейстер небосвод,
И дома друг другу окнами моргали,
Прошлогодний лист ворвался в новый год,
И ему снежинки в вальсе помогали.

Полусонный город мерно, в такт покачивал мосты,
На щеках зари лишь проступал румянец,
И покуда мостовые будут все еще пусты —
Будет вечно длиться этот белый танец.

* * *

Ты сегодня лишь утром спать ляжешь,
Ну а может быть, вовсе и нет.
«С Новым годом!» — мне шепотом скажешь,
«С Новым годом!» — скажу я в ответ.

Счастья мне пожелаешь тихонько,
То же самое сделаю я,
Пускай будет с тобой его столько,
Сколько я не желал для себя.

* * *

В Новый год нельзя без песен,
В песнях вся судьба и жизнь,
Новый год всегда чудесен,
Все забудь и веселись!

г. Южноуральск

Хорошо-то как в России

* * *

Я верю...
Я верю глазам
Доверчивым, наивным.
Я верю глазам
Счастливым, позитивным!

Я верю глазам,
Мокрым от слез...
Стираю эмоции...
Для меня — не вопрос!

Я верю глазам
Чистым, открытым.
В них осень была
С дождиком-ситом...

Я верю глазам,
Прямо смотрящим!
Я верю глазам,
Где все — настоящее!

* * *

Я зажгу свечу.
Пусть она не гаснет!
С тобою встречи...
Может, все напрасно?!

Холодно внутри...
Закутаюсь я в плед.
Ты, свеча, гори!
Мне нужен твой совет...

Вздроснула свеча,
Воском закапала...
И моя печаль
С нею... заплакала.

Нет — моим слезам
И нет — отчаянью!
И в твоих глазах
Вижу...
Случайная!

Подсолнух

Прописалось счастье
Под нашим окошком!
С длинным стебельком,
На тоненькой ножке.
С лохматой головою,
Цвет волос — соломы.
Радует он нас
Под окном у дома!

К солнцу повернулся,
И... сощурил глаз...
Вот такое счастье
Под окном у нас!

* * *

Душа — нараспашку.
Сердце открыто.
Счастье большое
В ладошках разлито.
Ладошки мои...
Они дарят тепло.
Раны накрою,
Чтоб скорей помогло.
В ритме Вселенной
С букетом ромашек.
Весь мир обниму.
Душа — нараспашку.

* * *

Гуляю среди берез,
Касаюсь я руками.
Иду к одной, к другой
Легкими шагами.
И подойду к одной,
Что так склонилась низко...
Я поделюсь бедой,
Как с подругой близкой...
И щекой — к березе.
Расплачусь — вполголоса...
Высушила слезы.
Ветер гладил волосы...
И на душе покой,
Сердце полно веры!
Ветру тому — поклон.
И той березе белой...

* * *

Гуляла осень по улицам.
На свиданье звали прохожие!
Небо невесело хмурится,
Листочки уютно уложены.
Гуляла осень по улицам.
Величавая. Стать — красивая!
Дома притихли. Сутулятся.
Ветра загуляли плаксивые.
И во всем она многолика!
У всех на устах: «Щедрая осень!»
Месяцы за собою уносит
Поступью мягкой и тихой!
А на завтра придут метели.
Такие, каких еще не видали!
А сердцем мы точно хотели
Осень пригласить на свидание!

* * *

В канцелярии небесной
Опрокинули ведро.
И в округе, по окрестной
Серым скрыто все полотном.
Барабанит дождь в окошко.
Ливень льет, как из ведра!
Подождать тепла немножко...
В лес. И по грибы пора!
Озарит с утра светелку
И лучиком согреет.
А земля-то, слышишь, дышит?
А земляца дышит, прееет!
Поле. Там — многоголосье...
Бабы травушку скосили.
Наливаются колосья.
Хорошо-то как в России!

* * *

Распустила косоньки
До самой до земли
Желтая березонька —
Листья у ног легли.
Тихая вся. Скромница!
С ветром миловалась...
А в июне, помнится,
Платьем любовалась!
Изумрудным цветом
С солнцем, с переливами...
Какие же березы
В России моей красивые!

* * *

Ласковое утро,
Солнце улыбается,
Ветерок как будто
На ветвях качается.
Небо над землею
Голубой полоскою.
Я иду, люблюсь
Желтыми березками
В платьицах нарядных...
Воздух пронизан светом.
Взору так приятно,
И это «бабье лето»!

Вот такая осень!
Листопад. Движение.
Прошлое уносит,
Дарит вдохновение!

* * *

В своей работе с детками я применяю сказкотерапию. У Владимира и Григория Стародубцевых нашла рассказ «Два трамвайчика». Переложила их на стихи...

Жили-были два трамвайчика.
Был один из них добряк!
Пассажирам всегда он весело
Улыбался. Просто так!
Люди тоже его любили,
Были вежливы всегда.
За проезд всегда платили,
Пожилым уступали места.
Его ждали на остановках,
Он мигал им желтым глазом.
Ветер гладил его по головке
И не опаздывал он ни разу!
Был другой трамвай, и вредный,
Злобный, хитрый и коварный.
С запозданием, к обеду...
Вез он, словно груз товарный.
За проезд здесь не платили,
Окна плакали, скрипели.
Здесь ругались и хамили,
Заржавели даже двери!
Рисовали гадости.
Разбрасывали сладости.
Люди трамвайчик не любили...
В салоне дрались, стекла били...
И в конце концов зимой
Сдали тот трамвайчик злой...
Сдали на металлолом!
А что было? Что потом?
Он расплакался... Расхныкался.
И от злости совсем рассыпался...
Рельсы, рельсы.
Шпалы, шпалы.
Едет трамвайчик добрый, усталый!

с. Кунашак

Татьяна Николаева

Ты Бог в высоких небесах

Женская любовь

Тебя я не зову, не жду,
Закрывает сердце на замок.
К тебе я тоже не приду,
И жаль, что ты понять не смог.

Понять, что женская любовь
Свободна, как паренье птиц.
Она живёт, скрывая боль,
В ней нет запретов и границ.

Готова женщина отдать
Весь мир мужчине, подарить.
Любить, терпеть, прощать, страдать,
О счастье долго говорить.

О счастье, что сейчас ты рядом.
О счастье, что нужна тебе.
О счастье, что ласкаешь взглядом.
О счастье, что ты с ней везде.

Твой образ видит в море синем.
Ты Бог в высоких небесах.
Ты непогода с ливнем сильным,
Ты яркий свет в её глазах.

Цените женскую любовь!
Единственную во Вселенной,
Чтоб расцветала вновь и вновь,
Была чтоб вечной и нетленной.

Новогодний вечер

Ветер свищет за окном,
По земле позёмка.
В доме чисто и тепло,
И сверкает ёлка.

В новогодний вечерок,
Сидя у камина,
Выпила вина глоток
Вкуса мандарина.

Посмотрела на огни
Города ночного,
Вспомнила былые дни,
Паренька лихого.

Грустно стало оттого,
Что промчались годы,
Что сбежала от него
В вихри непогоды.

Жизнь

Года не отсчитать назад,
И реки вспять не повернуть.
Прошёл по жизни летний град —
И молодость нам не вернуть.

Все эти годы вспоминала
Твоё прикосновенье рук,
Мечтами в небо улетаю,
Крылом там рисовала круг.

С луной и солнцем подружилась,
И звёзды стали мне друзьями.
И вихрем в танце я кружилась,
А ливни душу омывали.

Ну что ж, таков закон природы:
И молодость нам не вернуть —
Летят стрелою наши годы...
И реки вспять не повернуть.

Пишу стихи

Пишу стихи не ради славы,
Не ради денег и наград.
Пишу стихи не для забавы:
Они о чувствах говорят.

Пишу стихи с добром, без злобы
О счастье, радости, любви.
И улыбаюсь людям, чтобы
Душой согреться все могли.

Пусть они совсем не гладки,
Но буду верить и мечтать.
Отбросив критиков нападки,
Их будут много лет читать.

Радуга

Скажите: откуда небесное чудо —
Над лесом дугой коромысло?
Нас удивляя, сверкая цветами,
Раскрашено краской, повисло.

То радуга в небе — природы творенье:
Подарок от солнца с дождями.
Во взгляде не скрыть своего восхищенья
От той красоты, что пред нами.

Живу, приемля все законы

Живу, приемля все законы,
Случайный миг благодарю.
С тобой едва лишь мы знакомы,
А как с собою говорю.

И принимая миг, мгновенье,
Другого уж не будет, нет!
Смотрю на соприкосновенье
В житейском мире двух планет.

Помолимся душе

Мы часто вспоминаем о Всевышнем,
Когда нет выхода из жизненных проблем.
Мы на иконы молимся чуть слышно,
Подолгу у икон мы не встаём с колен.

Своё чело смиренно мы склоняем
И крестимся неистово, потупя взор.
Но, только боль пройдёт, мы изменяем,
Не замечая в душах свой позор.

Не буду осенять себя крестами,
Неискренне молиться у икон.
Ведь Бог в душе такой, какие сами.
Я помолюсь душе, и низкий ей поклон.

Заплутала

Я заплутала в дебрях, в чаще
На склоне солнечного дня.
Искала призрачное счастье
С искрою яркого огня.

И походив по тропам жизни,
И оценив прошедший век,
Я поняла, что для Отчизны
Я не огонь... Я фейерверк!

Критикам

Как много критиков на свете!
И там не то, и здесь не так.
И вы, поэты, словно дети,
Попали с рифмою впросак.

Но пишем мы за строчкой строчку,
Чтоб рифму отыскать, найти.
А может быть, поставить точку
И на покой душе уйти.

Но нет, опять беру листок я,
Опять ищу в душе слова
И о любви пишу, мечтая,
Хотя седая голова.

Ну что ж! И здесь опять нескладно,
И здесь попала я не в такт,
И сердцу моему досадно:
Опять всё сделала не так.

Отброшу критиков нападки
И буду я стихи писать.
Стихи мои для них загадки,
Ведь есть же, что критиковать.

г. Коркино

Алла Федосеенкова

Славка, сны и Лунный Пёс

сказка

1. Лунный пёс

Славка сидит на подоконнике. Большая сияющая Луна выглядит сегодня особенно большой и необыкновенно круглой. Полнолуние. В течение неполного месяца Луна из тоненького, едва заметного серебристого серпика превращается в толстый поджаристый блин. В полнолуние Луна всегда кажется загадочной. Она подвигается ближе к земле и светится изнутри, как новогодний шар или уличный фонарь. И можно даже разглядеть на её поверхности какие-то тёмные пятна. Некоторые люди считают, что это горы и моря. Другие утверждают, что это кратеры от метеоритов — такие глубокие, безразмерные ямы, которые остаются после того, как на поверхность Луны с огромной скоростью врезаются осколки давно умерших планет или неизвестных космических странников. Прежде чем упасть и превратиться в почти невесомую лунную пыль, они миллионы лет блуждали в безбрежном холодном пространстве космоса.

Славка знает точно, что на Луне кто-то живёт. Когда он смотрит на Луну, ему всегда кажется, что кто-то сидит там, на холодном лунном подоконнике маленького лунного домика, и так же пристально вглядывается в Землю — голубую планету, на которой живёт Славка.

В полнолуние волшебное сияние Луны делает ночи светлыми и прозрачными. И можно даже не включать свет, рассматривая картинки в книжках или лошадок на обоях детской комнаты. А можно просто лежать и смотреть, как по стене то и дело проплывают круги света автомобильных фар. В причудливом сплетении чуть дрожащих теней древнего тополя можно угадывать очертания разных сказочных героев. А ещё можно просто любоваться звёздами.

Когда Луне становится скучно, она затевает игру в прятки: то и дело скрывается за облаками или крышами высоких домов. Иногда Луна опускается совсем низко. Она осторожно присаживается на причудливо изогнутые ветки деревьев, прячется за листвой и становится совершенно незаметной. В такие минуты небо наполняется темнотой, и на нём сверкают и переливаются серебристые кляксы звёзд.

Особенно большими и яркими звёзды бывают в самом конце лета, когда небо, как большая чёрная птица, широко раскинув мощные крылья, крепко обнимает спящую землю. И тогда только протяни раскрытую ладонь — обязательно поймешь какую-нибудь звезду, соскользнувшую с чёрного перышка небесного крыла.

На пороге осени всех звёзд сосчитать невозможно. Волшебные, быстрые, лёгкие, как будто сговорившись, одна за другой, а то и парами, звёзды устремляются к земле. Планета как будто притягивает бездомных странников своей теплотой и добрым голубым светом.

Знаешь, сколько желаний можно загадать в такую ночь? Самых разных и самых невероятных! Надо лишь выбрать взглядом очень-очень красивую звезду, и, пока она долетит до земли, успеть вспомнить какую-нибудь заветную, сокровенную мечту. И ещё — а это главное! — необходимо крепко верить, что загаданное тобой желание обязательно сбудется. Пусть не сейчас и не завтра. Пусть даже в конце твоей жизни... Но сбудется! Осушится! Иначе зачем всё это: волшебная летняя ночь, высокое бархатное небо, загадочные молчаливые перемигивания звезд и тихое, еле слышное дыхание тёплой земли у тебя под ногами?

Славке не спится. Вот уже третью ночь, как ни старается, он не может сомкнуть глаз. В окно заглядывает Луна. Её круглое добродушное лицо кажется таким же бледным и задумчивым, как Славкино.

Со Славкой случилась неприятная неожиданность — он потерял сны. Все до одного! Может, сны на что-то обиделись и просто ушли? Да-да! Вот так! Взяли и бесследно пропали, потерялись, исчезли. Или они где-то заблудились. Шли, шли и заблудились. Ведь мир такой огромный! И в нём ничего не стоит взять и заблудиться. Даже снам.

Вот вы подумайте, ну какой теперь смысл в том, чтобы каждый вечер, как ни в чём не бывало, в одно и то же время ложиться вечером в кровать на правый бочок, подсовывать ладошки под щеку, крепко зажмуриваться и не видеть снов? Совсем не видеть! Никаких! Это же очень скучно и совсем не интересно. А ещё очень обидно.

Славка сидит на подоконнике, часто зевает и удручённо вздыхает. Он думает. Вы спросите чём можно думать ночью, когда ты должен крепко спать? Да конечно же, о том, куда могли пропасть эти непослушные сны!

— И что это такое вообще? Сны не должны никуда пропадать! — сердится Славка. — На то они и сны! Для того и придуманы сны, чтобы сниться людям по ночам. А не бегать неизвестно где и неизвестно куда!

Ах, если бы кто-нибудь знал, какими они были, эти Славкины сны... Разноцветными, волшебными, интересными, как картинки в книжках со сказками. В них было столько необычного и загадочного. Как в любимых мультфильмах.

«И что же остаётся теперь? Сидеть на подоконнике и смотреть на звёзды? Звёзды, конечно, тоже очень красивые. Но у них, как и у людей, своя жизнь. И падают они не просто так. А потому, что кому-то на земле очень надо, чтобы звёзды прилетали туда, где их ждут. Если звёзды вдруг перестанут падать, тут же перестанут сбываться желания людей. А если желания совсем не будут сбываться, жизнь превратится в очень скучную, серую и совсем не интересную историю. Так что всем будет лучше, если звёзды будут падать. И пусть каждому человеку на земле снятся добрые цветные сны!» — так думает Славка.

— Эй, ты чего там расселся? Чего нос повесил?

Славка очнулся от своих не очень весёлых мыслей и всмотрелся в сине-фиолетовые сумерки за окном. Внизу на жёлтой песчаной дорожке стоял большой белый пёс и, подняв улыбающуюся морду, дружелюбно помахивал лохматым хвостом. И сиял прозрачным золотистым светом. Как Луна.

— Ты кто такой? — удивился мальчик.

— Я Лунный Пёс.

— А чего тебе надо?

— Ничего мне не надо. Вот шёл мимо и увидел тебя.

— А откуда ты тут взялся?

— Из Полнолуния.

— С Луны, что ли, свалился?

— И ничего я не свалился! Я прилетел.

— Как это прилетел?

— Да вот, услышал твои унылые вздохи и грустные мысли. Взял и прилетел.

— Что, так просто взял и прилетел? Это что же получается: собаки мысли людей подслушивают? Да ещё и летают?

— И ничего я не подслушиваю! Вот ещё! Делать мне больше нечего! — фыркнул Лунный Пёс. — Вообще-то у нас все умеют летать и слушать чужие мысли. Особенно грустные. А ещё и желания исполнять. Если, конечно, желания добрые.

— А ты не обманываешь? — засомневался Славка. — Как же ты летаешь? У тебя же нет крыльев.

— Для того чтобы летать, крылья не нужны. Надо только очень-очень этого хотеть.

— Получается, что на Луне живут собаки-волшебники?

— Нет, там живут очень чуткие и отзывчивые луняне. Нас не надо ни о чём просить. Мы сами понимаем, кому нужна поддержка. Просто мы так устроены, без лишних слов приходим на помощь тем, кто в ней нуждается.

- Значит, на Луне живут собаки-друзья? Ведь только настоящий друг может знать, когда тебе плохо. И друг всегда выручит, если он настоящий друг.
- Друг? Ладно, я согласен быть твоим другом. Слушай, а ты можешь иногда называть меня просто Лунный Пёс? Мне так больше нравится.
- Хорошо, Лунный Пёс. А меня все зовут Славкой. Только бабушка и мама Славиком называют.
- Договорились, я тоже буду звать тебя Славкой. Славик — это как-то уж слишком ласкательно и уменьшительно. Так только кошек и домашних морских свинок называют. И ещё избалованных и капризных девчонок. А ты вон какой большой вымахал! Ну, долго ты там ногами болтать будешь? Спускайся ко мне.
- Славка легко спрыгнул с подоконника. Он часто так делал. Особенно когда бабушка заставляла пить лекарство, горькие травяные настои и полоскать горло всякой всячиной невкусной. Или когда мальчишки звали играть в футбол, а мама не отпускала, потому что уроки ещё не выучены.
- Славкина комната — на первом этаже. Под окном в палисаднике растёт густая трава и разные пахучие цветы. А ещё большие кусты роз. К розам Славка даже не приближается. Они колючие. Пёс обнюхал Славку со всех сторон и лизнул руку.
- Пчихи! — громко чихнул Пёс, — от тебя жутко воняет! Я знаю этот запах тоски и грусти. И если ты не перестанешь так часто вздыхать, я просто умру от чихания.
- Прости, пожалуйста, я постараюсь больше не вздыхать. Если получится, конечно. — пообещал Славка.
- Фу! — сердито фыркнул Пёс и помотал большой ушастой головой. — Ладно уж. Но если ты ещё раз вздохнёшь, я тебя укушу. Отвыкай заниматься бесполезным делом.
- Укусишь? А по-другому отвыкать как-нибудь можно?
- Нельзя! Да ты не бойся! Я не очень больно буду кусать, — успокоил Лунный Пёс.
- Ну, если не больно, тогда ладно, кусай.
- Славка, объясни мне, пожалуйста, о чём можно вздыхать в такую волшебную ночь? Ты что, не видишь звёзд на небе? Это же целый миллион тысяч желаний можно загадать! — Пёс поднял морду и мечтательно зажмурил жёлтые глаза.
- Мне звёзды не помогут... — вздохнул Славка и ойкнул, когда увидел, что Пёс угрожающе оскалился.
- Почему это не помогут?
- Прошлой ночью я попросил у них помощи, но звёзды только рассмеялись: «Сам! Сам! Сам!» — говорят.
- Ну, если уж звёзды отмахнулись, значит, не такая она и сложная, эта твоя проблема. Сам справишься.
- Да-а... Это только так кажется, что не сложная. А на самом деле, я даже представить не могу, как можно жить без снов?
- А я тут на что? Ты же только что сам назвал меня другом. А если я твой друг, значит, обязан тебе помочь! — Пёс встал в боевую стойку, приподнял уши и возбуждённо замахал хвостом. — Итак, что мы будем делать? С чего начнём?
- Если бы я только знал... — Славка опять вздохнул и на всякий случай отскочил в сторону.
- Что ты, как девчонка, нюни распускаешь? Соберись! Сосредоточься! Чётко сформулируй проблему!
- Сфом... сфом-рул-лируй... Чего-чего?
- Ну, объясни мне понятно и чётко. О чём ты вздыхаешь?
- Да я это... Сны где-то потерял.
- Как потерял? Свои сны? Что, все до одного?
- Все... — Мальчик виновато опустил голову.
- Ну, ты даёшь! Да уж... Сны, они же такие прыгучие и летучие! Ищи теперь в поле ветра! Я думал, так не бывает, чтобы все сны сразу улетучились. Тебя, наверное, родители к порядку не приучали и не объяснили, что всё и всегда надо убирать на своё место. Подалее положишь, поближе возьмёшь!
- Да объясняли мне всё. Только у меня в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Так папа говорит.
- Мда-а... — Пёс почесал задней лапой правое ухо. У тебя, наверное, сквозняк в голове? Тогда надо уши затыкать. Хотя бы одно. Говорят, помогает.
- Кто говорит?
- Все говорят. Ты мне зубы не заговаривай и не стой просто так. Надо что-то делать! Думай, где мы будем искать твои сны?
- Да не знаю я.

— А ты что, и вправду ничего не помнишь?

— А! — Славка махнул рукой и захныкал. — Ничего я не помню. Совсем ничего.

— Ну, не хнычь, не хнычь! Ты же не плакса! А давай вместе будем вспоминать. Вот скажи, когда ты видел сны в последний раз? Возьмись за ум!

— Как же я возьмусь за ум? Он же в голове, — удивился Славка.

— Конечно, в голове. Но, если честно, в моей голове такой же шурум-бурум, как и у тебя. Порой, чтобы найти нужную мысль, приходится все мозги перетряхивать. А тут сны... Ну, давай, встряхни хорошенько своими забывчивыми мозгами!

Славка пару раз мотнул головой и покачнулся:

— Ой, голова закружилась.

— Слушай, а может, стукнуть тебя разок по затылку? Или сам попробуй лбом обо что-нибудь приложиться.

— Обо что? — Славка испуганно схватился за голову.

— Ну, об угол какой-нибудь или о кирпичную стенку. Вот об этот тополь постучи. Ничего с ним не станет! Смотри, какой он здоровенный.

— С тополем, конечно, ничего не случится. А о моей голове ты подумал? Она же не деревянная. — Нет уж! И вообще, это, наверное, очень больно — стучаться собственной головой о дерево. Я же не дятел!

— Согласен, больно. Зато эффективно!

— А я не согласен. Давай как-нибудь по-другому будем вспоминать.

— Ну, давай по-другому. А как?

— Может, сначала поищем где-нибудь? — предложил Славка.

— А где?

— Не знаю. Для того, чтобы чего-то найти, надо куда-нибудь пойти.

— Ну, пошли тогда. Дорог много. Знать бы только, по какой идти.

— Я в какой-то сказке читал, что дорогу надо выбирать широкую и длинную. Короткая и узкая не годится для серьёзных путешествий.

— Согласен! — Пёс возбуждённо замахал хвостом. — Только учти: я не намерен зря лапы стаптывать, а ещё по кустам и заросшим тропинкам шнырять.

— Почему?

— Не люблю колючки из хвоста вытаскивать.

— А ты не очень хвостом размахивай. Смотри по сторонам.

— Я стараюсь, но не всегда получается. Колючки — это же такие приставучие и вредные создания!

— А мне кажется, что колючкам просто скучно живётся, им одиноко на дорожной обочине, вот и цепляются ко всем.

— Ну, может, ты и прав. Но всё равно, я не люблю прилипал и отношусь к ним с опаской. Мало ли что?

— Ты же умеешь читать чужие мысли.

— Да какие у колючек мысли? У них и мозгов-то, наверное, нет. Одни колючки.

Славка и Лунный Пёс вышли за околицу посёлка, выбрали самую широкую дорогу и пошли куда глаза глядят. А луна светила им вслед и загадочно улыбалась.

Шли они, шли и увидели огромную каменную глыбу. Словно из-под земли она выросла и торчала прямо в центре дороги, перегородив путь. Слева от обочины на дне глубокого оврага весело журчал ручей, справа темнел дремучий лес.

— Ни пройти, ни обойти такую глыбищу не получится. И с места не сдвинуть. Сил не хватит. — Славка растерянно чесал в затылке.

Пёс старательно обнюхал камень, прочихался и, виновато поджав хвост, присел у Славкиных ног.

— Что-то мне совсем не нравится эта каменюка. И пахнет тут чем-то жареным и горелым. Может, вернёмся, пока чего-нибудь не случилось?

— Ты что, уже струсил? Хочешь бросить меня одного? Тоже мне, друг называется! Посмотри-ка, а тут что-то написано. — Славка вытянул шею, встал на цыпочки и громко прочитал: **«Налево пойдёшь, во вчерашний день вернёшься. Направо пойдёшь — голову потеряешь. Прямо пойдёшь — себя и друга обретёшь».**

— Как ты думаешь, что бы это значило? — Славка озадаченно уставился на попутчика.

— Тут надо хорошенько пораскинуть мозгами и не забыть собрать их в кучу.

— Пёс, ты не увиливай! И оставь мои мозги в покое. Давай вместе подумаем. Одна голова хорошо, а две лучше! — Славка ещё раз почесал в затылке и стал рассуждать: — Налево мы с тобой не пойдём. Зачем нам вчерашний день? Там мы уже были. Значит, ничего нового не найдём. Даже вода, как всем известно, вспять не течёт. А за водой пойдёшь, далеко уйдёшь.

— Логично! — согласился Пёс.

— Направо мы тоже не пойдём. Неизвестно ещё, кто в лесу этом дремучем обитает. Кому охота голову потерять? Мне совсем не хочется без головы жить. И вообще, жить без головы опасно! И даже неприлично! Быть безголовым — это всё равно, что быть круглым дураком!

— Ну, допустим, — хмыкнул Пёс. — Хотя какая разница — круглый дурак или квадратный?

— Остаётся только прямо. Выбор небольшой, но зато есть шанс хоть что-нибудь найти, — продолжал рассуждать Славка. — И друзья на дороге не валяются. Говорят, надо пуд соли съесть, чтобы друга обрести. А себя искать незачем. Вот он я. Я себя не терял. Я только сны потерял.

— Правильно. Вчера не догонишь, а от завтра не уйдёшь. Но если в себе хорошенько покопаться, много неожиданного и интересного можно обнаружить, — задумчиво произнёс Пёс и легонько дёрнул Славку за штанину. — Опять вздыхаешь?

— Прости. Это я от волнения. Когда надо что-то выбирать и принимать решение, я всегда не в своей тарелке. А как же мы пойдём прямо? Камень этот, он же вон какой огромный. Он же просто неподъёмный! Даже представить не могу, как его сдвинуть. — Славка взволнованно ходил туда-сюда у подножия глыбы. Во все впадинки заглянул, все выступы ошупал, во все щели нос сунул. Даже на корточки опустился и понюхал.

— Свалился этот камень на нашу голову и торчит тут важной шишкой на ровном месте! Мешает людям вперёд идти! — проворчал Славка. — Ну, пожалуйста, Глыба Глыбовна! Если ты нас слышишь, хоть чуть-чуть в сторону отодвинься. Пропусти нас. Нам надо дальше идти.

И тут произошло что-то невероятное. Небо в одно мгновение стало чёрным-пречёрным. Яркая, слепящая молния сверкнула и ударила в самую макушку каменной скалы. Над головами путников что-то треснуло, заискрило и обрушилось оглушительным грохотом. Каменная глыба вздрогнула и развалилась на две части.

Путь был свободен. Друзья оправились от испуга, огляделись, отряхнулись, перешагнули кучи каменных осколков и, не оглядываясь, решительно потопали вперёд.

2. Грустная лошадь

Не прошли путники и ста шагов, как увидели престранную картину. По дороге навстречу им громыхала пустая телега. А позади телеги, хромая на все четыре ноги, тащилась грустная рыжая Лошадь. Она монотонно кивала низко опущенной мордой, трясла спутанной, давно не чёсанной гривой и с большим усилием толкала телегу впереди себя.

— Добрый день, Лошадь! — Славка удивлённо застыл на месте.

— Привет, — грустно кивнула Лошадь. — Какой же он добрый? Совсем он не добрый, а такой же, как все остальные. Разве может быть день добрым, если тебя с утра позади телеги ставят и в путь отправляют, не напоивши, не накормивши.

— А кто это вас так неправильно запряг позади телеги?

— Хозяин мой запряг. Кто же ещё до такой глупости додумается?

— А кто ваш хозяин?

— Фома Неверующий.

— Какой такой Фома?

— Обыкновенный... По фамилии Тяп-Ляпов — Не лыком шитый. Живёт себе ни шатко ни валко ни шьёт, ни порет. Тяжёл на руку. Меня запрягает задом наперёд да несолоно хлебавши, посылает туда, не знаю куда. Вот и тащусь теперь: два шага вперёд, три назад.

— А куда вы так тащитесь?

— Да куда глаза мои глядят.

— А куда ваши глаза глядят?

— Куда могут глядеть глаза, если голова опущена? Вот и смотрю себе под ноги. Ну, и в себя.

— Лошадь, а давно вы так идёте и в себя смотрите?

— Давно... Битый час, наверное.

— Битый час? А сколько это?

— Точно сказать не могу. Ты в торбу на телеге загляни и узнаешь.

Славка кое-как отыскал в сухой соломе торбу, зубами развязал тугой узел верёвки и вытряхнул на дорогу кучу хлама и каких-то железяк. Среди деталей непонятого назначения он увидел исковерканный, разбитый циферблат с перекрученными ржавыми стрелками.

— Это что у вас, часы, что ли? Так они же ничего не показывают.

— Конечно, ничего не показывают. Они же битые!

— А вам известно, кто их побил?

— Конечно, известно! Тот, кто временем не дорожит! Солнце на ели, а он ещё в постели. Люди уже работать вышли, а у него и конь не валялся. Помощи от таких не дождёшься — их только за смертью посылать. И обещанного три года ждать приходится. Потому что ходят они черепашим шагом, всех водят за нос, тянут канитель, кормят завтраками да в час по чайной ложке. Дела свои в долгий ящик откладывают. Думают, что теряют минуты, а на самом деле жизнь свою бестолковую теряют.

— Уважаемая Лошадь, вы уж простите... — Славка смущённо опустил голову и уставился на носок собственного кеда. — Мне кажется, нам с вами совсем не по пути.

— Понятно, что не по пути.. — Лошадь грустно кивнула головой. — Я бы тоже себя в попутчики не взяла. А сами-то вы куда идёте?

— Мы-то? Далеко, наверное. Мы потерянные сны ищем.

— И кто из вас тот растяпа, который сны потерял?

— Да это я... — покраснел от стыда Славка.

— Ладно, ты особо-то не расстраивайся. Кто ищет, тот обязательно найдёт! Главное — идти со временем в ногу. Время вспять не повернёшь и за хвост не ухватишь. Время всегда дороже золота! Ну, удачи тебе!

— А почему время дороже золота?

— Потому что золото в карман можно положить и копить сколько душе угодно. На золото можно многое купить или обменять на что-нибудь. А время — оно бесценное. Его не спрячешь, не обменяешь, не сохранишь про запас. Оно всегда вперёд бежит. Догоняй — не догонишь. Убежит — не воротить. Так что береги время смолodu, тогда и до старости доживёшь.

— Спасибо, Лошадь, за совет. Я постараюсь запомнить эту мудрость. Там, на камне, ещё написано было, что в пути я себя и друга обрести должен. Как вы думаете, что бы это значило?

— Друга найти — дело непростое. А себя найти ещё трудней! — вздохнула Лошадь. — Искать себя — всё равно что иголку в стоге сена. Ты, мальчик, не вешай носа и не забывай: за добро добром платят, а за лихо — лихом. Что посеешь, то и пожнёшь. С чем придёшь, с тем и вернёшься. А сны... Кто их знает, отчего и куда они пропадают? Что с возу упало — то пропало, — опять вздохнула Лошадь и махнула на прощанье рыжим облезлым хвостом.

Путники попрощались и пошли своей дорогой, а Лошадь — своей. Лошадь никуда не торопилась. Славка шагал и вслух размышлял над словами Лошади:

— Она такая умная, знает, как надо жить, а сама несчастная-разнесчастная. Ты заметил? — Славка остановился и оглянулся на едва ковыляющую Лошадь.

— Ты чего? — Пёс от неожиданности налетел на попутчика.

— Знаешь, что я решил? Мы должны помочь Лошади. Вот что! У нас с тобой есть цель? Есть! А у Лошади никакой цели и в помине нет. Что же ей, всю жизнь вот так толкать никому не нужную телегу и смотреть себе под ноги?

Друзья, не сговариваясь, повернули назад и бросились догонять Лошадь.

— Эй, Лошадь, пожалуйста, остановитесь на минутку, стойте!

Лошадь остановилась. Друзья подошли поближе.

— Скажите, неужели вам нравится такая жизнь? Идёте, не зная куда и зачем. Время ваше стоит на месте и ничего интересного не происходит. В себя смотрите, а вокруг ничего не видите.

— Конечно, не нравится. А что тут поделаешь? — Лошадь отвернула печальную морду и заплакала.

— Как что? — Славка обнял Лошадь за шею. — Вы можете изменить свою жизнь! А мы вам поможем.

Лошадь закивала головой и удивлённо взглянула на мальчика. Славка и Пёс распрягли Лошадь, откатали кособокую скрипучую телегу на обочину и столкнули в канаву. Потом они подвели Лошадь к ручью, чтобы она напилась чистой прохладной воды. Из тонких веточек и пучка жёсткой травы Славка смастерил удобный скребок, ловко привёл в порядок лошадиную внешность. Начищенная шкура на спине и впалых боках заблестела на солнце, стала гладкой, шоколадно-золотистой. Распутанная, расчёсанная грива и хвост — лёгкими и шёлковыми. Рыжие густые пряди весело развеивал ветерок. Лошадь превратилась в распрекрасную раскрасавицу. Увидела она своё отражение в воде, заулыбалась и весело заржала.

— Ну вот, теперь можете гулять в своё удовольствие. — Славка ласково погладил Лошадиную морду. — В поле сейчас раздолье. Посмотрите, какая там высокая и сочная трава. Теперь вы свободны, как ветер. Паситесь на зелёных лугах, пейте живую воду из ручьёв и родников, бегайте сколько душе угодно. Живите своей жизнью. Любуйтесь красотой, которая вокруг. И увидите, как изменится ваша жизнь. Я уверен, совсем скоро вы станете

другой. Теперь вы свободны. Только распорядитесь свободой так, чтобы и самой чувствовать себя счастливой и другие рядом с вами тоже счастливыми стали.

— Спасибо! — сказала Лошадь и сморгнула с рыжей ресницы большую прозрачную слезу. — Я никому не говорила, а вам хочу признаться... У меня есть одна заветная мечта. С самого детства, когда я ещё была жеребёнком, мечтаю я поступить в цирк, чтобы стать настоящей артисткой и танцевать вальс на арене. И чтобы была на мне красная бархатная попона, золочёное седло, а на голове — серебряный венец со страусиными перьями.

— Красивая мечта! — Пёс с сомнением взглянул на тощую лошадиную фигуру. — Захотел медведь на луну залезть, но сорвался. Да не всё сбывается, о чём мечтается.

— Не слушайте вы его! — Славка решил поддержать Лошадь. — Жить без мечты — всё равно что быть птицей без крыльев. Без мечты жизнь серой покажется. Но какой солдат не мечтает стать генералом? Мечтайте, Лошадь! Мечтайте, сколько душе угодно!

— Мечтать мало, — Пёс вставил своё слово. — К заветной мечте надо изо всех сил стремиться, всё сделать, всё попробовать, чтобы не жалеть потом, что мечталось, да не досталось. Так ещё моя бабушка говорила.

Лошадь согласно закивала головой и благодарно ткнулась мягкими губами в Славкину щёку. А потом улыбнулась, задорно взмахнула хвостом и галопом помчалась в поле. Там её ждала совсем другая жизнь: вольная, красивая, интересная. И прекрасная Мечта, которая стала уже чуточку ближе.

3. Язык без костей

Долго ли, коротко ли топали путники по дороге. Притомились, разомлели от жаркого солнышка и надоедливых комаров. Вот и решили отдохнуть на зелёной траве-мураве. Свернули они с обочины и тут же наткнулись на высокий столб с указателем. На фанерной дощечке со стрелкам, направленными в противоположные стороны, красовалась кривоватая надпись: «Медвежий угол». Огляделись путники, а вокруг никого. И спросить не у кого, что это за Медвежий угол такой?

Славка в затылке озадаченно скребёт, а Пёс вокруг рыщет, присматривается, принюхивается, репы на хвост собирает. Тут из-под трухлявого берёзового пня высунулся чей-то длинный зелёный нос. Старичок-Лесовичок, кхекая и кряхтя, со скрипом разогнул скрюченную спину, поправил шляпу свою мухоморную, протёр заспанные кошачьи глазки, откашлялся и проворчал недовольно:

— Кхе-кхе. Кто это тут растопался? Вы кто такие будете? Чего старому человеку покоя не даёте?

— Ой, вы прости нас, дедушка. Мы это... Идём, куда газа глядят. Сны ищем. Вот думаем, как нам в Медвежий угол попасть. Может, мы там и найдём то, что потеряли. Вы уж помогите нам, дедушка.

Старичок прищурил лукавые глазки.

— Добрым-то людям отчего не помочь? Помогу, чем смогу. Кхе-кхе. Не делом, так советом. За словом в карман не полезу, а сказанное — сдержу! Слово не воробей. Выпустишь — не поймашь. Так-то вот! Эх, милые... — Лесовичок сочувственно вздохнул. — Это ить вам далеконько топать-то придётся. Медвежий угол этот вы на карте не сыщете и на глобусе не найдёте. А вот, говорят, однако, что есть он, этот ваш Медвежий угол.

— Ура! — обрадовался Славка. — А кто говорит, дедушка?

— Так известно кто! Тот говорит, у кого язык без костей. И тот, чей язык хорошо подвешен, не заплетается, не прилипает, не отнимается. Ну и тот, конечно, у кого он сильно чешется, а развязавшись, как цеп молотит, голову не подставляй — зашибёт!

Вот, как увидите такого, так и знайте, он вам про Медвежий угол обязательно всё обкажет, да ещё и надоумит, путь-дороженьку укажет.

— А где же мы такого найдём, который нам путь укажет?

— Кхе... А зачем искать? Вот он я, тут, перед вами стою. А ежели хорошенько попросите, всё про всё и поведаю.

— Ой, поведайте, пожалуйста! Мы вас очень просим! Скажи, Пёс!

— Да, мы очень просим! — Пёс для пущей убедительности опустил на передние лапы, положил на них морду и просительно сощурил глаза.

— Ну, раз просите... Кхе-кхе. Слушайте тогда. Попасть в Медвежий угол ох и не легко вам будет... Совсем не легко. С большой дороги-то свернуть вам придётся налево. А может, и направо. Запомнювал я чегой-то. А дальше — прямо по тропочке, по тропочке — до столетнего дуба идти надо. Вот от того самого дуба рукой подать до вековой сосны, на которой апельсиновые шишки растут и на голову зевакам падают.

— Шишки на голову? Это же очень больно!

— А как же? Конечно, больно. Так-то вот! Кхе-кхе... Слушайте далее. Придётся вам ту сосну-то обойти против часовой стрелки немереным кругом, а потом семимильными шагами до молочной реки с кисельными берегами топать. Речку ту одолеть непросто будет. Ни моста на ней, ни переправы. Одни камыши да выводки утиные.

— А как же её одолеть без моста?

— Так очень даже просто! Отыщите в поле подходящую ржаную соломинку, киньте в реку да покрепче ухватитесь зубами. Поплывёте, как водится, супротив течения. А на берег из воды обязательно сухими выйти должны. Как глянете левым глазком за правое ухо, тут вам и Лысая гора. А на той горе варёный рак век сидит-дожидается. Как только тот рак свистнет разок-другой, вы на самую вершину должны скоренько взобраться и без оглядки хватать с неба звёзды. Чем больше, тем лучше. Иначе не повезёт вам, родимые. Зазря только пятки собьёте да времечко растеряете.

И вот ещё что я скажу вам. За той Лысой горой лес дремучий шумит, а в лесу, как водится, всякая нечисть живёт. Или это он перед Лысой горой? Запомню опять. Ох, дурень старой — голова с дырой! Ну, сами разберётесь! Коли сумеете заморочить голову да обвести вокруг пальца нечистую силу, может, и попадёте в тот Медвежий угол. Только нечистая сила, сами должны понимать, на то и сила, чтоб не всякий её одолел. Да не силой её одолеть можно, а умом. «Сила есть — ума не надо». Это неверное утверждение! Жизнь показала: когда ум есть, тогда и сила не нужна. Только ум без догадки гроша ломаного не стоит! Перед разумом и сила никнет. А умное слово крепче дубины. Это только дураки ссорятся, а умные договариваются! Да ежели ещё и попутчик умный, тогда и путь вполтину короче будет.

Славка посмотрел на пригорюнившегося Лунного Пса и разочарованно развёл руками.

— Ох, и наговорили вы нам, дедушка...

— Так без языка и колокол нем. А хорошо подвешенный язык не то что в Медвежий угол, до Киева и до Парижу доведёт! Ты, малый, если сказки любишь читать, знать должен тогда. Там вся народная мудрость собрана и все подсказки имеются. Народ-то не зря поговорки, былины и предания веками хранит да из уст в уста, от поколения к поколению передаёт, как самый драгоценный клад. Сам-то сказки любишь читать?

— Очень люблю, дедушка.

— Молодец! Однако сказки те не просто читать надо, а понимать! Своего ума-разума набираться. Тогда и не пропадёшь нигде. Так-то! Кхе-кхе. — Старичок-Лесовичок хитро подмигнул зелёным кошачьим глазом, покачал кривым пальцем перед Славкиным носом и исчез. Как сквозь землю провалился. Как будто и не было его вовсе.

— Ты чего-нибудь понял? — Пёс растерянно уставился на Славку. — Я совсем ничего не понял. Наговорил дед с три короба. Не зря говорят, язык без костей, уведёт гостей, не воротятся! Ну и что будем делать? Куда идти-то теперь?

— А давай так: ты налево пойдёшь, я направо. А там и встретимся где-нибудь, — предложил Славка.

— Ну уж нет! Нам порознь никак нельзя! Мы же друзья! Куда ты, туда и я! — не согласился Пёс.

— Пошли тогда по кругу. По крайней мере, не заблудимся. Откуда уйдём, туда и вернёмся.

— А смысл в чём?

— Смысла я тоже пока не вижу.

4. Апельсиновые шишки

— Эх, поесть бы чего-нибудь... — Пёс, опустив ушастую голову, жадно принохиваясь, затрусил вдоль обочины. Славка присел на пенёк отдохнуть и подумать. Не прошло и минутки, как из леса донёсся громкий сердитый лай. Мальчик вскочил и побежал на зов друга.

Славка с трудом продрался сквозь колючие кусты какого-то странного растения и очутился на круглой солнечной полянке. В самом её центре, широко раскинув необъятную крону, возвышалось непонятное дерево. Ствол мощный, как у баобаба, высокий, как у сосны. Ветви толстые, изгибистые, как змеи. Крона разлапистая и густая, как гроздовая туча. Сколько ни присматривайся, ничего не разглядишь. Пёс бегал вокруг мощного дерева и, задрав морду, лаял на того, кого надёжно скрывала густая кудрявая листва.

В тугом переплетении гибких изумрудных лиан то ли сосны, то ли дуба, а может, и берёзы, кто-то притаился и явным своим присутствием дразнил тех, кто был внизу. Славка осторожно приблизился к дереву, запрокинул голову и стал всматриваться. Но сколько ни напрягался, сколько ни щурил глаза, никого не разглядел.

— Эй, кто там прячется? Отзовись, — не выдержал мальчик.

Вверху что-то затрещало, и на головы путников посыпались огромные сосновые шишки. Одна ударила Пса прямо по лбу, и он, трусливо поджав хвост, жалобно взвизгнул

и отскочил прочь. Шишки разлетались по поляне. И сразу превращались в солнечно оранжевые апельсины. Славка поднял один апельсин, очистил от золотой пахучей кожуры и с удовольствием впился зубами в сочную ароматную мякоть.

— Фу! Гадость какая! Это же совершенно несъедобно! — Пёс понюхал протянутую ему дольку и сморщился. — Разве это еда? Мне бы косточку сейчас сахарную погрызть или корочку хлебушка...

Не успел Пёс договорить, как апельсины у его лап стали превращаться в собачью еду. Как по заказу, появилась косточка и корочка хлеба.

— Ну вот, это же совсем другое дело! — обрадовался Пёс. Он тут же улёгся на траву и, обхватив лапами сахарную косточку, довольно жмурясь, стал грызть и причмокивать от удовольствия.

Перекусив, друзья нашли тенёчек под странным кустом неизвестного вида, удобно устроились на травке и задремали. Псу уже снился какой-то сон, он тихо поскуливал и дрыгал лапами. Славке ничего не снилось.

— Кхе, кхе! — послышалось над самым Славкиным ухом. Мальчик открыл глаза. На берёзовом пенёчке, закинув ногу на ногу, вернее, лапу на лапу, сидел самый настоящий Серый Волк. На голове у Волка красовалась широкополая соломенная шляпа с зелёным петушиным пером, на задних лапах надеты были кожаные мушкетёрские ботфорты с тяжёлыми отворотами. Волк покачивал дуствольным охотничьим ружьём и с насмешливой улыбочкой разглядывал спящих.

— Ну, и чего это вы тут разлеглись, как у себя дома?

— Мы? — Славка протёр глаза и вскочил. — Мы тут это... Устали мы. Вот, отдыхаем. А что, нельзя?

— Почему нельзя? Можно. Отдыхайте на здоровье. Хотя для порядка могли бы и поздороваться.

— Так мы же не видели никого. С кем здороваться-то?

— Не видели, потому что не разули глаза. А если бы разули, могли бы догадаться, что шишки с неба просто так не падают. И апельсины на берёзах не растут.

— Ну, извините нас, пожалуйста. Мы совсем не хотели никого обидеть.

— Никто и не думал обижаться. На обиженных воду возят! — хмыкнул Волк. — Моё дело за порядком следить и никакого безобразия не допускать!

— Так мы же ничего не нарушаем и не безобразничаем. Идём по своим делам, никого не трогаем.

— А этот, длинноухий, тоже с тобой? — Волк повёл ружейным стволом в сторону сладко похрапывающего Пса.

— Со мной. Это Лунный Пёс. Мой друг и защитник!

— Хорош защитничек! Храпит без задних ног и в ус не дует!

— Он очень устал. — Славка попытался оправдать друга.

— Устал он, — проворчал Серый Волк. — Если он твой защитник, почему тогда дрыхнет? Я одно знаю: если тебе дело поручили, умри, но исполни! — Волк поднял ружьё и бабахнул в небо сразу из двух стволов. Сверху из непроглядной кроны с громкими воплями свалился большой белый гусь. Испуганная птица вскочила, испуганно замахала крыльями и, неуклюже перебирая короткими лапками, скрылась в ближайших кустах. Пёс, разбуженный оружейным залпом и громкими гусяными воплями, наконец, проснулся и вскочил. Увидев Волка, он громко зарычал и угрожающе ощерил загривок.

— А-а-а... Проснулся, защитник? — ухмыльнулся Волк. — А я вот тут думаю, сразу проглотить твоего мальчишку, пока ты дрыхнешь, или до обеда погодить, с кашей его слопать?

— Кого слопать? Зачем слопать? — Пёс, оценив ситуацию, шагнул вперёд и встал перед Волком.

— Да ладно... нечего тут героя изображать! — Волк пренебрежительно взглянул на Пса. — Рычи теперь не рычи, а проспал ты свой звёздный час. Да если б я только хотел, давно бы от вас рожки да ножки остались. Но у меня есть принцип: лежачих не бью! И на спящих не нападаю! Радуйтесь пока, что порядочного Волка встретили.

— Порядочного Волка даже в сказках не найдёшь. Так что, не рассказывай нам тут про волка в овечьей шкуре, — совсем расхрабрился Пёс.

— О чём это вы тут спорите? — Из кустов на поляну, облизываясь, вышел старый длиннохвостый Лис. Хитрющая рыжая морда, облепленная гусяным пухом, изображала довольство и умиротворение. — Я тут совершенно случайно мимо проходил и вдруг слышу: выстрел, голоса какие-то. А это вы, непримиримые родственнички, встретились. Интересно, что на этот раз делите?

— Да ничего мы не делим! — Волк с недовольным выражением морды обернулся к Лису. — Учу уму-разуму вот этого глупого Пса.

— А что он такого натворил? — заинтересовался Лис.

— Да в том-то и дело, что ничего. Дрыхнет друг человека в то время, когда его хозяина чуть не съели. Солдат спит, служба идёт.

— Послушай моего совета, дружище! — Лис наклонился в волчьему уху и махнул хвостом в сторону путников. — Не связывайся ты с ними. Несolidно глупых обижать. Что с такого защитника взять? Сразу видно: пёсик безгранично изнежен ласковым домашним воспитанием и беззаботной сытой жизнью. Какой из него защитник? Так, мягкая игрушка для маленьких детей.

— Но, но! — обиделся Пёс. — Я своё дело знаю. Это вас, лис да волков, сколько ни корми, вы всё в лес смотрите! А мы, собаки, имеем понятие о верности, чести и благодарности.

— Ого! — хмыкнул Волк. — Это какая такая благодарность? От людей, что ли? Вот возьмёт твой Хозяин и в благодарность за верность шапку из шкуры твоей сошьёт. А потом будет носить да хвастаться.

Пёс опустил погрузневшую морду и отвернулся. Ему нечего было возразить. Люди бывают жестокими. Это Пёс знал. Но он давно жил на Луне. А там никто не шил шапок из шкур своих верных друзей.

— Уважаемый Волк! — Славка решил вмешаться в ситуацию. — Я про вас тоже много чего знаю не очень приятного. Поэтому предлагаю разойтись мирно. У вас своя дорога, у нас своя.

— Я тоже считаю, хватит чесать языками! — Волк опустил ружьё. — Говорите, куда и зачем идёте. Нечего тут воду мутить и зубы мне заговаривать.

— Да мы и не заговариваем. У нас всего один маленький вопрос: где тут у вас можно найти Медвежий угол?

Волк и Лис недоумённо переглянулись.

— Да понятия не имеем! Мы по Медвежьим углам не шатаемся. Нам и своих забот хватает! Тут в соседней деревне недавно пастух пропал: на прошлой неделе ушёл в лес и потерялся. Вот, ружьишко да кнут только и остались. Вот люди и позвали меня овечье стадо пасти. Так и быть, придётся миру послужить... — притворно вздохнул Волк и зашагал вместе с Лисом по широкой лесной дороге в ту сторону, куда тянулись тени.

— Ага... Пустили козла в капустный огород... На моей памяти такого сроду не бывало, чтобы и волки сыты, и овцы целы, — хмыкнул большой бурый Медведь, который неожиданно вывалился из кустов на поляну. — Ну? Кто это тут ищет Медвежий угол?

— Я ищу, — Славка от неожиданности попятился и наступил на лапу Лунному Псу. — Мы ищем!

Пёс жалобно заскулил и закрутился волчком.

— А зачем вам Медвежий угол? Потеряли чего или так, от него делать дурью маетесь? — Медведь, кряхтя и вздыхая, присел на пенёк. — Ты только погромче говори, мальчик, я малость туговат на ухо. Слышу плохо. Погромче говори. Слышишь?

— Слышу, — вздохнул Славка. — Сны я потерял. Ищу Медвежий угол. Мы вместе ищем. Может, там мои сны где-нибудь застряли?

— Да... жизнь без снов — это я понимаю... — сочувственно вздохнул Медведь. — Без снов — не жизнь! Хоть лежи, хоть не лежи! Особенно зимой. Ничего хорошего. А сны — это же счастье! Лежишь себе в тёплой берлоге, задрал ногу, под головой лапник душистый, сосёшь лапу и до самой весны смотришь сны. В лесу морозы трещат, сугробы пухнут, до самого неба вырастают, метели завывают. А тебе в тёплой берлоге мягко, уютно. Сны приятные, внятные и невнятные снятся, всю зиму длятся. Да ещё цветные, весёлые, озорные! Про лето жаркое, про солнышко яркое, про малину-ягоду сладкую, про грибочки гладкие, груздочки да сыроежки, цветочки всякие: белые да красные, про крылышки атласные бабочек да мотыльков, про скрипочки сверчков, про ветерок да дождичек тёплый... Эх, красота... Медведь сочувственно кивнул Славке. — Это как же ты умудрился такое богатство потерять? Эх, растяпа! Ладно уж... Айда за мной, покажу вам свой Медвежий угол. Только вряд ли там чужие сны отыщутся. Там и моим-то тесно.

Продолжение следует.

г. Коркино

Январь 1955 года. День был холодный и пасмурный. Мы стояли на перроне вокзала города Ленинграда. Вся наша семья уезжала на Урал. Тогда, в четырёхлетнем возрасте, я не осознавала всю драматичность расставания с этим городом. В тот момент я жалела бабушку, которая держала меня на руках и всё сильнее прижимала к себе, постоянно приговаривая:

— Оставьте мне Леночку. Куда же вы ребёнка везёте?!

Отец успокаивал её и говорил, что там тоже город. Вскоре подали состав, и мы сели в вагон. Когда поезд тронулся, бабушка побежала по перрону, утирая слезы и взмахивая рукой в сторону вагона, будто пытаюсь его удержать. Мы с мамой, прильнув к стеклу, провожали её взглядом до тех пор, пока перрон не скрылся из вида...

Через три дня поезд прибыл на станцию областного уральского города. А дальше надо было ехать автобусом около ста километров. День был морозный, с пронизывающим ветром, поэтому мама прикрывала мне лицо платком, пока ждали автобуса. Всю дорогу она глядела через замёрзшее окно автобуса, пытаюсь рассмотреть, когда же появится город.

— Наташа, не волнуйся, скоро приедем, — приговаривал отец.

Проехав по заснеженной дороге несколько часов, автобус привёз нас в районный центр.

— Вот и доехали. Идёмте до дома, — сказал отец.

Дорога нас утомила, и мы медленно побрели за ним по деревенской улице. Остановились у бревенчатого дома с голубыми ставнями. Залаяла собака во дворе. На стук в ворота вышел хозяин в белом полушубке.

— О-о, сынок приехал! Мы уж заждались с матерью, — воскликнул он, обнимая отца. Потом перевёл взгляд на меня с мамой.

— Это жена Наташа и дочь Леночка, — произнес отец, поймав его взгляд.

— Ну, будем знакомы, а я Иван Гаврилович, — представился он. — Что ж мы у ворот-то стоим, пойдёмте в избу, — пригласил он, распахивая калитку.

Мы вошли во двор и увидели женщину, стоящую на крыльце дома, закутанную в шаль и одетую в бежевый полушубок. Скрестив руки на груди, она как-то свысока смотрела на вошедших.

— Мать, что стоишь? Принимай гостей, — кивнул ей Иван Гаврилович.

Увидев отца, женщина всплеснула руками и направилась к нему.

— Наконец-то приехал к родителям! — сказала она, обнимая. Потом посмотрела на нас и мотнула головой в знак приветствия.

— Что на холоде-то стоять, проходите в дом, — проговорила она как-то по-хозяйски.

Войдя в дом, мы сразу ощутили тепло и запах пирогов.

— Раздевайтесь да грейтесь у печки, — заботливо произнес хозяин.

Меня усадили на маленькую скамеечку возле печи. Подошёл серый кот, обнюхал и сел мне на колени.

— Смотри-ка какой, видно, своей признал, — радостно отреагировал Иван Гаврилович.

Хозяйка Мария Петровна стала накрывать на стол, расставляя пироги, студень и свой хлеб. Она периодически посматривала то на меня, то на маму.

— Давайте к столу пододвигайтесь, отогреетесь с дороги, — сказала она.

Застолье немного оживило, расслабило и отогрело. Я прижалась к маме и стала засыпать. Она взяла меня на руки и унесла в комнату. Когда я проснулась, то увидела, что рядом блаженно спит всё тот же серый кот.

В комнату вошла мама.

— Ну, Леночка, проснулась? — спросила она, садясь рядом. — Вот мы и на новом месте, — протяжно произнесла она и прижалась ко мне щекой.

На следующий день отец рано уехал куда-то. А уже вечером сказал, что завтра поедем на место, где придётся временно пожить пока, не определимся с жильём.

— Ничего, Наташа, все устроится, обживемся постепенно, — успокаивал он маму.

Утром стали собираться в дорогу. В дом вошёл Иван Гаврилович и сказал отцу:

— Алексей, возьми два тулупа и унеси на сани-то.

У ворот стояла лошадь, запряжённая в сани. На облучке сидел старичок в тулупе. Иван Гаврилович стал набрасывать в сани сено и укрывать попоной. Затем усадил нас с мамой и укутал тулупами. Подошёл отец в полушубке, валенках и пристроился рядом.

— Ну, давайте, езжайте, небось не замерзнете, — сказал Иван Гаврилович и, махнув рукой старичку, добавил: — Трогай, Игнатьич.

Повозка тронулась, заскрипев полозьями. Из райцентра мы выехали на широкую дорогу среди заснеженного поля. Вглядываясь в это безлюдное пространство, нам казалось, что лошадь уносит нас в какую-то неведомую даль. Проехав километров тридцать, мы издали заметили, что приближаемся к селу. Дома стояли, будто придавленные снегом, и только дым из труб был определяющей точкой.

— Игнатьич, подъезжай вон к тому, крайнему дому, — сказал отец.

Лошадь остановилась возле указанного дома, мы вылезли из-под тулупов и направились во двор. Навстречу нам вышла старушка в старом ватнике, сером шерстяном платке и подшитых валенках.

— Тётя Груша, квартирантов принимаете? — шутливо спросил отец.

— Входите, раз приехал, — произнесла скрипучим голосом старушка.

Изба оказалась просторной. Большую часть занимала кухня с русской печкой, лавками вдоль стен и длинным деревянным столом.

— Тётя Груша, мы уж поживём у вас немного, как договорились, — обратился к ней отец.

— Что ж, живите, не жалко, — согласилась она. Потом, посмотрев на меня, заботливо спросила:

— Девчушку-то заморозили небось?

Затем полезла на печку и достала две пары теплых шерстяных носок.

— На вот, наденьте себе и дочке, — обращаясь к маме, сказала она. Потом ещё раз взглянула на маму и будто пропела:

— Городска...а...я, видно.

— Из Ленинграда, — ответила мама.

— О-хо-хо! Такую-то даль, — произнесла тётя Груша, спускаясь с приступка.

Мама достала из сумки какие-то продукты и стала раскладывать на столе. Тётя Груша вынула из печи чугунок с варёной картошкой и поставила рядом.

— Угощаю чем могу, — пробормотала она.

После обеда тётя Груша показала нам небольшую комнатку для проживания. Комната была с низким потолком и белёными стенами. Ближе к углу стояла кровать с никелированными спинками, а вдоль стены — старинный комод и несколько стульев.

— Вот тут и располагайтесь, — сказала она

Мы стали обустраиваться на новом месте. Отец получил назначение в райком партии. Ему приходилось много ездить по району. Мы жили в тридцати километрах от районного центра, поэтому в крайних случаях отец, бывало, останавливался у родителей.

Однажды он приехал на машине и привёз детскую кровать.

— Ну, Наташа, вот наша первая мебель, — шутливо сказал отец.

Мама улыбнулась и стала убирать стулья, которые заменяли мне кровать.

— Ленуля, возьми-ка подарок, — добавил отец, вынимая из упаковки маленькие лыжи.

Я радостно взяла лыжи и побежала на кухню их примерять.

Утром во дворе мама помогла мне закрепить лыжи на валенках, и я потихоньку заскользила по снегу. За воротами были слышны звонкие голоса деревенских ребят. Сделав несколько кругов по двору, я с любопытством открыла калитку и выехала за её пределы. С большой горки катались на санках несколько девчонок. Вскоре они заметили меня и стали смотреть в мою сторону. Вдруг одна из них резко дёрнула санки за верёвку и быстро направилась ко мне. Подойдя поближе, она бойко спросила:

— Ты откуда?

— Мы из Ленинграда приехали, — ответила я.

Она округлила глаза, приоткрыла рот и, помедлив немного, произнесла только: «Ого-го!»

Потом протянула мне руку в пушистой варежке и, будто отчеканив, сказала:

— Шурка!

Это была девчушка лет десяти, в сереньком пальтишке и белой шапочке. Её голос прозвучал как сигнал для остальных девчонок, которые продолжали стоять возле горки и наблюдать за нами. Тут же, осмелев, они подошли и встали рядом с Шуркой.

— Тебя как звать? — спросила худенькая, с веснушками девочка в тулупчике, перетянутым кожаным ремешком с блестящей пряжкой.

— Лена, — тихо ответила я.

— А это что у тебя? — продолжила она, ткнув пальцем в мою муфту.

— Это муфточка, чтобы руки греть, — ответила я любопытной девчонке.

Она помяла рукой край муфты, будто хотела убедиться в этом.

— Тё-е-еплая, — сделала вывод девочка.

Тут вмешалась Шурка:

— Пойдём с нами кататься

— Мне не разрешают, — ответила я на призыв и пошла во двор.

На крыльцо вышла мама и спросила:

— Как покаталась, лыжница?

Я молча сняла лыжи и понесла их в дом.

Вечером приехал отец с областной партийной конференции. Мама засуетилась и стала накрывать на стол.

— Ленуль, посмотри, что я тебе привёз, — подозвал отец, открывая чемодан. Он достал деревянную коробку и протянул её мне.

— Возьми, ты же любишь рисовать, — добавил он.

Коробка напоминала большой пенал. Я выдвинула крышку и увидела глянцевые медовые краски разных цветов и оттенков с набором кисточек. Я радостно побежала к тёте Груше показывать отцовский подарок.

За ужином я рассказала о новых знакомых.

— Видишь, теперь у тебя и подружки появились, — одобрительно произнёс отец.

— Она и лыжи освоила, — добавила мама.

Родители ещё долго разговаривали, а я легла в свою новую кровать и не заметила, как уснула.

Рано утром за отцом приехала машина, и он уехал по району. Мама затопила печь.

— Леночка, можно вставать, — сказала она

Я спустилась с кровати и подошла к окну в надежде увидеть вчерашних девчонок. Но разглядела у горки только одну Шурку. Она стояла без санок, будто кого-то ожидая.

После завтрака мама разрешила мне выйти на прогулку. Приоткрыв калитку, я выглянула на улицу.

— Вот ты где! — неожиданно раздался Шуркин голос. Она появилась возле калитки словно из-под земли.

— Айда к нам, мы рядом живём. Вон наш дом, — показывая куда-то в сторону, сказала Шурка.

Я в нерешительности затопталась на месте. Не дождавшись ответа, она схватила меня за руку и повела к своему дому. Быстрым движением открыла ворота, завела меня на крыльцо и толкнула дверь.

— Входи, не бойся, — пригласила она.

Я перешагнула порог и остановилась у двери. Оглядевшись, я увидела возле печи полную женщину, которая ловко орудовала ухватом. Жар от печи разрумянил её лицо. За длинным столом сидели двое мальчишек и крупный мужчина в белой рубашке навыпуск. Они поочередно черпали ложками из большой чугунной сковороды жареную картошку и прихлебывали из кружек. Шурка подскочила к матери и многозначительно произнесла;

— Знаешь, мамка, откуда они приехали?

И тут же ответила своей сакраментальной фразой: «Ого-го!»

Мужчина положил ложку, повернул голову в мою сторону и посмотрел исподлобья на меня.

— Это чья же будешь? — спросил он.

— Да сына главного бухгалтера, Ивана Гавриловича из заготконторы, — осведомлённо пояснила женщина.

— А-а-а, райкомовская, значит, — протяжно произнёс он, качая головой.

— Из Ленинграда привезли, — продолжила Шуркина мать, — подумать только, в такую даль!

Она подошла к столу, взяла кринку с молоком и налила в кружку.

— Проходи, коль пришла. Выпей вот молока-то, поди в городе такого нет, — уже тихим голосом произнесла она.

Ко мне подбежала Шурка и стала тянуть за рукав к столу. Я отдёргнула руку и повернулась к двери.

— Меня мама ждёт, — пояснила я, пытаюсь открыть тяжёлую дверь.

— Проводи её, Шурка, а то заблудится ещё, — спокойно сказала женщина.

С большой неохотой Шурка открыла дверь и вывела меня на улицу. Дойдя до нашего дома, она открыла калитку и тихо проговорила:

— Ты приходи к нам ещё, я буду ждать.

Она уже собиралась уходить, но вдруг резко развернулась, подбежала и положила что-то мне в карман. Я пошла в дом, но не успев перешагнуть порог, услышала голос тётки Груши:

— Так вот же она!

Из комнаты выбежала расстроенная мама и бросилась ко мне.

— Лена, разве можно от дома уходить?! — воскликнула она.

— Ладно уж, не ругай её. Наверное, девчонки соседские соблазнили, — вступилась за меня тётка Груша. — Где здесь потеряться-то, насквозь всех знаем.

Вечером я вспомнила, что Шурка, уходя, положила что-то в карман моего пальто. Оказалось, это деревянная птичка.

— Мама, посмотри, что мне Шура подарила!

— Да это же птичка-свистулька, — пояснила она.

Мама приложила к губам птичку, подула в маленькое отверстие, и мы услышали звуки нежной трели. Такие самодельные деревянные игрушки часто делали в деревне для своих детей.

— А теперь сама попробуй, — предложила мне мама.

Я взяла свистульку, посвистела немного и поставила её на полочку. Усевшись на стул возле окна, стала листать книгу со сказками, периодически посматривая на птичку.

— Знаешь, мама, а хорошо бы превратиться в птицу, как в сказке. Я могла бы полететь, куда хочу, — задумчиво сказала я.

Мама подошла ко мне, погладила по головке и спросила:

— И куда бы ты полетела?

— К бабуле, в Ленинград.

— Но ведь это так далеко, не каждая птица может долететь.

— А я бы долетела!..

Мама опустила глаза, замолчала, потом наклонилась, прижалась ко мне, и я ощутила её влажную щёку.

— Милый ты мой ребёнок, — произнесла она с шемящей нежностью.

Наши раздумья прервал громкий стук двери в кухне. Это тётка Груша вошла с охапкой дров и высыпала их возле печи.

— Тётка Груша, что вы сами-то возитесь с дровами, — воскликнула мама, выходя из комнаты.

— Ничего, я привыкшая сама управляться. Без мужика двадцать пять годочков живу. Вон мороз-то опять крепчает, — пояснила она, кивнув куда-то в сторону.

Действительно, зима на Урале была долгой, холодной, с морозами до сорока градусов.

Тётка Груша уложила дрова и растопила печь. Пахнула немного дымком и повеяло теплом. В приоткрытую дверцу печи было видно, как горели дрова, играя языками пламени, потрескивали, выбрасывая мелкие искорки, и от этого становилось спокойнее и уютнее.

Вскоре с улицы послышался шум подъехавшей машины.

— Поди-ка, Наташа, посмотри, должно быть, приехал, — сказал тётка Груша.

Мама подошла к окну и стала вглядываться в замерзшее стекло.

— Да, Алексей приехал, — подтвердила она.

В дом вошёл отец.

— Ну и погодка! К ночи опять подморозит, — произнёс он, снимая полушубок

— Наташа, будете ужинать — так самовар ещё не остыл, — предупредила тётка Груша, отправляясь укладывать на свою лежанку в углу кухни.

Мама стала накрывать на стол. За ужином отец сказал, что весной, возможно, переедем в районный центр, где нам могут выделить жильё от райкома.

— Хорошо бы, Алексей, уж определиться. Вот только зимы конца не видно, — посетовала мама.

Но сообщение отца её всё-таки обрадовало. Она как-то повеселела в надежде на скорые изменения. Надо было жить, ждать весны.

Зима ещё не сдавалась, но днём сквозь морозные узоры на окнах стали пробиваться солнечные лучи. Со временем подмечали, что нет уже той слепящей белизны сугробов возле дома, а снег на бескрайних полях становится сероватым.

Так с мыслью о весне дожили до первой оттепели. Зима была снежная, поэтому глубокий снег таял медленно, смешиваясь с водой, а ночью, подмерзая, образовывал ледяные надолбы. Отец, приезжая с работы, говорил, что трудно стало добираться до дома. Но, несмотря на это, с потеплением намечалось оживление в деревне.

Наконец наступили тёплые деньки. Настоящая весна пришла в деревню. В эту пору люди охотно готовились к традиционным праздникам. Помнится, войдёшь в дом, и сразу почувствуешь запахи ягодных пирогов с лесной черемухой и вишней.

Вообще, из-за монотонной и однообразной деревенской жизни, люди встречали любой праздник с особой радостью. Заранее припасали что-нибудь вкусное, желая побаловать всех, но особенно детвору.

Вот и в эти дни жители деревни готовились к одному из почитаемых праздников — Пасхе.

Пасхальный день выдался тёплым и солнечным. Утром прибежали девчонки и постучали в окно нашей комнаты.

— Лена, к тебе подружки, — отреагировала мама, — сегодня хороший день, можешь погулять.

Я быстро оделась и выбежала на улицу. У калитки ждали Шурка с тремя соседскими девчонками.

— Пойдём с нами, сегодня же Пасха, а значит, всякие вкусности подают, — в один голос объясняли подружки.

— Как в избу зайдём, так говори «Христос воскрес!», — добавила Шурка.

Я кивнула в ответ, хотя мне всё это было непонятно. Шурка подхватила меня, и вся компания направилась к соседним избам. Мы вошли в ближайший дом и остановились на пороге. Я боязливо спряталась за спины девчонок. Они же с ходу дружно заголосили: «Христос воскрес!»

Молодая женщина вынесла из горницы пасхальные гостинцы и стала их раздавать. Девочки засуетились, складывая подавания в карманы и холщовые мешочки. Поблагодарив хозяйку, радостно выбежали на улицу.

— Смотрите-ка, а у Ленки-то ничегошеньки нет! — заметила одна из подружек.

— Ну и ну, вот так бояка! Так будешь прятаться, то мало что получишь, — сказала другая.

В следующем доме Шурка сразу выдвинула меня вперёд. В небольшой кухне за столом сидели старик со старушкой. Старичок, растопырив пальцы, держал блюдце и, причмокивая, пил чай вприкуску.

— Христос воскрес! — бойко проговорили девчонки.

Старушка встала из-за стола, перекрестилась и ответила:

— Воистину воскрес!

Затем взяла лукошко со скамейки и стала укладывать в него крашенки и сладости.

— Ты вон малой той наперво дай, — заботливо сказал старичок, кивнув в мою сторону.

Старушка подошла ко мне и вложила мне в руку горсточку конфеток в виде подушечек, а в карманчик опустила крашеное яйцо,

— Ну, а вы уж сами разбирайте угощения, — предложила она всем остальным, протягивая лукошко. Подружки быстро поделили гостинцы.

— А теперь идите с богом, — проговорила старушка, махнув рукой.

Заглянув еще в пару изб, дружно отправились домой. По дороге я все время прижимала руками свои карманы, так как они были доверху наполнены. Шурка заметила это и остановила меня. Она оттопырила за края мои карманы и стала их потрясывать, словно утрамбовывая содержимое.

— Какие мелконькие у тебя карманчики-то, — посетовала она. — Пойдем я тебя провожу, а то все растеряешь по дороге.

Дома меня уже ждали родители.

— Что-то ты, подружка, долго гуляла, — произнес отец с укором.

— А у меня вот что есть! — похвасталась я сразу с порога, показывая на распухшие от гостинцев карманы. Потом, подбежав к столу, стала высыпать их.

— Батюшки, вот так добытчица! — воскликнула тетя Груша.

— Откуда у тебя это? — спросила мама.

— А нам с девочками на Пасху подали, — радостно объявила я.

Мама посмотрела на отца, тот хмыкнул, развернулся и ушел в комнату.

Уже вечером, лёжа в постели, я слышала, как отец что-то говорил маме серьёзным голосом. До меня отчётливо донеслась только одна мамина фраза:

— Алексей, она же еще ребенок!

Постепенно голоса всё тише стали доноситься до меня, и вскоре сон окончательно сморил меня.

После праздников жизнь в деревне пошла своим чередом. А отец предупредил, что в выходные будем переезжать.

Наступил день отъезда на новое местожительство в районный центр. Подъехала к дому машина, стали грузить вещи. Мы стояли возле дома с тетей Грушей, которая тихо всхлипывала и вытирала слёзы передником.

— Не обижайтесь, коли что не так, — приговаривала она.

Прибежала Шурка и подошла ко мне.

— Уезжаешь? — спросила она жалостно.

Я кивнула ей в ответ.

Закончив погрузку, отец усадил меня с мамой в кабину, а сам пристроился в кузове. Через стекло в кабине я посмотрела на Шурку, которая стояла поодаль, опустив голову.водитель включил мотор, грузовик содрогнулся и затарахтел. Шурка от этих звуков подняла голову, и я увидела, что её глаза с длинными ресницами были полны слёз. Она быстро смахнула их рукавом старенькой кофточки, но слёзы непослушно накатывали вновь. Вдруг она резко повернулась и побежала по тропинке к дому. Машина тронулась и стала выезжать на просёлочную дорогу. Я прильнула к стеклу, чтобы в последний раз увидеть удаляющуюся худенькую Шуркину фигурку.

Вскоре село скрылось из виду. Дорога была ухабистой, поэтому машину бросало из стороны в сторону. Пытаясь отвлечься, я нащупала в кармане свистульку, подаренную Шуркой. Глядя на игрушку, меня охватило чувство жалости к этой доброй девчужке, с которой, к сожалению, я простилась навсегда.

Прошло много лет. Я часто вспоминала эпизоды своей детской жизни в этой маленькой деревушке и, конечно, Шурку. Мне казалось, что, подарив мне эту птичку, она какой-то своей детской пронизательностью почувствовала моё душевное состояние и ту ностальгию, которую я испытывала в этой далёкой от цивилизации глубинке.

г. Муасс

Александр Кукушкин

Анекдоты*

Про рыбалку

...сидит Петя на Азовском море, на ржавом катере подаренном америкасами, рыбу ловит.

Поймал золотую рыбку.

— О! Привезу в Киев, в Раду, похвастаюсь, тогда-то точно, вновь президентом изберут.

Нет, лучше в Турцию, они новую церковь подарят, тут то я и наворочаю.

Нет! Наверное лучше к Меркель или к Макрону! Раззвонят по всему миру, какой я хороший, тогда, никто мне не указ.

Нет, всё же лучше в Вашингтон. За это, точно, денег дадут и большую атомную ракету, и стану я мощной мировой акулой.

— Отпусти меня, Петя, я тебе любое твоё желание исполню, — взмолилась золотая рыбка.

Тем временем Владимир Владимирович, с бережка, из-за кустиков наблюдает эту картину.

— Сделай меня крутым и могучим — мировой акулой.

— Нет, Петя, ты тогда меня в первую очередь слопаешь.

— Тогда, сделай, что бы у меня была большая атомная ракета.

— Нет, Петя! Ты тогда всех взорвёшь и я погибну.

— Тогда, сделай так, что бы меня хоть на второй срок президентом оставили.

Путин Петру и кричит из кустов, с бережка:

— Петюня, что ты до рыбы домогаешься, иллюзии строишь, иди ко мне с миром. Гарантирую, что все желания твои удовлетворю. И раком тебя сделаю, и в президенты тебя определю в Кашенко, и церковь тебе подарю в песочнице, и бабки дам на твою пенсию, и ракетку куплю. Хошь, маленькую, хошь, большую. Будешь спокойненько в теннис играть на старости лет и церквушку лепить в песочнице. Иначе, Петюня, докукарекаешься, после выборов, свои же... повесят тебя... на первом суку.

* Публикуется в авторской редакции.

Телефонный звонок

...звонит Пётр Алексеевич Собчак:

— Ксения Анатольевна, не могли бы вы срочно прилететь в Киев, а то и «томас» купил, не помогает, и афёру в Керченском проливе организовал, и денег много потратил, а войска разбегаются и рейтинг падает. Выручайте! У вас опыт большой! Прилетайте! Поднимете боевой дух, мой рейтинг.

— Хорошо. Я сейчас распродаю последние свои трусы, как закончу, прилечу. Конечно, опыт у меня большой, всё таки в президенты балотировалась. Поднять-то я подниму, у всех, но, вот как с боевым духом?.. Поэтому поводу Вам лучше к Шойгу или Путину обратиться.

— Хорошо, прилетайте, подумаем.

Сын полка

юмореска

Вера Васильевна, буквально влетела в квартиру и, не закрыв за собой входную дверь, с порога закричала, размахивая какой-то бумажкой:

— Володя! Володя! Письмо пришло от Министра обороны! Разрешили! Разрешили! Собирайтесь! Пошли скорее в военкомат! Гена, а, ты, что сидишь? Скорее собирайся! Разрешили, — она размахивала почтовым конвертом в воздухе, причитая: — Господи, — начала часто креститься, — да, услышал наши молитвы. Господи! Услышал, помог, уж, сколько писем написали? Кому только не писали! Господи! Услышал! Помог! Спасибо, тебе Господи! Гена! Володя! Да, шевелитесь вы, наконец-то! А то, не дай то Бог, — Вера Васильевна была тучная женщина, маленького росточка, средних лет и словно колобок катилась от не запертой входной двери в комнату и тонкий голос её, валдайским колокольчиком, звенел на всю квартиру.

Юноша, при первых же словах матери, словно резвый воробей, буквально слетел со стула и подбежал к ней, пытаясь выхватить заветное письмо из рук матери.

Женщина, всё размахивала конвертом, уже увидев сына, не перестала громко кричать: — Володя! Володя!

— Наконец-то! — юноша, всё-таки выхватил у неё письмо. А она, всё не переставала причитать, потешно размахивая руками: — Да, давайте же, собирайтесь скорее! Володя! да, что ты копаешься?

Генка, спешно развернул бумагу и жадно впился глазами в содержимое.

Он выглядел школьником старших классов. Хрупкое телосложение, при росте сто двадцать сантиметров, постоянно бледное, худенькое, заострённое к низу слегка вытянутое личико и постоянные синеватые пятна под глазами, похожие на синяки. Редкие, светлые, мягкие волосы покрывали его голову.

Из комнаты, выходил не большого роста, худой мужчина, сразу, на ходу протягивая руки, что бы обнять сына.

— Ну, наконец-то! Дождались!

— Давайте, давайте, — торопила Вера Васильевна. Скорее! Собирайтесь!

И действительно им всем было чему радоваться.

Ведь в это время, считалось позором, если взрослый ребёнок по какой-то причине не пошёл в армию. Или считался дефективным. Да и девушки сразу сторонились таких парней.

Девчонки, под стать ребятам, как и положено, хранили невинность до брака. И проводить, а потом дожидаться своего парня из армии, было, обычной нормой.

Моральный облик советского человека считался, наивысшим достижением Советской власти. Правда, бывали, всё-таки случаи.

Вон у Генки, в восьмом классе, Люська — самая красивая девчонка, родила, так их, всю семью, вызвали в райком комсомола. Так затаскали! То райком комсомола, то райком партии, то всякие комиссии. Каждый день. С утра до вечера. Так и пришлось, бросить квартиру и всей семьёй уехать. Так, до сих пор, никто не знает, где они находятся. Ни слуху, как говорится, ни духу.

В военкомате же им всем постоянно показывали постановление, в котором говорилось, что рост, ниже ста сорока сантиметров, призыву в ряды Вооружённых Сил, не подлежит.

Но, Вера Васильевна, как и вся родня, были настойчивы и неугомонны.

Писали письма во все инстанции, вплоть до Министра обороны. Официальный ответ, от которого, с жадностью и читал сейчас Генка.

На призывной пункт для отправки в часть по месту службы Генку провожала вся родня, человек тридцать, и каждый высказывал свои наставления и пожелания новоявленному призывнику.

На призывном пункте стоял невообразимый гвалд, сливающийся с музыкой различных музыкальных инструментов.

Но! Тут, из громкоговорителя, громко раздалась команда:

— Строиться!

Провождающие, наспех целовали призывников. Девушки и женщины, кто то плакал, а кто-то весело смеялся. Мужчины и парни давали последние наставления.

Колонна медленно выстраивалась.

Рядом с Генкой, встал высокий, плотный парень, которому Генка, при его росте сто двадцать сантиметров, был чуть выше пупка.

Парень, взглянув с высока на щуплого паренька, тут же с улыбкой выпалил: — О! Сын полка!

Окружающие, в строю, оглядываясь, громко захохотали. Со всех сторон послышались реплики, — точно, сынок!

Так с первого дня за Генкой закрепилась обидная для него кличка — «Сын полка».

Ещё в поезде, в плацкартном вагоне, все призывники, между собой, переговариваясь, гадали, — куда же их везут? В какие войска попадут? Кто то говорил, что у него направление, непосредственно в спортивную роту, кто то говорил, что писал в военкомате, что бы его направили в пограничные войска, а кто говорил, что писал, что бы, только в десант. И так, всю дорогу, пока двигался поезд, эти домыслы и догадки не прекращались ни на минуту. Все делились съестными запасами, с которыми можно было всей этой команде, жить не один месяц.

...и вот, наконец то, конечная станция.

— Ребята, Свердловск, — прозвучал чей то голос.

— Выходи строиться! — прозвучала команда.

Кто с чемоданами, кто с рюкзаками, юноши выстраивались в не ровную колонну вдоль трёх вагонов, напротив которых стояли Уралы с брезентовым тентом.

После бани и построения, перед строем ходил старшина и причитал с сильным украинским акцентом, — ну бог дал, — да где же мне взять-то на вас, одёжу-то? — Он вопросительно смотрел на двоих пареньков.

— Вот, тоже мне, Штепсель и Тарапунька! — шеренга, дружно засмеялась.

— Ладно, пока так идите. Встать в строй!

Толпа, ещё громче, дружно зоготала.

— Цыть! Отставить смех! — грозно скомандовал старшина.

Пока не привезли обмундирование, Вовка, так звали огромного парня и Генка, поочерёдно, стояли в своей гражданке, у тумбочки, дневальными. Лишь, к концу карантина им привезли с центрального склада Уральского военного округа форму, но двое суток ещё каптёр роты, поочерёдно примерял, шил, ушивал, надставлял, пока, молодые солдаты приняли надлежащий вид воинов.

Зима на Урале суровая и снежная, термометр показывал, минус сорок четыре, а высота сугробов достигала до ста двадцати — ста пятидесяти сантиметров.

И вот настал день, когда первогодки, пройдя месячный карантин и приняв присягу, отправились на службу, в свой первый караул.

Начальник караула — капитан Голубев, стоял напротив Генки и испытующе смотрел на него. Наконец, после долгого молчания, он выдал из себя:

— И где ж это тебя такого откопали? Тулупы-то, все пятого размера, вон на него, пожалуй, — он показал на Вовку, — они, в аккурат. М-да, — многозначительно покачал головой капитан, — чё, думают?

На периметр, Генке пришлось надевать то, что было в наличии.

Очередной часовой, выходил с разводящим, из караулки и пока разводящий говорил свою зауценную по уставу, немудрёную речь, предыдущий часовой, выходил из стоящего колом, замёрзшего тулупа, а очередной часовой, входил в него и застегнул на единственную пуговицу и повесив на тулуп автомат, начинал движение.

Лежнёвка, по которой, двигались с интервалом семнадцать минут часовые, напоминала в глубоких, уральских сугробах, своеобразную траншею.

Как «сын», прошёл в замёрзшем тулупе пятого, последнего размера, по этой траншее три круга, история об этом уникальном случае, умалчивает, но в четыре утра, на периметре прозвучала длинная автоматная очередь и в караулке раздалась громкая команда начальника караула:

— Караул, в ружьё!

Солдаты, наперевес с автоматами бежали по периметру, обгоняя, по времени идущих часовых и тут, уральская тайга разразилась громким, не смолкающим хохотом. Солдаты, падали в глубокие сугробы и ухватившись за животы, громко хохотали, увидев эту картину;

Вася Котов, старослужащий — дембель, выпрыгнув из своего тулупа, с испуганными глазами, поднимал замёрзший тулуп, в котором был «сын», то с ног на голову, то с головы на ноги, не понимая, кто, где мычит и не обращая внимания на хохочущих солдат. Вот, наконец-то, потный, заорал: — Чё, ржёте! Помогите!

Двое смеющихся воина, подошли, поставили на попа тулуп, расстегнули пуговицу и из него, в верх ногами вывалился и упал на голову, плачущий «сын».

Только позже, уже в караулке, под неумолкаемый хохот, выяснились все подробности произошедшего случая.

Вася согласно расписания, шёл на периметр за Генкой. На улице мела сильная метель. Валил снег.

При обыденной караульной службе; два часа, на посту, два часа, бодрствуешь, два часа спишь. И к утру, при таком регламенте, очередной часовой, уже на «автомате», со сна, буквально ещё спящим, брал автомат из пирамиды, проверял, как положено оружие, выходил из караулки, входил в замёрзший тулуп и порой, с закрытыми глазами, автоматически продолжал движение по лежнёвке — «заснеженной траншее», лишь окончательно просыпаясь, на втором, третьем посту.

И вот! «Сын», полусонный, таща на себе непомерный груз огромного тулупа, едва пройдя третий пост, наступил на волочащуюся полу огромного тулупа и упал.

Упав в узкой, снежной траншее, он, побарахтавшись, безмерно уставший, в тепле, мгновенно уснул.

Метель быстро, равномерно заметала уснувшего часового.

Вася, выйдя таким же образом из караулки через семнадцать минут, идёт по лежнёвке — «траншее» и спит.

Во! Часовой!

Надо бдить службу! А, он, подцец, спит!

Идёт, понимаете ли! И спит!

Таким образом, волочась с закрытыми глазами, и наверное, ещё видя приятные сны о своём скором дембеле, наткнулся на уже припорошенный тулуп и упал.

Вскочив на ноги и увидав перед собой запорошенный тулуп, А парень он был, честно сказать, трусоватый, он, с просонья, и со страху, моментально покрылся холодным потом, выскочил из своего тулупа и сорвав оружие с предохранителя, дал длинную очередь, мгновенно выпустив весь магазин.

Бросив автомат, он начал поднимать замёрзший тулуп на попа.

«Сын», проснувшись от движения, невнятно что то промычал.

Вася, не поняв откуда издаётся звук, перепуганный, начал его переворачивать наоборот, за этим занятием и застали его подбежавшие солдаты караула.

После этого случая «сына» в караул больше не посылали. Его направили на кухню, где через короткое время по прибытии на кухню, с ним произошёл ещё более комичный случай;

В роте, водилось такое неписаное правило; повара: ночная смена, вываренные мослы, из бака, отправляли с дежурным нарядом из караула в караулку. Как правило, в такой наряд, за ужином, ходили старослужащие.

В эту ночь дежурным поваром был «сын».

Утром, на утренней поверке, «сына» в строю не оказалось. В помещении роты его так же не обнаружили. Командир взвода, проводивший поверку, сходил, доложил по инстанции и рота направилась на завтрак.

Как всегда, цепью по одному рота зашла в столовую и все сели на свои места, но, столы были пусты.

Командиры отделений — сержанты, скопились в недоумении у раздачи, но... кухня была пуста.

Ни дежурного повара, ни-ко-го...

Сержанты прошли в помещение варочного зала, и начали открывать по очереди все котлы.

Открыли последний котёл.

На дне сидел и спал «сын», от него дурно пахло и тут... на всю столовую разразился взрыв дружного хохота.

Лишь после, выяснилось; дежурный наряд, пришёл из караулки за ужином и выяснили, что «сын» — дежурный повар, выварил мослы и выбросил их в мусорный ящик, как этого требовала инструкция.

По неопытности он прокопался и кашу в вываренный бульон бросить не успел. А, так как дело происходило ночью, «старики», пришедшие за ужином, не застали ни готового ужина, ни, тем более «мослов» и они, забрав сваренное мясо, без каши и обругав «сына», посадили его в пустой котёл и закрыли, где утром его и нашли.

И, после этого случая, Генку отправили в хозяйственный взвод, а провинившихся, «стариков», на губу.

Так, Генка, дослужил в хозяйственном взводе до своего увольнения со срочной службы. Выращивал и воспроизводил свиней, за что, от командования, получал постоянно поощрения и уволился в запас в звании ефрейтора.

Машина же на колёсах

сатира

Василий Иванович Сурайкин, человек среднего возраста, среднего роста, работал главным энергетиком, в довольно мелком, провинциальном городе N, в центральном городском дворце культуры.

Городской дворец культуры, как известно, служил для популяризации большой культуры в массах, в маленьком провинциальном городке N.

В нём активно работали кружки кройки и шитья, активным и единственным членом которого была известная всему городку, баба Маня. А так же работала шахматно-шашечная секция, членом которой являлись дядя Гриша и популярнейший своим постоянным странным поведением в городке, дядя Вова.

После занятия в этой секции, они до такой степени интеллектуально перенапрягались и до такой степени тяжелейше наигрывались в шахматно-шашечном ежедневном турнире, что после занятий, их, непременно, доставляли домой в совершенно замкнутом состоянии.

В доме культуры, регулярно проводились концертные мероприятия, силами художественной самодеятельности провинциального городка N.

В общем, жизнь городка и дворца культуры шла своим размеренным ходом. Но, иногда... сюда заглядывали артисты, извне...

Довольно мелкий провинциальный городок N, выглядел, как один большой торговый рынок, где основная часть торговых помещений состояла из салонов для новобрачных и похоронных бюро.

Каких из них было больше, каких меньше, об этом уникальном случае, история умалчивает.

По вполне понятным причинам, тут и там, везде виднелись роскошные афиши: «МОЛОДОСТЬ», «СВЕЖЕСТЬ» и, как правило, на против них, «ПАМЯТЬ», «ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ», «КРЕМИРОВАНИЕ» — почти бесплатно.

Салоны были не то, что б шикарные...

Очень шикарные, и в них, сидели в постоянном ожидании клиентов, в изысканных одеждах и непринуждённых сонных позах продавцы, по совместительству — начальники этих торговых заведений.

Василий Иванович, вытер в очередной раз свою лысину, посмотрел на часы. Они показывали ровно половину девятого.

До планёрки оставалось ещё уйма времени, поэтому, он не спеша, размеренной походкой, приближался к вестибюлю дворца.

Погода с утра была прекрасная, так что, позвонившего с утра личного водителя, он отпустил в отгул, тем более, что у того, случилось непредвиденное обстоятельство; необходимо было срочно везти свою тещу на рынок, в город.

В подчинении у него, как и подобает начальнику среднего уровня, было пять осветителей, пять радистов и, как положено, пять электромонтёров.

Все эти должности занимала тётя Клава-пензионерка, так как, её, не то сын, не то дочь... в общем, какой-то, не то близкий, не то, дальний родственник, который, по каким то, не ведомо, как дошедшим до городка N слухам, работал, где то там, в областной культуре, каким то... культурной шишкой, но история об этом, умалчивает.

Втихаря, население городка N поговаривали, что эта родственница работает простым дворником, но распространяться об этом открыто, было не принято, иначе, провинившемуся, тут же грозило увольнением. А так как в провинциальном городке N с трудоустройством было... ну скажем откровенно... совсем... никак... то, естественно... все держались за свои рабочие места... так сказать... зубами.

А, так-же, в подчинении Василия Ивановича былличный водитель и инженер-электрик, по совместительству, его сотоварищ по ликёро-водочным вопросам, всегда молчаливый и застенчивый Павел Андреевич, с не оконченным средним образованием.

А, почему застенчивый? Да, по той простой причине, что после заседания со своим прямым начальником, Павел Андреевич... непременно шёл, держась за стенку.

Как и на подобного рода предприятиях, зарплата у всех была низкая.

У рабочих, голый оклад состоял-шестьдесят рублей, у Павла Андреевича — сто рублей по основной работе, а у Василия Ивановича — целых сто двадцать рублей.

Поэтому, все, как могли, подрабатывали на стороне. Окромя, естественно, начальства.

Начальству, подрабатывать, не позволяла, их начальственная солидность и гордость. Они... напрямую... получали деньги... от... подчинённых и вверенных под их активное руководство... ну, сами понимаете...

Павел Андреевич, помимо основной, занимаемой должности, и так как по определённо понятным причинам, должность водителя и должность оператора кино-звуко-передвижки были вакантными, занимал и эти ответственные должности. А так как эта кино-звуко-передвижка была на базе выдавшего вида УАЗика, то, по понятным причинам, Павел Андреевич, в основном, занимался ремонтом, этого давным-давно списанного в утиль автомобиля.

Василий Иванович наслаждался утренним, прохладным воздухом.

Поношенная, прожжённая в нескольких местах сигаретами футболка синего цвета, плотно обтягивала полное тело с довольно круглым животиком.

Утирая свою взмокшую лысину платочком, Василий Иванович, не спеша шёл на работу.

Планёрка-пятиминутка, как обычно, начиналась в девять утра и как обычно, заканчивалась в полдень. После чего, весь командный состав дворца культуры, после напряжённой пятиминутки, в полном составе, под предводительством директора, шёл на обед.

Обед проходил в полной тишине в ресторанчике «КО-КО», который отстоял от дворца культуры, в аккурат напротив, через дворцовую площадь.

Рядом с рестораном «КО-КО», выселись институт психологии и институт экономики, а так же, здание сбербанка и естественно всех банков, которые имеют быть место в стране.

Чуть, поодаль, по периметру городской площади размещались различные министерства и ведомства всех отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Особо выделялось министерство обороны, потому как... маленький городок N, ну ни каким образом не мог существовать без этого министерства. Естественно, работников во всех этих министерствах, можно было сосчитать по головам, как и в выше названном дворце культуры.

Во втором эшелоне зданий, отстояли могучие сооружения бизнес-центров, которые занимались преимущественно торговлей. Взаправду сказать, что ни кто в этих бизнес-центрах не ведал, кто и чем торгует.

Все эти архитектурные сооружения были предназначены для людей, занимающихся розничной и оптовой торговлей китайским и турецким товаром.

Так, как на планёрке, было произнесено слишком много горячих, пламенных речей, коллектив, в полном составе, целеустремлённо пережёвывал пищу.

Ни кто не знал происхождение странного названия ресторанчика — «КО-КО», но судя по разнообразию блюд в красивом меню, не трудно было догадаться о его назначении.

В меню значилось:

салаты:

салат из одуванчиков.

первые блюда
бульон куриный с сухариками.

мясные блюда:
горячее-курица отварная.

хлеб в ассортименте.

чай в ассортименте.

Владельцем этого экзотического ресторанчика был предприниматель Вова. Он же служил официантом и по совместительству, мойщиком посуды.

Василий Иванович зашёл во дворец, поздоровался с вахтёршей и пока заполнял необходимые по должности журналы, семнадцать штук, к нему подошёл Павел Андреевич и почти плачущим, тонюсеньким голосочком произнёс: — Василий Иванович, ну, хоть вы ей, наконец то скажите, что, ни как нельзя...

— Что нельзя? — с серьёзным видом, с каким решают государственные проблемы, не отрывая головы от журнала, пребывания на рабочем месте, ответил Василий Иванович.

— Да, нельзя ехать!

— Позвольте, куда ехать? Что, нельзя?

— Директор требует, что бы я, непременно срочно выезжал встречать высоких гостей из самой Москвы!

— Ну и, что?!

— Так, я снял коробку скоростей, раздатку, двигатель, ещё год назад и отправил в капитальный ремонт в местный автосервис!

Тут только Василий Иванович сообразил в чём дело.

— Скажите, скажите ей, — не унимался Павел Андреевич.

— Хорошо-хорошо, — и Василий Иванович направился в кабинет директора.

Не успел он закрыть за собой дверь, как директор, Галина Сергеевна, которую можно было охарактеризовать, как сто двадцать, на сто двадцать, так как рост и вес её, соответствовали этому значению, кинулась к нему на встречу.

— Василий Иванович, это что за революция в вашем ведомстве? Что за саботаж? Понимаете ли, срочно необходимо ехать, встречать гостей, из самой, из Москвы, а Павел Андреевич, видите ли, отказывается!

Он мотивирует свой отказ, совершенно не существующими, не существенными, оригинальными выдумками! Вы, как руководитель, повлияйте на своего подчинённого! И, не медленно, за гостями! Мы же должны выглядеть перед гостями, на уровне!

— Галина Сергеевна, понимаете, автомобиль не исправен. Двигатель отправили на капитальный ремонт... — Но, директор, не дала ему и слова договорить, и покраснев от натуги, гневно закричала: «Колёса же, на месте! Машина же, на колёсах! Я буду жаловаться, на вас, в райком партии!»

Размышления Ивана Порфирьевича

сатира

Конечно, оно вроде, как и не совсем справедливо думать о своём высшем руководстве инакомысленными думами, но, всё же, Иван Порфирьевич, ни как не мог смириться с оными и всё размышлял, размышлял...

Порой ему казалось, что от дум его великих, мозг треснет и расколется пополам. И потечёт его мозговая, серая жидкость на деревенскую траву да в деревенскую дорожную пыль.

Да и как было не думать?

Вона, губернатор!

Ето надо же так?

При всём чесном народе, из цэрквы... да с Матрёной Павловной... прямо под ручку!

Ай-яй-яй!

А жена где же?

А, жена — дома, как и подобает жене чиновника.

А, ведь, в партии состоял!

Ну, чё говорить, да бог с ней, с партией та... все состояли... тагда без партии та... ни куда... таперь вона, в цэркву, ходют.

Молютца.

Ето оне партейные, коммунистические грехи... замаливают.

А, чё их не замаливать та?

Кагда в партии та состояли... в цэркву то... нельзя было ходить... осрамят... с работы сымут... а... тапереча та... им... без цэрквы та нельзя... опять же... с работы... сымут...

Михайла та Семёнович... как губернатором та... стал... так... прямо окрылел зараз... виллу та!

Ужо, уж какую виллу та себе отгрохал! Да, на енти-то денежки та...
...на енти та денежки... почитай, пол мильённого города построить можно.

Людишки сказывали, кто строил... одних мраморных колонн на второй, да на третий этаж... аж на тринадцать мильёнов понатыкано.

А, уж бань-ка!

Банька та — сущий замок!

Вся из лиственницы... тут тебе и русская, тут тебе — турецкая, а хошь, финская.

А, уж тараторят... бассейн... хошь, алимпияду проводи.

Да-а-а!

А, девки та ходют в енту баньку та... поди-тко, как их там... модели, што ли?

И, парютца! И, парютца.

А, пося, гово́рют, как напарютца... так комнаты у их там специальные... блудом занимаютца.

И, чё им от ихнево блуда да то, греха то, ихнева, не молитца та?

Грех ведь эта! С бабой та... паритца!

Вот! Поетому и... в цэркву ходють. Замаливаютца...

Икры там всяческие... мясо опять же... грех великий! А, оне...л опають! Надсажаються. Врачи... тапереча... и те... говорють... мясо жрать... вредно... запрещають.

А оне, бедняжки... надсажаютьца. Знамо дело... што бы... опять же... мы... сырые... смотрели, как оне маютьца... да не делали так та. берегуть нас та...

Вот за всё это и молюца.

Видно, от буйных та молений да от пищи та вредной... от икр та разных, да мяса та и кризис произошёл.

Заболел бедняга.

Ох! Как заболел та!

В народе та... жаль, какая... в Израилю лечитца поехал. Ужо, переутомился бедняга та на губернаторском poste.

Оно, конечно... не в еврейском сословию дело — та..., — размышлял Иван Порфирьевич, — и не в вере...здесь, размашисто мозговать надобно.

Оно ведь, на то и государственные люди... што б... государством управлять... вон и бюджет государственный специально... именно... на енти та... цели та... не зря дають... што б...так сказать... государевы люди... ни в чём не нуждались... думали о нас... сырых... заботились.

Вон, он и вертолёт та купил... а, для чего? Што б летать, да за нами... присматривать.

Д-а-а!

А то неровён час... корову та не в тот лес пастух поведёт.

Или курица... скажем... на двор выбеget...о не та... куры та... таперь... по клеткам сидят... смиренные... все.

Всё должно быть под контролем.

Коровы та... куры та... оне ведь бедовые.

Всё! Всё до ниточки, до игопочки... должно быть под контролем!

Ленин, как говаривал? При социлизме та... управлять та могла и кухарка.

Социализм — ето... перво-наперво — контроль. Так, ето ведь... когда строили развитой социализм та!?

А ужо, таперь та! Таперь та и подавно...

При строительстве та развитого та капитализма!...

...то-то и оно...

В семь раз котроль должён быть твёрже! Таперь та, таперь, ...и даже артисты можуть управлять... вон... в Украине то... одне клоуны... управляют... в Америке... опять же...

Одни артисты кругом...

...да и у нас та в Рассее та... одних только Чубарсов та... скоко...

...рыжий та... комик... так нахохматил... апать жа... у руля...

...демократия...

...ето... при сраном та Сацилизме та... их бы всех... расстреляли...

...не правильно это... не порядок... это...

...Брежнев та... хороший порядок та наперва ввёл... да жаль... бедалагу... рано... помер та... вот и таперя... порядок... как в Америке...

...демократия.

Развитой та, капитализм... это вам, не какой та там... хрен собачий... какой та там... социализм!

Развитой капитализм! Это брат...штука!

...во — на... Америка та... процветает... и ни те бедных... одне говорят богатые... и ни как не сгниёт, как говорили коммуняки та... што, капитализм, сгнивает.

Так шёл и размышлял Иван Порфирьевич, бывший колхозный сторож, а с после революционной реформы, за ненадобностью, сельский пенсионер, с ежемесячной пенсией в восемь тысяч рублей.

Шёл он шёл и глубоко погружившись в грандиозные свои философские мысли, со всего маху налетел да и треснулся об фонарный, бетонный столб, прямо лбом. Да, ладно... хоть столб не сшиб. Устоял столб-то. Против его чугунной башки.

Искры посыпались из глаз у Ивана Порфирьевича. Он крепко выругался.

Почесал лоб.

— Понаставили тут! Восерёд — та, дороги... Ходи тут и спотыкайся!

От сильного удара, все величайшие думы, мгновенно вылетели из головы Ивана Порфирьевича.

Он чесал лоб и силился вспомнить, о чём он размышлял? Но... так и не вспомнил.

с. Долгодеревенское

Валерий Мякушко

Товарищ маузер

Не то слово!

Ох, уж эта современная одежная мода, суженная до предела обтекания тела! Но я не о том, что при такой одежде у человека порой одни мысли просвечиваются, или жировые отложения у всех на виду перекатываются, как будто и не прикрыты вовсе. На особах женского пола производит неизгладимое впечатление! Я о том, что сунешь в карман куртки руку и не вытащишь её оттуда, пока борт другой рукой не придержишь. Во внутренний нагрудный карман пиджака только пальцами можно залезть. Рубашку не снимешь, пока за рукав кто-то не дёрнет... Из-за такого течения моды я вляпался так, что просто везение позволило мне сесть вот сейчас в добром здравии за стол и написать вам об этом.

А дело было вот как. Имелись у меня на даче рабочие брюки. Старые, заношенные, но просторные, как шаровары запорожских казаков, да ещё местами распоротые, отчего ещё просторнее. Так жена пристала: что ты, мол, одеваешься как чучело, вон сколько у тебя поношенных брюк поновее. Мол, в саду тоже надо эстетику одежды соблюдать, хотя никто тебя не видит.

Достала меня! Заменяю брюки. И вот однажды после работы приехал на дачу и взялся починить фронтон дома — прибить отошедшую доску. Приставил к стенке шестиметровую лестницу, взял в левую руку молоток, сунул в задний карман брюк пару гвоздей и полез. Добравшись до верха, поправил доску — и в карман за гвоздём, чтоб закрепить её. Когда я взял гвоздь, то оказалось, что вынуть руку, удерживая его, не получается. Подёргал руку сильнее — брюки приподнимались вслед за рукой, не отпуская её, и нечем было их придержать. После нескольких неудачных попыток я понял, что надо вытащить хотя бы руку без гвоздя, но и это не удавалось — ткань плотно облегла кисть. Дело приобретало серьёзный оборот — высота под шесть метров, я на крутой лестнице, отбросив молоток, удерживаюсь лишь одной рукой за крышу. Продолжая дергать вывернутую назад другую руку в бесполезной попытке освободить её из кармана, стал уже оглядываться кого бы позвать на помощь, но, как назло, кругом никого ни из соседей, ни прохожих, а уже начинало темнеть. Завис основательно.

Карман меня отпустил, когда уже взошла луна. До этого я всё время дёргался и так, и эдак, памятуя поучительный пример спасения лягушки, взбившей масло в кувшине. Наконец вылез наружу один палец, и я понял, что уже спасён; за ним высвободились и остальные. Сполз по лестнице вниз, снял... не то слово! — содрал с себя эти брюки и запустил их куда подальше.

Товарищ маузер

Дорогой мой российский друг!

Мы, как и вы, потрясены происшедшей у вас очередной трагедией — устроенному свихнувшемуся учащимся взрыву и расстрелу в колледже с большим числом погибших и пострадавших. И следим за сделанными вами из этой трагедии выводами.

С чем нельзя не согласиться — это с необходимостью должного воспитания подрастающего поколения. Действительно, если они, начиная чуть ли не с двух-трёх лет, будут непрерывно геймерить на компьютере в стрелялки вместо того, чтоб играть во дворе со сверстниками, то через некоторое время на этих сверстников станут смотреть как на живые мишени. А когда, повзрослев, ещё и насмотрятся голливудских боевиков, то внутренне будут готовыми взорвать и пристрелить кого угодно. Но кто будет воспитывать? Родители? Но одни из них заняты с утра до ночи на двух-трёх работах, других самих надо воспитывать. То есть начинать надо воспитывать отцов родителей, а ещё раньше — отцов родителей отцов... Бесконечная цепочка до неправильно воспитывающего своего сына Ивана Грозного и далее в каменный век! Так что это направление, якобы поверенное вами в недавнем прошлом, утопия.

В духе времени предложение улучшить охрану учебных заведений. Сейчас же куда ни ткнись — везде охрана. В госучреждениях, банках, магазинах... Но не может один даже хорошо подготовленный и не дремлющий охранник на входе в школу или вуз просеять на предмет выявления злоумышленника тысячу проходящих не раз туда-сюда непоседливых тинэйджеров. Это видимость охраны, затраты лишь для аккредитации, аттестации заведения (и прочей тому подобной бюрократической профанации). Разве что поставить по охраннику у каждого класса и аудитории, но на это потребуется вся оставшаяся мужская часть населения, способная ещё на что-то кроме сидения в охране. Так что и это тупик.

Поэтому разделяю мнение многих ваших либерал-демократов — облегчение права граждан на получение оружия могло бы сразу решить проблему. Действительно, злоумышленник подумал бы хорошенько, стоит ли соваться в школу или вуз, если бы в классе или аудитории два-три проверенных учащихся или студента во время занятий держали наготове ружья, или каждый учитель или преподаватель, будь мужского или женского пола, имел бы при себе, например, маузер. С открытой кобурой для быстрого реагирования. (В последнем варианте заодно повысилась бы учебная дисциплина — с маузером не поспоришь, и проще было бы разговаривать с не всегда согласными родителями.) И удивляет позиция многих ваших консерваторов против, даже предлагают вообще обезоружить население, как бывало у вас во времена подавления демократических свобод. Что следует из продолжающегося отхода вашей страны от магистрального пути развития современного общества.

Гарбич

Официант ресторана «Korhna», Савентий по бэйджику, а между коллегами — фиц Женя, обходя столы, внимательно следил за клиентом у окна. Этот гость, носатый интеллигент в сером пиджаке, сидя в напряжённой позе и покраснев от натуги, усиленно двигал тупым ножом, тщетно пытаясь разрезать поданную ему телячью отбивную. Савентий едва заметно довольно ухмыльнулся — не он первый. Пятый! Потом эти интеллигенты оставляют затею, съедают, что могут, и молча покидают ресторан. А что с такими цацкаться — с них и чаюхи не возьмёшь и кассу не сделаешь. Савентий перекладывал отбивную в другую тарелку, к ней подкладывался свежий гарнирчик с зеленухой, и подавал очередному посетителю. Выгодное это дело, именуемое понятным только для посвящённых словом «гарбич»! Умножьте число оборотов на пять при стоимости отбивной в семьсот сорок рублей — сколько будет? Даже если с каждого раза повару, которого не приходилось уговаривать (в заведении могли скозлить и не такое с тех пор, как наступила полная свобода предпринимательства), отстёгивать двести за подбор сверхжилистого ножеупорного мяса. Горячник мастер сварганить что-то из бывшего телятиной много лет назад, поджариваемого лишь до колера, ну и укладки новой порции залипухи. Умножили? Так-то! У его коллеги фица Савелия, если тоже по бэйджику, а между собой Гоши, выходило до семи таких оборотов. Умножили семьсот сорок на семь? А Савентий умножил и решил не уступать. Даже превзойти.

Но... что это такое?! Савентий увидел, что гость у окна извлёк из кармана складной нож, и поспешил к нему.

— У нас действует программа «Антитеррор»! — придержал он руку гостя. — Дайте мне ваш нож, получите его на выходе.

Клиент, несколько удивлённый такой бдительностью, не сопротивлялся. Внутренне удовлетворённый Савелий пошёл кружить по другим столам, по дороге оглянулся и... оторопел.

Отбивная исчезла. Сразу и целиком. Сунул в карман? Случались и такие клиенты. Проглотил? Судя по вытянувшейся физиономии, округлившимся глазам и судорожным движениям кадыка оно так и есть. Пропала отбивная!

Не без оснований

Здравствуй, мой дорогой российский друг!

Спасибо за подробную информацию о вашей жизни, хорошо дополняющую то, что мне известно из сообщений СМИ. Хочу поделиться своими соображениями по прочитанному и нашим опытом — ведь мы также с девяностых годов идём по либеральному пути развития.

Говоря о темпах роста экономики, ты досадуешь — мол, 1,0—1,5 % годового прироста находится на уровне статистической погрешности и не соответствует уровню мирового развития. Но, дорогой мой, выбранная нами либеральная экономическая модель и не предусматривает никакого роста экономики, что подтверждается уже лет двадцать пять. Так что даже 0,1 % для этой модели большой успех. Да, у Китая, Индии рост под 7 %, но это же не наш — их выбор. Да, в Союзе рост был 10—12 %, но это же вело к дефициту и очередям, отсутствию свободы и демократии, и вообще на такой скорости поезд СССР сошёл с рельс.

Большой общественный резонанс, пишешь ты, у вас вызвала пенсионная реформа. Мол, накопленные в Пенсионном фонде деньги украдены, и пришлось сдвинуть выход на пенсию на пять лет. Но накопительный капитал может постичь та же участь, и через пять лет придётся смещаться ещё на пять лет. Но зачем так много и остро дебатировать по возрасту выхода на пенсию, ведь можно бы вообще его не устанавливать — пусть каждый решает сам. Если ты, например, выйдешь в тридцать лет, получишь пенсию в 30 %, в привычные шестьдесят — 60 %, и так далее, в сто лет — 100 %. Никаких дебатов и сплошная экономия! Или же, если в который раз с реформированием ничего не выходит, вообще пенсию отменить. Мол, зачем детям вносить деньги вороватым посредникам, в последующем непонятно по каким предпочтениям кому и как их распределяемым, когда можно делать это напрямую содержанием своих родителей. Заодно-де автоматически будут решаться задачи ответственного воспитания и демографии. С чем, как я понял, у вас тоже проблемы.

О налогах у тебя целый трактат. Ещё бы — задевает каждого! Мы, как и вы (пусть даже в мире так считают только наши две стороны и ваш Президент), против прогрессивной шкалы налогообложения. Хотя у вас, насколько я знаю, есть всё же отступления (якобы страдающая от безденежья эстрадная попса платит 5 % вместо всеобщих 13 %). Миллиардеров и у вас, и у нас не так уж и много, гораздо проще для наполнения казны обложить, например, земли и строения садоводов и огородников, их квартиры, увеличить штрафы на автомобилистов, и так далее — понемногу, но их же миллионы, и они всё стерпят.

Вот такие мысли возникают по затрагиваемым вопросам. И, не без оснований полагаю, не у меня одного.

Назидание

Титры начавшегося фильма сопровождалась надписью: «Минздрав предупреждает — курение вредит Вашему здоровью». Как-то уж очень прямолинейно и назидательно для произведения искусства! Убедительнее было бы, думаю, порекомендовать авторам художественный приём, показать, что герои закурили и оттого тут же загнулись.

Смотрю дальше.

Герои фильма, оказывается, не только курят, но ещё и пьют. Тогда бы в самый раз дать надпись: «Употребление алкоголя сокращает жизнь». И едят ещё на ночь глядя! Тут подошла бы рекомендация из правил здорового образа жизни: «Ужинать за два-три часа до сна».

Целуются? Следовало бы — способствует передаче и распространению гриппа и гепатита.

Как прошла ночь, не показали. Но предупредить о возможности распространения СПИДа не помешало бы.

Сели на машину и поехали. А где предупреждение, что превышение скорости опасно? Не уверен — не обгоняй?

Спросите, о чём был тот фильм? Признаться, не помню.

Пилки

Английский язык, признаюсь, знаю слабо. Хотя изучал его не один год в школе, потом в техникуме... Но, когда идёшь по городу, или едешь и глядишь в окно, попадают рекламы да вывески на оном, для тренировки мозговых извилин стараюсь их перевести. «BEER-хауз» — это по-нашему пивная. «FOOT-weag» — там штиблеты. «CLOTNES»... И так далее. Любят, однако же, бизнесмены рядиться для важности под инофирмы! Прикрывая доморощенную халтуру.

И вот однажды читаю — «PILKI». Что бы это могло быть? Вроде бы такого слова английского и не встречал. Понятно, английский знаю слабо. Но задело! Приехав домой полез в словарь, смотрю. «Pick... rickle... picic...» — ничего похожего. Спросил на всякий случай жену — она тоже когда-то учила английский.

— Отстань! — был ответ.

Подумав, решил обратиться к соседу, Никите. Знаю, тот по-английски шпарил здорово, на правах хорошего знакомого я даже спросил однажды его прямо: не собрался ли он драпануть на Запад.

— В словаре такого слова не нашёл, — говорю ему, — может, диалект какой?

— Да нет... — призадумался было тот. — Скорее всего-навсего это наши «Пилки». Пилы да топоры продают.

— Точно! — хлопнул себя по лбу. — Как я не догадался! Там же в витрине шанцевый инструмент и такое прочее выставлены.

Когда в следующий раз я увидел над входом в магазин вывеску «DOSKI», в словарь уже не заглядывал.

Амнистия

— Читал? — подала мне газету супруга. — Амнистия капитала объявляется. Что скрытно олигархи за границу вывезли.

К чему бы этот разговор, думаю? Жена вообще газет не читает, а тут усталилась на стралицу, рассматривает её уже с полчаса.

— Вот что делают некоторые мужики! — продолжает жена и мне газету суёт. — От родных деньги свои по заграничным банкам и в офшорах прячут. Наказывать их всех, мерзавцев, надо бы, но вот амнистию объявляют. Никаких последствий, если сами всё выложат.

При чём здесь такое явление, как вывоз капитала, и я, размышляю. И после некоторого ещё разговора на ту же тему догадываюсь: что-то супруга про мою заначку пронюхала и на неё намекает. Чтоб покаяться и сам выложил, вот оно что!

— А кто добровольно не выложит, то капиталы те властями будут изъяты как незаконно отмытые, — продолжает гундеть. Откуда только слов таких набралась?

Но я не олигарх какой, чтоб деньги тут и там по всему миру запрятаны были, у меня три-четыре сотенных в книжку вложены, которую женщина ну никогда в руки не возьмёт, «Гайки и болты» называется. Смотрю одним глазом на книжную полку — вроде на месте. Хотя, кто его знает, может прознала, когда пыль вытирала...

— Ну, есть кое-что у меня, — встаю и беру ту книжку, открываю и показываю. — На подарки к праздникам храню.

Но основное у меня в ящике с инструментом заложено, под вторым дном. На всякий случай решил проверить. Заглянул в кладовую, а ящика с инструментом нет! Аж похолодело всё внутри.

— Где? — спрашиваю, тычу пальцем в пустое место. — Где?

— Мама попросила, сказала, что папе надо было что-то сделать, вот я и отдала, — пояснила супруга. — На время.

Так вот, оказывается, почему тесть не просыхает уже третий день!

Очень досадно, что вот так вот остался ни с чем. Олигархи гораздо предусмотрительнее!

Бумеранг

Вновь избранный демократический президент Соединённых Штатов Джек Блэк, утомлённый предвыборной гонкой, был мрачен и строг — в Сенате в закрытом режиме решался судьбоносный вопрос международных отношений:

— Леди и джентльмены! Следуя моим предвыборным обещаниям и ожиданиям цивилизованного мира, первое, что я намерен сделать, — покончить, в конце концов, с гнусной ролью России в международных делах. Сделать то, что было в исключительно благоприятные для нас 90-е годы, когда там у власти находились наши сторонники, включая президента,

но потом упустили нерешительные мои предшественники Обама и Трамп. В результате аннексированы Донбасс и Крым, что ослабило наши возможности укрепиться на Украине и создать базу на Чёрном море, фактически перечеркнуты все наши планы в Сирии... С таким положением нам, как исключительной нации и ведущей мировой державе, мириться нельзя! Пора поставить Россию на место, не дожидаясь, пока это сделают сами российские либерал-демократы. Затратив сотни миллиардов долларов, мы окружили Россию военными базами, напичкали моря и океаны авианосцами и подводными ракетносцами, продвинули к её границам НАТО, настала пора задействовать всю эту мощь! Министр обороны, доложите нам диспозицию сил в данный момент.

— Леди и джентльмены! — прошёл к трибуне военный министр. — Надо отдать должное, стараниями наших предшественников сделано многое. Я бы сказал, образно выражаясь, удавка наброшена, благодаря экономической мощи Штатов мы имеем численное превосходство по всем компонентам вооружений. Экономическая же слабость России, созданная и поддерживаемая её либерал-демократами, не преодолена и не позволяет ей достичь былого паритета. Нельзя упускать такого момента, ибо возможен ренессанс. Если мы не хотим иметь дело с возрождённым подобием СССР, надо действовать немедленно и решительно.

— Немедленно! — замахали руками и затопали ногами сенаторы-конгрессмены, и демократы, и республиканцы. — Решительно!

— Что по этому поводу скажет Разведывательное Управление? — довольный достигнутым эффектом обратился президент к главе этого ведомства.

— Леди и джентльмены! — занял директор ЦРУ место на трибуне. — Всё, что сказано министром обороны, имеет место. Однако, по нашим только что полученным сведениям, вслед за российскими комплексами радиоэлектронной борьбы, сбивающими ракеты с курса, на вооружение российской армии стала поступать система «Бумеранг», возвращающая ракеты на место их пуска. То есть нацеленная нами, скажем, на Москву или Урал ракета необъяснимым образом разворачивается и летит обратно к нам, в Вашингтон или штат Иллинойс, откуда была запущена. Последствия сами понимаете какие.

Наступившую непривычную для заседаний Конгресса тишину, когда даже, раскрыв рты, приумолкли гиперактивные «ястребы», прервал пришедший в себя первым президент:

— А что, если... запускать ракеты не с нашей территории, а только те, которые мы расположили у наших европейских союзников? Англии или, ещё лучше, Польши и Румынии? Можно ускоренно завезти наши установки и в Прибалтику — они давно то просят.

— Да, но как европейцы отнесутся к последствиям?

— Должно быть, пострадают, но они уже показали, что ради демократии, союза со Штатами и ненависти к России готовы идти на любые жертвы. И... совсем не обязательно им знать о таких последствиях. Россия если и говорит об этом, то никто же не слушает. Так что и мы помолчим. А просьбу этих, которые просят, надо удовлетворить.

Лопух

— Ну и лопух же этот Макарон! — не отрываясь от экрана комментирует телевизионные новости Клим, с которым мы в одной комнате. Раньше смотрел футбол и хоккей, а теперь переключился на политику. Говорит, что события там более захватывающие и рейтинг нашей страны выше.

Догадываюсь, о ком он, большой любитель на прозвища, говорит, но всё же спрашиваю:

— Ты о ком?

— Да президент Франции.

— Макрон?

— Да! Смотри что делается: народ вышел на улицы, громят магазины, горят витрины, машины...

— А почему лопух? Повысил цены на бензин?

— Потому что сразу на четырнадцать процентов повысил.

— Ну... и что?

— А вот что! Разносят Париж.

— И что же он должен был делать? Все повышают.

— Все! Но как? Мог бы поучиться у нас.

— Чему?

— А повышал бы четырнадцать дней по одному проценту, и без объявлений.

— И что?

— Что-что! Результат тот же, и тишина, вот что.

Медвежинск

Распространившиеся по всей стране сообщения центральных телевизионных каналов и интернет-страниц о том, что в закрытом территориальном образовании, в нескольких километрах от недоступного города Снежинска на зимовку залёг бурый медведь, вызвало оживление горожан.

Видать, соображает косолапый, ничего не скажешь, от чёрных лесорубов и охотников-браконьеров решил укрыться в тихом и, как оказывается, экологически чистом месте.

Обрадовались любители селфи — за выставленный в соцсеть снимок в обнимку с бурым можно получить миллион лайков, не меньше.

Испытали новый творческий импульс местные поэты: повторяющиеся описания наступившей зимы «Мороз и ветер! Снег летит...» дополнялись новыми строками: «И в лесу медведь лежит — то ли спит, то ли не спит».

Жилищно-коммунальная кампания призадумалась: а не выставить ли мишке счёт на оплату услуг — раз не установлены счётчики, то по норме десять кубов воды и десять газа ежемесячно.

Озадачилась и налоговая инспекция: как бы поставить берлогу на кадастровый учёт и обложить налогом на недвижимость.

Насмотревшиеся мультфильмов про Машу и Медведя малые дети, узнав про всё то из разговоров взрослых, стали канючить: просить привести мишку к ним в детский сад на Новый год. Надоели ряженые, хотят настоящего.

Неприятности разве что ожидали службу охраны: так ведь мог проникнуть в зону и переодетый в медвежью шкуру шпион.

Озабочена администрация города: что делать и как выдворить непрошеного гостя, когда тот проснётся весной. Предстояло ещё и рассмотреть поступившее от граждан предложение переименовать город в Снежинск-Медвежинск и присвоить мишке звание почётного гражданина города за представление атомщикам столь забавной истории.

Кукла

После безуспешных попыток устроить свою личную жизнь, Харин решил обзавестись куклой. С чем и пришёл, преодолевая некоторое стеснение, в секс-шоп.

Какой там выбор! На любой вкус. Брюнетки, блондинки, полненькие, худые... со всеми искусно выполненными женскими прелестями. Глаза сияют, губы шевелятся... Говорят!

Нисколько не хуже тех, кого видишь всё время в рекламных роликах. Одна краше другой, так что покупатель, глядя на них, чувствует себя словно буриданов осёл.

С трудом Харин отобрал по своему вкусу — рыженькую и в меру полненькую.

— Вам какое программное обеспечение? — оформляя покупку спросил менеджер. — «Максимум», «Максиморум» или «Максимум-максиморум»?

— А... в чём отличие?

— В степени приближения к реальности. И в стоимости, конечно.

Харин запросил по максимуму-максиморуму, хотя пришлось за это выложить все накопленные деньги. Что ж, на женщин в любом их виде уходит много денег!

Харин принёс покупку домой и не мог нарадоваться. Бывшая жена, о расставании с которой он иногда вспоминал с сожалением, в сравнении с ней просто мырма. Не только миллионерам иметь при себе красивых молодых женщин!

Не кукла, а прелесть! Ей слово, она в ответ — «А, милый?» Прикоснёшься — нежным голосом «Что, дорогой?» Хоть днём, хоть среди ночи. И большие тёмные глаза всегда смотрят в его сторону. Мягкая, лёгкая...

Харин ходил как молодожён. И смотрел теперь на женщин, от которых в своё время получил отлуп, свысока. Да они со своими несовершенствами и в подмётки не годились его Клавеньке, как он назвал свою куколку.

Но через месяц вдруг что-то разладилось. Хотя он всё делал строго по инструкции, уходя на работу, не забывал подключать аккумуляторы на зарядку, и всё такое прочее. Смотрит всё время куда-то в сторону. Ей слово, она в ответ: «Дурак!» На прикосновения — нервное «Отстань!» А когда, ко всему этому, ещё и механизм наибольшего удовольствия наглухо закрылся, Харин не выдержал. Посмотрел в паспорт — указана гарантия год, а со дня покупки прошёл лишь месяц.

Пошёл в магазин.

— Так у вас программа «Максимум-максиморум!» — выслушав претензии и возвращая паспорт, сказал менеджер. — И что вы хотели? Всё соответствует действительности.

г. Снежинск

Клятва Гиппократа

Предисловие

Основой этой поэмы являются реальные события, которые происходили в 1988 году. Чтобы читателям полнее представить суть создавшихся ситуаций, привожу некоторые характерные особенности той эпохи. В советское время вся медицинская помощь была бесплатной, троллейбусы ходили с интервалом 3 минуты, мобильной телефонной связи тогда не существовало, приходилось пользоваться телефонными аппаратами в будках.

*Живи пока живется, покуда можешь жить,
покуда сердце бьется, нам не о чем тужить.*
В. Будин

Часть первая.

Прогресс в медицине

Известны примеры чудес в медицине.
Врачи проявляют порой героизм:
Сестричка выносит солдата, как сына,
Он ранен смертельно, сестра спасет жизнь.
От общих успехов врачей всего мира
Исчезли холера, и тиф, и чума,
И оспа, а с ней дифтерит, скарлатина.
Помор победить им хватило ума.
Ученые снова штурмуют высоты,
Иные недуги житья не дают.
Вакцину от рака открыть не так просто,
Но курсы леченья уже создают.
Проводят уж в космосе эксперименты,
На зрительный нерв электронный есть глаз,
От вирусов новых медикаменты
Найдут доктора, все же вылечат нас.

Часть вторая.

Несчастный случай

Весеннее солнце встает ранним утром,
Черемуха пышно цветет вдоль дорог,
Воспряла природа торжественно мудро.
Мужчина в гараж открывает замок.
Высокого роста, статный, плечистый,
Здоров, полон сил и не дать тридцать лет.
А никель на «волге» сверкает лучисто,
Хотел завести, электричества нет.
Фонарик включил, осветил под капотом,
Решил завести рукояткой мотор.
Крутнул, чтобы смазать движок пред работой,
Для газа открыл максимальный зазор,
Качнул в карбюратор бензина немного,
В замке зажиганья ключ щелкнул на старт.
Он руки потер, рукоятку потрогал,
Потом энергично вращать ее стал.
Смесь топлива в камеру шла по порядку,
Но раньше, чем надо, пробила искра.

Взрыв страшный обратно отбил рукоятку,
Мужчина упал, изувечен с утра.
Удар его выбросил аж за ворота,
Он встал, и от боли померк белый свет.
Кисть с хрустом сместилась в сторону что-то,
Щелчок, перелом, лучевой кости нет.
Рука на глазах очень резко менялась,
И с каждой минутой толстела она.
Когда вся рука уж подушкой казалась,
Тут он осознал ужас травмы сполна.
Гараж он закрыл одной левой рукою,
В больницу идти путь тяжел предстоит.
Травмпункт лишь один, далеко за рекою,
Чрез лес и весь город дорога лежит.
По лесу пятнадцать минут, как за благо,
А там и троллейбус, но так ли сейчас.
Ему все труднее идти с каждым шагом,
Гудит голова, как большой медный таз.
В приемный покой он пришел, обессилен,
Из автомата жене позвонил.
Сказал ей о травме, еще попросил он
Дать знать на работу, приехать за ним.
Жена как на крыльях примчалась в больницу,
Одежду на смену ему привезла.
Где с травмами люди сидят вереницей,
Всю очередь долго с ним вместе ждала.

Часть третья.

Смертельная опасность

Наш доктор пытался поднять настроенье:
«Что шел и упал? Как очнулся вдруг гипс?»
Улыбка больного сквозь боль и волнение
Скривилась в гримасу, некстати тот клип.
Поставим инъекцию новокаина...
Внезапно как будто сменили врача,
Он понял все сразу, немая картина,
Лекарство обратно бьет. Врач закричал:
«Вот черт, ну какой же ты слабый мужчина!
С какой-то царапиной в обморок пал».
На самом же деле другая причина.
На стуле покойник. И как не упал?!
Врач быстро пошел, на ходу спешно бросил:
«Я скоро приду», — сам прикрыл плотно
дверь.
Больной ждет один, очень много вопросов:
Что сделал не так? Как мне дальше теперь?
А мысли роятся, сам ищет ответы,
Профан в медицине, никак не понять.
Потом слышит звон он под черепом где-то,
Рука не болит. И долго ли ждать?
Как хочется жить, почему-то подумал.
Вся жизнь поместилась в один яркий миг.
Страдающий разум схватил эту думу,
Сейчас мудрый мозг апогея достиг.
Раздался удар под ребро очень сильно,
Больного на стуле потрянуло слегка.
Зараз каждой клеточке необходима
Свежайшая кровь, но ее нет пока.

Тогда прояснилась ему вся картина,
 Ведь сердце стояло. Тут пуск. Чудеса!
 Голодному мозгу как силы хватило?
 Живет шесть минут мозг, не четверть часа.
 Начался процесс возвращения к жизни,
 Холодное тело покрыл липкий пот,
 Противное жжение, боль в организме.
 Все кончики пальцев крапивою жжет.
 Под каждой иголкой умершая клетка,
 В борьбе кровь стремилась их к жизни
 вернуть,
 Тепло согревало уже человека,
 Свою жизнь к началу он смог повернуть.
 Сегодня запомню второй день рожденья,
 Нечаянно ожил, как мне повезло!
 Одно в голове продолжалось движенье,
 Уверенно к жизни пробилось тепло.

Часть четвертая. Зловещий план

Пока больной ждал, в это самое время,
 Врач лихо обстригал зловещий свой план,
 Летальный исход не создаст ему бремя.
 От жажды он выпил тархуна стакан.
 Ничто не грозит, вариант оптимальный,
 А если спасать, возрастет риск в разы.
 Феномен какой-то, субъект уникальный,
 Спасать — он умрет, не минуя грозы.
 Диплома лишат, пропаду однозначно
 И даже могу за решетку попасть,
 Семье платить пенсию явно назначат.
 Подумай, решай, как сейчас не пропасть?
 Впервые мандраж, суета на работе,
 Он взял сигареты, вошел в коридор,

Свидетелей много, прошелся по фронту,
 Больного жена не отводит свой взор.
 Теперь у нее заплескалась тревога,
 Врач здесь ходит, курит, а с мужем-то кто?
 А сердце забилося, ведь мужа нет долго.
 Спросила врача она: «С мужа-то что?»
 «Мы скоро закончим, еще подождите».
 Вошел, но к больному сестру подослал.
 Сестра: «Мой больной, в духоте вы сидите».
 Открыла окно, он спасибо сказал.
 Операция штатно теперь протекала,
 Врач с помощью двух медсестер продолжал.
 Кисть после усилий в сустав снова встала,
 Кость тоже сложили, гипс руку обжал.

Часть пятая. Прошел месяц

Царапина эта с летальным исходом,
 Небось не случилось такое встречать.
 К вам люди за помощью все же приходят,
 Закройте больничный, пойду на печать.
 Врач так же, как все, был студентом когда-то,
 Учеба и практика — все позади,
 Он клятву нарушил, забыл Гиппократ,
 Где главная заповедь: «Не навреди».
 Он армию честных коллег оскорбляет,
 Как жаль, им придется краснеть за него,
 Они-то напротив, врачей прославляют,
 Одна ложка дегтя, и нет ничего.
 Врачи, если будут чуть-чуть человечней,
 К проблемам больных повернутся лицом,
 Для всех на земле станет жизнь долговечней,
 Цветы, благодарность, признание потом.

г. Челябинск

Ирина Осмачко

Из чистоты возникнет радость

* * *

Ваньку-встаньку представляю
 Свет включаю — выключаю ...
 Душу музе отворять —
 Значит ночь с ней коротать,
 Значит с ней в кровать ложиться,
 Но ведь ей со мной не спится.
 Ей, каналъе, все б мечтать,
 Ну а мне стихи писать.
 Все в чернилах замарать,
 Под её дуду плясать,
 Ты же, муза, мне не мать,
 Надо мною так стоять.
 За окном рассвет струится.
 Кто-то спросит: «Что, не спится?»
 Вот уж верно: «Время — пять».
 Всем вставать, а мне б поспать.

* * *

Глянь-ка, мама, возле храма
 Раздаются пироги.
 Разлетаясь с шумом, с гамом,
 Крошки делят воробьи.

Ищет каждый утешенье —
 Милость Божья велика.
 Где Дух Святой в воскресенье,
 Там и полнится рука.

А душа полна смятенья —
 То ли плакать, то ли петь:
 В ней и радость, и волненье,
 Коль начнешь себя жалеть.

* * *

Смотри, вокруг какая ночь!
И как, скажи, душе помочь,
Во всем увидеть дух творенья —
Природа жаждет восхищенья!

В ней прошлое уходит прочь,
Приносит утро обновленье,
И что мешает превозмочь,
Дарить друг другу наслажденье?

* * *

Как легко я тебя позвала за мечтой,
Как легко наши души открылись.
Трудно нам не назвать нашу встречу судьбой!
Может, мы себе просто приснились?

Наши души, как птицы, зовут за собой
За пределы законной границы.
Не могу, не хочу я прощаться с тобой,
Не открыв в жизни новой страницы.

* * *

Не ищи со мною встреч — напрасно...
И прощенья не проси — все ясно...
А мосты разведены — законно...
Обойдусь я без тебя — свободно...

* * *

Не все, не все потеряно,
Лишь сделай шаг сама.
Все временем проверено —
Есть горе от ума.

А есть игра со временем
И тоже от ума —
Проверено терпением.
Лишь сделай шаг сама.

* * *

Я допускаю любовь к себе.
Я допускаю любовь к тебе.
Я допускаю любимой быть,
Чтобы сильнее тебя любить.

* * *

Бывает редко, редко,
Что сладко, сладко спится,
Как будто мама рядом,
Беде не подступиться.

Бывало, рано, рано
Присядет тихо, тихо,
Души покрестит раны,
Прогонит боль и лихо.

Бывает поздно, поздно
Сказать: «Ну, здравствуй, мама!»
И сердцу невозможно
Забить такие раны.

* * *

Теснят и давят мое сердце грусть-печали
О доме, русской доле, о своей судьбе...
Её с рождения нам «черти накачали»...
Мы плачем так, как будто сладость есть в беде.

Как будто радость не бывает без печали,
Она нечаянно излечит нас в тоске.
А бог их разберет, что было там, в начале,
И что ещё у нас появится в конце.

* * *

Зальется сердце чистотой,
А ум — святою простотой,
А тело — лишь участием,
А дух же — беспристратием.

Из чистоты возникнет радость,
Без хитрости — блаженства сладость.
К благим делам вернется воля.
Нужна ли нам другая доля?

* * *

Природа, замирая ждёт рассвета.
Склонилось все. Молчат и птицы, и душа,
И ночь, предчувствуя дыханье света,
Сползает тихо с гор, рассеянно спеша.

А тучи, словно стражи возвышаясь,
Бросают гордый взор упрямо на восток,
Где бронзовые блики появляясь,
Рисуют кистью алый небосвод.

Восходит солнце. И в сияньях нежных,
В покое сонном и в глубокой тишине,
Видны и цепи гор в вершинах снежных,
И белый парусник в далекой стороне.

Вдруг волны в море как бы расступились,
На берег сбросив изумрудные тона,
Играя светом, вмиг соединились
Вода и солнце, пробуждая все цвета.

А воздух уж наполнен ликованием,
Уставших за ночь от молчанья птиц. Их свист
И трели манят сердце ожиданьем.
Природа дарит день, как новый чистый лист.

Монолог

— Не надо, я имел в виду
 Не строгое твое сужденье
 Моих стихов «без эполет».
 С тобою я имел в виду,
 Забыв обязанность служенья,
 Снять ценных навыков корсет,
 Решиться думать о живом,
 О творчестве, чтобы потом,
 Понять твое лишь настроенье
 Через мои стихотворенья,
 Открыв изящных фраз смятенье
 Вдохнуть дух славы и смиренья.

Виктор Селванов

С тех давно освоенных высот

 «Запрягу я тройку борзых»
 Росших в прериях коней:
 Демократа, Бюрократа,
 Ворократа — и «Эгей»!
 На мустангах осовелых,
 Пролечу я мимо стелы
 Взбеленившейся пургой.
 Власть имущих огорошу,
 Самопалу шкалик брошу:
 «Сполосни мозги “Ковбой”».

Власть с ковбоем у штурвала,
 Щедро должность обмывала.
 С «будуна» перековала
 Все орала на мечи.
 Сникла Русь, загоревала,
 В лапах хищника развала.
 Сорвалась, запировала,
 Тратя жалкие харчи.

Шкалик к трупу прикоснулся.
 На минуту тот очнулся,
 Потянулась длань ко лбу,
 Осознав, перевернулся
 Трижды в царственном гробу.
 В покаяние рабу.

Рать крестьянства заорала:
 «Перекуй меч на орала,
 Чтоб земля торжествовала.
 Оратай имел харчи».
 Но ковбойские рвачи
 Блефуют: «Быдло, не мычи».

Поёт «Свинья»,
 Блажен губитель,
 Извёл крестьянскую обитель.
 Русь олигархии продал.
 За некий псевдопьедал.

* * *

Наш русский предок, как тебя понять:
 Откуда черпал ты в беде упорство,
 Выносливость, и верность, и искусство
 Не падать духом, до конца стоять,
 И на руинах видеть возрожденье,
 И жить, врагов своих не проклинать?
 Ещё и нам, потомкам, передать
 Великое духовное терпенье.

.....
 А без него России не видать
 И не принять культурного наследья!

г. Миасс

Гуцулы вычислили грех,
 Бандера выпорхнул наверх.
 Маньяк фашизма. Сионист.
 Безумства рьяный активист.
 Политикам на рубеже,
 Стало мерещиться уже,
 И про это, и про то.
 Кормилец Родины — никто.
 А до горы и за горой
 Изменник Родины — герой.

* * *

Кому-то чего-то пророчит
 Над лесом полоска зари.
 Бледнеет, мне вымолвить хочет:
 «Улыбкой меня одари».
 Стою, улыбаюсь, качаю,
 Седую, как лунь, головой.
 И ночь, как подругу встречаю:
 «Ну, здравствуй! Сегодня я твой.
 Не спрашивай, сколько вас было,
 О чём с ними я говорил.
 Весна половодьем всё смыла.
 Пока в облаках я парил.
 Давай о минувшем не будем,
 В грядущем житейская суть.
 Заснувшие чувства разбудим,
 Карету закажем, и в путь».

Умчались на тройке крылатой,
 Туда, где душой молода.
 При песне, любовью богатой.
 Судьба не торопит года.
 И жили мы там, не тужили.
 Да разве забыть я смогу,
 Как песни да пляски дружили
 С цыганским костром на лугу.

* * *

День догорел зарёй чудесной,
Мороз расправил паруса.
Из труб печных душой древесной
Дымы уходят в небеса.
Домишки курят, согреваясь,
Я при морозной тишине.
Словно в лукавстве состязаясь,
Звёзды подмигивают мне.
Грудь осенило удалое.
В душе проклюнулись цветы.
Во мгле растаяло бывшее,
Узрев опричников мечты.

* * *

Весной в деревню в гости к маме
Приехал я в начале дня.
Ложбины прятались в тумане.
Встречали певчие меня.
Висели жаворонки в небе,
Журчали звонким ручейком.
Давно в родном краю я не был,
Мне каждый кустик здесь знаком.
И вот я здесь душой и телом,
Стою на росстани, как гость.
Взгрустну в дому осиротелом
И схожу к маме на погост.

* * *

Оседляет душу блудный ветер,
Рьяно жалит шпорами бока,
И она, забыв об этикете,
Пулей прошивает облака.
И уж там, в гостях
У вольной воли,
С тех давно освоенных высо,
Плесканёт без меры людской боли,
В стопочки правительства трёхсот.

Пародийное

Ну, здравствуй! Я тот мужчина.
От которого ты хочешь сына.
Нет проблем. А в другую ночь,
Подарю тебе я дочку.
И точка, и точка.

В моей жизни всяко было.
Я объезжена кобыла.
При седёлке и узде.
Ты целуй меня везде.

Обречён

сонет

Сую в колёса палки глаукоме.
Она проворно тащит воз свой к цели.
Сизифов труд, мол, мои кони
Сильнее пресловутой панацеи.

Ты брякни в дверь лихому эскулапу.
Коль миллион зелёными имеешь.
И брось ему на алчущую лапу.
Не гарантирую, авось прозреешь.

Души порывы скупо прослезились.
Такие баксы им во сне не снились.
Я с нищей с пелёнок обручён.

Душа во благо веровать устала.
Тетрадь моих хвороб перелистала,
Явила мне: «Мой друг, ты обречён».

д. Журавлиное

Нэлли Кизилова

Берегите память

Поколение моё

Поколение моё ушло в отставку,
Бескорыстный труд уже не в моде,
Ждём с надеждой к пенсии прибавку,
О которой все твердят в народе.
Поколение моё не унывает,
Мы романтики ещё и оптимисты.
Каждому, как прежде, доверяем,
Попадая в сети аферистов.
Переменам не хотели поддаваться
И не терпим подлость и измену...
Неужели нам пора признаться:
Поколение детей пришло на смену.

Незаметно стали стариками
И глобальные проблемы не решаем,
Мы сегодня догадались сами:
Внукам уж судьбу страны вверяем.

Доброе слово

Если вдруг пришла беда,
Сердцу больно почему-то,
Важно добрые слова
Слышать в трудную минуту.
Слово доброе всегда
Как бальзам на нашу душу.

Исцеляет доброта,
Птичьи трели будешь слушать...
Полегчало? Оглядишь,
У другого в сердце смута,
Добрый словом поделись,
Помоги и ты кому-то.

Уральское лето

Загулялось лето
В Краснодаре где-то,
Там жара всё солнышко
Выпило до донышка.
Объявилось лето
В Красноярске где-то,
Сибиряки там маются,
В фонтанчиках купаются.
Хочу, чтоб этим летом
Урал наш был согретым,
За что же нас обидели,
Что лета мы не видели?

Тоска

Ушла подруга на рассвете,
Ушла навечно в мир иной.
Наверное, ей Бог заметил,
Что пройден ею путь земной.
Тринадцать лет мы с ней дружили
Без ссор, упрёков и обид,
Мы этой дружбой дорожили,
Секрет у каждого раскрыт.
Теперь её мне не хватает.
И в предрассветной тишине,
Тоскуя, снова ощущаю
Тревогу прежнюю в себе.
Сейчас и песня не поётся,
И душу некому раскрыть.
Знать, дружба свыше нам даётся
И надо ею дорожить.

Чудесная встреча

Верит в чудо наш народ,
С Новым годом встречи ждёт,
А шампанское и сладость
Разбудили в сердце радость.
Вот торжественный момент:
Выступает президент.
Мы с ликующим волнением
Принимаем поздравленье.
А когда сойдутся стрелки,
Бьют куранты, фейерверки.
А в квартирах (им сродни)
Жгут бенгальские огни.
Без звонка и телеграммы
Спрыгнул Новый год с экрана
И ликует весь народ:
— Здравствуй, здравствуй,
Новый год!!!

Берегите память

Берегите память, берегите.
Пусть она послужит для людей.
Важное забыто? Вы найдите
В лабиринтах памяти своей.
Поищите для своих потомков
Светлые родные имена,
Чтоб не любовались на подонков,
Чтоб не продавали ордена,
Те, что на фронтах омыты кровью
Наших дедов, прадедов, отцов,
Пусть хранят реликвию с любовью
Для своих потомков-удальцов.
Берегите юных, берегите,
Это люди завтрашнего дня,
Чистоту сердец их сохраните,
Чтоб не осквернялась Мать-земля.
Тренируйте память и щадите,
Чтобы не хватил её удар.
Берегите память, берегите:
Это человеку Божий дар.

с. Миасское

Ольга Ковалёва

Колечко

Всем известно, что взрослые люди в сказки не верят. Конечно, они любят сказки читать и рассказывать, а иногда даже и сочинять. Но вот поверить в то, что в их жизни может произойти чудо, похожее на сказку, — это с трудом. И даже если некоторые взрослые не верят в чудеса, то это совсем не значит, что с ними этого чуда не случится.

Предновогоднее утро. Ни для кого не секрет, что Новый год — праздник семейный. Который принято встречать в кругу родных и близких вам людей. И само собой, каждый из нас ждет чего-то необыкновенного от этого праздника. Чуда какого-то. Или хотя бы сюрприза. Вот и я не исключение. Уже с самого утра порхаю, как птичка, по квартире, напевая свои любимые песенки: «Новый год стучится, скоро все случится!» А ведь еще вчера грустила и даже всплакнула немного. Чего ж это я невезучая такая! Тридцать лет уже, а ни мужа, ни детей.

Всё как-то не складываются отношения у меня с противоположным полом. Вроде не дурнушка.

Да и не глупа. А не клеится, и всё тут. Может, времени не хватало. Конечно, сначала школа, потом институт. После института удачно устроилась на работу секретарём начальника отдела. Теперь вот уже главным экономистом работаю. Самостоятельная, живу отдельно от родителей. Всё необходимое для быта у меня есть. Любви нет.

Было, правда, у меня в жизни два эпизода на амурную тему. Вот именно — эпизода! Иначе и не назовёшь. Встречалась я с парнем, когда в институте училась. Я на третьем курсе, он на пятом. В кино вместе ходили. В парке гуляли. Конечно, влюбленности у меня или там страсти какой-то не было. Просто был парень. Вежливый такой, обходительный. Я думала, что любовь вот-вот настанет. Ждала, значит, когда чувства мои проснутся. Как-то вечером проводил он меня до подъезда, помахал ручкой и ушёл. А я что-то задержалась, решила воздухом ещё немного подышать. Проходит мимо девушка. Каблуками цок, цок. Посмотрела она на меня, ахнула да как заверещит: «Манька! Здорово!»

Манькой меня все с детства зовут, хотя родители нарекли Мариной.

Я узнала в этой девушке свою одноклассницу Зинку Махотину.

— Ой, Зинуля! Ты, что ли? — удивленно крикнула я.

Обнялись мы с ней, присели на лавочку у подъезда и давай друг дружку вопросами забрасывать.

Так, ни о чём и обо всём понемногу. Подошли и к главной теме. Оказалось, что обе ещё не замужем, но парень есть. А когда добрались до описания личности и характера своих кавалеров, то с ужасом поняли, что говорим об одном и то же парне. Сначала мы разозлились.

Да ведь не шутка! Нас двое, а парень-то один! Потом, немного успокоившись, приняли решение разоблачить наглого донжуана. Назначили ему свидание с Зинулей на шесть часов вечера. Я же ему предложила встретиться в семь. На следующий день, а если быть точной, то вечер, мы обе пришли к назначенному месту. Я спряталась за газетный киоск и выглядывала оттуда, как заправский шпион. Смотрю, идёт мой, улыбается. Зинка к нему подходит и тоже улыбается.

Я не стала ждать и вышла из засады. Подхожу к ним и тоже улыбаюсь, насколько мне нервы позволяют. А нервишки-то дёргают. От этого, наверно, моя улыбка больше была похожа на звериный оскал. Общий наш ухажер, увидев меня, улыбаться перестал. Смотрит на нас с Зинкой и молчит. И мы смотрим. И молчим. И только Зинка открыла рот:

— Ну что?

Как наш ухажер задом, задом, потом развернулся от нас и дал дёру! Так хорошо бежал! Как спортсмен, не меньше. Мы с Зинкой давай хохотать. До слёз.

После этого эпизода, я долго ни с кем не знакомилась. Но, как говорится, время лечит.

И где-то годика через два произошла история ещё интересней. Выхожу я как-то из булочной. На другую сторону улицы хотела перейти. Вдруг слышу:

— Девушка, а девушка! Оборачиваюсь, мужчина приятной наружности, хорошо и со вкусом одетый, обращается ко мне:

— Подскажите, пожалуйста, как мне пройти на Театральную площадь?

Ну, как я могла отказать? С увлечением я ему объясняла, махала руками то направо, то прямо, то налево. Смотрю на него, а он меня и не слушает. Смотрит. Смотрел, смотрел, да и говорит:

— До чего же вы красивая, девушка! Прямо глаз не отвести, так бы и любовался вами с утра и до вечера!

Я смутилась. Complimentами я не избалована. От того и смущаюсь мгновенно. С непривычки, конечно. Так и познакомились. Петр был меня старше лет на десять. И я ему доверяла. Думала, не может обманывать такой мужчина, просто не имеет права. Где то через неделю нашего знакомства, Петр мне и говорит: «Давай поженимся! Сил нет, как хочу тебя женой своей назвать».

Я от радости-то и согласилась. Не подумавши. Он тут же меня под руку и в ювелирный магазин. Кольца покупать обручальные. И купил. Себе и мне. Две маленькие такие коробочки.

— Вот, говорит, возьми, сохрани. Я, говорит на недельку в командировку съезжу, приеду, пойдем с тобой в загс заявление подавать. Согласна?

— Согласна, — говорю.

Так и расстались. Неделя пролетела. К назначенному времени подошла я к загсу. С двумя маленькими коробочками в кармане. Стою, жду. А его всё нет. Целый час еще ждала. Нет моего жениха. Подходит ко мне женщина, миловидная, аккуратненькая такая вся из себя.

— Вы Марина?

— Я! — говорю.

— А я жена Петра! И вот что я вам хочу сказать, поссорились мы с Петром, вот он на-злом мне и пошел знакомиться с первой встречной. А сейчас мы уже помирились. Так что не ждите его, милая девушка, не придет он.

От неожиданности услышанного у меня пропал дар речи. Я вроде бы хочу что то сказать, да не могу. Ком в горле. Стою с глупым видом и киваю головой. А жена Петра всё что-то говорит, говорит. О себе, о нём, какой он хороший, да никому она его не отдаст. Бороться, говорит за него будет. Тут я как будто очнулась. Рука моя в кармане нащупала коробочки. Взяла я их, сунула Петровой жене в руки и пошла прочь. Пришла домой, улеглась на диван и два дня ни с кем не общалась. Но и этот эпизод из моей жизни постепенно позабылся. Нахлынувшие на меня воспоминания прервал телефонный звонок. Я взяла трубку.

— Да, слушаю

— Доченька, здравствуй, моя хорошая! — раздался в трубке голос моей мамы. — Ты где Новый год встречать будешь? Опять с подружками? — продолжала мама.

В моей голове быстро нарисовался сюжет новогоднего вечера. Большой праздничный стол, за столом подруги с мужьями, детишки их бегают. Все целуются, веселятся. А я сижу за столом, держу в руках фужер, в котором пузырится шампанское, а слезы в тот бокал кап, кап. Нет, не хочу. Прогнала я эти мысли.

— Мамочка, родная моя! Как я рада тебя слышать!

— Доченька, приезжай к нам! Мы с папой будем ждать тебя! Слышишь? Приезжай! — голос у мамы задрожал.

— Да, мамуль, я приеду, — ответила я.

— Ой, доча, ой, хорошо-то как! Вот обрадовала! — уже повеселее говорит мне мама. Ждем!

Я положила трубку. Всё. Решено. Еду к родителям. Они живут в пригороде, в небольшом посёлке. Быстренько начала собираться. Сумку с продуктами и подарками собрала, платье своё любимое праздничное положила. Украшения какие-нибудь к платью бы надо. Открыла бабушкину шкатулку. Я эту шкатулку с детства помню. Когда была маленькой, бабуля разрешала мне в этой шкатулке порыться. Безделушек там полным-полно было. И пуговицы всех мастей, и запонки. Заколки для волос, гребешок беззубый старый. Я начала перебирать содержимое шкатулки в надежде найти какое-то украшение для себя. И вот мне в руки попало колечко старинное. Да это же бабушкино колечко! С рубиновым камушком. Тут же вспомнилась история, которую не один раз рассказывала мне бабушка. Будто бы это кольцо не простое, а волшебное. Когда бабуля была молодой, она нашла это колечко возле своего дома в снегу. А через неделю её просватали.

И бабушкина мама в молодые годы находила кольцо с камушком, а вскоре и замуж вышла.

Вот такая история с колечком. То ли правда, то ли выдумала все это бабушка?

Вздыхнув, закрыла я шкатулку.

Вот и деревенька наша. Возле густого соснового бора. Воздух! Дыши — не надьшишься!

Пока обнимались да целовались с мамой и папой, пока все новости друг другу рассказывали, вечереть стало.

— Ну что, дочь, пошли ёлку выбирать! — громко сказал папа.

У нас традиция такая семейная. Мы ёлку наряжаем часа за два до боя курантов. Папа мой в лесхозе всю жизнь проработал, потому и ёлочку мы могли выбрать самую, самую красивую. До лесхоза минут пятнадцать ходьбы. Вот пришли мы с папой, ходим, ёлочку высматриваем. Кроме нас там ещё трое ходят, выбирают. Две женщины и один паренёк. Папа мой куда-то вглубь ёлочного хоровода зашёл. А я осталась на поляне, тут фонарь хорошо всё освещает. Хожу, присматриваюсь. Вот ёлочка мне приглянулась. Пушистая. Свет от фонаря прямо на ёлку падает, и такая она от этого света искрящаяся, такая красивая, как в сказке! Стою, люблюсь. Тут к ёлочке парень подошёл. Тоже стоит, любитесь, видно, и ему эта зимняя красавица приглянулась.

Я на всякий случай грозно так кашлянула:

— Кхы, кхы!

Он вздрогнул и на меня посмотрел. Заулыбался:

— Ёлочка, — говорит, — красивая, как в сказке! Вы, — говорит, — тоже эту ёлочку приглядели?

— Тоже, — резко отвечаю я.

И тут я его глаза разглядела под светом фонаря. Синие-синие, обрамленные густыми черными ресницами. «Бывают же у парней такие ресницы!» — удивленно подумала я.

А он смотрит на меня и ресницами своими хлоп- хлоп! Вот снежинка к нему на ресницы упала, сидит там и качается вверх, вниз... Что то со мной странное происходить стало. Как будто заряд электрический сквозь тело прошёл. Сверху донизу.

А он стоит, улыбается и ресницами своими хлопает. Молчание наше он первым нарушил:

— Вас как зовут? — спросил,

— Маня, — говорю.

— А я Ваня, — говорит, немного смутившись.

— Вообще-то, я Марина. Но все зовут меня Маней. Я привыкла, — пожав плечами, тихо добавила я.

— А мне нравится, — говорит паренёк и руку мне подаёт, для знакомства, значит.

Ну, я тоже ему руку подала. А он в руки свои мои взял и держит. И не отпускает. А мне и не хочется, чтоб отпускал-то. Где-то из глубины ёлочной поляны раздался приближающийся голос моего папы.

— Ну что, дочь, выбрала?

— Выбрала, — не поворачивая головы и не выпуская рук, быстро ответила я.

— И я выбрал, — тихо говорит мне Иван. И в глаза мне смотрит.

— Где же она? — уже совсем рядом спросил папа.

Мы с Иваном разняли руки, посмотрели на моего папу и рассмеялись. Папа ничего не понял. Но тоже засмеялся. Так, наверно, за компанию. Ваня наклонил голову, разглядывая снег под ногами.

Потом он наклонился и что-то поднял. Протянул мне руку, а там у него на ладони лежит колечко, и от света фонаря переливается. Я взяла с его ладони кольцо, разглядела. Ну, точь-в-точь, как бабушкино! Только камушек в нем не рубиновый, а голубой. Я крепко сжала колечко в своем кулачке. Моё. Это точно моё. На глаза мои навернулись слёзы. Вот ведь как бывает! Как тут в чудеса после этого не верить?

Помидорчики

Рабочий день окончен, сажусь в автобус и облегчённо вздыхаю:

— Ф-у-у-у.

До дома ещё далеко, места есть, можно и отдохнуть чуть-чуть.

Ноги вытянула, глаза закрыла. А мозг покоя не даёт, диктует:

«Во-первых, заплати за детсад, во-вторых, за свет, за газ, за воду, да, и самое главное, — не забудь сегодня сбегать на новый рынок, про который тебе вчера соседка Катя рассказывала. Там продукты все свежие и цены по карману».

— Остановка «Колхозный рынок»!

Ой, бегу, бегу, как быстро приехали-то!

Выхожу из автобуса и глазам своим не верю: небольшая территория огорожена (белым!) забором, а за забором одноэтажное кирпичное здание белого цвета! Странно. Захожу вовнутрь. Опять удивилась, что это такое?

Прилавки белые, за прилавками стоят улыбающиеся продавцы, а перед продавцами стоят улыбающиеся покупатели. Я такого давно уже не видела.

Ладно, может у них праздник какой. Подхожу к прилавку, огурчики и помидорчики лежат, ну очень аппетитные! А за прилавком стоит сияющая озорной улыбкой бабуля.

— Чего тебе, дочка? Огурчика или помидорчика? — ласково спрашивает она у меня.

Как не улыбнуться в ответ? Я тоже расплылась в улыбке и говорю:

— Да мне бы с полкило огурчиков и столько же помидорчиков, уж больно они у вас аппетитные!

— А как же! — подмигивает озорная старушка, — с любовью выращены, с любовью и отдаю!

— А почём за кило берёте, бабуля? — спрашиваю я.

— Так ведь, дочка, как обычно, сговоримся! — хитро щурясь, отвечает старушка.

Я начинаю обдумывать её слова, подозревая, что, раз не называет цену, значит, дорого хочет взять за свой урожай. Но отступить некуда. Помидоры так и просятся ко мне в сумку. Поторгуюсь.

— Бабуля, ты уж назови свою цену, а то вдруг у меня и денег то не хватит, — говорю я.

Бабуля встрепенулась и насторожилась, но буквально на одну секунду. А потом, ласково взглянув на меня, сказала:

— Ни-и, дочка, никаких денег мне не надо! На што они мне?

Я, ничего не понимая, спрашиваю:

— Не продаёте, что ли?

— Нет! — улыбаясь, отвечает старушка. — Меняю! — молвит бабуля и заговорщически смотрит на меня.

Я невольно включаюсь в её игру и спрашиваю, как в детстве:

— На что?

Бабуля ещё больше оживилась и говорит:

— Я тебе свои труды с любовью отдаю, а ты со мной силой и молодостью поделись!

— Как это?! — спрашиваю почти шёпотом.

— Да очень просто: я тебе урожай, а ты — обними меня покрепче и пожелай мне здоровья на долгие годы. Только от души пожелай и от всего сердца.

— Ого! — от неожиданности вскрикнула я.

— Нет, ежели тебе жалко или неохота, тады и разговору нету! — продолжая улыбаться, говорит бабуля.

Смотрю я на бабулю, на помидорчики с огурчиками, и думаю, да что, убудет от меня, что ли, если я ей здоровья пожелаю? Была не была!

— Согласна! — говорю.

Бабуля сложила товар в мешочек и вышла из-за прилавка. Я подошла вплотную к старушке, взяла пакет и обняла её, как родную.

— Желаю вам здоровья на долгие, долгие годы! — сказала я.

И в этот момент увидела, что рядом у прилавка происходит та же самая картина. Продавец и покупатель обмениваются не деньгами, а рукопожатиями и добрыми пожеланиями. Не скрывая удивления, я пошла от прилавка к прилавку. Нет весов, нет денег, все улыбаются и желают друг другу здоровья. Куда это я попала, ничего не понимаю. Спрашиваю у стоящего рядом улыбающегося мужчины:

— Что это, коммунизм наступил, что ли, в вашем районе?

— Нет, милая, не коммунизм, — отвечает радостно мужчина. — Это смехорадовеселизм! — И улыбается, улыбается.

— Женщина, женщина! — трясёт меня кто-то за плечо. — Женщина, просыпайтесь!

Открываю глаза, я в автобусе, рядом стоит кондуктор. Я что, спала? Приснится же такое!

Снежная история

Произошла эта история со мной под Новый год. Суровый снежный декабрь засыпал снегом всю землю. Укрыл, словно пушистым одеялом. Разноцветные гирлянды празднично мигали на улицах города. Из окон домов светили ёлочные фонарики. Предновогодняя суета. Всё в предвкушении праздника!

Я ждала этот Новый год с особенным чувством. Ведь в эту сказочную зимнюю ночь, я готовилась загадать желание не одна, а вместе с моим женихом. Это был наш первый с ним праздник. И я уже знала, каким будет моё желание...

За неделю до Нового года сообщает мне мой жених, что уезжает в командировку. А к тридцать первому декабря вернется. Работал он дальнобойщиком, сменщик его заболел, и нужно было срочно отвезти груз. Мне, конечно, взгрустнулось, но делать нечего, он уехал, а я осталась ждать.

Первые четыре дня временной разлуки пролетели незаметно. В поисках подарков, продуктов, нарядов, скучать было некогда. К концу недели я загрустила.

Тридцать первого с утра ко мне заходила подружка.

— Ну, что ты будешь сидеть тут одна и киснуть? Пойдем, к нам, у нас весело! А может, твой, и не вернётся вовсе? — лукаво прищурясь, прошептала подруга. Но, посмотрев мне в глаза, вздохнула и сказала:

— Ладно, жди! Жди, подруга! — Чмокнула меня и убежала.

К одиннадцати вечера я была готова к встрече. Новое платье на мне, подарки под ёлкой, праздничный сервиз на столе. А я одна. Выключив свет, села у окна. Во дворе никого. Тихо падал снег. Под светом фонаря снежинки кружились сверкающим хороводом. Они то соединялись вместе, то разлетались в разные стороны. Это было похоже на танец! Я смотрела на этот снежный бал заворожённо. Мне показалось даже, что я слышу их звон. Это, как звук хрустальных бокалов, ударяющихся друг об друга.

— Дззиинь, дззиинь...

Одна из снежинок прильнула к моему окну. Такая крупная, что видны были на ней все мельчайшие узоры. С удивлением и восторгом разглядывала я снежную красавицу. Какая

красота! Вдруг, на снежинке появились глазки, носик, пухленький ротик...

Почти не дыша, я продолжала восхищаться этим чудом.

— Ты кто? — выдохнула я

— Снеж-ка! — звонким колокольчиком ответила мне снежинка.

— Дззиинь, дззиинь, — зазвенело у меня в ушах. — Дззиинь! Дззиинь!

Я вздрогнула и очнулась. Это был звонок в дверь. К двери я не бежала, а почти летела. Приехал! Приехал! Мы встретили Новый год вместе.

А на следующий Новый год у нас родилась дочка. Такое милое чудо с большими голубыми глазами, носиком пуговкой и маленьким пухленьким ротиком. Назвали мы её Снежка! Наша снежная нежность.

г. Челябинск

Александр Фунштейн

Всё снова повторится

* * *

Мне уже десяток девятий.
Снег растаял, идут дожди...
Мне всё кажется, как когда-то:
Всё, что главное, впереди.
Не хочу уходить с планеты,
Не хочу превращаться в прах.
Мне совсем не по нраву это,
Быть в заботах хочу, в делах.
Не изменишь закон Вселенной,
Плетью обух не расшибёшь.
Сколько сгнуло поколений?..
Будь полезным, пока живёшь!

* * *

Ветер рвёт листву с дерев,
Разгулялся, озверев,
Он прохожих с ног сбивает
И ревёт, как дикий лев.
Человека сбил он с ног,
Человек идти не мог,
К счастью, рядом был товарищ,
Он идти ему помог.

.....
Если вдруг идти невмочь,
Если ветер дождь и ночь,
Человек дойдёт до цели,
Если есть кому помочь.

* * *

Ходят ветры вечерние кротко
«Бабьим летом» в родной стороне.
Лес. Опяток семейка — находка,
Из травы улыбается мне.

Здесь не слышится грохот железа,
Хитро ягодки просятся в рот.
Воздух леса! О, как он полезен!
В лес за воздухом ходит народ.

На закате здесь отдых приятен,
А на ужин, конечно, грибы,
Чай с душицею с запахом мяты...
И не нужно нам лучшей судьбы.

Утро — радость для наших сердец,
Гнутся травы от росных колец.

* * *

Капает дождь, за окошком
Редкие зонтики бродят.
Мне загрустилось немножко,
Осень ведь с грустью приходит.
Осень пора увяданья
И подготовки к морозам.
Грусть. Грусть совсем не страданье.
Грусть — это странные грёзы.
Грёзы о том, что не сбылось.
Больно, но время остудит.
Было хорошее? Было.
Значит, и в будущем будет.
Небо осенние слёзы
С грустью на землю роняет.
Душу ласкают мне грёзы.
Беден, кто ГРЁЗ не узнает.

* * *

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты.*

А. С. Пушкин

Он в ссылке был в уединенье
Царём обижен и судьбой.
Как вспышку, чудное мгновенье
Он вдруг увидел пред собой.

Он дарит ей стихотворенье...
Шли месяцы и шли недели,
И это чудное мгновенье
Закончилось в его постели.

И он, не ведая сомнений,
Потом хвалиться этим станет.
Эх, Пушкин — африканец-гений,
Зачем ты так обидел Аню.

* * *

*Главное мировое зло — жадность,
гонка за сверхприбылями.*

Мир дому твоему!
А дом твой — вся планета.
Никак я не пойму
Кому не в радость это?

Галина Афимова

Осень — доброе вино

* * *

Лёг сентябрь за середину,
Пахнут дымом ветерки,
Наблюдаю я картину,
Болью в сердце костерки:

Чем-то с осенью я схожа,
Только ближе всё ж к зиме:
Без румянца: хлад ожога,
И без всяких там химер.

Не велик и срок твой — осень,
Жги по полной — расцветай!
Бесконечной цифрой восемь
Предначертан где-то рай.

Я позволю в мыслях смелость,
Вот летит листком квиток,
Каждый год несёт мне зрелость:
Чувств малиновых поток!

* * *

Я не пользуюсь общей расчёской,
И интриги совсем не плету:
Дух брезгливый сидит под одежкой,
Раз в сто лет я, как кактус, цвету.

Не приемлю идей комформизма,
Есть развития принцип простой:
Две стихии начал дуализма
Всё гармонию ищут — покой.

Мне на радость все мягкие ноты,
Но не злит и чужой арсенал,
Я подвижная чувством: вне фото
Меня греет домашний портал.

Злой не вижу себя антитезой:
Кто захочет — веду диалог,

Кому нужна беда
Конечно же, чужая?
Кто хочет жить всегда,
Всем прочим угрожая?
Прошёлся б я огнём
По биржам и по банкам,
Одним суровым днём
По ним ударил танком!
Придет ли благодать?
Увы. Как говорится
«На круги всё опять»,
Всё снова повторится.

г. Челябинск

Берегут меня иглы от срезов
За предвзятый трёхмерный налог.

Ум и сердце под вечным сомненьем
Пребывают в колючем лесу,
Для других от укулов волненье,
За ответом в астралы несусь!

* * *

Осень — с рыженкой краса,
Где-то цвет карминный,
На закате небеса
Отливают винным.

Осень — доброе вино:
После боли — сладко,
Разойдётся стынь огнём,
С глаз слеза украдкой.

Боль — минутный эпизод:
Я чиста сознанием,
Недуг мой за горизонт
Далеко в изгнание.

Да придёт покой в мой дом,
Яблочные вести,
Рассосётся в сердце ком,
Осень перекрестит!

* * *

Говорили раньше люди:
На китах Земля стоит,
Осень, грязь, машины всюду,
Мир шевелится, кипит.

Но Земля совсем не шарик:
Специально где-то врут?..
По тематике не парюсь,
Всё боюсь: а вдруг взорвут.

В головах, умах — ракеты,
Кто кого, в союзе с кем,
Кто главнее, блеф, секреты —
Всё размазано, как крем.

Осень, грязь, машины всюду,
Все хлопочут по делам,
Понеслась и темень в удаль:
Мало света — зло и срам.

Всё же снег красив, летает,
Что там ждёт нас впереди?..
Может быть, киты устали
Или Бог устал судить?..

* * *

Непостижим учитель мой — Година!
Весь склад ума с другой планеты:
Его идей абстрактности вершина
Потянет вверх узнать секреты.

Карабкаюсь, цепляюсь за пороги,
И разгадать намётки сложно,
Всё лезу ввысь — трудны наверх дороги:
За ним угнаться невозможно!

Заводит слог его необычайный,
И я стараюсь — рвусь всё к цели:
Мои мечты важны и чрезвычайны,
Я воплощаю их на деле.

Непредсказуем, юмор же — занятный,
Читаю сборник морехота:
В моих руках столь эксклюзив приятный,
Там, на листочке левом, — фото.

* * *

Нине Ягодинцевой

Мне кажется, что Вас я понимаю!
Пусть не для каждого ума стихи,
В них ходят чувства бездною по краю,
Отмаливая наши все грехи.

Печали много, странственных реалий:
Россия в нас, как на распятыи Бог,
Уж лучше бы его не распинали,
И не было б убийственных дорог.

Но силой в нём любовь преобладает:
Живёт, ведёт на разные пути,
Ветра, ветра — уносят зло куда-то в дали,
А свет — он свет, ему всегда светить.

Два образа — от Бога две частички:
Друг друга сердцем разве не простим,
Дарите свет и зажигайте спички,
От Бога всем — душой неотвратим!

* * *

Я признательна всем людям:
С кем встречалась на пути,
Раскидал их Бог повсюду:
И хороших, и плохих.

От плохих бежала сразу,
Брал к хорошим перевес,
Я тянулась к ним — не фраза:
Был взаимный интерес.

Понимаю: возраст — мудрость,
Жизнь — не поле прошагать.
По спирали, словно кудрям...
Нелегко в пике взлетать!

Я раскаялась в ошибках:
Приняла их целиком!
И особенно быть гибкой
Мне давалось нелегко.

Своего достигла счастья,
Жалко только — не во всём,
Но теперь с собой в согласье
И довольствуюсь на том.

Чего не было — то будет:
В другом мире, может быть,
Как люблю я всех вас, люди,
Как легко мне вас любить!

* * *

Л. А. Дубковой

Мне до ваших небес не добраться:
Образованно, чудно, умно!
Да не нужно такой и казаться:
Мне в другом может лучше дано.

Белой завистью чувство раскатит:
В каждом образе бьёт фейерверк,
Вот брожу я по россыпи знаков,
И мой дух перед вашим померк.

Золотится, искрится, сияет
Уникальное ваше копьё,
И слова в ваших строчках янтарят
Хулиганисто, с тонким чутьём.

Пожелаю сюрпризных мгновений,
Чтоб не только в стихах — наяву
Все события ярких свершений
В золотую вплетались канву!

* * *

В ваших чувствах — заблудиться!
А в моих — просторно, прямо
Полетела радость птицей,
Словно гость с добром нагрнул.

С ним так много впечатлений,
Разноцветия и граней:
Для моих тревожных бдений
Как подарком — свежей данью.

Не спугнуть бы радость эту:
В жизни всё так беспокойно,
Не поддаться бы навету:
Слух укутан многослойно.

Ваши чувства — соком млечным
В них загадка — мир ваш тайный...
Понимаю умность речи:
Свет от строчек — чрезвычайный!

Вдохновеньем пребываю,
Согреваюсь верой, правдой,
В безднах страстных утопаю:
Их вычитываю с жаждой!

г. Копейск

Наталья Нестерова Но продолжая слов круженье

Боль

То ли наказал меня Всевышний,
То ли одарил излишне щедро:
Боль чужую чувствую и слышу,
Сил терпеть её прошу у крепких кедров.

И скорбит душа о всех болезнях,
А попытки помогать напрасны.
Тянет боль веригою железной,
Но носить её и чувствовать согласна.

Дерево с ободранной корою,
Пёс бездомный с грустными глазами,
За страну обида, а порою
Светлая тоска о бате и о маме.

Жаль, что сердце всё слабее бьётся.
В нём и радость, и печаль едины.
Жизнь водой из вечного колодца
Всё омоет: боль, испуг, тоску-кручину.

Стихи

Неровно пишется, кусками:
В одних есть образ и напев,
В других — корявыми словами
В строку ложится неуспех.

Но, продолжая слов круженье,
Пытаясь ритмы сохранить, —

Бросаю их в изнеможенье:
Единства нет, в разрывах нить.

И связывать её не нужно.
Всё оставляю до поры.
Не стоит разжигать натужно
Уже потухшие костры.

И каждый опыт неудачный
Летит в корзину для бумаг...
А ночь становится прозрачней,
И зябнут образы в словах....

Я люблю помолчать с тобою

Сыну Ивану

Я люблю помолчать с тобою,
Посидеть с тобой в тишине,
И не чувствовать больше боли,
Что живёт без тебя во мне.

Позабыть холодок разлуки
На недельку коротких дней,
Взять волнение на поруки
У души уставшей моей.

И к плечу твоему прижавшись,
Ощутить блаженный покой.
Наконец-то тебя дождавшись,
Прошептать: «Мгновенье, стой!»

г. Челябинск

31 января 2019 г. исполнилось 60 лет
Наталье Ивановне Ушаковой из Агаповки.
Поздравляем нашего замечательного автора с юбилеем, желаем здоровья,
семейного благополучия и творческих успехов.

Над озером смущенная луна

На Покров
Пресвятой Богородицы

Покров был девичьим праздником. Считалось, какая девушка раньше в храме поставит свечку, та раньше и замуж выйдет.

И девушка с волнистой светлой прядью
Волос, куда проник случайно солнца свет,
Приветливо сказала вдруг: «Присядем!»
Я сел и улыбнулся ласково в ответ.

Вот так нашли случайно мы друг друга.
А на Покров пошли венчаться в храм.
Шел густо снег. Ревела даже вьюга.
То предсказаньем было счастья нам.

Справляют свадьбы чаще на Покров.
На счастье молодым — снег в это время.
И просят Богородицу: «Покрой!»
В примету эту свято я поверю.

О Музыке

Люблю Рахманинова утром,
Как самоутверждающий полет.
И солнце светит поминутно,
Чайковский плавно так плывет.
Как будто облачко перистое,
И луч за лучиком спешит.
То солнце выглянет лучистое,
То ручейком опять журчит.

* * *

Над озером — смущенная луна,
А в гладь озерную ныряют чайки.
О берег мерно плещется волна,
Они на ней качаются — чудачки!

У берега — березок хоровод,
Одеты все в одежды кружевные.
Щебечет соловей с березовых высот
И шлет соловушке любимой позывные.

г. Чебаркуль

Наталья Ушакова

Сказочные истории

Часть первая.
Хохол и Леший

Солнце встало за горой,
Разогнав ночной покой.
Спать деревне не к лицу —
Мать-заботушка к крыльцу
Поджидает мужиков,
Сенокос вполне готов.
У хохла изба богата,
Нет детей — сиротка хата,
Животина во дворе,
Пёс лохматый в конуре,
На столе горилка, сало,
Вот истории начало...
Апанас с утра в заботе,
Натошак глотнул он квас,
Думать начал о болоте:
Что же хочет Апанас?
Лето засухой явилось,
Сена мало получилось.
У болота есть лужок,
Можно накосить стожок,
Поутру — пока не жарко —
Взял косу да сидорок
(Собрала жена Одарка) —
И готовить сена впрок...
У болота тишь, прохлада —
Для косьбы того и надо.

Мошкара жужжит, кусает,
Лягушата запевают,
Ветерок уснул в траве,
Приступил Панас к косьбе.
В ритм идёт, траву кладёт,
А коса при нём поёт.
Вот к обеду весь лужок
Стрёб Панас в один стожок.
Тень нашёл для перекуса,
Потекла слюна для вкуса.
Сало он на хлеб кладёт,
Видит: кто к нему идёт?
Из болота весь, как жаба,
Нипочём ему ухабы.
Кочки для него опора,
Прибежал довольно скоро,
Ананас сидит — опешил:
Из болота вышел Леший,
Слизь болотная на нём —
Сторожит свой водоём.
Глаз прозрачный, голубой.
«Ты нарушил мой покой,
Как посмел косить мой луг?» —
Взять желает на испуг.
Апанас не испугался,
К Лешему чуток подался,
Позу принял: руки в бок!
«Погоди, Вода, чуток.

Кто сказал, что этот луг
Стал твоим сегодня вдруг?
Мой отец его косил,
Сено в дом к себе возил,
На моей не стой дороге,
Уноси в болото ноги!»
Леший, вздрогнув, сбросил тину,
Выпрямил ровнее спину,
Сжал кулак. И тут же в бой —
Не стерпел хохла разбой.
Бьют друг друга кулаком,
Лезут в драку напролом.
В это время Ангел в небе
Плыл на тучке, таял в неге
И смотрел с небес на землю.
Видит драку: «Не приемлю
Беспорядок на земле.
Не живётся в тишине».
Опустился к драчунам:
«Ну, чего неймётся вам?
Что вы здесь не поделили?
Бой кулачный учинили».
Леший в спор с хохлом опять:
Не желают уступать.
Ангел слушал. Кто же прав?
Был спокоен, как удав.
Но терпение не вечно,
Бьют друг друга бессердечно.
Взял косу, махнул рукой:
Головы им с плеч долой.
Спор окончен — мрак пленён,
Хохол с Лешим побеждён,
Воротился к Богу в рай
И рассказывать давай:
«Плыл на тучке я лениво,
Облака кидал игриво,
За порядком наблюдал,
О любви в пути мечтал.
Был нарушен мой покой
Дракой, криком и хулой
Хохол с Лешим луг делили,
Бой кулачный учинили.
Кто из них двоих был прав?
Бранных слов не разобрал,
Головы я им косой
С плеч свалил, прикрыв травой.
Как немного подостынут,
Вид они свой снова примут.
Раны им святой водой
Окроплю, и головой
Уж не станут рисковать,
Драку в поле учинять».
Отче ангела журил.
Так ответил, не шутил:
«Ты забыл, что я с тобой!
Был нарушен твой покой.
Ну-ну-ну. Не хнычь, не плачь,
Ты же ангел, не палач!»
Вот с небес на луг спустился,
Долго с ними не возился,
Головы на место ставил —
Прыти-дури поубавил,

Святость чудо сотворила,
Совесь в них заговорила:
Успокоились враги —
И закончились торги.
Ангел в небо улетел,
В дружбе жить он им велел.
Только ангел не заметил,
Головы никак не метил.
Голова, она ж, как мяч,
Откатилась будто вскачь
От хохла да к Лешему
Из воды пришедшему.
А от Лешего к хохлу
В наказание за хулу.
И на хуторе с тех пор
В хатах водят разговор,
Что сосед их Апанас
До обеда вроде нас:
На лугу полдня косил,
Голову свою носил,
Как за полдень время,
Бьёт лешак на темя.
Утром ходит, понимает,
Доброту в уме рожает,
После, словно бешеный, —
Голова от Лешего!
И взмолилась тут Одарка
От неожиданного подарка.
День и ночь поклоны бьёт,
К образам с мольбой идёт,
Помощи у Бога просит,
Руки к ангелу возносит.
Слышит ангел бабу с неба...
Плачет: помощи ей треба.
Сутки слушал, разобрался,
К Лешему на луг подался.
С утра в болоте Леший спит,
В полдень в дом. В окно глядит —
За Одаркой наблюдает
Да остаться с ней мечтает.
Апанас наоборот:
С утра дел невпроворот,
В полдень бегаёт к болоту,
Говорит, что на охоту.
Ангел думал, изловчился,
В три перста перекрестился,
Головы им поменял —
Неразумное унял.
Но всё так же общий луг
Выкошен хохлом вокруг.
Больше в спор не лезет Леший,
Он ходок сегодня пеший
Бегаёт в село украдкой,
Жизнью любоваться сладкой.
На душу легла Одарка,
Сердце запылало жарко.
Голову хохла носил,
Любовь в душу запустил.
И заметили тут люди
Подношения на блюде,
Драгоценности в шкатулке
И дороженьку в проулке.

А она к болоту тянет,
За собой кого-то манит.
В гости ходит, будто кум?
Пересуды чужих дум...
А вареники как любит —
Кто ж его теперь осудит?
В дому с уловом нет забот,
Карасём доволен кот.
Вечерами хоровод —
Вот такой водоворот.
Что ж Одарка? Вся цветёт,
Соловьём душа поёт!

Часть вторая. Хохол и кикимора

Не у всех душа поёт —
У других наоборот:
Есть и пострадавшие,
Изменушку познавшие.
Вот Кикимора гадает:
«Снова Леший убегает.
Охладел совсем он к ней,
И не кажет друг очей».
А намедни забежала,
От испуга задрожала! —
Чисто выбрит! Шаровары —
Не лесные вдруг товары!
На любовь не отвечает...
Снедь болотную всю хаёт —
Ни лягушек и ни змей
Предлагать ему не смей!
Про какую-то Одарку
Он спросонок поминал...
Да как ценную кухарку
Он Одарку представлял.
Приздумалась подруга —
Воет душенька, как вьюга!
Жили ладно триста лет!
И вот на тебе — ответ!
Три денька погоревала,
Волю ревности давала.
Ворона пошла просить
За любимым проследить.
Ворон знал давным-давно —
Зрил бесплатное кино!
Сядет дружка на забор —
Любопытство крутит взор.
Нет от ворона секрета —
Тайна друга как конфета.
Но на то она и тайна,
Чтобы слить её случайно.
Да и Леший охамел:
Гусем ходит на похмел!
В вышиванке, снял рогожу.
От друзей воротит рожу,
Сделал вид: меня не знает —
Ну совсем не замечает!
За Кикимору обидно,
Хоть «стучать» и несолидно,
Как откажешь? Ведь друзья!

Ворон, в воздухе скользя,
Вслед за Лешим полетел,
На забор Одарке сел.
Как сорока, не трепался —
Но Кикиморе он сдался!
«Что, бедняжка так страдает?»
Горьки слёзы проливает...
Друга сдал ей с потрохами,
Да болтливыми устами
Он Кикимору сразил,
Будто в спину нож вонзил!
Побледнела, затряслась,
Отомстить им поклялась.
«Вот в чём дело! Погоди!
С Лешим мы теперь враги!
Только вот с чего начать?
Апанаса подключить?»
Тут обманутая баба,
В воду глядь — там смотрит жаба!
К парикмахеру, в солярий,
В баньку с травами! Гербарий, и
Чудо-тело получило —
На сто лет омолодило!
Ревность душу разрывает
Да на подвиг посылает.
Шасть к Одаркиной избе.
Апанас готов к косьбе,
Снова едет он к болоту,
«Будь готов же к привороту,
Я Кикимора аль кто?
Покажу вам, кто да что!»
Вышла из глуши к обеду
На невинную беседу.
Как в французском ресторане,
Лягушат спекла в сметане
Да змеиное филе
Закоптила на коре.
Завязался диалог —
Апанас не очень строг,
Выложил свою еду,
Но не знал, что на беду
Зельем он запил горилку
Да филе наткнул на вилку.
Был опоен, и пленён,
И любовью окрылён.
Будто не было на свете
Лучшей бабы на примете.
Согрешил не по злобё —
По злодеяной судьбе —
И как будто всё решилось —
По задумке получилось.
Леший ей не нужен даром —
Помнить нечего о старом!
Тут Одарка всполошилась,
Волком в доме закружилась.
Апанас от рук отбился,
От забот вдруг отстранился
Сколько можно луг косить?
Надо мужа навестить.
К лугу быстро прибежала —
Всё глазами увидала.

Ревность — это ведь не шутка
 Не цветочек незабудка
 Но о том, как на духу,
 «У самой лицо в пуху...»
 Это враз всё позабылось.
 И в Кикимору вцепилась.
 Волосы друг другу рвут,
 Волю ревности дают,
 В это время Ангел в небе
 Плыл на тучке, таял в неге,
 Да смотрел с небес на землю —
 Видит драку: «Не приемлю
 Беспорядок на земле —
 Не живётся в тишине».
 Что вы здесь не поделили —
 Бой кулачный учинили?
 Проще было с мужиками —
 Бьют друг друга кулаками.
 А вот с женщиной как быть?
 В позе им велел застыть.
 Но в руках у каждой бабы
 Клок волос, нога от жабы...
 Так, застывшие, стоят,
 Злющих слов уж не твердят.
 Воротился к Богу в Рай
 И рассказывать давай:
 «Плыл на тучке я лениво,
 Облака кидал игриво,

За порядком наблюдал,
 О любви в пути мечтал,
 Был нарушен мой покой
 Дракой, криком и хулой.
 Ревность женщин раздирала —
 Мирной жизни не давала.
 Смиренье им велел принять —
 Ревность в душеньках унять.
 Как немного подостынут —
 Снова вид они свой примут,
 Злость и ревность растворится,
 Лад душевный воротится.
 Девять месяцев прошло —
 Ворон зрит опять кино,
 Что у черного хохла
 Уж не стало барахла —
 Рыжего сынка родили.
 Через месяц окрестили.
 Лёшей мама назвала.
 На крестины всех звала.
 У Кикиморы дочурка —
 Ох и чёрная фактурка!
 Настенькой её назвали.
 С Лешим доченьку ласкали.
 Вот такой водоворот —
 Уж не водят «хоровод»
 Деток надо воспитать,
 Вот и всё!
 Тут что сказать?

п. Агапова

Светлана Иванна

Он был поэтом, в доску свой

Я был на той войне

*Я столько раз выдала рукопашный,
 Раз — наяву и тысячу — во сне.
 Кто говорит, что на войне не страшно,
 Тот ничего не знает о войне.*

Ю. Друнина

Ты знаешь, сын, я был на той войне,
 На странной, необъявленной, кровавой,
 И шёл я на неё не ради славы
 Раз — наяву и сотню раз — во сне.
 Ты знаешь, сын, я был на той войне.

Ты помнишь, брат, ты был на той войне,
 Когда плечом к плечу мы брали «духов»,
 И пули злобно скалились над ухом,
 И ты мечтал потом домой, к жене?!
 Я помню, брат, ты был на той войне.

Вот только не утопишь боль в вине.
 Когда пришёл за другом ангел смерти,
 Я вспоминал, хоть верьте, хоть не верьте,
 Как руку он пожал на счастье мне.
 Вот только не утопишь боль в вине.

На той войне не каждый был герой,
 Но ты был просто гением, до дрожи.
 И мало что на свете есть дороже,
 Чем дружба, опалённая войной.
 На той войне ты был её герой ...

Встреча оленеводов

Мужчины:
 — Спешу вас поприветствовать, коллега!
 Сегодня пополняю свой лабаз.
 Зимой в тундре было много снега,
 А летом — много ягод. А у вас?

— Отёл у важенок прошёл успешно,
 В приплоде целых двадцать пять телят.
 Муксун в Оби уже не тот, конечно,
 Но утки каждый год домой летят.

Тем временем их жёны:
 — Привет! Давно не виделись, подружка,
 Не помню, сколько зим и сколько лет!
 — Какая симпатичная ягушка!
 Такой оригинальный амулет!

Тем временем их дети:
— Вчера я нартой управлял оленьей
И маме помогал поставить чум.
Закаты в тундре — просто загляденье,
Ничто другое не идёт на ум.

— А мы в сезон на речке на моторке
Ловили щёкура, налима, муксуна.
Вчера пасли оленей на пригорке,
Каслали аж до самого утра.

Эпилог:
Закончив шопинг-тур, оленеводы,
Культурно пообщавшись всей гурьбой,
Довольные собою и погодой,
Простились и направились домой.

О, кто прекрасней юного поэта?

О, кто прекрасней юного поэта?
В вопросе этом есть момент один:
Ведь юный он по творчеству, а это
Никак не по количеству седин.

Что может быть прекрасней рифмы свежей,
Когда все слог и словно в унисон.
Ведь, опасаясь враз прослыть невежей,
С усердием слагает строки он.

И он пока не жаждет аванжа¹,
От ритма амфибрахия серея.
Лишь только молодой поэт, без стажа,
Имеет право путать ямб с хореем.

В работе с Музой плотного дуэта
Не обойтись без творческого ража².
О, кто прекрасней юного поэта?
Наверно, только лишь поэт со стажем.

Иван-чай

*Если вам случалось видеть, как
растет иван-чай, вы легко про-
никнитесь ритмом этого сти-
хотворения.*

Подожди! Не грусти!
Не скучай-чай-чай!
Посмотри, как цветет
Иван-чай-чай-чай.

Я на звезды смотрю:
Только свет, свет, свет...
Одиноко стою,
Тебя нет, нет, нет...

Этот миф на корню
Развенчай-чай-чай.
Приходи! Подарю
Иван-чай-чай-чай.

Ты меня невзначай
Повстречай-чай-чай!
А вокруг никого.
Только чай, чай, чай...

Айседора Дункан

Она была его звездой, она блистала на подмостках.
Он был поэтом, в доску свой по кабакам и перекрёсткам.
Когда ей зал рукоплескал, он просто замирал от счастья,
Безумно одержим мечтой коснуться тонкого запястья.

Она была ему женой, неся смиренно эту муку.
Могла бы стать его вдовой, но гений предпочёл разлуку.
Она ушла и в мир иной легко, красиво в день осенний
Туда, где ждал уже давно её поэт Сергей Есенин.

Девушка из прошлого

Она как будто потерялась в своём немного странном мире,
А может, просто искупалась в одном волшебном эликсире:
Умна, прекрасные манеры, чуть старомодные одежды,
Глаза, распахнутые настезь от нерастраченной надежды.

¹ Авантаж — выгода, польза, преимущество.

² Войти в раж — находиться в состоянии предельной увлечённости.

Она вне моды, вне рутины, сложнее встретить элегантней.
 В её присутствии мужчины в разы становятся галантней.
 В ней нет чего-то наносного, кокетства, зла любого рода,
 Желания обидеть словом. Одно могу сказать: порода!

г. Салехард

Ирина Шукшина

Счастье лучше делить на двоих

Память сердца

Постаревшие родные лица,
 На груди иконостас медалей,
 Ленточка Георгия в петлице.
 Дорогие! Мы вас очень ждали!

Вспомним всех сегодня поименно.
 Всех, кто жив, и с кем не будет встречи.
 Мы вас любим, мы вас чтим и помним,
 В честь ушедших зажигаем свечи.

Вспомним мы сегодня тех героев,
 Что стояли насмерть в Сталинграде,
 Добывали уголь из забоев,
 Собирали танки в Танкограде.

Вспомним, как вы мессеров сбивали,
 Охраняли в море караваны,
 Амбразуры грудью закрывали,
 Быстро перевязывали раны.

Вспомним тех, кто сталь для фронта плавил,
 Кто работал сутками на ниве,
 Кто кисеты шил для вас ночами
 И молился, чтоб вы живы были.

Это вы в счастливом сорок пятом
 По Европе шли победным шагом.
 Уничтожив логово нацистов,
 Водрузили знамя над Рейхстагом.

Постаревшие родные лица,
 На груди иконостас медалей,
 Ленточка Георгия в петлице.
 Дорогие, мы вас очень ждали!

Из облака белой, душистой, кудрявой сирени...

*Посвящается великому русскому
 композитору С. В. Рахманинову*

Из облака белой, душистой,
 кудрявой сирени,
 Дурманом окутавшей дом
 и ближайший окрест,
 Из сини небесной, решительно
 вставшей с коленей,
 Слагался его, и весны,
 и любви манифест.

В Ивановке жизнь наполнялась
 могучею силой:
 И чувства, и мысли сливались
 в поэзию нот.
 Любовью и музыкой яркой,
 мятежной, красивой
 Одаривал мастера дом
 и родной небосвод.

Там музыка мощным потоком
 стремилась на волю,
 Заполнив собою и сад,
 и ближайший окрест.
 Тогда он не знал: многолетней,
 тягучей тоскою
 В душе отзовется на Запад
 его переезд.

Любимицей мэтра — душистой
 сиренью в России
 Украшен и тот дом, и тот сад,
 и закат, и восход.
 Маэстро Рахманинов — часть
 музыкальной Стихии!
 Отмеченный Богом, он в музыке
 ныне живет!

Приметы октября

Плачет нынче осень неспроста:
Покидает деревья листва.
Как эскадры желтых кораблей,
Тонут листья в лужах мокрых дней.
Ходят тучи хмурыми стадами,
Рассыпая грустный дождь над нами.
Лес, расстроившись, захлопнул дверь:
Полиняла чудо-акварель!
Увяданье — для тоски причина.
С оптимизмом рдеет лишь рябина.
Ночи все черней и льдинки в луже.
Вот уже рукой подать до стужи.
Стаи птиц на юг спешат не зря.
Это все приметы октября!

На закате

Вернулась к морю, словно друг давнишний,
И майскому закату улыбаюсь...
Художником по имени Всевышний
Горжусь и каждый вечер восхищаюсь.

Сюжет однообразен у Творца:
Садится солнце — невидаль какая.
Но нет его фантазии конца,
А моему восторгу нет и края.

* * *

На закате — ярких красок власть,
На закате мысли глубже, чище,
Пурпуром пылающая страсть
В воздухе витает, пару ищет.

Раскаленный рыжий солнца диск,
Медленно стремящийся к покою,
Золотом раскрасил моря лист,
Приглашая следом за собою.

Догорает в небе солнца луч,
Растворяясь в кисее тумана,
Лишь костер заката ярок, жгуч,
Все еще горит и далью манит.

Скоро все затихнет, все заснет,
Окунется в ночь, спуют цикады.
А на завтра солнце вновь взойдет,
Солнечному раю будем рады!

Приэльбрусье

Приэльбрусье — место притяженья:
Гор могучих белые вершины,
Речек горных быстрое течение,
Заросли брусники и малины.

Чай из трав божественного вкуса,
Табуны коней, овец отары,

Две вершины дедушки Эльбруса
Вечно молоды и очень стары.

Это туристическая Мекка,
И мечты о покоренье Ушбы,
Старые и мудрые приметы
И проверка настоящей дружбы.

Тоскана

Для жаждущих любви и для влюбленных,
Для гениев, природой вдохновленных,
Сплетенных вечностью в один веночек
Есть на планете дивный уголок.

В Тоскане жизнь без суеты течет:
Средневековых праздников черед
Сражает — время здесь остановилось.
А в местных людях — легкость, юмор,
жизвость.

Нас ждут старинных улиц лабиринты,
Легендами окутанные крипты
И башен высоченных хоровод,
Такой, что кругом голова идет.

Во всем, что видишь здесь, живет любовь.
Я убеждалась в этом вновь и вновь:
В сырах душистых, в пасте, в свежей пицце —
Тосканская любовь во всем хранится.

В оливковых деревьях, в винограде,
В старинных фресках, что нельзя погладить,
В величии священных куполов,
В картинах и скульптурах Мастеров.

В лазоревом высоком небосводе,
В вине прекрасном при любой погоде,
В гривастых соснах на краю холмов,
В роскошных розах у своих домов.

Был бонус отъезжавшим из Тосканы:
Садилось солнце, делая поклон,
И видимо, оно пролило кьянти,
Окрасив винным цветом небосклон.

На память нам Тоскана подарила
Закатную феерию светила.

Мой серый город в смоге, как в тумане.
Я дома, а душа моя в Тоскане....

Адриатики чудный мираж

Адриатики чудный мираж,
Город — баловень страстной Фортуны.
Сам Нептун, совершая вояж,
Выстлал бархатом воды лагуны.

Здесь у каждого дома причал.
Лодки словно на привязи кони.

Среди гондол моторки ворчат,
И герани цветут на балконе.

Лик у города — сказки двойной.
Приезжайте, увидите сами.
В царстве улиц с зеркальной водой
Каждый дом и дворец с близнецами.

А приливы — подобны беде:
Топит улицы, площади море.
Acqua alta¹ проникнет везде,
Никого не оставит в покое.

Здесь веками дворцы и мосты,
В красоте меж собой соревнуйся,
Могут в бездну морскую уйти,
Злой судьбе и воде повинуйся.

Счастье лучше делить на двоих.
Город — сцена, реальность и диво!
Я забылась в объятьях твоих
Средь гостиной для целого мира.

Жизнь о новом свиданье молю!
Грустно взоры бросаю с причала.
Расставаясь с тобой, говорю:
«Дорогая Венеция, Ciao!»²»

Строптивая лошадь

Красивая лошадь в хозяйстве жила.
Хорошей породы кобыла была.
Точеная шея, богатая грива,
И круп — то что надо! Ну очень красива!

Однако строптивицей лошадь слыла.
Бывало, закусит свои удила
И встанет — не сдвинешь, копытами бьет,
А то ни с того ни с сего — понесет.

То ластится.
Ангел, спустившийся с неба.
Заливисто ржет,
Просит корочку хлеба.

То вдруг переменится:
Может лягнуть!
Строптивая лошадь —
Нелегко с ней путь!

Хоть лошадь красива,
В ней сила и стать.
На рынке строптивицу
Сложно продать.

А время не терпит,
Уж скарб на пороге.
Другой нет кобылы
Для дальней дороги.

Пришлось, помолвившись,
Отправиться в путь,
Пытаясь себя
И судьбу обмануть.

Мораль в этой басне
Нетрудно найти:
Капризный попутчик —
Проблемы в пути.

А мысль основная проста и понятна:
Чтоб всем путешествовать было приятно,
Попутчика чтобы не мучить, не злить,
Капризы свои лучше дома забыть!

Подарок

Жил Кот. Среди своих друзей
Считался просто эрудитом и знатоком манер.
И шубка молю не побита,
И был во всем для всех пример.
Себя считал он просто Душкой,
Любил валяться на подушке.
Поест — и сразу на покой —
Лежать, покачивать ногой.
Но был покой его нарушен:
У друга юбилей,
Подарок другу нужен.
Стал он осматривать жилье свое,
А также перетряхивать старье.
И вот на самой дальней полке,
Вдруг обнаружил, палки-елки,
Совсем ненужную вещицу.
Зачем же в магазин тащиться?!
Сдул пыль, обнюхал, осмотрел,
Подумал и решил Котяра:
«Сойдет и так... И горя мало!
Такого скромного подарка
Для друга милого не жалко».
И в нужный день явился он,
И тот подарок был вручен!

Друзья!
Коль вам своей души и денег жалко
Для выбора достойного подарка,
Не унижайте друга ерундой,
Не нарушайте вы его покой.
Подарок должен радость приносить,
А если нет, не стоит и дарить!

Женщины и море

О, море! Твой известен нрав.
То ты своей водой ласкаешь,
Тихонько шепчешься со мной
И набежавшею волной
С песка следы мои смываешь.

¹ Acqua alta — явления так называемой «высокой воды», приливы, которые происходят в Венеции в среднем 90—100 раз в год.

² «Ciao!» означает: «Пока!», «До свидания!»

То расшумишься, будешь бить
Волной высокой по причалам,
И можешь даже погубить,
Накрыв своим девятым валом.

То штиль наступит, гладь воды
Представит миру отраженье
Ночного неба глубины,
Восхода алого рожденье.

О, женщины! Как мы порой резки!
Как мы нежны и ласковы бываем!
То к совершенству ангела близки,
А то коварством дьявола пугаем!

То мы бушуем, страстью переполнены,
То штиль в душе, покой и благодать.
Мужчины любят нас, как любят люди море,
К нам, как и к морю, хочется опять!

Улечу от тебя, улечу
Улечу от тебя, улечу.

Подберу себе крылья и стаю.
Может, даже «Прощай!» прокричу,
Чтобы знал: навсегда улетаю!

Убегу от тебя, убегу,
Как весенний ручей убегает.
Страшен холод остывшей души,
Остальное ничто не пугает.

Как осиновый лист, закружусь.
Чтоб к тебе никогда не вернуться,
Я, влекомая ветром, умчусь,
Не забыв на тебя оглянуться.

Я, планируя дерзкий побег,
Твои губы стараюсь запомнить...
Где взять силы тебя разлюбить?
Где их взять, чтобы это исполнить?

Я себя от тебя отлучу!
Но сегодня... быть рядом хочу!

Бессмертный полк

Эти лица из прошлого, словно лики с икон,
А наград за отвагу на груди — эшелон.

Многих помним живыми наших стойких солдат.
С фотографий сегодня, как святые, глядят.

В день великой Победы ваш нарушим покой:
В «Полк бессмертный» зачислим, снова встанете в строй!

И пройдете по улицам в центре мирных колонн,
И увидите правнуков среди цветов и знамен.

Помнить подвиги ваши — честь для нас и закон.
За Победу великую вам низжайший поклон!

г. Челябинск

Каринэ Гаспарян

Семь жизней¹ (роман)

Вторая глава

Город сводил меня с ума. Обнимал в подворотнях и колодцах дворов. Крутил, широко улыбаясь, по Дворцовой площади и Марсовому полю. Зажимал серой ватой все отверстия и не давал вдохнуть. Приводил в темные коммуналки и заставлял сутками кружить по комнатам и коридорам. Незримыми тисками прикручивал к решетке Летнего сада. Не помогли ни концерты в консерватории, ни беседы при свечах, ни густое и терпкое, как туман над Невой, красное вино.

В соседку по комнате Светку я бы точно влюбилась, если бы была мужчиной. Анжелика Джоли уральского разлива, какой же она была красавицей! Голубые с алмазными бликами глаза сияли неизменным чистым светом в обрамлении длинных ресниц. Голубоватое сияние лица манило в неведомые дали. Света как будто силилась чего-то понять, и парни сбивались с ног, чтоб объяснить ей все. Сердце ее покорил Дима, коренной ленинградец. Красавчик и маменькин сынок. У меня был роман с художником, как полагается, красивым и бородатым.

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 4-2018.

Мы обе поступили в институты, соседка в ЛИТМО, я в радиотехнический. Сил хватало на все. Утром мы убегали на работу, вечером, четыре раза в неделю, занятия в институте. А еще концерты, выставки, любовь. А в перерывах кофе и пирожок с мясом в одной из пирожковых, горячий и необыкновенно вкусный. Или нам так казалось, молодым и счастливым девочкам.

Наши поезда, разогнавшись, неслись по рельсам, опасно накреняясь на поворотах, без останова в поле среди ромашек, одуванчиков и высокого Иван-чая. Невидимые машинисты следили за дорогой зорко, а мы смотрели в окошко и ждали перемен.

Питерский туман серой ватой стелился под ногами, лез за шиворот, затыкал уши. Упущенные возможности, незнакомые люди, невыполнимые мечты падали в колодцы питерских дворов. И эхо уносило наши голоса, смешно их переделывая, гнусавя и хохоча.

На горизонте появился еще один художник. Однажды я пришла в музей-квартиру А. Блока. По всем законам города день был в музее выходным, хотя это был четверг. Я стучала в дверь, представляя себя начинающей поэтессой. Сердце выпрыгивало из груди. Слышно было, как кто-то идет к двери, и я надеялась, что мне откроет Блок. Но открыл мне мужчина с батоном и бутылкой кефира в руке. Он был не Блок, но безумно красив. Высокий, голубоглазый, весь в золотой пыли прошлого, но из самого что ни на есть настоящего. «Привет, заходи», — сказал он. Я потопталась в прихожей и вошла к Блоку. В квартире было много его вещей, мебели, одежды. И дух. Что-то неуловимое и настоящее завораживало, кружило голову, сводило с ума. И ощущение это не проходило, хотя потом я очень часто приходила сюда к Славе. Известный питерский художник, он работал сторожем у Блока. Два или три раза в неделю приходил он с неизменным батоном и кефиром охранять пальто и зонтик поэта.

Стала приходиться туда и я. Пальто поэта, висящее у двери на манекене, уже меня не пугало. Я гладила сукно, и кажется, запомнила его на ощупь. Пенсне, ручку и чернильницу я старалась не трогать. А за столом сидела часто. И как будто наполнялось все мое существо материей высоких сфер в эти часы.

Незаметно мне открылась и другая сторона Славинной жизни. Его картины выставлялись в Париже и Лондоне. Его огромная квартира в соседнем подъезде с Романовым, хозяином города, являлась по субботам и средам художественным салоном. Я стала завсегдатаем этих сборищ, нисколько не смущаясь простой белой блузкой из Пассажа и красной юбки-шотландки. Имена всех писателей и художников, упоминаемых гостями, были мне знакомы. С режиссерами дело обстояло хуже, но мы со Славой этот пробел наверстывали семимильными шагами. Слава звонил какой-нибудь француженке и говорил свою любимую фразу: «Почисти перышки и приходи».

Кем была я для него? Мне казалось тогда, что другом. А сейчас я думаю, забавной игрушкой, кубиком Рубика, который никак не желает складываться по цветам. Мне было с ним очень хорошо.

Однажды в особенно дождливый и холодный вечер я позвонила ему из телефона-автомата. Он весело и с ясным взглядом, я это видела на расстоянии, сказал и мне: «Почисти перышки, жду». Белая блузка и юбка-шотландка, радость и доверие к человеку — такие у меня были перышки в тот вечер. Слава снимал эти перышки по одному, медленно и уверенно. Он один поил меня терпким красным вином, набирая его в рот, грея и переливая в меня в долгом поцелуе. На моем теле осталось немного квадратиков, не исследованных им и не поцелованных. Но несколько перышек дрожало вместе с моим сердцем. И он, чуткий и нежный, задул свечи, укрыл меня пледом и убаюкал неважным разговором под утро.

Я проснулась, а он лежал и смотрел на меня, подложив руку под большую голову. И тут я засмушалась, засобиралась и кубарем скатилась вниз по парадной лестнице. Какая-то неловкость пролегла между нами, как неясная тень. Мы стали встречаться реже, реже и реже. И наступила зима. Резкая, колючая, навязчивая подруга, не выпускающая из цепких рук.

Света ночевала у Димы, мама Димы громко говорила на кухне, что не потерпит лимитчицу в своей квартире. Зима змеилась и заметала, заманивала и сбивала с ног. Я пришла в нашу комнатку, Света лежала на кровати и страдала.

В тот вечер мне захотелось освободиться от всего и сразу. Машинист съехал на боковую ветку, мой поезд притормозил ход. На столе стояло блюдечко с синей каймой. Но это уже была не метафора, уже было не до игрушек и игр. Света измерила температуру, намереваясь грустить несколько дней на больничном о нерешительности любимого. Градусник разбился легко, ртуть озорными капельками бегала по блюдцу. Я выпила ее всю, убрала блюдце и легла умирать. Света улыбнулась мне на прощание светло и легко. Я как бы летела с обрыва без парашюта и страховки. Меня затягивало, как в воронку, холодную и бездонную. Я осталась жить. Я была нужна мирозданию. А оно мне в тот раз нет.

Продолжение следует.

г. Муасс

Капитанский сын¹

повесть
(в сокращении)

Часть вторая. Опасное задание

3. У речки Тогузак

В сумерках, при скупом свете ущербного месяца, сводный отряд поручика Крылова бесшумно выскользнул не через южные ворота, как следовало бы, а через северные, на Уйский тракт, пройдя пару вёрст, круто свернул на юг и, не доезжая речки Чёрной, через обмелевший Уй переправился на киргизскую сторону.

Преднамеренная осторожность была весьма кстати, штаб был уверен, что за южными воротами крепости ведётся постоянное наблюдение, да и любопытные кайсацкие купцы, обитавшие в Меновом дворе, не могли не заметить конный отряд.

Наумов со своим штабом, разработавший маршрут следования команды, понимал, что пройти незамеченным по открытой степи невозможно, но важно было выиграть время, хотя бы один дневной переход и уйти как можно дальше от порубежной реки.

О задаче, поставленной перед отрядом, кроме Крылова знал только его заместитель, поручик Юматов да урядник с казаками-проводниками. Они вели отряд не караванным трактом, а окольным путём, по тропам, известным только им. Застоявшиеся кони после длительного отдыха в конюшнях ещё не втянулись в напряжённый ритм скачки и шли пока только на рысях, часто переходя на шаг. Рассвет застал их у заросшей густым тальником речки Тогузак, здесь и решили сделать первый привал.

Спешившиеся конники, ослабив седельные ремни, пучками травы обтирали влажные крупы лошадей, оглаживали их дрожащую кожу, пахнущую острым потом. Ополоснувшись влагой неширокой речушки, уселись перекусить. Для отдыха проводники специально выбрали широкую ложину, поросшую поверху густым чилижником, в ней и уместилось всё верхоконное воинство. Крылов, доверяясь опытному вахмистру, и сам постоянно следил за передвижением отряда, стараясь не допускать демаскировки.

— Хорошо бы двигаться по ночам, — думал поручик, — оно бы и для коней прохладнее и от лазутчиков скрытно, да проводники боятся потерять направление. А необходимо выйти точно к озеру и успеть туда ещё до прихода каравана, лишние блуждания сулят большие неприятности. Можно и на засаду нарваться, и к месту встречи опоздать, да и заблудиться в бескрайней степи проще простого.

Андрей с интересом наблюдал, как казаки умудряются определять путь по едва заметным тропам, каким-то кочкам, еле приметным сопочкам, растительности и даже по цвету почвы.

Приморившиеся служивые, не теряя времени, вповалку растянулись на жёсткой пружинящей траве, дремали, прикрыв глаза треуголками. Устоявшуюся тишину изредка нарушало позвякивание удил, хрумканье коней, пережёвывающих овёс, изредка где-то за бугром мелодично посвистывали суслики, да усыпляюще тенькала какая-то птица своё бесконечное «фить-пирю».

У самой речки кружком сидели, ноги калачиком, с десятков казаков. Коренастый урядник с семью усами, Пётр Фролович Никишин крепкими зубами надкусывая травинку, размышлял:

— С восхода ветерком потянуло, если так и дальше будет — ни одна собака нас не учует, вон и солнышко в облака запеленалось, можа, и пробрызнет чуток.

— Как думаешь, Фролыч, — вмешался молодой казак с кудрявым чубом, — к солёным озёрам седни доберёмся?

— Как идти будем, можа, и доберёмся.

— Бают, озёр этих там уйма, эх и покупаемся, — заулыбался чубатый, — в солёной воде не утонешь, сама наверх выталкивает, в ней будто все грехи и болячки отмываются.

— Свербит, поди, — заулыбался Никишин, — али нагрешил много, тогда тебе солёная вода не поможет, токо к батюшке, на покаяние.

— Да какой там грех, я уж, почитай, с месяц до женщины не дотрагивался, всё на службе. Да и зачем мне чужая — своя жёнка в станице колготится с двумя сорванцами.

— Да рази у нас, сермяжной братии, грехи? — затараторил рыжеволосый казак. — Ну, чарку лишнюю опрокинул или к вдовушке забежал, а вот у их благородиев грешки наших почище.

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 4-2016.

— Ты, Пичкиряев, язык-то не распускай, — вмешался урядник, — а то обрежут нена-роком.

— Мне, чё ли, бояться? — отпарировал рыжеволосый. — Я мордвин, меня ишо помещик в конюшне трёххвосткой драл за дерзость мою да в некруты сдал, а теперь я казак, вольный человек.

— Ну, вольный или подневольный — это ещё вилами по воде, — одёрнул его Фролыч.

— О, гли, ребята, — опять затараторил Пичкиряев, — видите, около драгун, на отшибе капрал сидит, всё в нашу сторону позыркивает. Разжалованный полячок, паскудная тварь, а тоже из благородных.

— Ты что, с ним водку пил? — съязвил Мишарин, приземистый черноволосый казак, разрезая шматок сала на кусочки.

— Не надо, приказной, всё на водку мерять, — отмахнулся Пичкиряев, — а кое-что увидеть довелось, такое нечасто узришь.

— Давай поближе к делу, остановил его Мишарин, — а то всё про козу белу.

— Стоял я тогда в карауле, — продолжил Пичкиряев, — на южной башне, а только рас-свело. Посадские стадо на выпас погнали, слышно, как ботолы брякают. Гляжу, какой-то человек к речке спешит, за ним — другой, оба при оружии и за яром укрылись. Любопытно мне стало, забрался на чердачную маковку, смотрю из оконца. А они сюртуки поскидали и в одних тельниках на клинках рубятся. Поначалу-то я подумал, мол, балуются ребята, а потом вижу, разгорячились, в раж вошли, машутся, того и гляди, друг друга порешат. Сначала-то белобрый всё теснил — у него сабелька лёгенькая, да и увёртливый, как змея, а потом и черноволосый вошёл в силу. Шашка у него казачья, потяжелее сабли, так размахался — бело-брысый еле увёртывается. Вижу, дерутся по-настоящему, звон даже мне слышно. Что делать: тревогу поднять — ещё всех насмешишь, да мне же и влетит. А пост оставлять нельзя. Долго они так пырялись. Слышу «дзынь» клинок у белобрысого в сторону — один эфес в руке. Ну, думаю, щас он его прикончит, ан нет, клинок к груди приставил, что-то сказал. А уже рассвело, гляжу, возвращаются. Впереди полячок этот чешет, расхристанный, а за ним ба-а-а, поручик Крылов, он тогда ещё прапором был.

Я как сменился, в штаб побёг, доложил, как положено, ну а там меня к стенке прижали, мол, никому ни слова, разберёмся. Ну, теперь два года прошло, вроде и не секрет.

— Да, история, — протянул Мишарин, — а из-за чего они поцапались, дело-то се-рвёзное?

— Вроде из-за девки. Крылов тогда у степняка добычу отбил, ну и решил жениться, а поляк на неё позарился, вот и получил.

— Ишь, как у господ офицеров, — хмыкнул Мишарин, — всё по-благородному: то стре-ляют, то рубятся. У нас, казаков, проще, пару раз по сопатке съездил, и все дела.

— Поручик Крылов — офицер дельный, — подал голос урядник, — зря служивого не обидит, его и драгуны почитают.

— А зачем же он взял с собою этого полячишку, — заинтересовался Мишарин, — ему же дозволили самому набирать команду?

— Попробовал бы он не взять, — протянул урядник, — ежели его сам комендант втю-рил. Догляд ему за поручиком нужен. После встречи с дружкой казаком, он теперь в опале. Брешут, будто и донос на Крылова этот шляхтич состряпал, выслуживается. Среди нашего брата такого пакостника не сыщешь.

— Присматривать бы надо за прохвостом, — озаботился Пичкиряев.

— Присмотрим, не переживай, — тихо сказал урядник, — поручика в обиду не дадим.

Вскоре послышалась команда «По коням!», и отряд, переправившись через неглубокую речку, двинулся дальше. Отдохнувшие кони наконец-то втянулись в гоньбу, и к заходу солнца усиленная полусотня, как и планировалось, достигла первого озерца.

Выставив усиленную охрану, Крылов разрешил искупаться всему отряду. С трудом нашли нетопкое место, ополоснулись, вода, на удивление, оказалась не такой уж солёной, где-то не-подалеку, видно, били родники. В низинке развели костерок, сварили похлёбку и, расседлав коней, улеглись отдыхать.

* * *

Обходя с вахмистром бивуак, Крылов с сожалением заметил:

— Ох, и наследили мы здесь, теперь уж ничего не скроешь и обнаружить нас легко.

— Ежели за нами хвост, господин поручик, то нас давно уже засекли. Следы полутораста коней в степи не скроешь. Главное, не дать этому хвосту, если он есть, обойти нас и шайку упредить. Всё ж думаю, на один переход мы оторвались, но наверняка они нас догоняют, и если не будут жалеть своих коней, скоро мы их увидим, ваше благородие.

— Господин вахмистр, давай не будем величаться. Ты не против?

— Никак нет, ваше благо... Андрей Прохорыч!

— Ну вот и ладно. Так что у нас впереди, Иван Ипатыч?

Польщённый тем, что его величают по имени-отчеству, вахмистр подобрел лицом, изложил свой план завтрашнего перехода:

— За день надо успеть проскочить всю эту гряду солёных озёр и подойти к Тоболу. До селе мы шли по прямой, а теперь придётся петлять, обходить топкие места, неудобья, вот тут-то они нас и могут обойти да ещё какую-нибудь пакость выкинут. Но далее пойдут солонцы, места открытые, ухорониться трудно.

Продолжение следует.

г. Троицк

Наталья Паршукова

Уголовное дело¹

Реальные события двухтысячных годов

(повесть)

Судьи и суды

Время час, день, месяц — мгновение, и вот 18 месяцев уже как нет. Пётр по сей день не работает. Только три месяца из 18 работал. 22 октября подали заявление на снятие обеспечительных мер. Конкретно — снятие ареста на имущество. 23 ноября состоялось судебное заседание. Гуменёва Е. А. совсем что-то, как-то, где-то — вообще какое-то неосознание происходящего. Судья опоздала в очередной раз. Не извинилась. Огласила суть заявления с какими-то сомнениями, не понимая, что это заявление реальное. Задала вопрос: какие у нас доводы на снятие ограничительных мер? Я объяснила, что Пашин не может устроиться на работу из-за ареста имущества. Я по доверенности представляю интересы Петра. Понеслось. Судья давай кричать на меня. Несколько раз произнесла фразу, что в суде ведётся аудио- и видеозапись. Что ведётся съёмка — так на входе у приставов-охранников есть монитор. Это понятно. Всех проверяют. А вот на аудиозвуковую запись нужны согласования и разрешения по федеральному закону, в зале суда не разрешается вести съёмки и записи звуковые. После непродолжительной паузы я снова начала свое объяснение. Так вот нет, Гуменёва Е. А., судья, уже не кричала, а орала. И её секретарь тоже закричала на меня. Психоэмоциональное состояние судьи у меня вызвало тревогу и сомнения в её адекватности.

— Ходите, защищаете болвана уродливого. Он вам сын, вы ему мать!

— И что? Ваше какое дело? Вы судья! На личности зачем переходите?

Если так судье моё противостояние не понравилось, значит, такой судья, получается, никчемный. Ни ходатайства, ни документов не приняла. Об этой судье много плохих отзывов. Её с уголовных дел перевели на гражданские. В департаменте областного суда заявлений куча о неэтичном поведении Гуменёвой Е. А. действия судьи смахивают на такое деяние, как коррупция. В новостях недавно случайно услышала по телевидению, что наша область стоит на третьем месте по коррупции, а город — на первом. В списке высокопоставленные чиновники из властных структур — полиции, прокуратуры, судей. Доверия нет никакого. Дожили. На арестованное имущество, проданное впоследствии, содержатся тюрьмы. Как сидельцы, так и те, кто обслуживает тюрьмы, так и приставы судебные, так и судьи. Содержатся на эти деньги. Такая схема отнятия машин, квартир и техники начала с 1980-х годов после олимпиады, после Афганистана.

Пётр в отчаянии. Осознание пришло к нему, что любой человек может попасть под жернова власти. Не каждый выживет. Чем заняться, чтобы из этого вылезти, выжить? Пётр не понимает. Надежда Евгеньевна, мама Петра, будет бороться до победы! За торжество правды! Человек богат не средствами — вещами, деньгами, а богат правдой! Развитость личности там, где интеллект — главное, подпитывая интеллект научными разработками в юриспруденции. Изучая социологию. Встречаясь с людьми и слушая их мнение. Записывая интересные высказывания. И защищать то, что осталось: сын, машина, квартира — все, что мама Петра нажила за шестидесятилетнюю жизнь.

¹ Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2018.

Получили ответ из департамента судейской коллегии. За подписью Зим С. А., председателя коллегии. Удивление у нас этот ответ не вызвал. Судья Гуменёва Е. А. все правильно делает. Её поведение предельно корректно по отношению к Пашину. Эта судья, похоже, ставленница Зим С. А. — слишком уж он её защищает.

Судейская система прогнила совсем. Власть офонарела, охамела, превратилась в разнузданную массу вседозволенности. Ну ладно. Подумаем, как дальше поступить. Сколько людей они погубили, сколько еще погубят. Осудить невинного теперь — это норма, и разбираться никто не будет. Мерзость. Подмена понятий и ценностей. Судьи для закона, и они обязаны закон соблюдать, понимать и разбираться. А закон для нас, простых людей. Всё сводится к подтасовке, фальсификации закона. Так удобно, так трактуют под свое судейское личное мнение. Возникает вопрос: сколько стоит судья Гуменёва Е. А.? На внешний вид — мырмамырой, тупая. Ведет себя, как будто ей никогда ничего не будет. Беззаконность, вседозволенность — её статус. Только не с Надеждой Евгеньевной! Когда-нибудь судить таких судей, как Гуменёву Е. А., будут. Оно так и будет!

Надежда Евгеньевна сидит на стуле бледная, осунувшаяся после очередного приступа эпилепсии, с зашитой ногой. В приступе повредила сильно ступню. Уже не плачет. Только сказала:

— Никак не предполагала, что придётся сына в суде защищать!

Вспомнила, как при правлении Хрущева такие дела, как «цеховики», как «дело врачей». Как власть расправилась с людьми. И в наше время в этой ситуации и она, и Пётр в опале перед судейской властью. Из одной системы в другую втянули не только людей, но и всю страну, развалив союз, навязав России новую идеологию: «Деньги вершат всё».

А Гуменёвой Е. А. светит уголовная статья ч. 4 ст. 7 УПК РФ, т. к. дело о ДТП признано уголовным по Федеральному закону 440 от 30.12.2015 года.

Продолжение следует.

г. Челябинск

Наталья Дубровина

Ирония судьбы без Нового года

Жили два товарища в двадцатидвухквартирном доме на втором этаже, в разных подъездах. Трудились на одном предприятии, в одной смене. Соответственно, и выходные дни у них совпадали. Это позволяло организовывать совместный досуг без излишнего контроля со стороны жен, отдыхавших по субботам и воскресениям.

Продолжалось так несколько лет подряд. Герои успели попривыкнуть к такой вольности.

Кроме того, существовал в коллективе негласный нанедельный праздник — банно-стаканная ПЯТНИЦА. Вечером, после окончания смены и принятия душа, мужики долго кучковались около здания участка, наслаждаясь кто пивком, кто водочкой. Ассортимент горячительного МОЗГОЛОМА был разнообразен: от «бормотухи» до спирта и самогона с перцем и табаком.

Даты полочки и аванса тоже к «сухим» не относились.

Пили НАЛОБ — все до капли, досуха. И наклюкивались, накушивались друзья порой под самую завязку.

Правда, что греха таить, ночевать всегда приходили на свое законное ложе. Когда могли — сами, когда нет — с провожатыми «под белы ручки» или доставлялись различным транспортом: машинами, мотоциклами и даже велосипедом — сердобольными коллегами. Благо, дом-то в нескольких шагах от банкетного места.

Начальство всех выпивох не наказывало, так... одного для острастки.

Воспитательные меры в полном объеме получали в семье, утром: просьбы, увещевания, разговоры по душам, слезы или демонстративное молчание.

Результат не заставлял долго ждать: слово не мальчика, но мужа. Весомое «прости», «все завязал», наглое подлизывание с непрерывным лобзанием и обниманием.

Эффект носил временный характер — ровно до четверга. А потом, как по сценарию — то война, то перемирие.

«Боевым подругам» приходилось несладко. Терпели... У самих-то оклады мизерные, а детей кормить, одевать, учить надо. Высокооплачиваемой работы в селе нет, тем более для женщин.

И с общего-то дохода не шиковали. Ладно еще родители помогали да подсобное хозяйство выручало. Построили стайки на пустыре. Завели скотинку: коров, свиней, кур. Разбили участки под овощи и зелень. Голодом семьи не сидели. У этих собутыльников руки росли откуда надо.

Кровные копейки они не пропивали. На то существовал «калым»: кому огород вспахать, кому поросенка приколоть или подкастрировать.

Так-сяк оно и набегало, то рублем, то жидкой валютой.

У Афони на момент данного события старшая дочь на возрасте, уже училась в вузе. Приезжала только на каникулы. А малая при них.

На дворе весна. Днем снег потихоньку таял. Ночью воздух становился стылым. Землю подмораживало. Над озером зависал непроницаемый туман.

Часа в три за полночь в дверь Афониной квартиры настойчиво позвонили. Дочь спала в дальней комнате, а супруги в зале. Он на диване, она на кресле-кровати, так как хозяин явился на «рогах»: сопел, храпел и охал... Вместе некомфортно...

Естественно, идти к двери пришлось Насте. В «глазок» узнала загадочного друга своего благоверного — Петруху, явившегося незнамо откуда. Открыла замок и ахнула. Сосед стоял перед ней в легком пиджачке на голое тело, в трико и в носках без обуви. Его слегка знобило, глаза смотрели в одну точку, но ничего и никого не видели.

Расположение квартир на лестничной площадке у семейств было идентичным. Гость был уверен, что пришел в свою «хату». Он слегка потеснил оторопевшую Настю и беспардонно, напропалую направился в спальню к ребенку. Широко расставив руки, словно крылья, женщина орлицей кинулась наперерез нахалу, не пуская его туда. И Петруха, развернувшись, на автопилоте проследовал в зал и оккупировал место хозяйки. И тут же отключился.

Афоня уже бодрствовал. Вник в ситуацию. Выслушал ругательства жены в их адрес. Покряхтел для порядка, отвернулся зубами к стенке и затих, просто лежал.

Настасье оставалось одно: топтать на кухню. Она присела за обеденный стол и предалась воспоминаниям. Всплывали, словно кадры документальной хроники, эпизоды их бытия. Оба молодые, стройные, красивые, мечтали о счастье. Родилась дочка. Проводила Афоню в армию, ждала два года. Вернулся. Устроился в Рудоуправление. Выучился на крановщика. В технике разбирался, за это уважали в коллективе. Избрали в местный комитет. На районной Доске почета красовалась его фотография, как передовика производства. Все шло ладно да гладко. Появилась на свет еще одна малышка. И почти одновременно с ее рождением замаячил на горизонте их личной жизни Петруха, любитель изрядно поддать. Очень быстро Афоня попал под его влияние.

На плечи хрупкой Насти взвалились дополнительные хлопоты по хозяйству и воспитанию детей.

Она старалась отвлечь мужа от пагубной привычки. Заставила его учиться заочно в техникуме. Возила в областной центр на концерты и спектакли во Дворец спорта и театры, покупала интересные книги. Тяга к спиртному не проходила.

Обращалась за советом к священнику. Ставила свечи в храме, заказывала молебен. Батюшка наставлял на ум.

— Терпи! Брак венчанный. Без тебя супруг пропадет. А рядом с тобой, глядишь, и спасется. Это твой крест.

Настю будто подменили. Стала строже и сдержанней. Улыбалась и смеялась только с любимыми дочурками. Корила и винила во всем только себя. Это она выбрала детям такого непутевого отца. Поэтому ради них, своих крошек, стерпит все. Поставит твердо их на ноги, даст высшее образование. Чтобы не вкалывали, как мать, и ни от кого материально на зависели.

Анастасия не только безропотно несла тяжкий крест, она его еще поставила на своем бабьем счастье.

У нее была цель, сверхзадача: обеспеченное, сытое, радостное детство дочушек, создание хороших условий для успешной учебы в общеобразовательной и музыкальной школах, для занятия в различных кружках и секциях. Они росли умницами. Отлично учились. Принимали активное участие во всех районных и школьных мероприятиях — в олимпиадах, вечерах, конкурсах, концертах и соревнованиях. Научились шить, вязать, играть на гитаре. Ими гордились учителя и, конечно, в первую очередь она — мать. Настена не жалела денег на турпоездки, хотела, чтобы посмотрели города своей страны. Районный отдел образования поощрил их путевками в молодежные лагеря «Артек» и «Орленок».

Анализируя судьбы близких и знакомых людей, она пришла к выводу: от пьянства страдают почти все семьи на их улице, в доме. Выпивали ее отец и свекор. Спивались целые деревни и поселки, особенно маленькие. Приходилось смиряться и ей.

Двух вещей бы никогда не смогла простить она Афанасию: измены и рукоприкладства. Но до этого их отношения не дошли.

Афоня тоже думку крутил. Ругал и проклинал себя. Он, именно он загнал свою ненаглядную птаху в силки, из которых она выбраться не может. И просто выбилась из сил. Сколько раз давал зарок себе — знать меру. Три стопаря. Первый и второй, чтобы крепко стоять на левой и правой ногах, а третий — на посошок. Но после второй стопки появлялось огромное желание добавить, а после третьей терялся совсем самоконтроль. И так покуда не закуняется и в дрему не потянет.

Если бы Настя захотела, могла бы бросить его, подлеца. С ее точеной фигуркой-то, с шикарнейшей косой и зелеными глазами, увя, нетрудно. В ее сторону всегда поглядывали мужчины.

Он заметил, что изменилась его Настенька, стала равнодушной к его персоне, глаза потеряли блеск, как бы замерла, затаилась. Почуял нутром: не к добру такое затишье. Быть буре... даже урагану... Лопнуло ее терпение. Сметет все и вся на своем пути. Характер у нее не женский... В горячке наломает таких дров — мама не горюй! Сама жалеть будет... А может, и нет. И останется Афоня один... в чистом поле воин — свободный, побитый и забытый. И станет для него такая вольная волюшка хуже петли на шее. Сгинет, как рыба без воды, без своих трех красавиц. И даже кусок в горло ему не полезет.

Пока супруги «ломали» головы, «дорогой» гостенек почивал, что младенец. Он тоже выполнил свою программу максимум: дополз до очага, пусть до чужого, но добрался.

Анастасия знала, что Петруха вот-вот очнется. Они и по старому адресу были соседями. От его жены Татьяны было известно, что после обильного застолья, Петро будет всю ночь «булгачить», стучать на кухне посудой. И до утра может съесть целую кастрюлю борща. Так оно и вышло. Через час показался Петруха в проеме кухонной двери, затем направился к газовой плите. Не обнаружил знакомой емкости. Вскинул глаза на женщину и спросил:

— Ты Зорьку смотрела? — У них должна была отелиться корова.

Тут настал черед говорить Насте. Ораторы Древней Греции уступили бы явно ей первенство! Досталось обоим забулдыгам. Афоня к разбору не вышел. Предпочел любоваться настенным ковром.

Петр протрезвел моментально и окончательно. Куда только хмель подевался.

— Настя, а почему я у вас?.. А как?.. Да я... Ну, прости... извини...

И пулей вылетел в подъезд. Пришла очередь шевелить мозгами и ему. Как мог он так исплошать, опростоволоситься? Что подумает Афоня, зная его слабость к женскому полу, особенно «под мухой». С ним не поспоришь, битюг-то еще тот. На голову выше, косая сажень в плечах. НАКОСТЫЖИТ так, мало не покажется. Он быку шею свернет.

Месяц Петруха прятался, завидев Настю. Потом все встало на свои места.

Афоня теперь совсем спиртного в рот не берет. Завязал навсегда.

А Петруха пал смертью... но не храбрых, а побежденных зеленым змием... в сорок лет.

Такова ирония двух судеб...

п. Увельский

Нина Кысса

Легенда про Каменушку

В давние-давние времена в глухой лесной деревушке жила семья охотника.

Деревушка была небольшая, но очень красивая, дома бревенчатые, добротные, возле них росли березки кудрявые и рябина-красавица осенью радовала глаз огненными гроздьями, и птицы подолгу засиживались на ветках, лакомясь сочными ягодами.

Рядом с деревней протекала речка, на берегу которой весной расцветала черемуха, разливая по всей округе такой аромат, что люди проходящие мимо невольно поворачивали на тропинку, ведущую к речке, чтобы насладиться сказочным черемуховым ароматом.

Дом охотника находился вблизи речки, что было очень удобно: вода была близко и для полива огорода, и для полоскания белья. Охотник был молод в годах, и жена ему под стать — молодая и красивая. Поженились они год назад, и теперь с нетерпением ждали рождения первенца. Охотника звали Тимофеем, а жену Анастасией. Жили они очень дружно, муж души не чаял в своей жене Настюше, как ласково он её называл...

Спустя некоторое время у них родился долгожданный малыш — мальчик. Родился крепеньким карапузом, светлоглазый, белокурый, очень похожий на свою маму.

Настенька целыми днями хлопотала по дому да с сыночком возилась, а Тимофей пропадавал в лесу. Он никогда не приходил домой без добычи, то зайца, то глухаря принесёт. Иногда и на крупного зверя выходил, то кабан, то лось попадались.

Так и текла жизнь в дружной семейке. Дни за днями, недели за неделями бежали друг за другом. В семейных хлопотах время быстро пролетело. Незаметно и сын подрос и стал первым помощником отца. А счастливая мать не могла нарадоваться, видя, как они вместе с отцом всё делали, и у сына всё в руках спорится.

Мальчика нарекли Ильёй. Он и вправду походил на сказочного богатыря: широк в плечах, высок ростом, и из себя такой видный. Девушки в деревеньке были влюблены в него и старались при каждом удобном случае обратить на себя внимание такого завидного жениха.

* * *

Илья так быстро освоил ремесло охотника, что стал один уходить в лес, ставить капканы на зверей и силки на птиц. Стал Илья самым завидным женихом в округе и многие девушки мечтали выйти за него замуж.

Особенно страдала по Илье дочь соседней — Лукерья, которая давно в него была влюблена, но он на нее не обращал никакого внимания. И сколько слёз она пролила ночами, о том ведала только её подушка-подружка. А красавцу Илье давно приглянулась другая девушка из дальней заимки, куда он случайно забрёл, возвращаясь домой с охоты.

Оказалось, здесь проживала семья, в которой подрастала дочка-красавица, по возрасту она была годика на два моложе Ильи. Хозяйева радушно встретили охотника, накормили обедом и предложили переночевать, так как уже наступил вечер и тропки терялись в темноте леса.

Илья с благодарностью согласился и, попросив отца семейства разбудить его, как только рассветёт, уснул крепким сном под тёплым домотканым одеялом.

Рано утром его разбудили, напоили горячим чаем, и он заторопился в обратный путь, так как дорога предстояла нелёгкая.

И пока на лыжах с тяжелым грузом за плечами он шел домой, у него перед глазами стояла девушка по имени Марьяна, которая жила на заимке. Он мысленно любовался её проворными движениями, которыми она ловко накрывала на стол, и как она играючи, орудовала ухватом, вытаскивая из печи горшок со щами, и как раздувала угольки в самоваре, который потом красовался на столе начищенными боками, и как все дружно пили ароматный чай за душевной беседой. И понял Илья, что не сможет он позабыть Марьяну, и решил, что время от времени будет навещать на заимку и постарается подружиться с ней и с её родителями, которые понравились ему добротой и сердечностью. И видно было, что и дочку они воспитывают в доброте и любви.

Так в приятных мыслях и воспоминаниях Илья дошёл до дома, где родители в тревожном ожидании прождали его всю ночь и были рады, что сын вернулся живым и невредимым, да ещё и с богатой добычей.

Прошло несколько дней после возвращения Ильи, и он никак не решался поговорить с родителями о том, как он познакомился на дальней заимке с добрыми людьми, какая у них прекрасная дочка, которая ему очень приглянулась.

И в один из вечеров он решил поговорить с родителями о Марьяне, поделиться планами на будущее. Дома было тепло, уютно в печке дрова смолистые потрескивали, и лампа с потолка рассеивала свой неяркий свет. Кот мирно мурлыкал на сундуке, накрытом пестрым половиком, и вся обстановка располагала к душевному разговору. И Илья решил не откладывать на потом разговор о своем знакомстве с удивительной девушкой на дальней заимке.

Он начал рассказ издалека. Родители внимательно слушали его и были очень растроганы тем, что незнакомые люди пристроили, обогрели и оставили их заблудившегося сына ночевать у себя. Несколько смущаясь, он рассказал отцу с матерью, что у приютивших его людей есть дочка-красавица, что она такая ловкая, проворная, ладненькая, и Илья понял, что лучше девушки ему не сыскать, послана она ему судьбой. Ведь он сам такой же, не чурается никакой работы и готов, не откладывая, начать рубить избу рядом с родительским домом, чтобы всегда быть рядом и в любую минуту помочь, если понадобится.

Родители выслушали сына, отец прикурил свою трубку с самосадом и повел такую речь: «Все правильно ты решил, сынок, ты уже всему научился и сможешь сам семью содержать, а мы с матерью пока тебе помогать будем».

Илья встал, обнял отца и мать, поблагодарил за то, что не противятся его желанию завести свою семью и начать самостоятельную жизнь. Только не заметил он, что мать была чем-то опечалена и её терзали совсем другие думы. Она, оказывается, своим соседям давно обещала, что они сосватают их дочь Лукерью за сына своего Илью. Лукерья давно была влюблена в Илью и всегда старалась попасть ему на глаза, а он никого не замечал вокруг.

И теперь все его мысли были о Марьяне, а дочку соседей он считал ещё маленькой; а, оказывается, она уже невеста на выданье, а он, вечно занятый охотой и другими делами, этого и не заметил.

Мать Ильи давно к ней присматривалась, уж очень она была по нраву, и собой хороша, и рукодельница, да певунья какая, как запоёт тихим вечером у себя во дворе, там все соловьи замолкают.

Но Илья был неумолим, он заявил, что, кроме Марьяны, ему никто не нужен, он прикипел к ней сердцем, куда бы ни пошёл, чтобы ни делал, она перед глазами стоит — единственная, неповторимая, к кому душа тянется. Даже в лесу, когда он на охоте, в пении птиц и в журчании ручья её звонкий смех чудится.

Мать хоть и огорчилась, но примирилась с мыслью, что его уже не отговорить, хоть он послушный и любящий родительский сын. Но в таком серьёзном деле, как женитьба, он поступит по велению сердца и препятствовать ему она не будет. Счастье сына для нее — главное, если судьбой так предначертано, так тому и быть.

Так и решили на семейном совете, что пройдет холодная зима, а к осени и свадьбу сыграют.

Весна не заставила себя долго ждать, снег растаял, ручьи побежали, наступили теплые денечки, все вокруг зазеленело и расцвело. Илья решил за лето дом построить и взялся за работу. Ему на помощь друзья подоспели, и вскоре дом новый засиял чистыми окнами, ожидая молодую хозяйку.

Осенью и свадьбу с Марьяной сыграли, погуляли вволю, звуки гармошки по всему лесу раздавались, им подпевали соловьи и другие птицы лесные вторили. И потекла семейная жизнь в ладу и согласии. Тут и коровка вскоре теленочка принесла, хлопот прибавилось — Илья в лесу пропадал, приходил всегда с добычей! Да с хозяйством управлялся.

Илья жене помогал, и она ему отвечала теплом и заботой. К его возвращению с охоты на столе всегда был вкусный суп из глухаря или из другой дичи, и в избе аромат стоял от пирогов.

Через годик и прибавление в семье, сыночек родился, которому все были несказанно рады, дедушка с бабушкой от него не отходили, им было в радость возиться с внучком, благо, они жили рядышком.

Соседская девочка Лукерья так и не вышла замуж, хотя к ней и сватались. Она всё страдала по Илье да недобро поглядывала на Марьяну. Никто и не подозревал, какое черное дело она задумала. Её бабушка при жизни слыла знахаркой и лечила больных травами, но никто в деревне не знал, что она владела еще и колдовством, она это скрывала и не применяла в дурных целях. Но, видя, как внучка страдает от безответной любви, она решила в конце жизни передать свою тетрадь с заговорами и заклинаниями и научить её всему, чем она владела.

Когда бабушки не стало, внучка долго не решалась открывать сундук и не предпринимала никаких действий для того, чтобы извести ненавистную Марьяну с белого света. И наконец-то после долгих раздумий она решилась на этот странный шаг, тем более что случай такой представился, когда Илья ушел на охоту, а бабушка с дедушкой забрали любимого внучка в гости.

Марьяна возилась в огороде, поливала грядки, и ей нужно было носить воду из речки для вечернего полива. Тем временем Лукерья открыла бабушкин сундук, достала потёртую временную тетрадь и начала листать. И когда она дошла до страницы с заговором, как превратить соперницу в камень, решение к ней пришло мгновенно.

Ничего не подозревающая Марьяна бочку большую заполнила водой, осталось еще в баньку воды натаскать, и в этот момент, когда Марьяна вошла в воду и зачерпнула полные ведра и собиралась выпрямиться с коромыслом на плечах, Лукерья громким шёпотом начала читать заговор для превращения соперницы в камень.

На реке было много детишек, они купались, резвились, брызги воды сверкали на солнце всеми цветами радуги, ничто не предвещало беды.

Когда Лукерья произнесла первые строчки заговора, ноги Марьяны начали погружаться в речной песок, она хотела шагнуть к берегу, но с ужасом почувствовала, что ноги нельзя оторвать от песка, в котором они завязли. И не успела Марьяна ни крикнуть, ни охнуть, как её тело стало каменеть, и только сердце её продолжало сжиматься от ужаса. Но это продолжалось недолго, какое-то мгновение, и с последним ударом сердца в прекрасном теле Марьяны угасла последняя искорка жизни.

Дети, которые невдалеке купались, застыли в ужасе, видя, как у них на глазах красавица Марьяна превратилась в каменную глыбу, на их крики прибежали взрослые, и всех обуял такой неимоверный ужас, что люди стояли в оцепенении и молча смотрели на каменную фигуру Марьяны. Некоторые пытались помочь Марьяне, обнимали её, плакали, пробовали

сдвинуть её с места, надеясь, что это страшный сон, и сейчас Марьяна выйдет на берег и побежит к своему дому, весело расплескивая воду из вёдер.

Но чуда не произошло, и никто не узнал, что такое страшное злодейство свершила Лукерья, влюбленная безнадежно в Илью. Да её никто и не мог подозревать, с виду она была добрая и ласковая девушка, дочь хороших людей.

К вечеру вернулся Илья домой, а тут такое горе: на виду всей деревни жена его, Марьяна, в серый камень превратилась. Родители его от такого несчастья слегли — у них ноги отнялись, а сыночек маленький сидел на берегу, смотрел на каменную фигуру матери, слёз у него уже не было, он никак своим детским умом не мог понять, почему мама всё не идёт к нему, не берет на руки, не целует, не обнимает и стоит молча посредине водного потока и даже не смотрит на него.

Илья взял сыночка на руки, слезы не показывал ребенку, отвел его домой, а сам опять пошел на речку, зашел в воду и обнял свою каменную женушку, долго плакал горячими слезами, но его слезы не смогли растопить каменное сердце, навсегда застывшее в сером холодном камне.

Только один человек радовался такому горю — соседка Лукерья, которая втайне надеялась, что Илья, потеряв жену, оправится от горя и сосватает её, зная, что она с давних пор влюблена в него, тем более что ему надо воспитывать сына, поставить его на ноги, к тому же родители Ильи уже старенькие. Но зря она надеялась, Илья даже не смотрел в её сторону. В сердце его была только одна любовь — это любовь к своей жене Марьяне.

После превращения Марьяны в каменную фигуру прошло немало времени, сын вырос, жизнь продолжалась. Илья проводил родителей в последний путь, а сам остаток жизни посвятил служению богу и немощным людям, которые проходили мимо их деревни в монастырь, находившийся у подножия высокой горы. А соседка Лукерья, сотворившая черное дело, к этому времени превратилась в злую одинокую старуху, дом которой, люди обходили стороной, так как доходили слухи, что после смерти родителей она ни с кем не общалась и занималась какими-то колдовскими делами.

Никто так и не узнал, кто погубил красавицу Марьяну, только сгорбленная каменная фигура в реке напоминала о том страшном дне.

После гибели Марьянушки деревушка стала называться Каменушкой, и, если проезжали мимо реки люди, видели такую странную каменную фигуру с коромыслом и ведрами, расспрашивали старожилы о том, как такая странная фигура в воде появилась. И старенькая бабушка, которая была свидетельницей того страшного случая, рассказывала им печальную историю превращения красавицы в серую каменную глыбу. Кто верил, а кто и не верил, но всякий проезжающий останавливался, любовался и рассматривал фигуру с коромыслом и вёдрами, навеки застывшую в безмолвии посредине реки и как будто в тревожном ожидании, молящую о помощи.

Сколько простояла Марьяна-Каменушка в бурлящем потоке родной реки, то никто не может сказать, тех людей, которые были очевидцами этой истории, давно уже нет на белом свете, и дети давно у них выросли, и они мало знают о тех событиях, которые происходили давным-давно.

И стояла бы Марьянушка-Каменушка в воде не один век, но прослышали про дивный камень высокие чины, приехали посмотреть каменную фигуру и решили, что это готовый памятник, и его можно использовать для украшения парка или площади, только скульптору надо поработать над глыбой каменной.

И в один из летних дней пригнали технику и стали вытаскивать Каменушку из воды. Но крепко приросла Марьяна каменными ногами к речному дну, и, сколько ни пытались её поднять, ничего из этого не вышло. Долго мучили её, цепями железными, крюками всю исцарапали и ноги ей обломали. Наконец-то подняли, всю изувеченную, большим краном и, погрузив на большую машину, увезли из родной деревни в далёкий незнакомый город, и соорудили из Марьяны памятник. Не ведали, не знали эти люди о том, как возникла каменная фигура в речной воде и кто превратил красавицу в серый бездушный камень с очертаниями женской фигуры.

И сказывали старожилы, что, как только увезли Марьянушку, долго летали птицы возле реки и их грустные песни-переключки всю ночь напролёт доносились из зарослей черемухи, которая белым цветом опоясала речку, источая благоухающий аромат по всей округе.

И этот день, когда увезли каменную фигуру Марьянушки, люди назвали Марьянин день. Девушки в этот день приходили на берег реки, плели венки из лесных цветов и пускали их по реке, водили хороводы, пели грустные песни, вспоминая Марьяну. А деревня, где все это случилось, так и называется Каменушка, только теперь здесь живут совсем другие люди, времена другие настали, и события здесь происходят совсем другие.

Инна Александрова

Сновиденья прозрачной весны

Одуванчики

Первые... Робко. Нет — по-нахальному смело
 Бросив вызов ночным морозам.
 По-весеннему яркие, только немного пригрело,
 Вот они, на проталине, лимонно-жёлтые звёзды!
 Щурятся и совсем некрепко
 Стоят на тоненьких ножках.
 Всем проходим бесплатно, без единой монетки,
 Щедро дарят улыбки, качая солнышки на зеленых ладошках.

Подснежник

Небрежно подснежник
 Раздвинул прошлое лето.
 На весеннее небо взглянул—
 Облака.
 Ночами нечаянно
 Звезды осыпались светом,
 В лепестках отразились.

Дыханием ветерка
 Свежего, нежного,
 Лес допьяна упивается.
 И березы качают на ветках
 Сновиденья прозрачной весны.
 И зарянка, лишь пробуя голос,
 В кустах распевается.
 Так приветствует радостно
 Зарождение дня и весны.

Летние картины

Я рисую картины кисточкой трав на лазури июля.
 Лепестками цветов, быть может, смогу я
 Многоцветье лугов написать.
 Искрящийся белый плат кучевых облаков расчертят стрижи.
 А свои миражи раскрашу малиновым
 В тон пионных кустов.
 На летних холстах неумелых стихов и дождь, и гроза.
 На травинках роса, как слеза,
 Значит, не совпадают
 Берега у наведенных мостов.
 Капнут с кисти карминные брызги — в траве земляника.
 Полевая гвоздика наивно
 Ведет счет июльским часам.
 Чтоб свести все мосты в семицветную радугу,
 Надо бы гвоздичные часики
 Настроить на классику
 И сыграть васильками мажорную лесенку гамм.

Ковыли

Шелковистые гривы степных кобылиц — ковыли.
 Песни ветра, напетые шепотом трав, ароматом полыни.
 Осиянные звёздами светлые абрисы лиц.
 Пляшет пламя костра, чужь дрожа от полуночной стыни.
 Здесь, на грани миров, в ожиданье застыли минуты.
 Меж лопаток так вкрадчиво катится вечность...
 На ладони Земли одинокой травинкой видна я кому-то...
 Коростель своим криком плетёт пустоту-бесконечность.
 Отойти от костра, и, готовясь взлететь, вскинуть руки!
 Мыслью звать кобылиц, уносящих в туман все печали.
 Пропитаться полынью и степью, запомнить все чувства и звуки...
 Ковыли, шелковистые гривы, в дорогу позвали.

г. Усть-Катав

Остановить мгновение пора

* * *

* * *

В горней
Совести
Непробудной
Есть — подсудные,
Есть — неподсудные...
Чтобы быть
Вторым —
Ты, поди,
Больше большего
Укради.

В жизни нашей.
Порой,
Увы —
Поговорка, как чих,
Проста:
«Рыба
Портится
С головы,
Только чистят её —
С хвоста».

Сегодня —
Не за пазухой у Бога —
Привала не предвидится пока.
Гудят мои натруженные ноги,
А сверху давят
Стропы рюкзака.

Романтика —
Наперсница азарта.
Купаж не затерялся, не пропал.
Пунктиром, как на контурную карту,
На азимут наложена тропа.

По-броуновски —
Вечное движенье
Покуда лямки плечи не сотрут.
И выбрать надо
Точку притяженья.
И выбрать надо
Собственный маршрут.

Пришёл.
Увидел.
Выиграна схватка!
Остановить мгновение пора:
Установить
Крылатую палатку
И забубенить песню у костра.

г. Коркино

Галча Коханая

Мир с любовью обниму

* * *

* * *

Снова грусть ко мне явилась,
Вроде не было причин,
И слезинка покатилась,
И не вижу я картин —
Ярких красок за окошком,
Всё как будто бы в дыму.

Погрущу совсем немножко
И с любовью обниму
Мир, что вижу пред собою,
То, что было и что ждёт.
Жизнь — понятие святое —
Верной поступью идёт.

Солнце как будто в тумане,
Пасмурный день в январе.
Не уличайте в обмане
Чувств, что выросли на добре.

Сердце томится в тревоге
И ожиданьем живёт —
С кем будет мне по дороге?
Кто навсегда отойдёт?

Я потерять не желаю
Блиzkих друзей и родных,
В чём-то опять уступаю
С доброю верою в них.

Взгляд одобрительный нужен,
А не колючесть врагов.
Сердце согреет и в стужу
Нежность приветливых слов.

г. Трёхгорный

Тамара Вдовина

Я часто думаю о том

* * *

В вечерний час предполнолуныя
 По дому распускается туман,
 В его обман случайно я шагнула
 И поплыла навстречу грезам в лунный океан.
 В своей иллюзии я утопаю,
 Иду, ступней не замочив, как бог,
 И, кажется, я понимаю, как он
 Ходил по глади черных вод.
 Туман — волшебник, иллюзионист,
 Он может, заморочив душу,
 Куда угодно вас унести,
 И пропадете вы,
 Он вас закружит, напугает,
 Вечерними тенями
 В сердце страх зажжет,
 Потом к земле уляжется вплотную и уснет.
 И я иду, туманной сладости напившись,
 Изведав радость, тайну бытия,
 Как будто бы Вселенная,
 На миг открывшись,
 Любви частицу подарила мне сама.

* * *

Я часто думаю о том
 Куда душа уйдет потом,
 Когда закроются глаза
 И будет уж любить нельзя...
 В каком отрезке бытия
 Исчезнет матрица моя?
 Все чувства, мысли, опыт мой
 Взлетят и воспарят со мной?
 И буду ль знать в пространстве новом,
 Что на земле была я Томой?
 И чем вернусь, сходя опять,
 Мне так хотелось бы узнать!

* * *

Дождь по крышам кулачками бьет,
 Будто в душу ко мне стучится —
 Он уже вторые сутки льет,
 И боюсь, что что-нибудь случится
 Почему весна такая слезная?
 По кому так плачут небеса?
 Может, от того, что слишком
 Жизнь серьезная?
 Может, потому что просто
 На земле весна?

г. Верхнеуральск

Мargarита Кононенко

Судьбы повороты

Они встретились
очень странно...

Двое на почте, переговоры,
 издалека ведут разговоры:

— Он приедет тебя навестить,
 ты должна, дочка, папу простить.
 Знай, я очень его любила,
 про него всегда говорила.

Как откажешь? — Ну, так уж и быть.
 Не отстанет ведь, будет просить, —
 Пожалев свою мать, согласилась,
 та всплакула, развеселилась.

Был обычный, осенний день,
 В Ленинграде ноябрь снежный.
 На прогулку идти всем лень,
 выходной в общезитии неспешный.

— Кто тут Музыка? Выходи!
 К тебе папка приехал, на вахте!

— Ой, девчоночки, как я боюсь...
 — Да, иди уже, хватит, не трусь!

И понять её можно вполне:
 лет пятнадцать ни слуху ни духу,
 а тут вспомнил вдруг обо мне,
 как исполнилось восемнадцать.

Вот стоит одиноко в фойе,
 весь коричневый от загара:
 — Я приехал, дочка, к тебе!
 Напой-ка с дороги чаем?

Тараторит он без умолку:
 — Как живёшь тут? — Ставит на полку. —
 Вот гостинцев тебе привёз:
 соты, яблоки, банка мёда.

А потом, до кромешной тьмы,
 о себе, о семье рассказы,
 как кино он по сёлам крутил,
 фотографии да сантименты...

И, смеясь, он с дочкой шутил:
— Хоть не зря платил алименты.
Знаешь, я билеты в кино купил,
во все кинотеатры на Невском!

От сеанса к сеансу её торопил,
исходили проспект пешком
и не важно ему, о чём кино,
просто был этот мир ЕГО!

По музеям она водила,
зоопарк ему был на диво!
И мороженым всюду кормил,
покупал ей эклеры, ром-бабу.

И салют над Невою палил —
с Петропавловской крепости пушки,
на Дворцовой, в толпе людей,
раздавался смех его детский.

Он про братьев ей говорил,
убеждая, что есть сестрёнка.
В гости в Ставрополь пригласил
а писать не любил, неловко.

Как уехал, лишь раз позвонил,
получала письма от тёти.
Появилась семья, заботы,
вот такие судьбы повороты.

Жизнь навечно их развела,
и о том, что его не стало,
сообщила лишь годы спустя
сердобольно родная тётя...

* * *

Туман над озером сгустился
И дымкой белою плывёт...
Лик солнца в линзе отразился,
Быть может, там оно живёт?
Пушистой снежной бахромою,
Ажурной связанной каймою
Кусты и травы вдруг укрылись...
В округе тихо притаились
Меньшие братья все по норам.
Морозный воздух лишь звенит,
Как будто чутким камертоном
Он с тишиною говорит...

* * *

Одинокий, оставленный кем-то,
Он раскрытый лежит на скамье.
И прохожих не слышно, не видно,
Яркий свет на фонарном столбе.
Лишь ковёр опадающих листьев
Тет-а-тет отбивает с дождём.
Ну а зонтик никто и не ищет,
Будто все позабыли о нём...

* * *

Мороз Каллиграфыч, он с Зимушкой дружен,
и всем ребятишкам и взрослым он нужен!
Все ночи и утром озёра мостит,
на окнах узоры свои мастерит.
Снежинкам на тучке наряды он шьёт,
с метелью завьюжив, лесам раздаёт.
Подарки готовит он всей детворе,
придёт к ним на ёлочку, даже к тебе!
А Зимушка рядом с Морозцем хлопочет,
на лыжах, на санках кататься кто хочет?

* * *

Поменялся восход, и рассвет уж не тот,
ярким светом весь день озарился.
Зеленее и краше кажется ель,
возвышаясь всё выше над крышей.
Разливая тепло, всем его раздаёт
Божество фотосинтеза солнце!
Свиристели хоральные гимны поют,
Рождеству восторгается сердце!

* * *

Метель не в шутку разыгралась,
и лодка снегом заметалась,
Зюраткуль в льдах своих сковал
и от себя не отпускал.
Набросив снежных покрывал,
от глаз людских оберегал,
а цепь звенит, как тетива:
до-ля, до-ля, до-ля, до-ля...

* * *

В озёрах купается небо
Над лесом Ярило встаёт,
лазурево-розовой негой
цветастость свою раздаёт.
И краски меняются эти,
мгновения только лови!
Ну, здравствуйте, люди! С рассветом,
хорошего дня и пути!

* * *

Озёра проснулись от зимнего сна,
и, радуясь ветру, играет волна,
купаются чайки и чистят перо,
и солнце стремится в озёрное дно.

И лес пробуждается с шумом берёз,
ожили гнездовья из птиц да из ос.
Спешит на луга и поля разнотравье,
душа здесь поёт, исполняя желанье.

* * *

Апрель теплом окутал землю, озарил,
и каждый рад, что до весны дожил!
Проснулись все, хозяйничает грач,
осматривая лес, как будто врач!
С дороги дальней разыгрался аппетит,
от страха от него всё прочь летит.
Земля вздохнула, сбросив снежный плен
и приделась в изумрудный гобелен.

* * *

А над полем осталась лишь дымка дождя.
И от солнца и влаги воспряла земля.
Все соцветия трав на лугах распустились,
Зацвели дружным цветом, как сговорились!
Пополненью радёхонька птичья семья,
Ведь в достатке для корма им тут комарья.
Хорошо здесь пройти по траве, по росе
И оставить следы на песчаной косе.

* * *

Очарованный морем и солнцем
вечер тёплый шептался с прибоем,
укрывая всех солнечным зноем,
безмятежным любясь покоем.

Призывая пройти берега,
под ногами песками шурша,
от волны разливается нега
и в истоме вздыхает душа...

Фотография...

Забавный фотоснимок попался на глаза,
там с хлебушком мальчишка, а рядом егоза.
И вспомнилось мне детство, жилось нам
без забот,

а игры рядом с домом, все матчи у ворот.
Как клич бросала Галя: «Кто в сад со мной
пойдёт?

Награда ждёт героя, кто листья соберёт...»
Как примус разжигала, блины на нём пекла
и нас всех угощала Андрюшкина сестра.
Бывало, даже дрались, а спорили всегда.
Обиды забывали, услышав лишь: «Айда?!»
И часто нас журили родители порой,
а мы всё клад искали и хлеб всегда с собой...

Увельский район

Лев Молчанов

Поэтов любит слушать Бог

В России только две напасти...

В России только две напасти,
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.
Народ,
Попав под эти жернова,
Толкается,
И бьётся век за веком —
А в результате получается
Мука,
Которую,
Берёт власть иногда,
И хлеб печёт —
Чтобы кормить народ.
Бессмертьем,
К сожаленью,
Обладает тот!
Историю
На блюде нам дают,
В ней перемешаны:
Года,
Столетия,
События
И войны,
Голод
И лишения,
Борьба

И революции

Накал.

Кто прав был век назад,
А кто стал вне закона —

Герои,

Гении,

Солдаты

И вожди,

Учёные,

Писатели,

Поэты,

Палачи —

Всё смешано,

Растёрто в жерновах,

Испечено

В громадной белой булке —

Кусочек мы отрежем от неё,

Попробуем на вкус,

Мы пекарей творенье,

Там столько намешали господа,

Вожди,

Учёные,

И прочие «мужи»,

Что,

Право,

И не знаешь,

Как историю вкушать

И как её народу понимать!

* * *

Фортуна — девица шальная.
 Читать вам прозу —
 Это долго.
 Стихи на память не идут.
 Я прочитаю вам с листа
 А вы послушайте чтеца.
 Вот говорят:
 Богов любимец!
 За стол садится,
 Ручку взял,
 Минута —
 Щёлкнул тумблер в небе.
 Поэт поэму написал.
 И слава, слава,
 И цветы,
 И куча женщин у порога,
 Прохода не дают льстецы,
 И обожатели,
 И мода!
 Но вот он где-то преступил
 Порог
 И тронул власти,
 И понеслось!
 Позорный долг
 Спешат излить по перьям братья!
 Тот,
 Кто вчера твоим был другом,
 Вдруг в обличители полез.
 Громит с трибуны,
 И с плеча,
 Чтоб уничтожить подлеца!
 Пред ним закрыты все пороги.
 Лишён он званий и наград.
 Одна жена и только детки,
 Остались у него —
 Он в клетке.
 Поэта точно не посадят,
 Сейчас другие времена.
 Но жить спокойно не дадут —
 И никогда не издадут.
 А потому,
 Держись, поэт!
 Фортуна — девица шальная!
 Ты пой,
 Покуда есть куплет!
 И не заботься ты о славе!

Когда иные мудрецы

Когда иные мудрецы
 Читают мне мораль сурово,
 Зажмурив очи, я плюю
 На их божественное слово.
 Живём на свете только раз.
 И, к сожаленью, понимаю:
 Уходит жизнь,
 А мой Пегас,
 Ещё и не запряжен в поле.
 Пахать и мыслить,

И творить
 Во всё оставшееся время.
 Скажи, приятель,
 Это жизнь —
 Батрачить не чужом уделе?
 Пусть и осталось мне немного,
 Но я рассказы допишу.
 Стихи и проза,
 А затем:
 Кисть и резец —
 Вот мой удел!
 Я б больше счастья не хотел!

Моей Любе на день рождения

У Лёвы твоего
 Есть несколько страстей:
 Одна страсть — книги,
 Ты об этом знаешь.
 Другая страсть —
 Истории разбег,
 Казачество
 В эпоху испытаний!
 Ещё есть страсть
 Писать и рисовать.
 Пером и кистью —
 Это как придётся.
 И всё же есть одна
 Таинственная страсть —
 Моя Любовь,
 Которая не рвётся.
 Тебя назвали Любой,
 Почему?
 Кто знает?
 Может, дед ответит?
 А для меня
 Ты солнце наяву!
 И я творю,
 Покуда солнце светит!

Всё пройдёт...

Лаская вес прозрачных строк,
 Как чётки, их перебирая,
 Поэтов любит слушать Бог
 И самых лучших забирает.
 Они летят на дальний свет
 К его ладони, словно птицы,
 Оставив пепел сигарет
 На недописанных страницах.
 Ушёл один, за ним другой,
 Как листья осенью слетают
 С деревьев и кустов порой
 И тихо на землю спадают...
 Поэт ребёнок, и живёт,
 И пишет он душой открытой,
 А там уж, как положит Бог, —
 Ведь говорят: судьба такая!
 Кому вина повыше глаз,

Судачат люди: спился парень!
Или в безвестности пропасть,
Кому-то будет память, слава.
Всё преходяще и сейчас,
Не будем мы гадать по гуще,
Живи, пиши и радуй глаз
Пока несёт тебя Пегас!

Доцику

*Моему армейскому другу Доцику,
с которым мы вместе служили
в спецвойсках МВД СССР и дру-
жим семьями до сих пор*

Звоню я Юрию Дацкевичу —
Нечасто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали
Бог знает, от чего ещё!
Проходит жизнь,
И мы стареем,
Но дружба наша
Всё живёт.
Вот если жил ты
Где-то рядом,
Как это было б хорошо.
Но не судьба,
Так будь же братом!
И приезжай
Ко мне ещё!

с. Чесма

Ольга Шрейнер

Штопор

Холодно бывает

Слякотно, холодно, муторно бывает не только на улице, не только телу, муторно бывает на душе, холодно сердцу...

Это не за окном — в душе идёт унылый дождь с пронизывающим до костей ветром. В лицо пригоршнями летят брызги чужой агрессии и неприязни, зависти, непонятные, незаслуженные...

Царапают сердце неблагодарность, невнимательность, бестактность.

Мутит от обиды на всех и вся.

Тошнит от печали и боли, от неразделённых тёплых чувств.

Но совсем немного, и дождинок не хлещут уже, а ласкают, тучи развеиваются, ветер не пронизывает — освежает.

Но главное, незримые нити человеческого участия и добра снова латают душу!

Пары

Неожиданные комбинации пар случаются. Кто-то сходится из романтических грёз, кто-то — из корыстных карьерных интересов, а кто-то из спортивного азарта или просто так, от скуки, пустоты или одиночества.

В любом случае предсказать их будущее невозможно. Из тех, кто «просто так», рождаются иной раз крепкие семьи, а пары, сведённые любовью, часто разбегаются...

Но ещё удивительнее: каких разных людей судьба сводит.

И за что так наказывает, и за что награждает?!

Вот он. Лицо со следами житейских неурядиц, алкогольной амнезии, хронического недовольства как собой, так и жизнью, и всеми, кто вокруг. Мужчина, раздавленный временем, в вечном поиске.

Вот она. Цветущая, оптимистичная, живая, благополучная.

Что может быть общего у них?

Однако они — пара, и он по-прежнему недоволен и несчастлив, саморазрушается, она везёт его на себе и скинуть с хребта не может, жалеет. А несчастливцев орёт, что эта ведьма заедает его жизнь.

И кто тут жертва, и кто злой гений?!

Причем на месте его может быть и она — вся в недовольстве и алкоголе, в клубах табачного дыма, а рядом благоухающий и неунывающий живчик, тянущий её изо всех сил...

Или она — порхающая по жизни бабочка (возможно, это и он), а на пару трудяга муж (или жена). Их «половинки» называют про себя не иначе, как «жук навозный» или «жучиха», порхание-то надо обеспечивать...

Или она умница-разумница, светило науки, или это он — двигатель прогресса, а в паре — пустышка, с самонением звезды...

Или он, кем бы ни был, ну просто бабник, не пропускающий без внимания никого из ближайшего окружения, а рядом святая, «мать его детей», в упор не видящая и не слышащая ничего крамольного про ненаглядного своего «зайчика», а если видящая, то глубоко страдающая.

Много разных таких «или», и живут ведь, а другие, кому, казалось бы, суждено быть рядом — не вместе.

Поэтому так радостно, когда встречаются по-настоящему счастливые гармоничные союзы, и больше бы таких пар!

А может, не стоит судить и рядить, раз люди вместе, значит, их что-то связывает, непонятное для посторонних, невидимое, но не менее значимое...

Штопор

Арсений всю жизнь коллекционирует женщин по возрасту, по статусу, по семейному положению, по габаритам фигуры и прочее, прочее.

Всякие были с ним — красавицы, умницы и не очень, скромницы и совсем наоборот, и молодые, и даже старые. С кем-то — просто так от нечего делать или под настроение, а с кем-то даже по приколу или для экстрима. Были на спор, из принципа, ради адреналина, просто «для разгрузки», кто-то для пополнения коллекции, «одноразовые».

Арси всё мало, кажется, чем больше женщин, тем лучше...

А лучше ли?!

Если вычесть просто коллекционных, попутно и непонятно, как и зачем пригретых, кинутых вскоре без раздумий и сожалений, то кто останется?

Многих ли он мог назвать «своей», а, назвав, берёт ли, не бегая за всеми случайно встреченными или вообще параллельными?

Много ли радости получил от своих «побед»?

Может, такие «общественники» и нужны, учитывая, что после тридцати мужчин всё меньше и меньше. Есть и женщины, воспринимающие мужчин как варианты, тасующие их, как карты в колоде.

Но всё равно задуматься Арсению надо о том, что кого-то лишил последних иллюзий, у кого-то отобрал надежду, веру подорвал и лишил сил, всё это небрежно, походя. Крылья оборвал, сорвал защитные покровы и кинул в людскую толпу под аплодисменты сплетниц.

Ну да, он ведь ищет всё, ищет...

И разве можно с таким сближаться?!

Врастать душой, проникаться всеми тайнами?!

Болезнь за него и любить?!

Младенцем Арси был сначала на попечении бабушки со стороны мамы, родившей его совсем молоденькой, а с шести лет жил у бабушки со стороны отца, а между ними рос у матери.

Мальш часто прячется и ждёт, что его потеряют, обычно мама ищет и приговаривает, куда подевался милый карапуз, чудо её бесценное, тогда тот понимает, что нужен и любим, учится доверять. Но Арсения никто не терял и не искал, из самых ранних воспоминаний сохранилось, как сидит на заборчике и ждёт маму, голодный...

Тогда им было утеряно доверие к маме, как и вера в ценность отношений.

Всю жизнь пытается он восполнить эту пустоту чередой бесконечных знакомств и поверхностных связей, но тут дна нет. Панический страх у Арси перед тем заборчиком из детства, ни дня, ни часа, ни минуты не может быть один. Вот и обречен он на метания от одной, к другой, и та, что сейчас с ним, — куда дальше той, что далека, но так желанна, пока не станет близкой. Много несчастных женщин на его счету, ни одна Варя.

А Варвара чувствует себя рядом с ним неполноценной, опустошенной, но и отлучить его от себя надолго не может. Он цепляется за неё клещами, твердя, что та ему и мамка, и жена, и любовница, и подруга, при этом ни одной юбки не пропускает.

Варе при каждом очередном свидетельстве его измен кажется, что внутри неё кто-то проворачивает штопор, наматывая на винты все её внутренности. Даже хочется порой, чтобы некто выдрал этот штопор, верилось почему-то, что с этой пробкой, вырванной рывком, живьём, выйдет боль...

г. Верхнеуральск

Наталья Сумина

Кузнечиха (отрывок из книги)

У самого леса, на отшибе, стояла маленькая избушка. Она вся покосилась, вросла в землю по самые окна. Забор из разных досок, палок, жердей опоясывал небольшой огород. За ним начинался настоящий дремучий еловый лес. Деревья были большие, старые, тёмные. Их огромные лапы сплелись в непроходимую защиту, пробраться сквозь которую без топора было невозможно.

В избушке жила древняя старуха. Никто не помнил её фамилии. Да и имя её было давно забыто. Все просто звали её Кузнечиха.

Сколько ей было лет, не помнила даже она сама. Может, около ста, а может, и перевалило за сотню. Сама же она давно потеряла счёт своим годам и просто тихо жила своей жизнью затворницы.

Маленькая, сухонькая, очень энергичная, с острым, живым взглядом. Ничто не укрывалось от её глаз. Каждого видела насквозь.

Её единственный сын был слабоумным и умер, едва дотянув до тридцати годков.

Старуха после этого ещё больше замкнулась. Во время похорон ни одной слезинки не проронила. Только сказала особо надоедливой соседке: «В жизни за всё надо платить. А мне есть за что расплачиваться». Больше на эту тему не разговаривали.

У него осталась бездетная жена, которая частенько помогала Кузнечихе по хозяйству.

С другими немногочисленными родственниками старуха отношений не поддерживала. Односельчане хоть и побаивались её, но тем не менее любили.

Никогда никому она не сделала ничего плохого. Даже слова грубого от неё никто не слышал. Чтобы не случилось, всегда относилась ко всему справедливо.

Была у Кузнечихи ещё одна особенность. Она была непревзойденной гадалкой!

Бывало, прибежит к ней односельчанка, вся в слезах, и спрашивает:

— Кузнечиха, милая, скажи, что с моей коровушкой? Уж три дня как словно в воду канула. Везде искали. Сама понимаешь, семья у меня большая, трудно нам без кормилицы!

— Хочешь узнать правду — приходи завтра.

На следующее утро бежит односельчанка чуть свет.

— Что скажешь, Кузнечиха? Жива ли ещё моя коровушка?

— Знаешь за Киселёвым покосом Белый луг? Иди туда. За ним будет большое поле. На краю у него есть высокая сосна. По ней ты и найдешь голову и копыта своей коровушки.

Хозяйка вместе с мужем, погоревав, идут на указанное место. Там, на краю, видят большую сосну, а под ней находят отрубленную голову и содранную шкуру своей Зорьки.

Иногда приходят спросить про кражу. Кузнечиха всем одинаково отвечала:

— Хочешь знать правду — приходи завтра.

Как она эту самую правду узнавала — никто не знал. Но она не только точно указывала, где находится пропажа, но и могла описать внешность вора.

Вот к ней-то и отправился Мартын в надежде хоть что-то узнать про сына.

Кузнечиха возилась у себя перед домом. Выдирала вездесущую крапиву.

Мартын, подойдя к дому, смущённо поздоровался.

— Доброго здоровьица, Кузнечиха.

— И тебе не хворать. Чего хотел?

Всю дорогу он думал, как начать разговор. А тут решил говорить прямо. Будь что будет.

— Ты же знаешь, что сегодня свадьба у Марии с Василием. Не дождалась она моего Петра. Девку можно понять, ведь уж пять лет прошло, как его забрали на войну. За всё это время ни слуху ни духу о нём нет. Кузнечиха, пожалей ты меня. Скажи, жив он хоть или нет. Мы с женой уже всё передумали. Может, в плену, может, ранен, а может, и вообще уж...

Мартын, не решившись произнести самого страшного, обречённо махнул рукой и отвернулся, повесив голову.

— Хочешь знать правду, приходи завтра, — сказала старуха.

— Да не могу я больше! Кузнечиха, хочешь, я на колени встану, только скажи сейчас. Сил больше нет! — его голос дрогнул.

Старуха долго и пытливо смотрела на него. Большой и сильный кузнец был придавлен горем, которое согнуло его, лишило сил.

— Ну, хорошо! Пойдём.

Кузнечиха открыла ворота и махнула рукой гостю, приглашая за собой.

В доме у неё было чисто. Простая обстановка. На окнах беленькие занавесочки. Полы застелены домоткаными половиками. Царила обстановка уютая и теплая.

Увидев в углу образа и маленькую лампадку, Мартын трижды перекрестился на них и затоптался на месте, не зная, что делать дальше.

— Да ты не стой у порога-то. Проходи, садись на скамейку у стола.

Мартын прошёл, куда было велено. Осторожно сел.

Кузнечиха тем временем вымыла руки у рукомойника. Вытерла их рушником и присела у другого края стола.

— Вот что, мил человек, я погадаю тебе сейчас, но у меня будет уговор. Поклянись, что никому не расскажешь о том, что увидишь. Дело это не совсем богоугодное.

— Да я понимаю, — Мартын взволнованно мял в руках картуз, — пусть весь грех на мне будет. Перед богом клянусь, что никому не расскажу твои секреты. Вот тебе крест.

Мартын вскочил со скамейки и размашисто перекрестился перед иконами.

— Верю, верю. — Кузнечиха успокаивающе улыбнулась. — Ладно, будь что будет.

Она зашла за печку, встала на приступок и достала что-то, завернутое в тряпочку.

— Смотри, ты обещал... — Она погрозила ему пальцем и после небольшого замешательства положила свёрток на стол.

Аккуратно развернула, и Мартын увидел небольшую стопку необычных карт.

Старуха присела за стол и стала их перемешивать, что-то приговаривая вполголоса.

Слов было не разобрать, да и необычность ситуации немного оглушили гостя. Он просто терпеливо ждал, что скажет хозяйка.

Она же тем временем разделила карты, которых оказалось всего шесть штук, на две стопки. Потом положила одну стопку на другую. Взяла всё в руки стала выкладывать их перед собой картинками вверх. Долго вглядывалась в них.

— Ну, что там? — не вытерпел Мартын. — Жив или нет?

Старуха очнулась, сердито посмотрела на гостя.

— Какой нетерпеливый. Ты что, думаешь, это книга тебе? Взял и прочитал по буквам? Тут совсем другое. Сбил меня с мысли только. Не всё узнать успела. Одно скажу тебе. Жив твой Петька. К Петрову дню дома будет.

— Да ты что! — Мартын был ошарашен, — Петров день уже через неделю будет. Мужики вон и косы все поправили, к покосу приготовились.

— Ну и что! Что видела по картам, то и говорю. Если мне не веришь, то и приходите нечего было.

Кузнечиха сердито собрала карты, завернула их в тряпочку и пошла убирать их куда-то обратно.

Мартын начал было неуклюже извиняться, но старуха махнула на него рукой.

— Да уж иди домой да помни наш уговор.

— Да, да, я помню, никому не расскажу.

Он вышел на улицу и пошёл в сторону дома. Услышанное сильно поразило его. Он готов был услышать всё, что угодно. Готовил себя к самым худшим словам, но такого не ожидал никак.

Пройдя больше половины дороги в глубоких раздумьях, он увидел, что идёт мимо дома, где всю игру играли свадьбу. Увидев в окно молодых, подумал: «А ведь Мария-то выходит замуж за Василия и не знает про Петра. Надо ей сказать».

Мария, почувствовав на себе взгляд, повернулась к окну:

— А, Мартын Иванович! Проходите к нам, выпейте стопочку за моё счастье.

Мартын увидел большие, тревожные глаза девушки, тёмные тени под ними. Ему стало больно за несостоявшуюся невестку. Но увидев, что она улыбается, не захотел сообщить ей новости. Захотел сделать больно и ей.

— Да не могу я пить за это. А то Пётр вернётся и скажет, что я за стопку водки его невесту пропил.

Сказал и тут же пожалел о сделанном.

На мгновение острая боль полыхнула в её глазах. Улыбка исчезла с её лица. Она отвернулась и сделала вид, что поправляет платье. Потом, взяв себя в руки, улыбнулась ещё шире и больше к окну не поворачивалась.

Мартын, застыдившись своего поступка, развернулся и быстрым шагом направился домой, где его с нетерпением ждали.

г. Нязепетровск

Зухра Леонтьева

Поездка в прошлое

Василий приехал в поселок, в котором прошло его детство. Уехал он отсюда в десятилетнем возрасте, а сейчас ему тридцать. Все эти годы он с грустью вспоминал место, где он родился, пошел в школу... Развод родителей как гром среди ясного неба расколол тогда его жизнь на две половинки. Мать не стала выяснять отношения, быстро подала на развод и уехала из поселка к своим родителям в Подмосковье. Алла Николаевна в свое время окончила инфак и работала в шахтерском поселке учителем. Она знала английский, французский, немецкий. Кроме этого самостоятельно изучала китайский (её подруга вышла замуж за китайца, который торговал на рынке). Она брала у него уроки. Когда Василий с матерью уехали из поселка, у них началась совсем другая жизнь. Дедушка с бабушкой, новоиспеченные пенсионеры, в прошлом инженеры, жили в пригороде Пушкино, занимались садоводством. Кроме дочери — два сына-семьянина, у которых было по двое детей. Семья была большой. По субботам все дружно приезжали к родителям в баню. Посиделки с варениками, пирожками, с вареньем и чаем нравились всем. Культ семьи, родовое гнездо здесь приветствовалось. Василий был самым младшим внуком, без внимания он не остался. Мать быстро нашла применение своим способностям, стала переводчиком, в финансовом отношении зажили неплохо. Через год отец вернулся в семью. Стояло лето, суббота. Он приехал в полночь. Никто еще не спал, кроме Василия. Вечером у него поднялась температура. Его напоили чаем с малиной, дали аспиринку, уложили в постель, и он уснул.

Проснулся оттого, что в кухню кто-то вошел, тихо поздоровался. Голоса внезапно смолкли, установилась тишина на мгновение.

— Заявился! — воскликнула наконец бабушка. Она никак не хотела мириться с тем, что дочь выбрала в мужа простого шахтера, и разводу была только рада.

— Вы только посмотрите на него!

Остальные молчали. Молчали мужчины, молчала жена, дети.

— Простите меня, — услышал Василий голос отца, — простите.

Василий скинул одеяло, распахнул дверь.

— Папа! — закричал он что есть мочи. — Папа!

Он бросился к нему и зарыдал. Василий ревел в голос, вцепившись в ветровку отца. Все слезы и плач, которые он прятал целый год в себе, вдруг вырвались на волю и дали о себе знать.

— Папа, не уезжай, не уезжай, — кричал он.

Уже ревели вместе с ним мать, бабушка, смахивали слезы дети.

Так отец и остался. Не говорили бы тогда люди: повинную голову и меч не сечет. «Мы даем тебе шанс», — услышал он слова взрослых. Василий тот год понял своим маленьким умом, как хорошо, когда большая родня, тебя все любят. Но никто тебе не заменит руку отца. Плохо ребенку без отца.

И вот он в поселке. Командировка в эти края закончилась на день раньше. И он в ста километрах от тех мест, где родился. Нет, он не мог просто так уехать, не повидав родных мест, бывших друзей. Конечно, многое изменилось за двадцать лет. Василий просто побродил по рынку, взглядываясь в лица людей, надеясь увидеть знакомые черты, посидел на скамейке возле детской площадки. Отсюда он видел свой бывший дом. Как там два его друга, два брата — погодки Денис и Владька? Василий жил в первом, а братья — в третьем подъезде. Они учились вместе, но в параллельном классе с Василием. Однажды в третьем классе зимой он привел их к себе домой с улицы и сказал матери, что это его друзья, что все они очень проголодались. Алла Николаевна привыкла кормить. Поварские секреты передала ей бабушка. Сначала она варила и кормила своих братьев, если родители уезжали в командировку, в студенческом общезитии — своих подруг по комнате и парней, которые вечно голодные сбегались на запах борща или жареной картошки. В замужестве — мужа и его неженатых друзей, которые забегали на огонек. Уже с ранних лет она умела жарить, парить, выпекать и делала это мгновенно, что все удивлялись, как это у неё получается быстро, вкусно, сытно. Главное, она это любила делать. Суточные щи из холодильника, которые считаются самыми вкусными, манник были сметены за милую душу. Мальчишки стали появляться у них часто. Порой заходили после школы. Они были смирные, вежливые. Разбросанные вещи и игрушки после себя братья собирали и аккуратно складывали. Василий командовал ими, как хотел, мальчишки его слушались.

Как-то раз летом ребяташки куда-то подевались. Алла Николаевна везде прошлась, но их нигде не было. Она знала, в какой квартире живут братья. Дверь открыла худая женщина.

Она пригласила её войти. Аллу Николаевну поразил порядок, чистота в квартире. Буквально все блестело и сверкало.

— Наши дети играют вместе, переживаю, куда они могли пойти? — спросила она, поздоровавшись.

— Что вы зря переживаете, это же мальчишки. Придут, никуда не денутся, сейчас тепло, пусть на воздухе растут, — не очень приветливо ответила женщина. Откровенного разговора не получилось.

Вечером сорванцы вернулись. Оказывается, мальчишки ушли в лес посмотреть, поспели ли ягоды, там и заблудились.

Вот и дом. Василий с замиранием сердца подошел к третьему подъезду. На скамейке сидели две бабушки и мирно беседовали. Увидев незнакомца, они с любопытством взглянули на него.

— Вы к кому? — был вопрос.

— К Лавровым.

— А что ты забыл у пенсионерки? Мошенник, небось? А ну покажи паспорт! Сейчас полицию вызовем, — напирала на Василия бдительные бабушки.

— Мы здесь жили двадцать лет назад, мы переехали... Моя мама работала учительницей. Я хотел узнать о своих друзьях Владике и Денисе. Мы дружили.

— Помню, помню. На папку-то как похож, Васька тебя зовут!

— Вот и вспомнили меня, — обрадовался Василий.

— Плохи дела-то, — сказала, вздохнув, что покрупнее. — Скончались парни-то.

— Как скончались? — не понял он.

Бабушки наперебой рассказали, что парни выросли и стали наркоманами. От передозировки и скончались.

— Мать их всю жизнь дома чистоту наводила, мальцов все время на улицу выгоняла. Идите, мол, играйте, не сорите мне тут. Вот они и пошли на улицу, туда, где их приняли. А они тихие были, уважительные. Потом совсем сдурели. Все из дома стали тащить. И отец после их смерти тоже ушел от жены. Вот такая трагедия произошла.

— До свидания, — произнес Василий. К матери Владика и Дениса идти расхотелось..

Вскоре такси мчало его в город металлургов.

Верхнеуральский район

Николай Банных

Сашкино счастье*

Глава 5

Сашка и Людмила стали готовиться к свадьбе. В один из субботних дней они поехали в Челябинск покупать свадебные наряды. Заехали к Сашкиной тётке Нине, которая должна была помочь в выборе платья для невесты. В салоне для новобрачных жениху купили строгий черный костюм и туфли. Затем тётя Нина и Людмила пошли выбирать наряд для невесты. Тётка сказала Сашке, что он не может видеть подвенечный наряд невесты до свадьбы. После покупки наряда невесты тётя Нина подошла к племяннику и с восхищением сказала: «Повезло тебе, Саша, и невеста хороша, и наряды её».

Когда возвращались домой, Сашка всю дорогу представлял, какой ослепительной на свадьбе будет его невеста. В последующие дни Сашка жил предвкушением свадьбы, все его думы были только об этом. Неожиданно пятого марта его вызвал завгар Савин к себе в кабинет. Там кроме него находился водитель Нажмутдинов Григорий. Александр Иванович, который не любил пространных рассуждений, говорил всегда быстро и по существу, начал разговор как-то странно для Ловчикова издалека: «Саша, заболел у нас водитель лесовоза Ежов. Нам необходимо вывезти с лесозаготовки остатки соснового леса, это как раз два лесовоза. Директор совхоза приказал немедленно доставить древесину, так как стройматериалы заканчиваются. Погрузчик там есть, все оформлено договором».

— А причём тут я? — возразил Ловчиков. — У меня бортовая машина.

Савин продолжил: «У нас три машины Урал-355М, одна — у Ежова, вторая у Нажмутдинова, третья — у тебя. Кого же я посажу на Ежовскую “эмку”?» Сашка, немного подумав, возразил: «Но я никогда не работал на лесовозе, а потом у меня на днях свадьба!»

* Окончание. Начало в «Графоман» № 1-2018.

Тут заговорил Нажмутдинов: «Я ведь тоже когда-то впервые выехал на лесовозе. У Ежова машина полностью оборудована, готов прицеп-ропуск. Поедешь со мной. Я ведь не раз там бывал. Соглашайся, Сашка. Перед свадьбой не грех прокатиться по родной области, туда ведь свыше шестисот километров. А к свадьбе успеем, еще и времени будет целый день, чтобы новости марафет». Савин добавил: «Я тебе потом целую медовую неделю дам, только выручи сейчас». Ловчиков, поразмыслив, ответил: «Хорошо». И они с Григорием вышли из кабинета Савина. Гриша Нажмутдинов был лет на семь старше Ловчикова, слыл опытным водителем, любил рассказывать анекдоты и в спорах никогда не лез за словом в карман. Нажмутдинов и Ловчиков подошли к машине Ежова. Григорий, показывая на «эмку», утверждал: «Видишь, все нормально. Движок в порядке, ходовая — тоже, прицеп — надёжен. В ночь на завтра выезжаем. К утру будем на месте. Потом погрузка — и назад. Так что седьмого с утра будешь дома». «Хорошо бы», — задумчиво ответил Ловчиков.

К ним подошёл Перминов: мужчина лет пятидесяти. Он был недавно лишён водительского удостоверения за управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Человек он был язвительный, поэтому коллеги его недолюбливали. Узнав, что Ловчикова отправляют в дальний рейс незадолго до свадьбы, Перминов решил подшутить над Сашкой: «Что, молодой человек, бежишь накануне свадьбы от невесты? Не передумал ли жениться?» — И громко захохотал. Сашка, вспыхнув, не успел ему ответить, однако Григорий, посмотрев на высокую худощавую фигуру Перминова, обратился к нему: «Ты, конечно, очень умный, наверно, потому что высокий. Каков твой рост?

— Метр восемьдесят пять, — не без гордости ответил тот.

— Я скажу так: «Хорошая из тебя палка дерьмо мешать, а больше ты ни на что не способен».

— Да я тебе за это, — разозлился Перминов.

— Ну что ты мне сделаешь? Лучше бери метлу и повышай квалификацию в боксах. Водителя из тебя не вышло, может, подметалом хорошим станешь.

Перминов нехотя поплёлся к гаражам. «А ты, Санёк, не горюй, — обратился Григорий к Ловчикову, — ещё много раз придется уезжать от жены, а потом возвращаться. Меньше надоедать друг другу будете. Хочешь, расскажу анекдот?»

— Давай.

— Жена говорит мужу: «Есть такие племена, где мужья продают надоевших им жён. Если бы мы там жили, ты бы меня продал?» Муж отвечает: «Что ты?! Я бы тебя подарил».

— А ты бы, Гриша, продал или подарил?

— Ну уж нет, мы с Маринкой пять лет живём душа в душу, и никого мне больше не надо. Каких двух сыновей она мне подарила. Ещё бы дочку, и совсем хорошо. Санёк, теперь пойдём отдыхать, а в двадцать два часа выезжаем.

— Так точно, — по-военному, с улыбкою ответил Ловчиков.

Выехали, как договорились. Около девяти часов утра прибыли к месту назначения. На складской площадке, кроме заведующего, который отпускал древесину, никого не было. Погрузочной техники, как обещал Савин, не оказалось. Заведующий сообщил, что погрузчик МТЗ, снабжённый КУНОм, накануне сломался. Тракторист пообещал отремонтировать его в течение суток. Сашка забеспокоился и растерянно спросил Григория: «Что же делать? Ехать обратно без груза?» Нажмутдинов ответил: «Не суетись, узнаем, где погрузчик, всё выясним. Порожняком не пойдём, я позориться не хочу. Имей в виду, Санёк, безвыходных ситуаций не бывает. И на свадьбу ты успеешь. Я всё хотел спросить у тебя, почему вы решили пожениться восьмого марта?» Ловчиков, немного помолчав, ответил: «Людмила предложила. Я согласился. Понимаешь, восьмёрка, если её положить горизонтально, означает бесконечность. Таким образом, мы хотим как бы официально утвердить, что нашей любви никогда не будет конца. Мы с Людой и в сельсовете договорились, чтобы они зарегистрировали наш брак восьмого марта».

— Я так понимаю, что до восьмого апреля тебе ждать невтерпёж? — смеясь, спросил Григорий.

— Угадал, — лаконично ответил Ловчиков. — Гриша, надо что-то предпринять, — снова забеспокоился Сашка.

— Сейчас переговорю с заведующим, узнаю, где находится тракторист погрузчика, и съезжу туда, а ты посиди в вагончике.

Григорий возвратился часа через полтора. Сашка по лицу Нажмутдинова понял, что добрых вестей он не привёз:

— Нашёл я тракториста, но ничего хорошего он сообщить мне не смог. Лопнул шланг гидросистемы, да ещё что-то там. Ему начальник пообещал найти и привезти запчасти, но сегодня вряд ли получится. Скорее всего завтра.

— Что же делать, Гриша? — заметался Ловчиков.

— Не суетись, жених, — резко ответил напарник, — тракторист твердо пообещал, что завтра погрузчик будет готов в любом случае. Успеем к твоему бракосочетанию, время в запасе есть. А теперь остаётся только отдыхать.

Как долго для Ловчикова тянулось время. Он не находил себе места, постоянно ходил вокруг вагончика, автомобилей. Заходя в вагончик, мог посидеть там не более пяти минут. Нажмутдинов предложил ему: «Может, выпьешь грамм сто, глядишь, полегчает? У меня с собой всегда есть бутылка водки на всякий случай». Сашка даже не взглянул на Григория, только махнул рукой в знак отрицания. Так прошёл день. Нажмутдинов договорился с заведующим, и тот разрешил им остаться на ночлег в вагончике. Григорий предложил Ловчикову поочередно спать на топчане, который имелся в вагончике. Сашка ответил, что он спать не хочет и будет прогревать автомобили.

— Дело твоё, — пробурчал Григорий и лег спать.

Наступило утро седьмого марта. В лесу было тихо. Сверху медленно падали крупные снежинки. Сашка разбудил напарника и спросил: «Может быть, съездить ещё раз к трактористу и узнать, как у него дела?» Григорий ответил:

— Ещё немного подождём.

Подъехал на «ниве» заведующий складской площадки: «Ну как, отдохнули? — спросил он у Ловчикова. Тот нехотя буркнул: «Отдохнули».

Время шло, а погрузчика не было. В одиннадцатом часу Нажмутдинов вновь поехал в посёлок. Вскоре вернулся и с широкой улыбкой доложил напарнику: «Порядок. Все запчасти доставлены, ремонт идёт полным ходом. Погрузчик скоро будет здесь!» Сашка впервые за проведённые в лесу часы улыбнулся: «Значит, успеем».

МТЗ прибыл к месту погрузки только после четырнадцати часов. Загрузились относительно быстро. Закрепили груз и около шестнадцати часов отправились в обратный путь. Чтобы быстрее выехать на основную трассу, Нажмутдинов предложил ехать не по объездной дороге, а напрямик по просеке. Он сказал Ловчикову, что сам не один раз ездил здесь, сокращая путь и выигрывая время. Сашка спросил: «Сколько километров до трассы по этой лесной дороге?» — «Километров восемь — десять», — ответил Григорий.

— А нам навстречу никто не попадёт, дорога-то узкая, не разъехаться?

— Да в это время никто не поедет сюда. Мы же проскочим эту просеку минут за пятнадцать. Ты давай вперёд и жми, не оглядываясь, тебе же надо спешить.

Сашка вскочил в кабину и двинулся по лесной дороге. Григорий последовал за ним. Проехав сотни две метров, Сашке стало как-то беспокойно на душе. Мартовский рыхлый снег был плохим дорожным покрытием. В некоторых местах колёса продавливали снежно-ледяную массу, и казалось, машина вот-вот забуксует. Но умелое спокойное без рывков управление автомобилем давало лесовозу продвигаться всё ближе к основной трассе. Ловчиков постоянно поглядывал в зеркало заднего вида. Лесовоз Нажмутдинова шёл следом, не отставая. Когда проехали километра четыре, Сашка заметил, что напарник стал отставать, а потом остановился. Ловчиков проехав ещё около километра, остановил машину. Он подождал минут десять и понял, что у Григория что-то случилось, так как напарник не приблизился к нему ни на метр. Сашка заглушил двигатель и пошёл назад к Григорию. Подходя ближе, он увидел, что Нажмутдинов лежит на снегу около колеса прицепа-ропуски, и сразу побежал к напарнику. Подбежав, Ловчиков увидел, что Григорий лежит на спине, его лицо было в крови. Казалось, что он не подаёт признаков жизни. «Гриша, что с тобой?!», — закричал Сашка. Когда же попытался приподнять приятеля, тот застонал. Потом, открыв глаза, сказал: «Больно». Ловчиков к этому моменту успел оценить обстановку. Рядом с односкатным прицепом лежало ЗИЛовское колесо. Прицеп лежал на ступице, а домкрат — под осью. То есть Григорий попытался заменить спущенное колесо прицепа, а когда стал ставить запаску, домкрат, не удержавшись, свернулся из-под оси, и прицеп с грузом упал на левую сторону, где Григорий хотел поменять колесо, и, видимо, бревном либо коником ударило его в лицо. Сашка, приподняв приятеля, срывающимся голосом кричал: «Гриша, Гриша, как ты?!» Нажмутдинов тихо ответил: «Не пойму, как случилось. У меня нос болит». Ловчиков посадил напарника, набрал снега и приложил его к носу пострадавшего. Тот вначале вскрикнул, а потом попросил принести из кабины полотенце, которое он всегда брал с собой. Сашка, обтерев кровь, обвязал полотенцем лицо приятеля для остановки кровотечения. «Как же ты так неосторожно, — говорил Ловчиков, — ведь чудо, что ты остался живым. Где же козелок? Почему ты не поставил его под ось перед тем, как снимать колесо?»

— Я его вообще не брал, механик заставлял, а я перед поездкой его выкинул.

— Что же делать? — продолжал Ловчиков — Сможешь дойти до моей машины? А затем я отвезу тебя до ближайшей больницы. Ты же не в состоянии сейчас садиться за руль?

— Нет, за баранку я сейчас не сяду, голова раскалывается, но и машину здесь не брошу.

— Хорошо, я сейчас побегу к своей машине, возьму козелок и поменяю колесо. Рисковать я не хочу.

Сашка сбежал за козелком, поставил колесо. Потом сел в кабину Гришиного лесовоза и поехал до своей машины. Уже стемнело. На лобовое стекло падали мокрые снежинки. Ехали молча, Сашка уже не вспоминал о свадьбе, все его мысли были о том, как быстрее доставить приятеля в больницу.

Когда доехали до первого лесовоза, Ловчиков сказал: «Если ты отказываешься оставлять машину здесь, придется мне сначала перегонять свою, а затем возвращаться к тебе. Ты согласен на такой вариант?» Григорий в ответ утвердительно кивнул. Теперь Сашке приходилось перемещать свой лесовоз примерно на километр, а потом возвращаться ко второй машине, подгоняя её к своей. До основной трассы это пришлось проделывать несколько раз.

На шоссе Ловчиков поставил свой автомобиль по направлению езды в родной Заречный. Потом, вернувшись к Григорию, и подъехав к трассе, повернул в другую сторону, где находился ближайший населённый пункт. Около деревенского клуба находились молодые люди, которые указали на дом, где проживал фельдшер. Время было уже ночное. Света в доме не было. Сашка постучал в окно. В доме зажегся свет, и через несколько минут вышла женщина лет тридцати пяти. Узнав, в чём дело, она предложила проехать до фельдшерского пункта. Там, осмотрев Нажмутдинова, фельдшер установила, что у него сломан нос и, видимо, сотрясение головного мозга. Она сделала ему марлевую повязку и поставила укол. Затем по телефону вызвала «скорую помощь». Сашка спросил женщину: «Имеется ли здесь междугородняя связь». Фельдшер, засмеявшись, сказала: «Хорошо хоть до больницы дозвонились, а то бывает, и с нею связи нет. О междугородке и говорить не приходится. Нет тут её». Машина «скорой помощи» прибыла часов в пять утра. Прибывшая врач, осмотрев Григория, пояснила, что его увезут в участковую больницу, а там решат: оставить его либо направить в районную больницу. Сашка, понимая, что он опоздает на регистрацию брака, попросил Григория, если из больницы будет возможность позвонить в Заречный, пусть он предупредит об опоздании. Нажмутдинова увезли.

Сашка спросил у фельдшера: «С кем можно поговорить насчет постановки лесовоза?» Она ответила: «У меня же муж механик. С ним и переговорите». Механик, которого звали Михаил Иванович, оказался добродушным и отзывчивым человеком. Он показал место на машинном дворе, где можно оставить лесовоз. При этом заявив, что Сашке не надо беспокоиться за сохранность груза и автомобиля. «Всё будет в порядке», — сказал Михаил Иванович. Потом дал указание трактористу довезти Ловчикова на МТЗ до лесовоза.

В кабине своей машины Сашка посмотрел на часы. Время было половина восьмого утра. Он запустил двигатель и тронулся по шоссе туда, где его, конечно же, ждала и переживала Людмила. Проехав несколько километров Ловчиков понял, что две беспокойные ночи не прошли даром, и он не в состоянии управлять машиной. Сашке хотелось спать, веки, как он ни старался, смыкались. «Надо остановиться и поспать», — подумал он. Впереди на обочине стоял ЗИЛ-130. Ловчиков остановился за ним. Водитель копался в моторе. Он сообщил Сашке, что двигатель «зачихал», и он пока не может найти причину. Ловчиков сказал ему, что устал, и пока тот занимается ремонтом, он поспит в кабине, когда же тот всё закончит, пусть разбудит его. Водитель ЗИЛа сказал: «Отдыхай, я разбужу потом».

Ловчиков поспал чуть больше часа. ЗИЛ быстро ушёл вперед, Сашка выскочил из остывшей кабины, сделал несколько приседаний, пробежал вокруг лесовоза, а потом, посмотрев в зеркало и увидев свою рыжеватую щетину, покачал головой.

Автомобиль двигался вперёд. Сашка до упора давил на педаль акселератора, но лесовоз не набирал скорости больше шестидесяти километров в час. Когда его часы показали двенадцать часов дня, он выдохнул: «Ну вот и всё». Ему оставалось ехать до Челябинска часа полтора, а затем до своего совхоза минимум часов пять-шесть.

Все его мысли были там, в Заречном, где, как он понимал, металась от неизвестности его единственная и любимая Людмила.

Однако Сашка знал главное, что его любит и ждёт лучшая на свете невеста. Несмотря ни на что свадьба состоится, и они с Людмилой пойдут по жизни вместе и не расстанутся никогда. Поэтому он чувствовал себя счастливым.

с. Еткуль

В период юности беспечной

* * *

Была весна. Нам пели соловьи.
От зимних стуж ожили воробьи.
А мы тогда счастливые все были,
По воле чувств куда-то с тобой плыли.

Так, где же вы, те старые друзья?
И где же ты, та молодость моя?
Моя мечта, моя весна
Да верные и добрые друзья!

Сирень цвела, черёмуха цвела
И на душе всегда весна была,
Дышалось нам вольготно и легко,
А до грядущего так было далеко.

Так, где же вы, те старые друзья?
И где же ты, та молодость моя?
Моя мечта, моя весна
Да верные и добрые друзья!

Какие ж ливни были той порой!
И бегали по лужам мы с тобой.
И, забыв домашний свой уют,
В садах, лесах искали мы приют.

Так где же вы, те старые друзья?
И где же ты, та молодость моя?
Моя мечта, моя весна
Да верные и добрые друзья!

* * *

Мы не заметили с тобой,
Как осень в душу поселилась,
А жизнь у нас была большой,
Но юность быстро удалась.

А отступила не на шаг
И не на миг она сбежала,
А, сделав жизненный зигзаг
В седую даль она умчалась.

А той весенней порой
Да с первой майской грозой,
В период юности беспечной
Казалась жизнь нам долгой, вечной.

В том есть людское притяженье,
А мы — как вечное движенье.

г. Трёхгорный

Алексей Тшаков

Ты кто?

— Ты кто?
— Человек.
— Что ищешь?
— Свет.
— Где ищешь его?
— Везде.
— Где видишь его?
— Вижу в тебе.
— Что делать будешь, когда я уйду?
— Не уйдешь!
— Не уйду? Почему?
— Я не пушу!
— Непустишь? Я всё же уйду!
— Тогда... без тебя я умру...
— Но я того не хочу! А ты?
— И я не хочу!
— И что же теперь?
— Останься со мной!
— С тобой?
— Со мной!
— Время пройдёт, оставишь меня.
— Я? Никогда!
— Нужда придёт, оставишь меня.
— Я? Никогда!
— Вера ослабнет, оставишь меня.
— Я? Никогда!

— Ты в этом уверен?
— Да!
— Ты точно в этом уверен?
— Да!.. Думаю, да...
— Думаешь? Сомнение всё-таки гложет тебя...
— И что же теперь?
— Есть выход иной...
— Какой?
— Ищи свет в себе.
— В себе?
— В себе. Он вечен в тебе. И он только твой,
ты только его открой!
— Можешь открыть за меня?
— Не могу.
— Поможешь открыть?
— Помогу.

*

— Кто ты?
— Путник.
— Куда ты идёшь?
— К Маяку.
— Ты знаешь дорогу?
— Нет.
— Ты знаешь, что ждёт на пути?
— Нет.
— Как ты идёшь?
— Я вижу и чувствую свет.

И нам душу греет

Утром февральским

Утром февральским
 Что-то случилось,
 Светом ярчайшим
 Всё озарилось.
 Потом гроыхнуло —
 И тихо на свете...
 И связи не стало:
 Сбились все сети.
 Все ждали беды,
 На самом же деле
 Беды не случилось,
 Лишь стёкла звенели...
 И жертв не случилось,
 И всё поправимо.
 Огненный шар пролетел,
 К счастью, мимо.
 И в озеро рухнул —
 Нашёл свой приют.
 Осколки в коллекцию там достают.

Курортный роман

Озеро «Медвежье», зимняя пора.
 Каждый день лечение: грязи и рапа.
 Мало развлечений, только спать да есть.
 Хорошо, что в клубе дискотека есть.

Огоньки мигают, музыка звучит,
 На меня мужчина пристально глядит.
 Он вполне весёлый и вполне красив.
 В наших отношеньях важен позитив.

Будем веселиться, петь и танцевать.
 Мы сюда приехали здоровье поправлять.
 Честный возвратишься ты к жене опять
 И совместный отдых будешь вспоминать.
 И знакомство наше пусть оставит след
 И нам душу греет много зим и лет.

г. Пласт

Елена Черданцева

И даже так случается

На даче зимой

Заскучала я на даче —
 Так давно здесь не была.
 И в моём пустом домишке
 Поселилась зима.
 На трубе сидит верхом
 Снеговой огромный ком.
 Как мне печку растопить,
 Чтобы снежный ком пробить?
 Дым никак не шёл в трубу
 И домишко весь в дыму.
 Чтобы было чем вздохнуть,
 Дверь пришлось мне распахнуть.
 Долго с печкой я возилась —
 Наконец-то растопилась,
 Жарковато разгорелась.
 Я у печки отогрелась.
 Ну, пора во двор идти,
 Снег лопатой разгрести.
 Поработаю немножко,
 Разгребу в саду дорожку,
 Проторю тропинку в сад
 И хозяйский брошу взгляд.
 Чтоб на даче не скучать,
 Буду чаще приезжать.

Любовь обманная

А ты была красивая,
 Беспочвенно ревнивая.
 Носила русу косочку
 И платьице в полосочку.
 Лебёдушка ты белая,
 Девчоночка ты смелая.
 И думала: как слюбится —
 Всё так оно и сбудется.
 Любовь — хоть и желанная —
 Бывает и обманная.
 И даже так случается —
 С любовью разлучаются.
 Как вишенка ты спелая,
 Надела платье белое.
 Когда ж пришёл женитьбы срок —
 Тут милый ручейком утёк.
 ...Сейчас же ты подстрижена,
 На жизнь-судьбу обижена.
 Нет платьица в полосочку
 И куришь папирочку.

г. Трёхгорный

Татьяна Сыромятникова

Душа трепещет

Сторонка моя

Встаёт заря за косогором,
Петух давно уж прокричал.
Нет краше этого простора,
Ведь здесь — начало всех начал.

Трава покрылася росой,
День снова зной с собой несёт.
А мне по сердцу и такое,
Во всякий час душа поёт.

Застрекотал кузнечик робкий,
Собой о лете заявив.
Из сердца вырвался дотолё
Дремавший в глубине мотив.

Как хороша моя сторонка —
Простор и дышится легко!
Я без зеркал опять девчонка,
Мечты взлетают высоко!

Встаёт заря за косогором,
Ещё один денёк идёт.
Не нарушайте разговором
Тот миг, когда душа поёт!

* * *

Приятно сознавать необходимость,
До коликов, до дрожи в телесах.
Когда тебя зовут, скажи на милость,
Душа трепещет, рвётся в небеса.
Не забывайте обо мне, вас умоляю.
Не от тщеславия, не от гордыни, нет.
Пред человечеством колени преклоняю,
И вижу в нём один лишь добрый свет.
Старею, всех любя, и недругов прощаю.
Не забывайте про меня!
И вас не забывать я обещаю!

г. Верхнеуральск

Антонина Чирец-Полякова

Деревня

Деревня! Моя Богородица!
Судьбу разделивши со мной,
Застила тебя непогодица
Нависшая по-над страной.

Внезапно накрывшие тучи
С тобой сотворили погром.
И образ твой светло-могучий
Поник и исчез за углом.

И прелесть святой старины
Там больше уже не витает:
Безлюдье — куда ни взгляни
Заезжего молча встречает.

А раньше какой ты была!
Влюбленная в жизнь перезвонница,
И лучшая жница села
Тогда называлась колхозница!

И песни, и пляски, и смех
Гудели над прежним селом.
А сколько старинных утех!
Куда все исчезло потом?

А в бытность святой старины
Дома, терема возводили
Старинной закалки сыны.
Царю и России служили.

Доблесть, порядочность, честь
Спутницей жизни витала.
За землю святую, что есть,
Ох, полегло их немало!

Деревня, кормилица наша,
Очнись, процветай и живи!
Всем впрок деревенская каша
И светлое чувство любви.

Ты сутью своей вдохновляла,
На подвиг великих звала,
Поэтам ты темы давала,
Влюбленным в пенаты села.

Твои деревенские рощи
Волнуют мне душу и кровь
И бродит со мною по кущам
Святая, как Вера, Любовь!

Верхнеуральский район

Зимой мечтают о весне

Ледок

Был мальчишка маленьким,
Убегал на лёд,
Лёд трещал под валенком —
С клюшкой шёл вперёд.

Хрусть да хрусть под валенком,
Топнул раз, другой —
Вот уже провалинка —
Промочил все валенки,
Поспешил домой...

И теперь не маленький
Шёл он напрямик,
ГнулсЯ лёд под валенком,
Дед был озорник.

Уж в глубокой старости
Знал, идти — не мёд!
Лёд крепчал... От радости
Дед ступил на лёд.

Помню был я маленьким,
Клюшку дед дарил,
Втихаря от маменьки
На ледок ходил.

.....
Вспоминаю речку,
Тоненький ледок.
Ты со мной навечно —
Мой родной дедок!

Мечта

Спокойный, в предка, жеребец
И резвая кобыла
Подружились наконец,
Я в стойло их водила...

Зимой мечтают о весне,
О радостном приволье:
Эх, поваляться на спине,
Да на лугах раздольных!

И я мечтаю о тепле,
И о лугах раздольных.
Эх, прокатиться бы в седле,
Да на конях задорных!

Падению метеорита
«Челябинск» — 5 лет

Небесный гость.
Стёкла звенели, посуда в шкафах.
Яркая вспышка, весь ужас в глазах.
Чёрным отмечен тот памятный день,
Ветер февральский доносит ту звень.

...Грозно рассыпался метеорит,
Каменный дождь по Уралу гремит..
Кто в Чебаркуль, там упал головой,
Рухнул под лёд, захлебнулся волной.

В Пласте решили: дорогой другой,
По целику, не набитой тропой.
Шли напрямик, утопая в снегу,
След обозначил двойную дугу.
В ямках искали осколки дождя,
В снежных «сосульках» — всё было не зря...

Что подарить? Юбилярам пять лет.
В них патриотов тех жизненный след.
Имя присвоить им «Березняки»,
Страшно подумать: летели куски.

Помни, историей той дорожи!
Двери музея открыты, спеши.
Глянь на «пришельцев», в руках поддержи —
Греют теплом благородной души.

Радует сердце мне край дорогой,
Добрые люди с открытой душой.
Радует нынешний пятничный день,
Снежное небо, февральская звень!

г. Пласт

Бабушкин хлеб

эссе

Хлеб моего детства — это просто непередаваемо. Хрустящий, разломанный ломтями и горячий, только что из печи. Это одно из воспоминаний, которое греет душу.

Бывало, проснёшься утром, а на столе, пуская пары, шумит самовар, а рядом на скороводе целая стопка масляных оладушек. Напекла их бабулечка, пока пылала жаром печь. А теперь она хлопочет на кухне, доставая из печи зарумяненные, круглые, с волнистыми краями буханки хлеба. Берёт их голыми руками и, похлопывая по горячим бокам, складывает на полотенца, расстеленные на кухонном столе. Ласково приговаривая, зовёт меня за стол. стакан парного молока и ароматный ломоть хлеба — божественный завтрак! А на следующий день остывший хлеб бабушка будет нарезать краюшками, уперев одним краем кругляш к груди. И обязательно спросит: «Колхоз или совхоз?»

А я отвечаю наугад, т. к. до сих пор не знаю, по каким критериям разделяла она домашний от магазинного. Но вот она меняется в лице: улыбка пропадает, откладывает кругляш в сторону и берётся за кирпичик магазинного. Тогда говорю, что я пошутила, и мне нужен её хлеб. Она тут же улыбнётся и притянет краюху своего хлеба. Бабушка обычно съедала мякиш, а корочки либо размокала в своей пиалушке чая, либо отдавала мне. И до сих пор я предпочитаю корочки. Мои домашние, зная мою слабость, по возможности не трогают их.

Брат в начальной школе учил песню про бабушку. Содержания не помню, но там присутствовали слова про хлеб. И как-то вдруг, услышав эту песню по радио, сразу вспомнила свою покойную бабулечку: её добрые глаза, сухенькие руки и, конечно, неповторимый вкус её хлеба. На глаза тут же навернулись слёзы. Хотелось, как в детстве, расплакаться и прижаться к бабушкиным коленям. Как давно это было! А в памяти, будто только вчера. Я — маленькая девочка за столом, с горячим хлебом в руке, рядом с бабушкой, а на столе большой самовар.

Мороз

Неуклюже просеменив, я с трудом перешагнула порог вслед за бабушкой. Раннее морозное утро словно поджидало нас прямо за дверьми и с ходу окутало навязчивой «заботой». Но бабушка моя постаралась чуть раньше, навязывала на меня почти все имеющиеся у меня тёплые вещи и обмотала своей большой пуховой шалью поверх пальто и шапки, концы которой завязала сзади на поясе. И, несмотря на протесты, нос мой спрятала в этот пух. Вот такой пуховый кокон с глазками и ножками, руки в двойных варежках тоже умело убраны бабкой под шалёк.

Шагалось трудно, но настырный мороз приковал внимание к себе, и вскоре о неудобствах я просто забыла. С интересом наблюдала, как этот озорник, перехватывая выдох, превращал его в нескончаемый клубящийся пар передо мной. И как с каждым шагом облеплял инеем мои шаль и ресницы. Сквозь скрип, исходящий из-под наших с бабушкой валенок, я уловила странный гул, словно кто-то завёл юлу. А она всё крутится, крутится и гудит, гудит, переливаясь, без остановки. Вскоре я догадалась, что явилось источником данного звука, это электропровода, сплошь покрытые инеем. Казалось, гудят даже заиндевевшие столбы, держащие эти провода. Я задалась вопросом: «А почему это они вдруг загудели?» И мне очень захотелось иметь игрушку-юлу в напоминание этого волшебного момента.

Как-то неожиданно вся округа начала окрашиваться в алый цвет. И серо-синяя дымка нехотя впускала этот солнечный привет в свои пределы и, меняя цвет, заиграла совсем другими красками, придавая особый уют зимнему утру. Столбики дыма из печных труб не спеша, словно наслаждаясь ярким оттенком, тянулись ввысь, а потом растекались по небу образуя лёгкие, как пух, облака. Мимо нас проходила женщина, поравнявшись с нами она вежливо поздоровалась с бабушкой и, глянув на меня, как бы невзначай, будто мячик, бросила незнакомое тогда мне, звонкое и красивое слово: «Не озябла?» Я вопросительно глянула на бабушку, та мне перевела на родной язык, и я на миг ушла в себя, проверяя все участки своего тела на предмет данного слова, но ничто не откликнулось во мне, и я помотала головой.

Эта женщина уже и забыла про свой заданный вопрос, живо жестикулируя, что-то рассказывала бабушке. А я продолжила с любопытством изучать зарождающийся день, находясь рядом с моей любимой бабулечкой на узкой утоптанной тропинке вдоль высоких сугробов, достигающих почти моего роста.

г. Нязепетровск

Сонет

«Писал сонеты Дант суровый»
И Пушкин много их писал.
Писал порой про женски взоры
И ножки узкой идеал.

В любви он был непревзойденный —
Следы любимой целовал.
Горячи были разговоры —
В поэзии всегда блистал.

А как глаза его горели!
То пылок, то застенчив был.
Стихами, словно на свирели...

Ревнивы мужи зеленели.
Поэты были с ним добры
И гения в поэте разглядели.

г. Чебаркуль

Маргарита Кононенко

Какой же вкусный чай из самовара

эссе

Вы когда-нибудь пили чай из самовара? Наверняка! А я запомнила из своего далёкого детства, как моя бабушка готовила самовар к чаепитию... Как же это было давно... Солнце едва показалось, с петухами поднималась и моя бабуля: начинала хлопотать на кухне, заводить тесто и печь блины. Вскоре ароматы выпечки быстро понеслись по комнатам, и уже не нужно было никакого будильника. Просыпалась я быстро и, боясь пропустить самое интересное, накинув свой фланелевый халатик, выбегала вслед за бабулей. Она, закончив свою стряпню, шла во двор, где уже наготове стоял на земле самовар. Взяв в дровнях берёзовую полешку, с помощью ножа расщепляла её на лучины, забрасывая их в топку. Открыв крышку самовара, наливала свежей колодезной воды. Зарядив таким образом «чайный аппарат», отрывала бересту с полена и подносила к ней горящую спичку. Потрескивая от огня, береста «летела» в трубу, обволакивая тонкие берёзовые лучины. Из жерла самовара тянулся белый, едкий дымок. Он вызывал слёзы на глазах бабушки и у зевак... Взяв сапог, будто мехом, раздувала огонь в жерле самовара. Труба-насадка помогала дыму устремляться вверх, в небо. Воздух наполнялся смолистым запахом бересты... Бабушка, периодически снимая трубу, подкладывала всё новые порции щепы в топку... В ожидании я ходила вокруг этого пузатого красавца, начищенный до блеска, он сиял. Я любила играть с ним: присаживалась на корточки, строила рожицы, показывая язык собственному отражению. Они получались вытянутыми и искривлёнными. Смешило отражение бабушки в самоваре, она там казалось такой же маленькой, как и я. Глядя на мои выкрутасы, бабушка шутливо отстраняла меня подальше от закипающего самовара, предупреждая: «Уйди, акбаш! (белобрыся — с татарск.) обожжёшься!» Разве меня отгонишь? Я брала бумажную картонку и начинала разгонять дым вокруг трубы, воображая себя ветерочком, пока бабушка не отгоняла, чтобы подложить новую партию щепы. Легче было довести бабушку до белого каления, чем аппарат до кипения... На это требовалось время и терпение... И вот готово! Это был самый торжественный момент, она заносила кипящий самовар в дом, ставила его на жестяной поднос. Подавала к столу свежевыпеченные блины, мёд, баранки, большие головки сахара-рафинада, восточные сладости: халву и печак (конфеты из сахара и муки). Завтрак выглядел сказочно! Приглашала домочадцев к столу. Бабушка важно разливала кипяток из самовара по чашкам, разбавляя его заваркой. Аромат душицы и мяты в маленьком чайнике, восседавшем на макушке самовара, действовал магически. Горячий чай сливали в блюдце: обязательно дули на него, чтобы не обжечься, пили осторожно, с характерным втягивающим в себя звуком «ффпп». Бабушка маленькими щипцами колола большой комок сахара на более мелкие кусочки и показывала мне, как правильно пить чай, «вприкуску»! Меня это смешило, но мне очень хотелось подражать ей. Я важно надувала щёки, дуя на чай, прикусывала кусочек сахара, предварительно смочив его. Не забывая о звуке «ффпп», как бабушка, шурясь от удовольствия, трапезничала со всеми! Уплетая за обе щёки блины, добротню обмакивая их то в мёд, то в алычëвое варенье, думала: «Какой же вкусный чай из самовара!»

Увельский район

Анатолий Рыбальский

О Володе Курносенко. О времени и о себе

Круг общения в водовороте жизни удерживает человека на своей орбите и редко отпускает на более высокую. Так мы находимся каждый в своём круге и смотрим на все явления именно из этого круга через голубой экран телевизора или компьютера, а то и через горлышко бутылки. И всегда те, кто наверху, нам втюхивают то, что им нужно для того, чтобы пользоваться нас, народ, как им выгодно. Но иногда господь устраивает так, что встречается человек, влияет на нас и мы, набрав энергии, знаний, включаем один из базовых инстинктов человека — доминантность, переходим в другую категорию, теряя центробежность, вливаемся на более высокую орбиту, хотя понимаем, что всё повторится снова, просто в более сложном варианте. И тут опять что-то происходит, мы чего-то опять добиваемся, только цена ошибок теперь намного выше.

Тот социальный круг, в котором я с детства вращался, был очень прост, мы жили в частном секторе, где все удобства снаружи, я с 12 лет носил питьевую воду из колонки на коромысле, а по субботам и воскресеньям за окном пьяные мужики дрались и ругались матом. Моя мама работала уборщицей и то, что учиться нужно хорошо, внушить мне убедительно не могла, и я кое-как одолел восьмой класс школы № 11 (она тогда была не элитным лицеем, а затрапезной восьмилеткой). Оканчивал школу я в одном классе с Володей Курносенко, он помогал мне готовиться к экзаменам. Происходило это на водной станции. Миасс тогда был полноводной рекой, Шершнёвской плотины ещё не было, и на её месте мы собирали с прокатной лодки водяные лилии. Тогда впервые Володя заразил меня чтением. Он дал мне «Три товарища» Ремарка — это был толчок. Дальше наши пути разошлись лет на двадцать. Я сначала пошёл учиться в 107-ю школу на ЧТЗ, встретил там нового друга-мажора, который продолжил заражать меня романтической литературой Ремарка, Хемингуэя и Джека Лондона, к тому же в нашем классе преподавала литературу прекрасный педагог Генриетта Серафимовна Чуличкова. Там произошёл случай, кардинально изменивший мою жизнь. Нам задали сочинение на тему: «За что я люблю Маяковского». Я был парень «поперечный» и написал: «За что я не люблю Маяковского». Моей основной претензией к автору была фраза: «Ну Есенин. Мужиковствующих свора. Смех! Коровою в перчатках лаечных». Генриетта поставила мне «четыре» и приписала: «Чтобы не любить, надо знать». Я, парень «поперечный», взял и выучил «Облако в штанах» и как-то ей его прочитал почти целиком, с этих пор мы с ней дружили вплоть до её смерти. Я полюбил Маяковского, стал писать стихи, и они повлияли на мою жизнь. Так получилось, что я в 16 лет пошёл работать в локомотивное депо, потом съездил сезонником на крайний Север, зарабатывал на свадьбу. Женился я на своей однокласснице из 107-й школы, которая в тот момент училась на филологическом факультете. Затем я отработал в ЧПИ шесть лет, ездил со студенческими отрядами, добывал средства для семьи, писал стихи понемногу. В середине восьмидесятых мой знакомый предложил мне показать сочинения своему другу, редактору Южно-Уральского книжного издательства. Этим другом оказался Володя. Моя первая публикация в альманахе «Уральская новь» с его вступительным словом состоялась с его подачи.

Мы довольно быстро подружились, он тогда жил с Таней Набатниковой. Курносенко посоветовал мне пообтесаться в стихотворном ремесле в литобъединении «Металлург» и познакомил меня с Атиллой Садыковым, Александром Куницыным. Его авторитет помог мне какое-то время удержаться в компании этих, непохожих на меня людей, их безжалостная критика научила не переживать по поводу неудач и не радоваться мимолётным успехам. Позже Володя познакомил меня с Николаем Годиной, с которым мы стали друзьями. Многие вещи я познал от дружбы с Володей, другими глазами стал смотреть на литературу, на кинофильмы, на веру. Я не могу сказать, что я во всём соглашался с ним. Мы довольно часто спорили о серьёзных вещах. Но я достаточно много перенял от него. Помню, например, как я, крещённый в младенчестве, под его влиянием в зрелости начал посещать храм и креститься перед входом в него. Поверьте, мне это было непросто. До этого я испытывал какую-то совковую неловкость от церковных обрядов и треб.

В 1990-е годы я окончил вечерний экономический вуз, работая в Челябинском филиале ВНИИ «ВОДГЕО» механиком. Это было время надежд и свобод. Страна рождала новый стиль жизни, меняя неэффективную модель социального равенства на жёсткую систему конкурентной борьбы. Конкуренция получилась только у тех, кто был тогда у власти. Они изобрели такую модель экономики, при которой предприятия, приносящие быстрый доход, попилили между собой и бандитами, короче, образовалась мафия. Все остальные люди выживали. Борьба с милитаризмом привела к тому, что большинство предприятий были остановлены

и разграблены, а люди выброшены на улицу. Народ в этой борьбе идеологий в огромной массе оказался лишним и целыми семьями спивался, погибал в бытовых драках, криминальных разборках и региональных конфликтах. Интеллигенция в этот момент переживала и, как водится у западников и почвенников, делила сферы влияния. Независимо от вектора политической ориентации все хотели иметь средства для своей борьбы, и вот, наконец, каждый искал способ заработать, тем более что внутренний рынок наполнился импортными товарами. В страну пришли новые строительные технологии, качественные автомобили, и мы (народ) через нищету постигали экономику потребления. Но всё-таки в нас оставались осколки веры в новую власть, мы с надеждой смотрели, как ломали копы на трибунах новоиспечённые политики, как рождались новые законы. Понимая, что обманут, мы всё-таки верили, что всё образуется и креативным классом станет не тот, кто ловко орудует шейкерами за барной стойкой, а тот, кто знает, что такое потребительная стоимость. Когда вышло новое на тот момент налоговое законодательство мы, вдохновлённые его появлением, решили организовать фонд культуры, вернее, открыть в Челябинске отделение Всероссийского фонда культуры, возглавляемого тогда писателем Проскуриным. Володю выбрали председателем, а меня директором. Я для этого ушёл из института. Во-первых, было желание помочь одарённым людям, во-вторых, у нас было несколько знакомых предпринимателей, которые были согласны поделить часть прибыли, встав под крыло нашего фонда. Оказалось, льготы давали не всем, и мы, не получив ни рубля, закрылись. Имея несколько рабочих профессий и диплом экономиста, я как-то устроился, став в итоге учителем «технологии», попросту трудовиком, а Володя занимался литературным трудом, перебиваясь время от времени случайными заработками. Несмотря на то, что материально было тяжело, это было благодатное время, и я сейчас понимаю, что материально благополучный бездуховный человек проигрывает тому, кто в бедности получает удовольствие от молниеносного проблеска летящей мысли, красоты доброго поступка, чистой и наивной народной простоты. Мы жили, как говорится, душа в душу. Очень много переговорили, и я благоговейно вспоминаю то время. На первый взгляд, мы были мало кому нужны в этом мире, кроме своих родных. Но это только на первый взгляд. Мы не были ангелами, мы никогда не претендовали на роли мессии в этом обществе. Но бог свидетель: мы были нацелены на добро. Володя в поисках лучшей культурной жизни переехал в Псков, и мы долгое время писали друг другу. Помню, как я ждал этих писем, каждое письмо — событие, но в конце концов пути наши разошлись, мы перестали переписываться, какая-то нелепая чужая случайность разорвала наши отношения, и мы больше не общались. Я сожалею, что гордыня не позволила мне выяснить суть нашей размолвки, но что есть, то есть. Мне очень не хватает этого общения, но я горд, что какое-то время был другом Владимира Курносенко. Я меньше всего хотел бы примазаться к чужой славе, всё-таки Володя успел что-то создать в литературе и у людей понимающих, как говорится, в авторитете, но для меня главное то, что он сумел раскрутить во мне маховик творчества, который помог мне стать человеком, уважающим себя.

г. Челябинск

Серафима Москвина

Мои звезды

*И что-то большое откроется сердцу,
Такое, что жизнью моей не объять.
И станет спокойно и сладко, как в детстве,
Когда обнимала меня моя мать.*

Сергей Трофимов

Воспоминания из детства, как яркие звезды, возникают в памяти и украшают жизнь.

Мне на всю жизнь запомнились жаркие летние ночи, когда мама стелила постель под открытым небом во дворе нашего старинного дома. Прямо на траву она раскладывала тулуп, матрас, одеяла, простыни. Потом купала нас, и мы, намытые до блеска, ложились в необычную постель с трепетным предчувствием чего-то сказочного и необычного. Мы прижимались к маме, и она старалась обласкать каждую из нас. Ощущение близости мамы, безмятежной радости и покоя охватывало всех. Наша семья походила на маленький островок любви и счастья под огромным ночным небом.

Мама тихо говорила: «Летние ночи красивые, короткие, о них и говорят красиво: “Звездной поступью царицы на землю опустилась ночь”». Она рассказывала интересные сказки.

Младшая сестренка, ей шел второй год жизни, сразу засыпала. Мне было три года, но я хорошо помню, как я с замиранием сердца во все глаза смотрела в ночное небо. Какое оно огромное! Как много звезд! Какие они разные. Мне казалось, что они — живые: мерцают, переливаются, стремительно пролетают, очерчивая в темном небе загадочные знаки. Постепенно я переносилась сознанием к звездам, и мне казалось, что я прикасаюсь к чему-то неизведанному, к вечности.

Мама обнимала меня: «Доченька, ты всё еще не спишь? Скоро будет светать. Я и сама люблю смотреть в ночное небо. Оно такое таинственное и загадочное. Звезды такие же планеты, как наша Земля, но они далеко-далеко. Так далеко, что к ним никогда никто не летал. Видишь — большая белая полоса, как в ней мерцают мелкие, как пылинки, звезды?» — «Да, — тихо отвечала я. — Их так много, что они образуют эту большую белую полосу, как дорогу. Это Млечный Путь. Далекий и таинственный. Люди мечтают полететь к звездам. Всем хочется знать, живут ли там такие же люди, как мы, или какие-нибудь другие живые существа. Я верю, что это когда-нибудь случится, и люди, преодолев трудности, полетят к звездам». — «Мама, я тоже хочу полететь к звездам», — очень тихо говорю я. «Мечтай, доченька, человек без мечты как птица без крыльев. Если очень, очень захотеть, то мечты обязательно сбываются. А пока тебе нужно подрасти». Мы крепче прижимаемся друг к другу. Небо бледнеет, звезды, улыбаясь, прощаются с нами. Мы засыпаем...

Утреннее солнце теплыми лучами целует нам лица. Мы просыпаемся. Вокруг зеленая трава, цветы, щебечут птицы, летают бабочки. Неудержимая радость летнего утра охватывает нас. Мы вскакиваем, начинаем прыгать, смеяться, баловаться на этой необычной постели. Появляется мама: «Проснулись мои девочки!» Мы бросаемся к ней: «Мама, мама, ты такая красивая, мы любим тебя!» Мама обнимает нас: «Я тоже люблю вас больше всего на свете, больше жизни, — тихо говорит она. — Посмотрите, какой сегодня день, какое ласковое солнышко. Давайте одеваться, я уже приготовила завтрак». На кухне чисто и светло. Мама, улыбаясь, подает нам овсяный кисель и тертую морковь с нашего огорода. Пахнет травяным чаем. «Ешьте, мои дорогие!» И нам кажется, что нет ничего вкуснее на свете. И снова ощущение безмятежной радости и покоя. А это и есть счастье, которое живет в наших сердцах всю жизнь. Потому что всё начинается в детстве.

Р. S.: Шел 1943 год. Где-то далеко гремела война, а у нас было раннее детство. Маме было всего 26 лет, и она уже получила извещение о том, что наш отец пропал без вести. Оставшись одна с тремя маленькими детьми, она собрала все силы, всё свое мужество, чтобы сделать наше детство по возможности светлым и счастливым. Окружив нас своей безграничной любовью, в годы тяжелых лишений она и нас учила любить, радоваться, ценить и довольствоваться тем, что у нас есть. Учила трудиться и мечтать. Мы благодарны ей за всё это.

г. Снежинск

Малик Шангараев

Время выбрало нас

Посвящается памяти участникам Афганской войны

Годы уносят не всё. Память и боль остаются в сердцах и возвращают нас туда, где мы служили.

Ниже напечатаны воспоминания ветерана боевых действий Малика Галимзяновича Шангараева, 1968 г. р. Он проходил подготовку в учебном батальоне с сентября 1986 по май 1987 в г. Ленинкане (Армения); в 1987—1989 годах служил водителем многоосных машин в Афганистане: 108-я дивизия, 180-й МСП (мотострелковый полк) в/ч 51864; основная дислокация части в г. Кабуле.

В настоящее время Малик Галимзянович проживает в г. Казани, где работает в Центральной республиканской больнице.

Материнское благословение

Сентябрь 1986 года. Война в Афганистане длилась уже 7 лет, и казалось, ей не будет конца. «Черный тюльпан» с каждым рейсом возвращался на Родину с цинковыми гробами погибших бойцов, неся чьим-то матерям страшное горе. Только после окончания той войны в СССР были опубликованы данные по количеству советских воинов, погибших под афганским небом. Общие потери составили 13 836 человек, более 50 тысяч раненных.

Молодого призывника Малика направили на военную подготовку в город Ленинкан (Армения) для последующей службы водителем в автобатальоне. Началась непростая

казарменная жизнь с тактическими учениями, стрельбищами и обучением искусству вождения в горной местности.

Величаява гряда горного Арарата — подходящая местность для ведения боя в сложнейших горных условиях. Все это, как и особенности военной подготовки, наводили будущих бойцов на мысль, что их готовят для службы в Афганистане.

Наступил апрель 1987 года, приближался конец учебной подготовки. Тревожное предчувствие подтвердилось: призывников на самом деле направляют в Афганистан. Малик решил не тревожить родственников, поэтому не сообщил им об этом. Каким-то образом тревожные слухи дошли до его матери, и она приехала к нему. Перед своим отъездом обратно домой мать дала сыну два маленьких пакетика с напутствием: «Храни, сынок, эти обереги, держи всегда при себе, и тогда Всевышний тоже будет хранить тебя!» В одном пакетике была сура (глава) из Корана, в другом — мелкая соль экстра, но не простая, а заговоренная.

Уже 8 мая Малик прибыл в мотострелковый полк г. Кабула, в легендарный 180-й мотострелковый полк, в котором начальником штаба был подполковник Руслан Султанович Аушев, в будущем Герой Советского Союза.

Из воспоминаний Малика: 15 мая нас взяли на первое боевое крещение в Черных горах Айлихель, провинция Пактия, где проводилась большая армейская операция 40-й армии. Местность Алихель, граничащая с Пакистаном, в то время была наиболее напряженной зоной военных действий. Скалы, горы, кишлаки, извилистая дорога, уходящая в Пакистан, зачаровывают. Великолепие гор подкупает своей первозданной красотой, однако останки подорванной техники не сулят ничего хорошего. Из-за любой скалы, из-за любого куста «зелёнки» могли прогреметь смертельные выстрелы. Именно в этой местности из Пакистана труднодоступными тропами в Афганистан шли караваны с оружием, наемниками, боеприпасами и наркотиками, несущие ранения, а часто и смерть нашим солдатам. Первое боевое крещение длилось почти месяц. Однажды во время боевых действий под горячими лучами афганского солнца я снял свой бронжилет. Это проступок увидел подполковник Аушев. И, чтобы я не расслаблялся, он наказал меня за такое своеволие таким образом: на меня надели два автомата, закрепив их крест-накрест, навьючили рюкзак на спину и на голову каску. Всё это в 30-градусную жару!

Здесь, в горах Айлихель, я отметил своё 19-летие. Командир перед строем поздравил меня и в качестве подарка вручил мне печенье, плитку шоколада, сухой паёк, а ещё предоставил выходной день. Но в увольнительное можно было отправиться разве что в Пакистан... В горах особо не погуляешь, граница рядом.

На следующее утро армейская колонна двинулась обратно в Кабул.

Я ехал со своим земляком Сергеем Большаковым на КамАЗе. Доехать в светлое время суток до следующего пункта назначения в город Гордез не получилось, пришлось ехать в полной темноте, на «ощупь». Включать фары было опасно, боялись обстрелов с гор, движущаяся колонна — очень удобная мишень для «духов».

Даже ночью воздух был раскален. Облако пыли плотно окутывало машины. Пахло гарью и бензином, и всё это происходило под смолянисто-черным южным небом с миллиардами мерцающих звезд. Горячий воздух с примесью бензиновой гари дурманил, по телу растекалась ленивая дремота, нестерпимо хотелось спать. Сергей меня предупредил: «Если хочешь жить, не давай мне заснуть!» Во время остановок Сергей ложился головой на руль и мгновенно засыпал, а я наблюдал за колонной, чтобы она не уехала без нас. На одной из таких стоянок я тоже заснул, а когда проснулся, колонны рядом не было. Чтобы догнать колонну, Сергей прибавил скорость, но вовремя не притормозил на крутом повороте, машина съехала с дороги и зависла передком над пропастью. С автоматами наперевес мы кое-как выбрались из машины и остолбенели — перед нами тёмная бездна! Оставалось буквально несколько сантиметров, и мы бы оказались на дне ущелья. Благо за нами двигались танки и БТРы, один из них подцепил и вытащил наш КамАЗ на дорогу. В тот момент впервые я вспомнил про мамину обереги и решил, что именно они спаси нас.

Только под утро добрались до Гордеза. Этот город на востоке Афганистана является центром провинции Пактия. В 1980—1987 годах город использовался как операционная база контингента советских войск в Афганистане. На построении полковник Агибалов вызвал из строя Сергея и спросил: «Как такое с вами случилось и как вас теперь наказать?!» Сергей оказался сообразительным парнем, отшутился: «Накажите как за пересечение железной дороги в неполюженном месте». В строю волной прокатился смех, ведь в Афгане никогда не было железных дорог! Командир юмор оценил, поэтому в этот раз обошлось без наказания.

Афганские дороги в Гардез, Кундуз, Кабул, Баграм, Пули Хумри, Ташкуртан, Хайратон узкие, пыльные и непредсказуемые. Выстрелы из-за засад, подрывы на фугасах, сожженные КамАЗы на обочинах дорог не были редкостью. Несколько раз случалось, когда обереги меня не только охраняли, но и спасали.

Интересный случай произошел со мной под конец службы в Кабуле. В 1988 году полк выдвинулся на очередное боевое задание. А я должен был с экспедитором доставить продукты в аэропорт Кабула, откуда на вертолетах их переправляли в расположение нашего полка. Пока наш старшина летал в район боевых действий, мы воспользовались моментом и решили съездить в магазин военторга. По дороге я едва не столкнулся с машиной, где за рулем находился офицер, разрешить инцидент мирно не удалось. Он сильно сердился, кричал и потребовал мои документы, среди которых были военный билет, путевка, комсомольский билет. Офицер сердито вырвал документы из моих рук и уехал в свою часть.

После возвращения старшины из командировки я объяснил ему ситуацию, в которую я попал. Вместе с ним поехали за документами к забравшему их офицеру и попросили их вернуть. На что тот ответил, что эти документы переданы начальнику нашей автомобильной службы. От начальника я получил неожиданный ответ: «То, что случилось с тобой, — это ерунда по сравнению с тем, что среди документов нашли душманскую шифровку на арабском и пакетик с героином. А это дело весьма серьезное!». Я понял, что то были мои обереги и попытался разъяснить начальнику, что они значат. Но он удивил меня словами: «Я сам понюхал из того пакетика и до сих пор “тащусь”, значит, героина в нём было много...» Меня отстранили от водительской работы и поместили под домашний арест. По этому поводу неоднократно вызывали на допросы сначала в штаб армии, а затем передали под следствие в особый отдел. Там, в состоянии неопределённости и стресса, я провёл почти два месяца. До моего «дембеля» оставалось не так уж много времени, неожиданно мне помог случай. В один из дней к нам зашел прапорщик из соседней роты, он очень удивился, что я не в автоколонне. Я рассказал о неприятной ситуации, в которой оказался. В тот же день прапорщик съездил в штаб армии и привез оттуда мои документы. Оказалось, что у него в штабе были друзья, они и вернули документы, а те, кто должен был заниматься моим делом, просто забыли обо мне! Я был крайне удивлен, что в особом отделе служили такие «спецы», которые так долго расшифровывали суру из Корана и не могли отличить соль от героина. За длительное время пока меня держали под арестом, наш полк в боестолкновениях с «духами» понёс значительные потери. Было очень обидно, что в эти трудные моменты меня не было рядом с товарищами...

На «дембель» я своевременно не попал. В связи с выводом войск из Афганистана нас задержали, поэтому вернулся домой только 15 января 1989 года, как раз в день рождения моей мамы. Она была растрогана до слёз и при нашей встрече лишь промолвила: «Самый большой подарок для меня — это ты, сынок, живой и невредимый!».

г. Казань

Татьяна Киселева

Путевые заметки провинциалки

Плацкартный вагон скорого поезда, следовавшего из Челябинска в Санкт-Петербург, наполнялся пассажирами. За несколько минут до отправления появились мои соседки, две молодые особы. Весело переговариваясь, они принялись раскладывать свой багаж, сокрушаясь о забытой сумке с подарками. «Хотели опоздать, но не получилось?» — заметила я. В ответ раздался дружный смех. «Подруги», — подумала я. Как оказалось в дальнейшем, они были ещё и одноклассницами. Оксана и Марина, так звали моих попутчиц, устраивались, ужинали, весело болтая о впечатлениях последнего дня. Вечерело. Я смотрела, пока было можно, в вагонное окно. Мимо окна проплывали подёрнутые первой желтизной кустарники, телеграфные столбы, какие-то постройки. В Екатеринбург поезд прибыл поздно вечером. У меня поменялись соседи на верхней полке. Появившийся молодой человек, затаив над моей головой, мечтая, видимо выспаться. А мне этого не удалось сделать. Рано утром я уже смотрела на столбы, проплывающие за окном, поля и дома вблизи от железнодорожного полотна.

Утро выдалось солнечным. Лесные пейзажи за окном разнообразили скучный досуг. Вот потянулись любители ранних завтраков с дымящимися кружками в руках. Захотелось и мне присоединиться к ним. Я давно заметила, что обед в поезде составляет целый ритуал. Спокойно достаётся провизия, спокойно, глядя в окно, люди обедают, удивляясь, видимо тому, что никуда не нужно спешить. Ведут беседы, если попались словоохотливые соседи. Ведь ты даже близкому человеку не расскажешь того, что поведаешь случайному попутчику о своих переживаниях, случайных, но запоминающихся встречах, отношениях с близкими людьми. И если тебе повезёт, тебе дадут совет, посощуют, на все это достаточно времени. Соседки мои принялись завтракать, вспоминая всё ту же сумку. Молодой человек проснулся

и вежливо покашливал над моей головой, видимо, ждал приглашения к столу. Я посоветовала ему покинуть полку и позавтракать с нами. И вот он уже за столом весело беседует с девушками. Я заметила, что девушек заинтересовал новый попутчик. Оказалось, Сергей, так зовут молодого человека, едет в Санкт-Петербург в гости к другу, вращающемуся в кинобизнесе. Как я поняла, и Сергей имел к нему отношение. Семь лет, сказал он, пришлось прожить в Словении ради простого человеческого интереса к условиям их жизни. Не понравилось, вернулся в Екатеринбург. Девушки, оказалось, успели попробовать свои силы в торговле, но теперь работают в сфере общепита. Посоветовали обедать только в столовых. Разговор вёлся в основном вокруг необъяснимых явлений современной жизни. Очень большую заинтересованность проявили мои попутчики к теме «пришельцы из космоса». О политике они категорически отказались говорить. В жизни нужно надеяться только на себя, было их общее мнение. Заканчивался день. Предстояла ещё одна ночь в поезде. Как оказалось, я могу спать в любой обстановке, если устану. Проснулась не самая первая. За окном уже были различимы предметы. В голове роились мысли, связанные с предстоящей экскурсией. Встретят ли, не придётся ли добираться самим до гостиницы? Сергей и девушки уже весело беседовали в ожидании конца поездки. Пассажиры сдавали постельное бельё, в вагоне царило оживление. За вагонными окнами можно было наблюдать придорожные поселки с садами и тепличками в них, яблонями, увешанными созревающими плодами. Вот перед окнами поплыли пригородные пейзажи и наконец, сам город. Мы ехали к Ладожскому вокзалу. Поезд остановился. Прощаемся с попутчиками.

Марина

Выйдя из вагона, сразу же натолкнулась на женщину, ждавшую меня. Это моя будущая попутчица, о которой мне сообщали в турфирме. Женщину зовут Марина, ей 45 лет. Двое детей. Два неудачных брака. Не имела возможности путешествовать из-за ограниченности в средствах. Среднее медицинское образование. Работает медсестрой в одной из поликлиник Челябинска. Вырвалась из круга бытия благодаря появившимся дополнительным средствам. С детьми помогает мама. Обо всём этом рассказала моя новая знакомая уже на вокзале. Вместе отправились искать проводника до гостиницы. У указанного вагона немолодой мужчина держал перед собой интересующую нас табличку. Подошли, поздоровались. Сели в автомобиль и поехали по городу. По дороге получили дополнительную информацию о жизни города и его достопримечательностях. Проезжали мимо зданий, давно знакомых по фотографиям и фильмам. Вот и гостиница «Азимут». Оказалось, мы опаздывающие. Сложив вещи в камеру хранения, едем осматривать Государственный Эрмитаж. Погружаемся в историю.

Гостиница

Жизнь в гостинице подчиняется своему ритму. Утром гости встречаются в столовой. Кого тут только нет. Вот группа индийцев во главе с внушительных видов руководителем. Китайская речь звучит на каждом шагу. Иногда слышишь реплики на английском языке. Встречаются японские туристы и, конечно же, россияне. Гостиница принимает и провожает ежедневно сотню гостей. Мы поселились в ней на пять дней.

«Шведский стол» и нравы

Вот и знаменитый «шведский стол». Всё здесь продумано до мелочей. Еда на любой вкус. Не хочется переесть, но и оставаться голодным в течение дня тоже не хочется. Выбираю больше мясные блюда, чай с разнообразной выпечкой.

Все заняты своими проблемами, но иногда ловишь любопытные взгляды. Да и сама поглядываешь с любопытством на соседей по столу. Вот соседка-китаянка сфотографировала меня и показала с улыбкой фото, подняв вверх большой палец правой руки. Поймала любопытный взгляд хорошенькой японки, услужливо подвинувшей мне салфетки. Да и сама наблюдаю за жизнью других людей, стараясь сохранить на лице вежливую улыбку. Все мы люди. А здесь собрались желающие узнать больше о жизни других, их культуре, нравах и обычаях.

Впечатления человека из провинции

Любой человек, живущий в нашей стране, может приехать в Санкт-Петербург и увидеть всё, о чем читал и мечтал. Одних привлекает ночной город или спортивная жизнь, других — его культурная составляющая. Меня интересуют музеи города и его знаменитое «Дворцовое ожерелье». Но, что бы мы ни посещали, культурным центром северной столицы, его сердцем,

остаётся эрмитажный ансамбль, раскинувшийся на набережной Невы на противоположном берегу от Петропавловской крепости. С его тремя миллионами экспонатов, расположившихся в 365 залах, — это уникальная сокровищница искусства.

Уникален и сам город, как будто по велению Петра Великого возникший из пены морской. Конечно же, не из пены, а путём долгого и кропотливого труда из крепости в 1703 году и впоследствии превратившегося в северную столицу. За 300-летний путь город стал вторым по численности населения, экономическим и культурным центром России. Ни за неделю, ни за месяц нельзя окинуть даже взором экспонаты, выставленные на всеобщее обозрение. За это время можно только проникнуться духом этой сокровищницы. В далёком 1716 году Петр I задолго до основания музея купил около 200 произведений голландских художников, украсивших его столичную резиденцию и загородные дворцы. Среди этих городских и морских пейзажей, выполненных лучшими мастерами своего времени, была знаменитая «Даная» Рембрандта.

При его непосредственном участии появилась в столице статуя Венеры Таврической. Статуя Венеры Таврической была найдена в Риме во время раскопок, но не подлежала вывозу из страны. Потребовалось вмешательство самого Папы Римского, Климента IX, подарившего статую царю. Она была подарена папой в знак благодарности за пропуск католических миссионеров в Китай и стала первой в России античной статуей женщины. С 1720 года стояла в Летнем саду. Для неё соорудили специальный грот и поставили военную охрану, так как трехмерная обнажённая женская скульптура выставлялась впервые. Затем статуя оказалась в парке Таврического дворца, получив своё название. В настоящее время находится в Эрмитаже. Это один из ярких шедевров Государственного Эрмитажа. С ввоза в Россию данной коллекции начался поиск произведений искусства по всей Европе и продолжался на протяжении XVII, XVIII, XIX веков.

Ещё одним бесценным экспонатом музея я бы назвала камю Гонзага, монументальную, поражающую своим совершенством, выполненную в третьем веке до нашей эры неизвестным автором в Александрии Египетской. Названа она по имени первого владельца — маркиза Франческо II Гонзага, правителя итальянского города Мантуи. Она представляет собой образец парного портрета, изготовлена из трёхслойного сардоникса. В Эрмитаж попала в 1814 году благодаря русскому царю Александру I. Целая сеть агентов скупала произведения искусств по всему миру. Закупка исторических ценностей доверялась людям из окружения государей, имевшим утончённый вкус, широкий круг знакомств среди европейских знаменитостей, антикваров, коллекционеров. Среди лиц, выполнявших столь ответственное поручение, выделяется своей образованностью всесторонне одарённый, добившийся успехов на дипломатическом поприще, занимавший множество видных государственных постов Н. Б. Юсупов, блестящий представитель века Просвещения. Да и сам Николай Борисович, купивший дом на Мойке два с половиной столетия назад, положил начало фамильной традиции коллекционирования и частному собранию, которое могло спорить с сокровищницами европейских государей того времени. Личностные пристрастия князя отразились на формировании собраний Эрмитажа, Павловска, Царского Села, Гатчины. Дворец князей Юсуповых входит в музейный комплекс города, а в домашнем театре дворца князей Юсуповых и в наше время проходят представления.

Самые известные шедевры Государственного Эрмитажа обязаны своим появлением русским царям, их любви к искусству. Да и сами здания Эрмитажного ансамбля, главным из которых является Зимний дворец, созданный гением Б. Ф. Растрелли, одним из величайших зодчих Европы, в 1762 году, является произведением искусства. Замечательное убранство главных помещений дворца было призвано прославить события русской истории и её выдающихся деятелей. Восхищают и жилые помещения, блестяще отделанные залы Малого, Старого и Нового Эрмитажа. К сожалению, невозможно увидеть всё воочию за несколько дней пребывания в городе. Но в нашем случае помогает Интернет. Царские особы, занимавшие помещения дворца, украшали их по своему вкусу фаянсом, изысканной мебелью, украшениями из серебра и золота, бронзы, шедеврами известных художников того времени, скульптурой. При Екатерине II Эрмитаж стал называться Императорским. В её отсутствие в городе можно было посетить помещения дворца. Восхищает это плавное перемещение произведений искусств в общественное пространство. Оно становилось достоянием нации. А уже в начале XIX столетия Эрмитаж получил статус музея. В нём находятся коллекции античных древностей разных стран. Художественная галерея включает работы западных художников с XIII по XIX века. Имеет место живопись художников Нидерландов, Испании, Фландрии, Франции, Англии, Германии. Среди выставленных полотен разных эпох я бы выделила Антониса ван Дейка — его «Автопортрет», Леонардо да Винчи — «Мадонна с младенцем», Джорджоне Барбарелли да Кастельфранко — «Юдифь», Эль Греко — «Апостолы Пётр и Павел». Обо всём просто не рассказать. Экспозиции Эрмитажа показывают развитие

мирового искусства с каменного века до наших дней. Он как бы протянул невидимые, но вполне ощутимые нити, связывающие нас, ныне живущих, с прошлыми поколениями, он учит людей ценить и понимать красоту, созданную их предками, и, кроме того, является достоянием всех людей, умеющих ценить искусство.

В 2014 году, в год 250-летнего юбилея музейного комплекса, коллекции русского и европейского декоративно-прикладного искусства, живописи и скульптуры XIX — XX столетия, а также современного искусства Государственного Эрмитажа разместились в Восточном крыле здания Главного штаба, переданного после реконструкции музею. Под руководством директора Государственного Эрмитажа Михаила Борисовича Пиотровского, историка-востоковеда, доктора исторических наук, была построена новая очередь нового фондохранилища в Старой Деревне, создана галерея актуального искусства, открыт филиал музея в Казани, выставочный центр «Эрмитаж — Гуггенхайм» в Лас-Вегасе, выставочный комплекс «Эрмитаж — Амстердам» в Амстердаме. В 2014 году Государственный Эрмитаж принял масштабную международную биеннале искусств «Манифеста». В Лондоне презентовали книгу о Эрмитаже. В Белгороде в ноябре 2018 года действовала выставка картин из Эрмитажа. Поистине искусство сближает народы. И я, и многие интересующиеся искусством люди можем следить за жизнью этого удивительного музейного комплекса, гулять по выставочным залам, даже живя в маленьком городке или в посёлке, далеко от Санкт-Петербурга.

г. Нязепетровск

Вячеслав Тюнькин

Фрейд и я

Крик

Моя статья с таким же названием уже публиковалась. Простите за повторение названия и темы.

Как вы думаете, наши депутаты Государственной Думы хотя бы перед сном смотрят теленовости? И спокойно спят? Или им хватает хвалебных отчётов? Бог уберёт меня в том смысле, что я не стал педиатром: я очень люблю детей и, наверное (или — скорее всего), давно бы пообщался с инсультом или инфарктом, просматривая информацию о том, как родители безнадежно больных детей собирают деньги на их лечение.

Так ли много в масштабе страны таких больных? Где статистика?

Я человек курящий. В меру, когда есть повод, не отказывающийся от спиртного. Я осознанно готов платить за табачные изделия и крепкие спиртные напитки дороже (пусть, даже вдвое) при условии:

1. Вся сверхприбыль должна идти на (терапевтическую или хирургическую) помощь детям, нуждающимся в оказании высококвалифицированного дорогостоящего лечения.

2. Второе направление — разработка способов внутриутробной ранней диагностики генетических заболеваний плода, при которых современная медицина бессильна, с целью своевременного прерывания беременности; согласитесь, когда уже родился клинически нежизнеспособный ребёнок, отказать ему в праве на жизнь куда сложнее, чем эмбриону на первых месяцах беременности.

Человеколюбие — это не только спасение безнадежного (на уровне современной науки) ребёнка, но и возможность не вытолкнуть в жизнь пожизненно страдающей в результате нашей (пока ещё) несостоятельности жертвы генетических нарушений. Я помню телеинтервью с мальчиком лет этак двенадцати (диагноз — не принципиален), который проклинал своих родителей за то, что они его родили.

Не знаю, если всё-таки они смотрят эти новости, стыдно ли им, что они депутаты, министры, премьеры, президенты? Мне стыдно, что я — врач.

Слава богу, что я не педиатр.

Деньги — товар — деньги

Ностальгия по советским временам, когда колбаса была по 2 р. 20 к., но в продаже её очень часто не было, не даёт покоя.

Велик соблазн «заморозить» цены. Результат будет советским — товары опять исчезнут с прилавков. Да здравствует Великий блат и спецраспределители!

Однако, по моему разумению, регулировать цены можно и должно: надо сделать так, чтобы экономически было выгоднее производить больше товаров народного потребления по относительно низким ценам.

Задача экономистов: рассчитать коммерчески выгодную цену товара.

Себестоимость товара складывается из затрат на сырьё, оплату, износ, замену, обновление оборудования.

Прибавочная стоимость:

1. Достойная заработная плата производителей товара.

2. Коэффициент качества товара.

3. Коэффициент спроса на товар.

4. Затраты (при наличии потребности) на расширение производства, создание новых рабочих мест.

Из вышеизложенного экономисты определяют (назовём так) «оптимальную» цену товара.

Если рыночная цена соответствует вышеозначенной, взимается минимальный (экономически оправданный) налог. Чем выше цена товара на рынке — тем выше налог, по о-очень прогрессивной линейке. Дабы выгоднее было производить и продавать больше товара по реальным ценам, расширять производство товаров, соответствующего качества, создавать новые рабочие места, снижая уровень безработицы, чем, создавая искусственный дефицит, завышать рыночные цены.

Фрейд и я

В СССР теория Фрейда, как и многое, считалась ненаучной. По всей видимости, поэтому в нашем понимании она сводилась только к либидо.

Самое поразительное, что я нашёл её практическое применение в художественной литературе.

В двух словах: у больного — тяжёлый невроз неясной этиологии; причина невроза — какая-то фобия; психоаналитик вводит клиента в состояние гипноза, из подсознания выискивает какой-то внешне незначительный факт из биографии, который является болезненной «фишкой» для данного индивида; под гипнозом же внушает ему, что эта проблема не стоит выеденного яйца. После чего клиент, даже не осознавая того, освобождается от проблемы и своего невроза. Это, конечно схематично, всё несколько сложнее, но суть передана правильно.

Самая большая ошибка Фрейда, на мой взгляд, в том, что он всё свёл к пресловутому либидо (половому влечению). Конечно насекомое богомол может заниматься совокуплением в то время, когда его «супруга» отъедает его голову, туловище... Но мы не насекомые. Мы существа социальные. Жажда жизни, голод, стремление к защите своего потомства — выше либидо.

Оставим невротиков на почве либидо.

У Фрейда значительное внимание уделено «комплексам». Эта тема интересна сама по себе. Оставим также «Эдипов комплекс» и ему подобное — о них написано до меня.

Я рассматриваю как отдельный заслуживающий внимания комплекс неполноценности вообще.

Вы не обращали внимания на тот факт, что в истории главенствующую роль занимали люди, в чём-то ущербные?

Примеров не счесть:

— Александр Македонский — по многим соображениям — незаконорожденный сын Филиппа.

— Гай Юлий Цезарь — страдающий эпилепсией.

— Бонапарт Наполеон — невысокого роста, кривоногий плебей с Корсики.

— А. С. Пушкин — далеко не красавец, о котором (впервые попавшем в светский салон) спросили: где вы взяли эту обезьяну?

— М. Лермонтов — красивое лицо, несоразмерно большая голова, короткое туловище, тяжёлый (раздевающий) взгляд. Одна из версий причины дуэли — Лермонотов «достал» этими взглядами женщину Мартынова.

— В. И. Ленин. Низкорослый, картавый, рыжий, с (по определению Куприна) глазами лемура. Плюс другие аналогичные факторы...

Быть изгоем в обществе — унижительно. Единственный способ преодолеть свои комплексы есть возможность стать выше других (а лучше — всех!) хотя бы в чём-то.

Македонский, Цезарь, Наполеон стали непревзойденными полководцами, завоевавшими полмира!

Пушкин, Лермонтов — непревзойденными поэтами, стихами которых до сих пор восхищается всё человечество!

Ленин стал велик по-своему:

Насколько надо быть великим,
Чтобы
Падение твоё
Новоявленные калики
Святым признали житиём...
О!
Пагубная страсть
С иконописным ликом! —
Насколько надо
Пасть,
Чтоб стать
Великим?

Каждый из них преодолевал (или изживал) свой комплекс неполноценности.

Утомил?

О себе: я лет с 9 до примерно 30 лет был страшным зайкой, пока не достиг в своей самооценке уровня, когда мне стало безразлично, что обо мне думают за спиной.

Фрейд гениален в том, что показал: преодоление комплекса неполноценности есть путь к излечению неврозов.

г. Коркино

На 98-м году жизни (14 января 2019 года) скончался старейший поэт Южного Урала и республики Татарстан БАСЫР ШАГИНУРОВИЧ РАФИКОВ, член Союза писателей СССР и России, автор более двух десятков сборников стихов высокой поэтической пробы, могучей нравственной силы и первозданного ощущения родной земли со всеми её радостями и печалью. Творил он на родном татарском языке, которым гордился. А «язык поэта — это язык народа, его животворное начало, влияние и бессмертие». Его поэтические откровения переводили лучшие поэты Урала и литобъединения «Степь».

Родился он 10 февраля 1921 года в городе Мамадыш, в Татарстане, в семье высокообразованного священнослужителя. В 1931 году семья была репрессирована и сослана на строительство Магнитогорского металлургического комбината, где будущий поэт окончил школу и в 1942 году был мобилизован в трудовую армию. Работал в горячем цехе ММК. Заочно окончил пединститут. С 1948 года работал заместителем директора Троицкого педтехникума, затем завучем, директором средних школ Троицка и Зауралья.

Его стихи издавались в Казани, Уфе, Челябинске, Магнитогорске и других городах России. Он писал до последних лет жизни.

Светлая память о замечательном, старейшем поэте планеты останется в наших сердцах.

Члены Троицкого литературного объединения «Степь»
выражают искреннее соболезнование родным и близким поэта

Валентина Харько

На горке

На дворе большой мороз,
Щиплет щёки, щиплет нос.
Санки катятся в снегу,
От мороза я бегу.
На блестящей горке
Ждёт меня Егорка.
Друг на санках съехал вниз,
Мне кричит: «Скорей катись!»
Еду я вперёд спиной,
Санки катятся за мной.
Я в сугробе, ну и пусть,
Вновь на гору тороплюсь.
Раскраснелись щёки, нос,
Испугался нас мороз!
Жарко нам с Егоркой
На весёлой горке!

Котёнок и зима

Блестит на солнце снег лучистый.
Котёнок смотрит из окна,
Он тоже белый и пушистый,
Красив, как зимушка-зима.
Волшебно кружатся снежинки,
Малыш пытается поймать,
Но с белоснежною пушинкой
Стекло мешает поиграть.
Котёнок мал, ещё не знает
Как зябко, холодно в снегу.
Он за зиму наблюдает
В окошко, лёжа на боку.

п. Дубровка, Красноармейский р-н

176

Графман № 1(37) - 2019

Зоя Савина

Письмо для деда Мороза

В одном городе жила девочка по имени Зоя. Накануне всеми любимого праздника Нового года решила она написать письмо деду Морозу о своем желании. Зоя взяла ручку, листок и вдруг почувствовала, что ей не хочется писать дедушке Морозу письмо о своем желании, а хочется для деда Мороза сделать подарок. И решила Зоя написать для него сказку:

В одном лесу жили звери и решили они открыть школу, и должен был каждый принести по одной своей букве: лиса — букву Л, заяц — букву З, синичка — букву С. Построили школу, все старались сделать школу красивой, удобной, каждый принес свою букву.

И вот прозвенел первый звонок, зверята-мальши начали заниматься. Но в школе стали происходить удивительные вещи: на уроке русского языка учитель Белка составила из букв слово СОЛНЦЕ, не успела она отвернуться, а буква С пропала, осталось только ОЛНЦЕ. На уроке чтения учитель Барсук не нашел буквы Н, О, В. Много букв пропало. Что делать? Никто не знал. И пошли звери искать пропавшие буквы. Искали, искали, нигде не было букв, ни под кустиками, ни под пнями, ни под снегом. Но вот вышли звери на поляну и увидели елку, а на елке висели буквы, и они были сложены в предложение: «С Новым годом!», а на самой макушке елки сидела сорока, и было видно, что она обижена на всех зверей. Тогда звери вспомнили, что они забыли позвать сороку строить с ними школу, а обиженная сорока таскала буквы, чтобы звери в школе учиться не смогли. Поняли звери, что обидели сороку, попросили прощения и позвали ее преподавать в школе, в начальных классах.

Дедушка Мороз прочитал Зоину сказку, она очень ему понравилась. И решил дедушка Мороз тоже сделать девочке подарок: он приехал к ней в гости. Они пили чай с конфетами, беседовали, а перед отъездом дедушка Мороз подарил Зое ёлочные игрушки, ими украсили ёлочку, которая росла перед Зоиним окном.

Город математики

Жил мальчик. Его звали Петя. Он очень не любил математику и постоянно говорил:
— Зачем нужна математика? Можно и без математики обойтись.

Однажды Петя вместо того, чтобы делать домашнее задание, лег спать. Не успев закрыть глаза, он услышал странный звук. Петя встал с кровати и пошел в ту сторону, откуда доносился звук. Звук доносился из кладовой, где лежали Петины старые учебники.

Петя удивленно заглянул в кладовую. Из учебников по математике вылезали цифры, они шли в дальний угол кладовой, там был открыт портал, цифры прыгали в него. Пете стало

жутко интересно! Что это и куда уходят цифры? И он тоже прыгнул вслед за цифрами. Мальчик очутился в сказочном городе — этот город назывался город Математики. Петя ходил по городу, везде гуляли важные цифры-сеньоры, в повозках были запряжены лошадки-двоечки, на детских площадках и в парке гуляли родители-цифры с детьми-циферками. Когда Петя пришел на центральную площадь, то увидел огромный памятник. На памятнике был изображен НОЛЬ. На табличке к памятнику Петя прочел: «Памятник самому мудрому и самому умному гражданину города — Профессору Нулю».

— Ну да! — воскликнул Петя. — Как это Ноль и самый умный? — еще громче сказал он. И Петя начал громко хохотать. — Ноль самый мудрый!!! Ха-ха-ха!

— И чему ты, мальчик, удивлен? — спросил кто-то. — С Ноля все начинается: счет от ноля, измерение длины от ноля, и, если к цифре приставить ноль, значение увеличится.

— Ты кто? — испуганно спросил Петя.

— Я? Профессор Ноль. А ты тот мальчик, который не любит учить математику?

— Нет, я не то чтобы не люблю — начал оправдываться Петя. — Просто мне и без нее хорошо живется. Зачем она — эта математика?

— Математика нужна всем людям на земле. Без математики люди не смогут летать, плавать, строить дома, шить одежду, готовить еду, все в мире связано с математикой! Если бы люди не знали математику, то не смогли бы изобрести лампочки, телевизоры, машины, книги и многое другое. Знать математику очень интересно и полезно, вот, например: тебе хочется конфет, а мама их не купила и предложила тебе самому сходить в магазин за конфетами, дала деньги. И что? Как ты их купишь? Ты должен знать стоимость конфет, сравнить с тем, сколько у тебя денег, заплатить за конфеты, и только после этого ты сможешь их съесть и не забыть еще поделиться с мамой (разделить поровну), — рассказывал Ноль.

Петя вспомнил, что однажды мама попросила его купить хлеб и чай, а на оставшиеся деньги купить конфет, а он не смог этого сделать. Мальчику стало очень стыдно. Он сел рядом с памятником и горько заплакал. Но добрый Ноль подошел к нему поближе и спросил:

— Петя, а ты хочешь хорошо знать математику? Я могу тебе помочь в этом.

— Да, да, — радостно воскликнул мальчик, — помоги мне, пожалуйста!

— Хорошо, — ответил Ноль. — Я помогу тебе. Ты будешь каждый день приходить ко мне на занятия?

— Да! Да! — снова с радостью ответил мальчик.

И Ноль начал рассказывать Пете про цифры, арифметические действия и многое другое. Петя слушал внимательно, ему было очень интересно. Он мысленно представлял, как делает деревянный самолет, и у него все получается правильно, потому что он правильно все рассчитал. Петя каждый день приходил к Нулю на занятия, выполнял все, что ему говорил профессор, и даже получил пятерку за контрольную работу по математике.

г. Магнитогорск

Людмила Владимировна

И детские сердца они согрели

Батут

Подарили мне батут.
Мечта и радость в нём цветут.
Я в себе мотор включаю
И, как мячик, вверх взлетаю.
Прыг да скок, прыг да скок.
Купол неба — потолок.
Кошка на меня глядит,
Страх в её глазах сидит:
Вдруг я в космос улечу?
Но сейчас я не хочу.
Тренируюсь без подмоги.
Укрепляю мышцы, ноги,
Аппарат вестибулярный —
Он для жизни самый главный.

Здесь и друг мой не скучает,
Смехом радость излучает.
Ох, кипит у нас работа.
Спасибо тёте за заботу!

Рыбий радикулит

В аквариуме в нашем детсаду
Жил крупный, длинный, красный меченосец.
Торпедой плавал в «шаровом пруду»,
Мелькал повсюду его чудный носик.

С ним дружно жили и его родня,
И гуппи, и неоны, между прочим.
Мир рыбок привлекал собой меня,
И всем детишкам нравился он очень.

А меченосец был красивей всех!
Аж золотом чешуйки отливали,
Имели глазки-бусинки успех,
Плавник и «шпага» хвостик украшали.

Когда зацвёл зелёный месяц май,
Тепло пришло в уральскую природу.
На солнце, детвора, скорей шагай
И принимай побольше кислорода!

Мы вынесли всю живность на траву:
И черепашке на земле раздолье,
И попугай настроил музволну...
Но как же рыбкам показать приволье?

Решили в банке «климат» им создать:
Улитки, камни, водоросли были.
Хоть примитивно — всё же благодать!
Туда мы и рыбёшек запустили.

Прошли благополучно день, другой,
А солнце грело, землю не жалея.
Снимали дети кофты под жарой,
И рыбки от тепла повеселели.

А чтобы в группу банку не носить —
Решили на ночь поместить в кладовку.
Ведь утром снова ей на солнце быть —
Зачем напрасно проявлять сноровку?

Веранду на заре открыли мы,
Но друга меченосца не узнали.
Все рыбки были в плавани вольны,
А у него в боку углы торчали.

Радикулит бедняжечку скрутил,
Уже с торпедой не было сравненья.
Ночь холодна, и наш герой простыл.
Что врач поможет — мучило сомненье.

Поставили мы баночку на стол,
Где солнце утром больше землю грело.
Вдруг Оля молвит: «Надо бы укол.
Папе ставили, когда спина болела».

— Ну, как ты рыбке сделаешь укол?
Таблетку надо ей, — вслух думал Саша.
— Ещё есть мазь такая: «Кеторол».
Лечит бабушку она, — сказала Маша.

Ребята предлагали, как лечить,
А пряди солнца воздух обогрели —
Смогли и спинку рыбке распрямить,
И детские сердца они согрели.

г. Снежинск

Юрий Халдин

Тучка

Тучка по небу летала,
Сверху землю поливала.
Полила нам и цветы,
И деревья, и кусты.
Полила картошку, грядки.
Значит, будет всё в порядке:
Всё растёт в саду моём!
Мы играем под дождём!

Лето

Я лежу в кустах полыни.
Солнце жарит, душно, зной.
И кузнечики стрекочут
Где-то рядышком со мной.

Стихи для детей

Я купаюсь, загораю,
Из дощечек строю плот.
Лето кончится — я знаю.
Вот бы длилось круглый год!

Мы играем

Хорошо нам, детворе:
Мы играем во дворе
В жмурки, прятки и войну,
И в полёты на Луну,
По траве мы мяч гоняем —
Много игр весёлых знаем!

г. Кыштым

Приключения
Степашки и Майки

Жил да был утёнок Тим...

Жил да был утёнок Тим.
Он с цыплятами дружил,
с ними ел и корм делил,
важничал и крох учил:

— Далеко не уходите
и к пруду не подходите!
Плавают утята!
Вы, друзья, цыплята!

Но цыплятки-непоседы
разбежались все с беседы.
Кто в канавку, кто за кочку.
Надо звать на помощь Квочку!

Мама деток позвала
и обедать увела.
Тим остался во дворе,
заскучал по детворе.

Вдруг услышал птичий крик.
— Так, цыплёнок Пим пищит! —
Бросился наш Тим к пруду,
видит, Пим пищит: «То-ну!»

Пим от мамы убежал,
неслух, вот в беду попал.
Мама Квочка: «Ах, дитя,
как же я спасу тебя?..»

Только Тим не растерялся,
в телефон он позвонил:
— 112? МЧС? Поспешите, помогите!
Срочно все к пруду летите!

Сам, с разбегу...
Бух! И... в воду!
— Пим, держись, сейчас спасу!
Я к тебе, дружок, спешу!

Пима за чубок схватил,
к берегу с трудом поплыл...
МЧС уже на месте,
помощь оказали вместе!

Ты к пруду не подходи,
чтобы не было беды!
На прогулке не зевай,
от семьи не отставай!

Наш Степашка просто зайка,
любит в прятки поиграть,
и его подружка Майка:
— Как всегда, иду искать!
Где же этот шалунишка?
Спрятался, сейчас найду!

А Степашка провалился,
погулять решил по льду.
Майка палку подала,
с полыньи его спасла:
— Как же ты сюда попал?
— Я без спросу тут гулял...
— Тонкий лёд! Опасно!
— Это правда, ясно!

Как-то раз Степашка с Майкой
заигрались во дворе.

Вдруг пожаловали волки,
предложили детворе:
— Зайчики, пойдёмте с нами,
мы дадим вам шоколадки!

— Знаем ваши мы повадки!
— Купим всё себе мы сами!
— Ты не слушай их, ведь ясно!
— С незнакомцами опасно!

Развернулись и ушли:
— С вами нам не по пути!

Дома Майка со Степашкой,
и они сейчас одни.

Спички взял и поджигает:
— Ух, какие огоньки!
Майка срочно всё водой
заливает: «Стёпа, стой!
Не играй с огнём! Опасно!»
— Извини, не буду, ясно...
— И расскажем, что опасно
без присмотра дома быть!
— Мы пойдём с тобою в садик
И не будем там шалить!

Увельский район

Людмила Вергор-Печенкина

И теперь нам спать пора

Кот играет на баяне

Посмотрите: на поляне
Кот играет на баяне,
А мышата пляшут в такт,
Каблучки стучат вот так:

Раз топ-топ, два топ-топ,
Хвостиками: хлоп, хлоп, хлоп.

У кота сегодня праздник.
Веселится кот-проказник,
Именины что ни день
Отмечать ему не лень.

Принесли коту мышата
Свежей рыбки два ушата,
Принесли и неспроста,
Знают слабости кота.

Кот мышат не обижает
И шалить им разрешает,
Они могут хоть когда
Теребить усы кота!

Всем желаю доброй ночи

Всем желаю доброй ночи.
Кукла Катя спать не хочет,
Позевает и опять
Мне твердит: «Не буду спать».

Говорю ей: «Ночь настала,
Неужели не устала?
Ведь играли мы с утра,
И теперь нам спать пора.

На ночь я тебя умою,
Так и быть, ложись со мною,
Глазки, Катя, закрывай,
Не капризничай: бай-бай!

Завтра рано мне вставать,
В детский садик не проспять».

Кошка Мурка

Кошка Мурка стала мамой,
Три котёнка у неё:
Два сыночка и дочурка
Очень радуют её.

Кошка Мурка стала мамой,
Не отходит от котят,
Два сыночка и дочурка
Молока всегда хотят.

Кошка Мурка стала мамой,
Гладит лапочкой котят,
Два сыночка и дочурка
Рядом с мамой сладко спят.

Помощница

Кто помощница для мамы?
Я — Алина!

Кто посуду убирает?
Я — Алина!

С младшим братом, кто играет?
Я — Алина!

А кто папе помогает?
Я — Алина!

— В доме нашем все хвалят меня,
Нет помощницы лучше, чем я!

Задира

У соседского забора
Разыгрались два кота,
Прибежал наш пёс Задира:
— Разбегайтесь кто куда!

Мальчик Стёпа озадачен:
— Ты, Задира, хулиган?
От котов получишь сдачи,
Угодишь ты сам в «капкан».

На рыбалке

В озерке лягушки смело
Рыбку удят и умело
В озерко бросают сеть,
Чтоб до вечера успеть.

Наловить им очень нужно
Карасей, ершей и дружно
Всё домой перенести
Да сеть новую сплести.

— Ох, рыбачки, ох, лягушки, —
Им проквалили подружки, —
Вы на кочках: ква-ква-ква,
Отдохните денька два!

г. Южноуральск

По деленьям берез

Прочешь октябрь

... как будто хочешь выжить всем назло.
Прочешь октябрь вдумчиво и честно,
И в одноместную свалившись бездну,
Как воду, время пробовать веслом.

И наблюдать движение стрекоз,
Сухих и легких, полых и прозрачных,
Течением разъятых на запчасти,
Плывущих слипшись с пеплом папирос.

О Господи, как много из вчера
Твоей метлы не захватили прутья —
Всё в этом мусоре, всё в этой мути,
Пигментных пятен желтого двора.

Прочешь октябрь. Сколупнуть кору
У яблони, загнав ее под ноготь,
И языком сухое небо трогать,
И небо перекатывать во рту.

* * *

Я сидел, и курил, и думал о нас,
У самой больницы, в полуденный час.
Было жарко, и даже слишком.
По забору бил палкой парнишка,
Козы ели траву, кот бежал по двору,
Было все, как обычно, но шорох, и вдруг...

Сотни птиц разлетелись с натопленных крыш,
Вздогнул и заревел за забором малыш.

Я бежал и бежал, сам не зная куда —
Вот завода труба, водоема вода...
Я бежал, понимая, сквозь дикость и пыл,
Ты останешься там, где я только что был,

Где сидел и курил и где думал о нас,
Где мальчонка вершит свой нехитрый намаз,
Где останки империи, пепел костра,
Где, как сердце, пульсирует ночью звезда —

Сердце черное и кровавое
На гарпуне китобоя...

По деленьям берез

...и вот ты встаешь и думаешь — все ништяк.
В кармане скупая мелочь на опохмел.
Березовый лист на окне, словно некий знак
Перерождения, в сущности, перемен.

Вот проснутся ежи первыми — то весна
В чае подмочит сухой рафинад зимы.
Все будет завтра, а ныне — окно-блесна
Золотом слепит глаза. Пересохший тмин

Бродит по комнате. Стерпится. Время есть.
Просто еще один шрам, позудит чуток.
Гроздьями небо — можно срывать и есть.
Лужи кристальны — пей, приложив платок.

Так написать, и выжить, и выжать суть,
В расшифрованный выйти челябинский стоунхэндж,
И не с кем-нибудь, и не как-нибудь, но пройти всю ртуть
По деленьям берез, антидотом вращая в тень,

Чтобы проснуться, и слышать, что все ништяк —
У любимой дыханье ровнее и дольше сон,
И светляк, накануне зажатый тобой в кулак, —
Это ты, ну а ты, соответственно, — это он.

Татьяна Чайкина

Снова в невозможное поверишь

* * *

Мне хотелось уплыть
 далеко-далеко,
 В край зеленых дубрав,
 в мир лазурный творенья,
 Там, где светлый приют,
 доброта и тепло,
 Там, где вера, надежда, любовь и
 спасенье!

* * *

Ты обид своих кораблики
 В голубые дали отпусти,
 Ветер унесет их облики,
 И ты прошлое в душе прости!

Все уйдет и с утренней зарею
 Растворится в дымке с синевой,
 И себя ты обретешь со мною
 И расправишь крылья за спиной,

Снова в невозможное поверишь,
 Что когда-то было далеко,
 Полной чашей жизнь свою отмеришь
 И взлетишь душою высоко!

* * *

Жил на свете добрый слон,
 Витаминкой звался он,
 Голубой носил костюм
 И кроссовки фирмы «Бум».

Рано с солнышком вставал,
 На зарядку выбегал,
 И под старую сосной
 Обливал себя водой.

Землянику обожал,
 На себе грибы таскал
 И кружился босиком
 На полянке с ветерком.

Сам на дудочке играл,
 С белкой песни распевал,
 Веселились, а потом —
 Ели манник с молоком.

Самолетики пускал,
 С зайкой в «классики» скакал,
 И летел он со всех ног
 На любимый свой урок.

У доски краснел, пыхтел,
 Тряпку мял и все потел,
 И смотрел: ну, кто бы смог,
 Хоть бы чуточку помог?

Друг нашелся! Наш герой,
 Обретя в душе покой,
 Вмиг примеры все решил
 И пятерку получил!

г. Снежинск

Анатолий Чигинцев

Сколько мне отпущено

Было время

Было время, мы работали задаром,
 Было время, мы любили от души.
 Говорили после бани: «С легким паром!»,
 Признавались со стеснением в любви.

Все в округе было скромно, по-простому.
 В обращении: «Товарищи мои» —
 Мы приветствовали близких и знакомых
 От Москвы и до таинственной тайги.

Мы старались беречь обнову снову.
 Шли навстречу шквальным ветрам и дождям.
 Не искали путь к единственному богу.
 Улыбались красногрудым снегирям.

А теперь душа в тревожном ожиданье.
 В этой жизни непонятно, что и как?
 В XXI веке слова нет — «свиданье».
 И почти не слышно — «мой земляк».

Судьба, судьбинушка

Эх! Судьба, судьбинушка
 Меня свела с ума.
 Русская дубинушка
 По мне прошла.

Сколько мне отпущено
 Богом на земле?
 Из поселка Рождино
 Я пришел к тебе.

Ни на что не жалуюсь,
Жизнь прожил не зря.
Внуков часто балую.
Вертится земля.

Над моею крышей
Звездочка горит.
«Ты меня услышала», —
Ворон говорит.

Все болит по-прежнему,
Значит, еще жив.
До цветов-подснежников
Доживет старик.

Мама

Мама, мама милая,
Дольше поживи.
Ты у нас красивая
С девичьей поры.

Сколько песен спела ты
Нам в ночной тиши.
То полоска белая
В искренней любви.

А теперь той ласки
Не хватает нам.
В том далеком Спасске
К северным морям.

Малая земля

Мы бок о бок стояли насмерть.
Новороссийский островок.
Здесь никому не нужен паспорт,
На шеях бирочный брелок.

Врага давили, истребляли
Тротил повсюду, там и тут.
С большой земли подмогу ждали,
Проложен был ночной маршрут.

Недели две, а может, больше,
Клич пулеметов не смолкал
Со склонов гор винтовка Тольши
Разила яростно врага.

И в полный рост пошли морпехи,
Ножи зажав в большой кулак.
Большие, маленькие вехи
Для моряков — посмертный знак.

Вокруг тельняшки, бескозырки
Напоминают о войне.
Достал моряк из той копилки
Медаль, достойную судьбе.

Пробил мой час, прощай, родная,
Пора на каменный погост.
Новороссийск рассвет встречает
Без седовласых моряков.

Мысли о главном

Почему нам трудно так
Сделать первый шаг?
Сделать первый шаг,
Не попасть впросак?
Годы стильные,
Души сильные...
Видно, все не так:
Просто я дурак.

Медная монета

Года летят, назад возврата нету.
Года летят к седым вершинам гор.
На счастье брошу медную монету,
По клавишам пройду на перебор.

Кадриль, цыганка, в зале круг сомкнулся,
Веселье до предутренней зари.
Я рано утром снова похмельнулся,
Услышав женский голос: «Не шали!»

Моя душа — игривая злодейка.
Все почему-то хочется взлететь.
Красавица! Последний раз налей-ка,
Чтобы потом мгновенно умереть.

Обращение к И. Кобзону

Он пел о Родине великой.
И голос был неповторим.
Без отпуска и без каникул
Военной песней одержим.

Страна Кобзона вдохновляла
На подвиг ратный, трудовой.
Повсюду публика встречала.
Кобзон в общении простой.

Не мог пройти он мимо горя:
Афганистан, потом «Норд-Ост».
Из черноморского прибоя —
На приусадебный ФОРΟΣ.

Везде, где нужно, появлялся,
Повсюду был сплошной аншлаг.
И в личном плане не сломался,
Был побежден коварный рак.

Но годы жизни пролетели,
Пришла небесная пора.
И полетели дни, недели,
Обетованная земля.

К Ю. Шатунову

Расскажи мне, учитель,
То, чего я не знаю.
Детских душ повелитель,
То, о чем все мечтают.

На дворе «бабье лето».
Лист кленовый порхает.
Я поставлю кассету,
И она заиграет.

Нам про розы с шипами
Шатунов в стильном ритме...
Там, на суше? Не с нами
Голосом монолитным.

Под гипнозом девчонки
По нему усыхают,
Даже если сосенки
Хвойной ветвью ласкают.

Он талантлив не в меру
И красив по натуре.
Как пацан, в пору смелый
Не был в заячьей шкуре.

Быт детдомовский знает,
На себе все примерил.
Без прикрас вспоминает,
Как скрипели качели.

Нет!

Не торопись сказать мне слово «нет»,
Не думай про другого свысока.
От этих желтых стареньких штиблет
Устала моя правая нога.

Творить добро не так уж и легко
Прощать ошибки надо поневоле.
Я про тебя забыл уже давно,
Ещё тогда, когда учился в школе.

Прощай же, моя первая любовь
На то она, чтобы за ней пришла другая.
Через полгода встретились вновь:
Ты для меня была уже чужая.

Замки

Мне с тобой не по пути.
Категория другая.
Поменяла все замки,
Стала черствая, чужая.

Время мчится от тоски.
На алтарь поставлю свечи.
Побегут вдогонку дни,
И пойдут другие речи.

Окунемся в мир иной
Злачных мест на белом свете.
Ты другая, я другой,
Как в поющей оперетте.

Осень 2018

Золотая осень на пороге
Вновь пленит дыханием своим.
На душе ничуть не тревоги,
Лишь одни признания в любви.

Осень так же долгожданных свадеб
Накрывает радужной каймой.
Уж давно закрытый детский лагерь
Припорошен желтою листвою.

Вновь осенний бал не за горами.
В школах непременно он пройдет.
Никакие ветры и цунами
Радость танца ввысь не унесет.

Золотая осень наступила,
Запахи черемухи в саду.
Листьями тропинки все укрыла,
Поджидая матушку зиму.

с. Чесма

Валентина Машнина

Одна такая на планете

Любовь вернётся

Любовь ушла внезапно, вдруг
И двери за собой закрыла.
Так пусто стало всё вокруг,
Любовь казалась негасима.

Остались сладкие мечты
Воспоминаниям вдогонку...
Как ты дарил всегда цветы,
Как говорили без умолку.

Здесь объяснялся мне в любви
Под звон хрустального бокала.
Мы пили чай тут до зари.
И в доме счастьем всё дышало.

Не радуют слова подруг,
Ведь в доме счастье заболело.
Ещё вчера сидели вокруг,
И счастьем не было предела.

А разум — протестует он,
Мне выхода искать не стоит.
И подсознание тут — тон:
«Свою судьбу решат лишь двое.

Настанет день, увидишь ты,
Как радостно сияют лица.
Не будет в доме пустоты.
Любовь в дверь снова постучится».

Так мне хотелось перемен.
Я двери в счастье вновь открою!
Любовь твою взяла я в плен,
Мы будем счастливы с тобою!

Храни моих детей и внуков!

Господь! Храни моих детей и внуков
От злобы и бездушия людей.
От чёрствости, болезненных недугов,
Господь! Ты сохрани моих детей!

Пошли любви, здоровья им и счастья.
Чтоб теплотой душа согрелась их.
От равнодушия и от несчастья,
Господь! Детей ты сбереги моих.

Доченька

Ты замужем уже полгода.
Тебя всё реже видим мы.
У нас — всё чаще непогода
И о тебе все наши сны.

Нам с папой многого не надо.
Лишь навещай нас иногда.
Ты наша радость и отрада,
Любима доченька всегда.

На свете нет тебя всех краше,
Затмила солнца лучик ты.
И только ты богатство наше,
Здоровье наше и мечты!

Роднее нет тебя на свете.
Нас окружаешь теплотой.
Одна такая на планете.
Душевный даришь нам покой.

И глазки счастьем засветились:
К нам доченька пришла домой.
Все тучи в небе растворились,
Когда тыходишь в дом родной!

Да, знаем: дети вырастают.
Мы выполнили долг святой.
Как птицы из гнезда взлетают,
Так предназначено судьбой!

Рана кровоточит

Левое крыло подбитое — в огне.
В штопор самолёт, летит как бы во сне.
Замерли приборы. Близко уж земля.
Он штурвал так сильно тянет на себя.

На чужую землю самолёт упал.
Все кругом стреляют. Сыплет злобный шквал.
Помощи не будет от своих друзей.
Моджахеды близко. Всё наглей, наглей...

Лёгкую победу чувствуют свою.
Раненый пилот сражается в бою.
Рана кровоточит, враг кольцо сжимал.
Жаль, не смог он дотянуть за перевал.

В столь суровый час он маму вспоминал,
Провожала мама сына на вокзал.
Слёзки вытирала мамочка свои:
«Сыночка, родной, себя побереги!»

Очень сильно любит он своих родных.
Не придёт домой на этих выходных.
До крыльца родного не дойти ему.
Не пожмёт руки отцу он своему.

И порой на миг сознание терял,
У него ребёнок ещё очень мал!
Как же без него останется семья?
Доченьку он к сердцу прижимал, любя.

Как смеялась дочка, радуясь игре,
Он катал малышку на своей спине.
Так вчера ещё он весело играл,
А сегодня близко уж его финал.

Вот и бой последний близится к концу.
Видно путь-дорожка у него к Творцу.
Больше не увидит он родных полей.
Господи! На рану — благодать полей!

Кончен бой победой! Нет сомнения!
«Господи! Помилуй! Дай спасение!»
Вывратся последний в этой жизни крик.
Ведь кольцо гранаты всё решило вмиг!

Милое Сердечко

Что ты так бушуешь, милое Сердечко?
Грудь мне разрываешь, рвёшься изнутри.
Что с тобой случилось, милое Сердечко?
Не горюй так сильно у меня внутри.

Мы лекарство выпьем, милое Сердечко!
Сразу станет легче — вот увидишь ты.
Не страдай так сильно, милое Сердечко!
Только успокойся ты в моей груди.

Потерпи немножко. Это лишь усталость.
Только оставайся ты со мною жить.

Нам с тобой так много дел ещё осталось.
До ста лет нам хватит, чтобы завершить!

Существительное Имя

Существительное Имя
На урок пришло к Марине.
Знай, в Грамматике оно
Очень важное лицо.

Ты, Мариночка, при встрече
Различай все Части Речи.
На уроке не болтать,
Тему запиши в тетрадь.

Существительное Имя
С Прилагательным дружило,
Чтоб Мариночка смогла
Род не путать никогда.

Род. Число, Падеж. Склоненье
Повтори ты в воскресенье.
Нужно будет всё понять.
Ничего не забывать.

Существительные: школа,
Ученик, учитель, море.
Ставь вопросы к ним смелей,
Что? иль кто? — ответь скорей.

Города, посёлки, горы,
Клички, реки и озёра
Ты большой их начинай.
Имя Собственное — знай!

Окончанья чтоб не путать,
По ним пятерку получать,
Их сверяй по падежам,
Смело подпиши к словам.

Существительное Имя
Всё по полочкам сложила.
Все предметы назвала.
Род, Число, Падеж дала.

И усвоила Марина
Существительное Имя.
Ставят ей оценку «пять».
Тут всем нечего сказать!

г. Челябинск

Людмила Куковенкова

Таких минут мне мало иногда

Вкусно пахнет

Вкусно пахнет от булочек с шаньгами,
На столе мёд, творог, молоко,
И фартук белый у бабушки Сани,
Моё детство так быстро прошло...

У подъябника кружево тканое,
Блузка светлая, тельный платок,
Лоб покрыт, знать, казачка бывалая,
С тестом ладит не первый годок.

Так и хочется детством укутаться,
С головою уйти в этот мир,
В юбках бабушкиных вдруг запутаться,
Спрятав голову в шаль-кашемир.

Забыл давно

Увидев твой образ портретный,
Где туманом окутан куст,
Вдыхая дымок сигаретный,
Был красив ты, далёк и пуст.

Отчего мир такой суровый,
Но, а впрочем, не мне судить,
Губы сочные, стан хладнокровный,
Разве можно тебя любить.

Где жестокостью тело пропитано,
Руки грубые, взгляд колюч,
Мне тобою не жить... забыт давно,
Душу в омут не окунуть.

От обиды

Вы меня полечить не хотите,
Я с хандрою хожу целый день,
От обиды, что сердце разбито,
Душит гнев от завистливых стен.

Доктор, что же мне делать, скажите!
Всё скукожилось: сердце, душа,
Осудили... за что, ну простите,
За других и что нет ни гроша.

Понимаю... не лечат такое,
Ведь добро для таких — это Зло,
Лезут в душу, не зная покоя,
Плюнуть — время ещё не пришло!

Вот вам ребята!

В осеннем золоте берёзы утопают,
В лесу видны грибные бугорки,
Под мох запрятались, а может, отдыхают,
Обабки, грузди белые, сморчки.

Красноголовииков поляна расписная,
Ой, сколько их, и малых, и больших,
А там семья волнушек розовых смешная,
Вся в сарафанах, словно расписных.

Ну осень, тут карнавал сплошной опятами,
Давно столь не было лесных даров,
Природа расфасонилась: вот вам, ребята,
Корзины полные... каких грибов!

Парящая звезда

Парящая средь облаков звезда
В ночное небо залетела,
И голову вскружила красота,
И закутилось в танце тело.

Таких минут мне мало иногда,
Как жаль, что быстро повзрослела,
Где босоногой девочкой тогда
Бежала за звездой смело.

Над головой кружил мой листопад,
В котором вальс звучал несмело,
Когда тела от счастья так парят...
Как жаль, всё быстро пролетело.

Хранитель дома

Откололся кусочек счастья,
Закатился под стол,
Пусть лежит до больших ненастий,
Домовой чтоб нашёл.

Он его сбережёт, я знаю,
Мне подбросит в подол,
Карамель тихонько кусая,
Топнет ножкой, что ЗОЛ...

Я его искала так долго,
Огорчилась слегка,
Хорошо, что хранитель дома
Дружит с нами пока...

Радуга мостов

Радуга бывает разная:
Разноцветная, прекрасная,
Есть двойная, бесшабашная,
Коромыслом прямо с облаков.

Радуги любые классные,
И идут по ней бесстрашные,
Если в голове погода ясная,
Смотрят вдаль чарующих веков.

Хочется побыть немного радугой,
Чтоб людей хороших радовать,
Им раздать на счастье радости,
Чтобы было семь цветов.

Радуга бывает разная,
Лишь с дождём она прекрасная,
Теплая, всегда парящая,
Необыкновенная, звенящая...
(Мостиком от неба до лугов.)

г. Троицк

Ольга Кучерюк

Вот мечта почти сбылась

Душа открыта нараспашку

Душа открыта нараспашку,
Весь этот мир обнять хочу.
Я родилась, наверное, в рубашке.
Нутром я чую красоту!

А суета, вся эта спешка,
Она совсем не для меня.
Я постоять хочу немножко
И посмотреть на облака.

Пройтись по парку, замечая,
Как лист кружится над землей.
Как лес тихонько засыпает
Перед красавицей зимой.

Душа от счастья замирает,
Созерцающая молча красоту.
И в ней я словно растворяюсь.
Я просто ей живу, дышу...

Ничего что мы стали старше

Дай поглажу тебя ладонью
По седым твоим волосам.
Ничего, что мы стали старше,
Улыбнемся нашим годам.

Пролетели они как птицы,
Не вернутся уже никогда.
А время куда-то все мчится,
Нажать бы на тормоза.

Как жаль уходящие годы,
Что сделали нас мудрей.
Но скажем мы им: «Спасибо!»
За опыт и за друзей.

Ну и пусть на лице морщинки
И очки на носу.
Ничего, что мы стали старше,
Я на ушко тебе прошепчу...

Я приеду к маме

К маме в гости я приеду на денек.
В зимний вечер выйду на крыльцо.
Повяжу все тот же пуховый платок.
Снег идет, снежинки на лицо.

Кружатся, летят так не спеша,
Будто время замедлило свой ход.
Замерла от счастья вдруг душа,
Уж не верила, что ей так повезет.

И, как в детстве, я включу фонарь,
Словно в сказку снова попаду.
Снег блестит, а мне немного жаль
Те года уже я не верну.

Небо черное нависло надо мной
И все та же яркая звезда.
Прошепчу ей: «Я приехала домой».
Мама скажет: «Я тебя ждала...»

Старые письма

В ящике в столе
В старенькой тетрадке
Письма я храню,
Жизни отпечатки.

Столько лет прошло,
Но читаю вновь
Мамино письмо,
Где в словах любовь.

Взять бы написать
Ей сейчас ответ
На листке бумаги,
Как и в двадцать лет.

Отослать по почте,
Вспомнить адрес свой.
Как давно не пишем
Писем мы домой...

Самокат

Мне купили самокат.
Я подарку очень рад!
Выхожу во двор кататься.
Это нужно постараться,
Научиться разогнаться,
Чтобы в Ленку не влечься,
В мою старшую сестрицу.
А еще объехать Вовку,
Моего соседа Левку.
Не упасть с горы крутой.
Сам себе кричу я:
— Сто-о-ой!
Мало только колесить,
Научите тормозить!

Под мостом

Две лягушки под мостом
Поздним летним вечерком
Собрались дуэтом петь.
Только надо ведь уметь.

В один голос: «Ква-ква-ква,
Приглашаем вас, друзья.
Приходите нас послушать,
Чудо наши голоса».

Разбудили всех вокруг.
— Что за наглость, милый друг!
Спать уж всем давно пора,
А не слушать ваше «ква», —

Возмутился бегемот,
Выплывая из болот.
И пивка запищала:
— Слушать вас уже устала.

Уложила деток спать.
Тут вы начали орать.
Лучше уж давайте днем
Мы на ваш концерт придем.

— А сейчас попросим вас,
Прекратить весь этот джаз, —
Цапля вежливо сказала
И в болоте задремала.

А лягушки посидели,
Друг на друга поглядели
И сказали громко: «КВА-А-А!
Мы обиделись слегка».

Моя мечта

Мне приснился сон сегодня:
Полетел я на Луну.
И мерцали ярко звезды,
Набирал я высоту.
Выше, выше улетаю!
Вот мечта почти сбылась,
Только мама разбудила:
— Просыпайся в школу, Вася!

Веселые пяточки

Мама свинка
С папой свином
Погулять пошли.
Пока крепко спят в соломе
Все их малыши.

Наконец, уgomонились,
Выбились из сил.
Целый день они резвились:
Папа разрешил.

Нету слада с малышами,
Целых восемь штук.
Все похожи пяточками.
Раздается «хрюк» да «хрюк».

Стоит выпустить во двор,
Начинаются бега.
Разлетятся куры на забор,
Помочь просят петуха.

А петух и сам на днях
Пострадал от поросят.
Не лишился чуть хвоста,
Три пера теперь висят.

И корова, и коза,
И собака Шарик —
Все в стороночке стоят,
Гулять им не мешают.

Как набегаются вдоволь,
Будет тишина.
У корыта засыпают,
Хрюкая слегка.

Сразу двор весь оживает,
Пока банда спит.
— Только это ненадолго, —
Мама свинка говорит.

Только ночью под луной
Папа свин гуляет с мамою свиньей.

Я рисую паровоз

Я рисую паровоз.
Вот вагон и шесть колес.
Вот труба и дым идет.
Груз тяжелый он везет.

Но задумался всерьез,
Может, мало шесть колес?
Дорисую еще два,
Так быстрее пойдут дела.

Вот теперь другое дело.
Паровоз мой мчится смело.
Оставляя за собой
На странице дым густой.

Я считаю

Я сушки села посчитать.
Утром было двадцать пять.
А сейчас уже обед,
Не остался даже след.
Даже сушечки одной
Не осталось за душой.
Папа с братом чай попили
И подружки приходили
К маме с самого утра.
Ой, беда, беда, беда...
Что же мне теперь считать?
Чтоб учиться лишь на пять.
Вот еще конфеты есть.
Я их посчитаю.
Сколько влезет их в меня?
Я сейчас узнаю.

Галина Юрмашева

В них окунёшься, не будучи трусом,
Станет здоровье как железо калёное!

Минералом Ильменским дивился Аносов,
Булата мастер, оставил иностранцев с «носом»,
Сапфир, топаз, аквамарин и ильменит,
Последний даже очень знаменит.

Край мой уральский, родной и любимый,
Богатый, чудный, неповторимый!
Куда ни поеду, куда ни пойду,
Я лучшего места нигде не найду!

п. Дубровка, Красноармейский р-н

Чудеса Урала

Седой Урал, ты так могуч,
Вершинами хребтов ты достаёшь до туч,
И древностью Карандаш-горы
Мы поражаемся до сей поры.

Урал озёрным краем величают,
Об этом многие не понаслышке знают,
Зюраткуль, Ташкуль, Кисегач и Увильды —
Всё это жемчужины чистой воды.

Есть у нас даже озёра со вкусом:
Пресное, Сладкое, Горько-Солёное,

Татьяна Рубцова

Скорей бы утро наступило

В молчанье скорбном Керчь и вся страна

В молчанье скорбном Керчь и вся страна.
Глядят с портретов радостные лица,
А боль и горе матерей не передать,
Такое даже в страшном сне не снится.
И как смотреть на искалеченных детей?
Шли не в атаку, а учиться.
И что им в оправдание сказать?
Ведь это может снова повториться.
Террор — большая, очень хитрая игра.
По почерку с фашизмом схожа.
Продумана до мелкого штриха.
Под маской друга притаиться может.
Оценка извергам дана.
Верхам подумать хорошо придется,
Как защитить от гибели народ,
Не допустив повтора девяностых.
Как справиться с проклятою чумой?
Покой России только снится!
Идет жестокая и скрытая война
Под черным флагом террористов.

Заболела душа

Бьется ветер в окно,
Я сижу, как путник усталый,
А вокруг пустота.
Словно ночью темно
И внутри струну оборвало.

Застонала пурга.
Гонит мысли мои,
Снова к жизни меня возвращает.
Снегири на снегу разжигают костер.
А метель грусть-тоску замечает.

* * *

Затаила дыхание природа
Перед первым и крепким морозом.
И, ступая босыми ногами,
Уронила от холода слезы.

Крепко жмутся к друг другу березы,
Тихо бьется от стужи сердечко.
Под большим ледяным покрывалом
Тяжело задышала речка.

Беззаботно земля засыпает
Черной пашней от края до края,
А на яркие гроздья рябины
Прилетела синичек стая.

Зима — само очарованье!

Искрится снег хрустальным серебром.
Ажурным инеем украсило деревья.
И все сверкает сказочным огнем.

Прошла волшебною походкой.
Укрыла серые заборы и дворы.
Дома в богатых белоснежных шапках,
И мчатся санки с ледяной горы!

* * *

Кажется, что мир перевернулся.
Нет ничего святого на земле.
Делят храмы, бьют монахов.
Вот уже и Франция в огне.

Не щадят ни посоха, ни рясы.
У нацистов свой коварный план.
Неудобных приведут на плаху.
Всюду ложь, притворство и обман.

А с экранов правда все дороже.
И не жди хороших новостей.
Мы гуманны к братскому народу,
Только нам живется все трудней.

* * *

Лицемерье, ложь всегда в строю,
Добротой наивно питаются.
Им не страшен даже ад.
И чертям служить не постесняются.
Ловко сели на чужой хребет
Да при этом мило улыбаются.
Извиваются, как уж в огне,
И ни в чем, ползучие, не каются.

* * *

Мы на «ты» с цивилизацией.
Только в обществе раскол!
В современной интонации
Лишь угрозы и прокол!

Нам с экранов элегантные
Политологи кричат.
Все мозги уже запудрили.
Кто тут прав? Кто виноват?

Голова почти свинцовая,
Диалог не разберешь.
Что же вы такие умные!
Поднимается галдеж.

В спорах истина рождается.
И в итоге правды ждешь,
А в программах политических
Ералаш и выпендрож!

* * *

Облетела листва с березки.
Подошли осенние сроки.
На макушку дружно уселось
Воровское семейство сороки.

Словно в танце хвостом водили,
Громко спорили и трещали.
Может, что-то не поделили?
Или важный вопрос решали?

Получили наказ хороший.
На чужбину не улетели.
Нет дороже родного края
Да уральской снежной метели!

* * *

Россия-матушка, во всем ты виновата.
Лишь у Америки душа за мир болит.
Москва с огнем играет,
Продажная Европа вслух твердит.
Плетут сценарии враги и днем, и ночью,
Пытаются в ловушку заманить.
Но знайте, Ванька долго терпит,
Потом без слов начнет по морде бить.

* * *

Сегодня я поссорилась с подругой.
Она с обидой на меня ушла.
И в комнате вдруг пусто стало,
Как помириться? Я ищу слова.

Скорей бы утро наступило.
Надену валенки и шапку на ходу.
Я постучусь в знакомое окошко
И у тебя прощенья попрошу.

* * *

Снег пушистый тихо падает,
Засыпает двор и сад.
Снегири румяные-румяные,
Словно яблочки, висят.
Пылью снежной обсыпаются,
То и дело вниз снуют.
И, ныряя в шубку мягкую,
Дичку сладкую клюют.

* * *

Что ж ты, ветер,
Друг сердечный,
Не на шутку разгулялся.
Растрепал березкам косы,
А недавно в дружбе клялся.
Разогнал на речке волны,
Лодку на бок опрокинул.
Покуражился в сирени
И в кустах шуршащих сгинул.

с. Чесма

Владимир Серков

Деньки веселые заняты

Нас зимой не испугаешь.

Зима рада, чует волю,
Красит рошу и красит поле.
Холодочком награждает
Гулять раздетым запрещает.

Тротуар снежком покрылся,
А ветерок угомонился.
В небе солнце появилось,
Явление снега прекратилось.

Ноябрь зиму тренирует,
Погодой осени балует.
Научит волей управлять,
Начнет нам вьюгу посылать.

Нас, зима, не испугаешь,
Народ уральский — ты же знаешь.
Любить будем тебя строго,
Но чтобы снегу было много.

В свою должность поторопись,
Приди нормальной и не глумись.
Буран любезно уважай,
А с нами Новый год встречай.

* * *

— Пап, а ты герой? — спросил сынишка,
Я видел, про войну читал ты книжки.
Твой дед герой, сражался в Сталинграде,
За подвиги представлен он к награде.

Пап, как стать героем? Ведь нет войны.
Как патриотом стать моей страны?
Я у прадеда видел ордена,
Есть среди них и звездочка одна.

Я хочу иметь звезду такую
Как у прадеда — Славу Боевую.
В День Победы мундир он надевает,
Грудь его наградами сияет.

— Сын, героем можешь ты и не быть,
Но патриотом Родины обязан.
Должен верою Отечеству служить,
А подвиг твой внукам будет рассказан.

Нам не нужна убийственна война,
В России мирной много есть героев.
Родина твоя по-прежнему сильна,
Мы не допустим вражеских побоев.

Гордись с любовью старшим поколеньем,
И будь достоин Родины своей.
Мы рождены для мирных вдохновений,
Медали будут и на груди твоей.

Осеннее дыхание

Ушёл сентябрь, унёс красу.
Унёс очарование.
Унылый волк бродит в лесу,
Ждёт от зимы страдания.

Скрывает ветер лист с берёз.
Листопадное явление.
По утрам блестит мороз.
В душе поток волнения.

Лучи солнца ещё греют.
В октябре ждём «бабье лето».
Осень Урала всё умеет,
Пока теплом она согрета.

Ещё яблони в наряде,
Калина в яблонях стоит.
Клён зелёный в палисаде
На пожелтевший мир глядит.

Осеннее дыхание.
Деньки торопки в октябре.
Рассветы акварельные
Подарят свежесть на заре.

Зиму встретим в наслажденье,
Она устанет нам служить.
Найдём со снегом увлечение —
В лесу на лыжах с ним дружить.

Россия

Россия почтенная, сильная духом,
Нужная в мире богатством земли.
Непокорённая вражеским страхом,
В сражениях предки её сберегли.

Родина, властью законно священная,
Славься свободой и волей людей.
И братством, и дружбой обогащенная,
Достойных расти сынов, дочерей.

Россия возглавит удел превосходства,
Миру докажет храбрость страны,
Возвысит надежду, любовь, благородство.
Настаивать будет против войны.

Знамя России веет трёхцветием.
Символ великих народа побед.
Неуязвимое русским бессмертием,
Признано вечным на тысячи лет.

В нашей державе народ не унижить,
Она не утратит святость Руси.
Дальние страны в любви может сблизить,
Запомни, янк, это и не грози.

Порыв благородных стремлений велик.
Странам добра Россия желает.
Российский спокоен клятвенный лик,
А звёзды Кремля мирно сияют.

Девичник

Собрались после работы
Тайно женщины одни.
— Чем займёмся мы в субботу?
— Настали праздничные дни.

— Нужно съездить на природу —
Тут же сразу мотив возник.
— Дар использовать погоды,
Устроить девичий пикник.

Это будет наш девичник.
Соберёмся у реки.
Все свои и никто — лишний,
И чтоб не знали мужики.

На трёх машинах «жигули»
Вниз спустились на прохладу,
Разделись, речку перешли.
Ох, как затее они рады.

Смогли разжечь огонь костра,
Стол накрыли на полянке,
Расположились до утра,
Все готовые к гулянке.

Сели красавицы в кружок,
С вином фужеры зазвенели.
Стал громкогласный реки песок.
После третьей дамы запели.

За рекой идёт веселье.
Девичник женщин ввёл в азарт.
В сердцах поднялось вдохновенье,
Это начало, это лишь старт.

В реке омут, бегут купаться.
Были одеты ни во что.
В песке решили поваляться.
Не стеснялся из дам никто.

До утра ещё далёко.
Луна заставит танцевать.
Рассвет придет к реке с востока.
Продолжат дамы пировать.

Мужики с детьми устали,
Не знают, что им предпринять.
В ресторанах жён искали,
Боятся вслух что-то сказать.

Ночь у кострища провели,
Суетились с комарами,
Дружить с ними не смогли.
Быть ночью лучше с мужиками.

Узнали? Как без мужиков?
Непривычно, невыносимо.
Обойдётся без синяков.
Любовь к жёнам неизмерима.

* * *

Чудное время, цвет осенний,
Букет Урала из дивных гор.
«Бабье лето», чувство волнений
Поселок в раю меж озер.

Кудри осины, злато волос
Людей приятно восторгают.
Красота ненаглядных берез
Взор прощальный напрягает.

Деньки веселые заняты.
Природа радуется собою.
Ее творенье нам понятны.
Дорожит осень собою.

В лесу гулять, с ним объясняться,
Как в волшебной сказке трижды быть,
Окружением наслаждаться,
От всей души осень любить.

Осень имеет троих сестер.
Она последняя у года.
Угасает осени костер.
Придет зимняя погода.

Осень

В золотых узорах осень
Под крики белых журавлей
Нарядилась в яркий пламень,
Вновь справляет юбилей.

Осень.
От души тебя мы просим:
Уходить не торопись,
Нас очаруй и сохранись.

Собрала свои творенья —
Природы прелести — в букет
Простор радужный в озаренье
Приютила в жёлтый цвет.

Осень.
От души тебя мы просим:
Уходить не торопись,
Нас очаруй и сохранись.

Бабьим летом обновилась,
Распахнула красиво грудь,
А журавлям в след улыбнулась,
Проводила в добрый путь.

Осень.
От души тебя мы просим:
Уходить не торопись,
Нас очаруй и сохранись.

п. Межозёрный

Наталья Дубровина

Душой оставаясь ранимой

* * *

Как стадо овец,
Бегут облака,
Куда-то ветром гонимы.
И годы текут,
Месяцами шурша,
Как горная реченька — мимо.
И только утратив
Друзей и родных,
Душой оставаясь ранимой,
Ты вдруг понимаешь:
Частичку себя
Тебе подарили любимые.
Чтоб стала добрее,

Щедрее, мудрей,
Не ведала звона
Мещанских цепей.

* * *

Не сложилось счастье, не сложилось,
Что могло, все худшее свершилось.
Надоело быть душе на поводке,
Оказалось сердце на замке.
Не зови, не надо. Не зови!
Места в принужденье нет любви.
Жизнь прошла, как под худую крышею:
Речь текла... Друг друга мы не слышали.

п. Увельский

Фестиваль частушки

Татьяна Рубцова

Частушки

194

Граффити № 1(37) - 2019

*
Порошенко рвется к власти,
Да такое отмочил.
По Азову без согласия
Три кораблика пустил.

*
Им граница не помеха.
До моста рукой подать.
Только флот не дотянули?
Стали хлопцы убегать.

*
От охраны уходили,
Как смешные поплавки.
Чуть в штаны не наложили
Украинские сынки.

*
Вновь Россия виновата.
Путин — самый злейший враг.
Ковтун так раскипятился
И раскраснелся будто рак.

*
Украина чушь молотит.
Раздается шум и гам.
Вы же сами запросились,
Получили по зубам!

с. Чесма

Анатолий Чигинцев

Частушки

*
О любви поют, читают,
О любви романы пишут.
В небе звездочки мелькают
Расстоянья выше, ниже.

*
Голубок дополз до дому,
Кличет: — Детки, помогите!
А в ответ: — Ложись в солому,
Отдыхаем на Гаити.

*
Мне не надо объяснений:
Ты давно уже чужой.
Убери с пути колени,
Алкоголик дорогой.

*
Полюбила гармониста
За двухрядный перебор.
Ну а он, зараза, триста
Замахнул — и за забор.

с. Чесма

Рудковский М. С. *Жизнеречие: повести, рассказы, эссе* / ред. О. Н. Павлов. — Челябинск : ЧОПО ООО «Союз писателей России», 2016. 316 с. : ил.

Михаил Рудковский — член Союза писателей России, заместитель председателя Челябинского отделения СПР с 2013 года, сопредседатель областного литературного клуба «Светунец». И не подумаешь, что литература стала профессией Михаила Семёновича лишь в тот момент, когда он вышел на пенсию. До этого он работал врачом-хирургом, имеет учёную степень «кандидат медицинских наук».

Книга «Жизнеречие» — вторая в трилогии «Избранное», в неё вошла проза автора — повести и два десятка рассказов и эссе. Театр начинается с вешалки, а книга — с названия. И лучшего, чем «Жизнеречие», придумать невозможно. В этом слове читается не только «река жизни», но и «речь жизни», то есть вся судьба человека, облачённая в его поступки и высказывания.

Открывает сборник повесть «Все круги ада». *«Он понял, что здесь, в больнице, другой мир, другие законы и понятия. Здесь нет мужчин и женщин. Это мир страданий, боли и унижений. И чтобы гармонично вписаться в него, для того чтобы затем вырваться из лап этого страшного чудовища, надо признать его правила, надо выполнять их, не растрачивая силы на эмоции и возражения».*

Легко догадаться, что речь в повести идёт о больнице. Сразу бросается в глаза, что автор — на своей территории, поскольку прекрасно владеет медицинской терминологией (полиглюкин, ФГС, мелена, ЭХО-1 и другие названия процедур, недугов, техники) и врачебным сленгом. Например, в приёмном покое сидят не пациенты с подозрением на ту или иную болезнь — там ждут своей участи «аппендицит», «холецистит» и «кровоточащая язва».

Этой самой «язвой» является Иван Иванов — главный герой повести «Все круги ада». Ему эти круги только предстоит пройти. А вот люди, избравшие медицину своей профессией, проходят эту «процедуру» изо дня в день: то электричество неожиданно отключат (простаивает дорогостоящая аппаратура!), то какой-то умник решил разморозить холодильник (где теперь взять пакеты со льдом для больных?), то пожар, то бандитские разборки. Да, размеренное начало повести прерывается настоящей детективной сценой: в приёмный покой врываются криминальные личности. Они ищут какую-то жертву. В результате — стрельба, заложники, погоня. Не очень ясно, зачем повести потребовалось это ответвление, ведь впоследствии оно почти не имело продолжения. Какие-то намёки на дальнейшую возможность «разборок» тут и там разбросаны по страницам, но детектив так и не стал серьёзной сюжетной линией.

Когда Иванов лежит в реанимации, то перед его глазами, наслаиваясь одна на другую, чередуются реальные сцены и какие-то галлюцинации или фантазии. Эта часть повести написана безупречно, и здесь можно даже говорить о влиянии на прозу Михаила Рудковского латиноамериканского магического реализма.

В больничной жизни Иванова очень много интересных наблюдений и сочных деталей. *«Из клюва крана в раковину медленно и равномерно падали капли воды с таким звуком, что можно было подумать, что это капает расплавленный металл».* В сюжет вплетены и некоторые «личные дела» второстепенных героев, например, короткая и пронзительная история медсестры Клавдии. Но иногда автор увлекается живописью и переходит на клише: покрыть с ног до головы поцелуями; её глаза заискрились и засмеялись; вечер, наполненный таинственными лесными звуками и ароматами; женская красота, перед которой меркнут все красоты мира и чудеса света.

Повесть имеет как бы два финала: трагический (в Австралии в автокатастрофе гибнет дочь главного героя) и оптимистический (у Иванова обнаружили рак желудка, но диагноз, к счастью, не подтвердился). Читатель расстроен и обнадёжен одновременно — добиться такого эффекта по плечу только мастеру слова.

Рассказы сборника можно поделить на три условные сюжетные группы: воспоминания о детстве, туризм, студенческие и врачебные будни. Почти во всех текстах переплетаются юмористические и драматические мотивы. Смешное и грустное (иногда — трагическое) всегда идут рядом.

Рассказ «Жизнеречие» — это воспоминания о сплавах по разным рекам. Река Ай подарила герою отчаянное, на грани потери разума, чувство к женщине. Была единственная

ночь, после которой не осталось ни адреса, ни телефона. На реке Зилим произошло непредвиденное: туристы несли катамараны на руках по берегу, а не сплавлялись на них. Река Катуй запомнилась отдыхом с баней и шашлыками из оленины. Во время сплава по реке Фролихе в лагерь из тайги пришёл медведь.

Книгу заканчивает повесть «История болезни с диагнозом “любовь”». В ней рассказывается история жизни Кирилла Кружинского и его предков, перетасованная с подлинными (!) письмами с фронта участника Великой Отечественной войны Евгения Блажкина. В основном эти письма состоят из трогательных и наивных стихов: *«Если б мог я летать, словно птица, / Я к тебе бы сейчас прилетел, / Целовал бы глаза и ресницы, / Тебя нежно обнять захотел»*. Письма — сами по себе уникальный документ эпохи. Читателя не оставляет ощущение, что две части (эпистолярная и повествовательная) сшиты искусственно, что нет цельности высказывания. В то же время нельзя не отметить решимость Михаила Рудковского осваивать новые для себя формы, он смело идёт на «скрещивание» документа и вымысла.

Люди, живущие по берегам виртуальной реки, будут приветствовать тебя или отворачиваться, а некоторые даже попытаются остановить твою лодку, оборвать сплав по ЖИЗНЕРЕЧИЮ. Но, к счастью, это никому не дано. Разве что ты сам остановишься на миг, но потом обязательно возобновишь движение.

Гагаринов А. Каток : роман. — Челябинск : Цицера, 2018. — 90 с.

Книга Анатолия Гагаринова «Каток» открывается небольшим обращением, которое, вероятно, должно установить доверительные отношения между читателем и автором. Но эффект получается обратным. *«Круг читателей Анатолия Владимировича — это люди с настоящей человеческой пробой, которые иногда делают ошибки, но никогда не поддаются духу подлости и стяжательства»*. Ну да, а читатели других книг — это что, подлецы и стяжатели? Странное, словом, заявление, которое сразу ставит невидимый барьер между тем, кто книгу написал, и тем, кто взял её в руки.

Итак, Иван Кандалов работает на строительстве Троицкого тракта. Он хозяин большого оранжевого катка, за которого настолько болит душа, что Иван иногда остаётся со своим «питомцем» на ночь. Как не уважать такого героя: он ведь не просто механически выполняет свои обязанности, а относится к дорожной технике как к живому существу? Но тут кое-что происходит: на одной из ночёвок Ивану приходится вступить в драку с тремя местными парнями. Он побеждает в сражении, но празднует свой успех своеобразно: насилует сопровождавшую отморозков девушку Франческу. То есть герой на первых же страницах предстаёт перед нами и в привлекательном, и в тошнотворном воплощениях.

Герой романа Иван Кандалов успевает побывать и грузчиком в молочном магазине, и бизнесменом, и трудником в монастыре, и подследственным, и почти большим начальником, но неоднозначность и даже противоречивость его поступков и помыслов всегда будут при нём. Пожалуй, это хорошо, поскольку перед нами живой человек, а не искусственная конструкция.

На примере классической русской литературы мы привыкли к тому, что поступки героев как бы вытекают из характеров и предложенных обстоятельств, то есть являются мотивированными. Кандалов же запросто может полоснуть ножом старого товарища (и даже наставника), а может легко разоткровенничаться с пьяным незнакомцем в парке. Авторский приоритет — динамика и прямая речь, а психологизм и описания характеров остаются на втором плане. Но в этом есть и плюс: главный герой получился не плоским, не вырезанным из картона, а мятущимся, сомневающимся, страждущим.

Всё это относится и к второстепенным персонажам — Трубачу, Лосю, Гвоздю и другим. Они не становятся колоритными героями, в них легко запутаться, потому что автор лишь пунктирно обозначает их психологические и речевые характеристики. Та же легкомысленная Франческа за пять страниц текста успевает побывать в постели у троих героев. Так, наверное, бывает и в жизни. Но, согласитесь, мало поместить девушку в очередную кровать, надо рассказать читателю, почему она так себя ведёт.

Несколько настораживает, что большинство героев романа заняты декламацией длинных монологов о философии жизни. *«Любое явление, чтобы стать заметным, гипертрофируется. И благо, и мразь должны проявить себя настолько, чтобы стать очевидными для общественного мнения. Возьмём, например, свободу, которой нам так не хватало в тоталитарном обществе»*, — говорит настройщик пианино, оказавшийся с Иваном в одной больничной палате. А преподавателя труда (тоже один из второстепенных персонажей) автор наделил, как представляется, собственным взглядом на взаимоотношения человека и веры. *«Я понял, что в нас и над нами что-то есть, что заставляет нас жить по совести,*

какой-то генетический закон, который невозможно изложить словами, и чем меньше слов, тем ближе к сути». Но это только отрывки. В тексте романа монологи значительно длиннее. Это, думается, минус: вряд ли мы склонны в одном высказывании поведать собеседнику и миру всё, что накопили в своих мозгах и своём сердце.

Жизнь главного героя обрывается в последнем абзаце романа. Это так неожиданно, что какое-то время читатель приходит в себя. А потом жалеет погибшего от пули Ивана Кандалова и понимает, что успел полюбить этого прямолинейного и хитрого, неуступчивого и душевного героя. Значит, автор работал не зря. В его адрес надо сказать ещё несколько добрых слов. Эффект обмана читательского ожидания не редкость в прозе. Но к последней странице «Катка» у нас уже нет никаких предчувствий поворота сюжета. Кажется, что герой если не обрёл, то вот-вот обретёт своё счастье. В это время выстрел обрывает жизнь Кандалова. Сразу же вспоминается концепция «трагической иронии» — направление в литературе и искусстве, когда произведение с первых страниц ведёт героя к гибели. В той или иной форме читатели уведомлены об этом. А герой строит свою судьбу, не зная трагического финала. Но в случае с «Катком» подобный исход, уверен, не мог просчитать ни один из нас.

Роман населяют люди с криминальным или околокриминальным прошлым и настоящим. И автор показывает, что отлично владеет этим непростым материалом:

Слушай сюда, пролетарий, примнёшь мне асфальт под самую стеночку, иначе я тебя сам в эту парковочку закатаю. Бабло получишь сразу, плачу капустой, мы с Меремой договорились, ему сам отстегнёшь. И не вздумай бухать — подавишься.

г. Челябинск

Николай Иванович,
с большим уважением отношусь к Вам и Вашему творчеству.
Недавно мне прислали перевод на украинский язык одного из Ваших стихотворений.
Возможно, Вам будет интересно.

Тамара Шаталина
с. Кичигино

Николай Година

* * *

Обломали радость и по ветке
Растащили радость кто куда.
Птицы удивительной расцветки
С криком разлетелись навсегда.

Погрустим, поплачем — жизнь сурова.
Отойдём — не всё же горевать.
Прикопаем саженец и снова
Терпеливо будем поливать.

* * *

Щастя вже по гилці обломали,
Розтягнули радюють хто куди.
Птахи дивовижні поспівали
Й з криком розлетілись назавжди.

Ми поплачемо — життя суроре.
Відідемо — нам не завше сумувать.
Прикопаєм саджанець і знову
Будемо терпляче поливать.

Перевод на украинский Пётра Скорука

Винница, Украина

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 1(37)/2019

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 25.02.2019 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 16,25.

Заказ № 36.

Тираж 160 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.